

450396

К. А. АНТОНОВА

АНГЛИЙСКОЕ
ЗАВОЕВАНИЕ

ИНДИИ

В XVIII ВЕКЕ.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

К. А. АНТОНОВ

АНГЛИЙСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ ИНДИИ

в XVIII веке

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва 1958

В книге в популярной форме излагаются политические события в Индии XVIII в. и характеризуется экономическое положение страны, рассказывается история проникновения в Индию португальцев, голландцев, французов и англичан, показано, как и почему Англия смогла превратить Индию в свою колонию. Особое внимание уделено положению народных масс и их борьбе против английских завоевателей.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Ответственный редактор
А. М. ОСИПОВ

ГЛАВА I

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ИНДИИ В СЕРЕДИНЕ XVIII в.

В середине XVIII в. на обширной территории Индии обитало много народов различного этнического происхождения, говоривших на разных языках и разделявшихся по вероисповеданию в основном на две большие группы — индусов и мусульман. В Индии в то время было не одно государство, а ряд государственных образований, границы которых не были прочно установленными, а то и дело менялись в результате военных столкновений.

Самым большим государством в Индии в XVIII в. номинально оставалась Могольская империя. Ее основателем был Бабур, молодой правитель Ферганы, потомок Тимура. Изгнанный из Средней Азии узбеками, пришедшими из-под Тобола во главе с Шейбани-ханом, Бабур с немногими друзьями и слугами бежал в Кабул, правителем которого он стал в 1504 г. Однако роль владельца небольшой горной страны не удовлетворяла его. Бабур стремится овладеть плодородной обширной и густонаселенной Индией. Он совершил несколько удачных походов на Индию, каждый раз возвращаясь в Кабул с богатой добычей, и наконец решил окончательно укрепиться в Северной Индии и сделать ее центром своих владений.

В двух решающих битвах Бабур разбил своих индийских противников — мусульманских правителей Дели при Панипате в апреле 1526 г. и раджпутских князей при Сикри в марте 1527 г. Затем он основал на севере

Индии государство, известное под названием Могольской империи. Тем своим афганским восначальникам, которые решили остаться в Индии, Бабур роздал земли в джагир (вид условного пожалования). Поселившиеся в Индии завоеватели-пришельцы сохранили религию ислама, признанную государственной в Могольской империи, а государственным языком сделали фарси, чуждый индийскому населению. Однако потомки этих завоевателей, став господствующей прослойкой класса феодалов в Индии, постепенно переняли индийский образ жизни, индийские обычаи и ассимилировались с коренным населением страны.

Внук Бабур — Акбар, правивший с 1556 по 1605 г., расширил и укрепил Могольскую империю. При Акбаре территория империи охватывала всю Северную Индию, включая Кабул (нынешний Афганистан), Кашмир, Бенгалию и часть Декана до реки Годавари на юге. Преемники Акбара вели в течение всего XVII в. непрерывные войны, стремясь покорить юг страны, где после падения могущества империи Виджаянагар в 1565 г. наиболее крупными государствами были пять султанатов: Биджапур, Бидар, Ахмаднагар, Берар и Голконда. От империи Виджаянагар осталось небольшое одноименное княжество со столицей Пенуконда и на крайнем юге — княжество Мадур. Кроме того, на юге Индии было множество мелких независимых или же вассальных князей-палайяккаров, т. е. владельцев «палайяма» — земельного пожалования. Впоследствии англичане исказили слово «палайяккар» в «политар», и в этой форме оно стало известно европейцам.

Наибольшего размера Могольская империя достигла в 1658—1707 гг. при Аурангзебе, правнучке Акбара.

В Могольской империи большую роль играла государственная собственность на землю. Все завоеванные земли поступали в государственный земельный фонд, и крестьянство было обязано платить казне установленную земельную ренту-налог. Однако казна сама собирала земельный налог лишь с небольшой части территории. Основная часть земель раздавалась в джагир. Джагирдар (владелец джагира) собирал в свою пользу установленный государственный земельный налог, а за это должен был нанимать и оплачивать определенный кои-

тингент войск, главным образом всадников, соответственно тому чину и джагиру, который он получал. Армия Могольской империи состояла в основном из этих отрядов. По первому требованию государя джагирдары обязаны были выставить в поле свои отряды и сами вести их в бой. Джагирдар в своем джагире имел только право сбора налогов, а самый размер земельного налога и методы сбора определяло государство. Конечно, джагирдары не удовлетворялись установленной суммой и облагали крестьян дополнительными поборами. Эти лоборы (абвабы) считались незаконными, и правители Могольской империи неоднократно издавали указы об их запрещении.

Джагир не передавался по наследству и даже не был пожизненным владением. Могольское налоговое ведомство при повышении джагирдара в чине могло предложить ему больший джагир в другой местности. По смерти джагирдара не только джагир, но нередко и движимое имущество отбирались в казну.

Джагиры в Могольской империи были основным видом феодалного землевладения; кроме того, в государстве существовало много так называемых заминдарских земельных владений. Во времена Акбара заминдарами чазывались мелкие вассальные феодалы, платившие в казну определенную ежегодную дань и распоряжавшиеся по своему усмотрению наследственными землями и сбором податей на них. Как правило, заминдар не был обязан выставлять отряд. Лишь в исключительных случаях правитель Могольской империи требовал военной службы от заминдара, который тогда возглавлял не наемные силы, а ополчение из своих подданных (главным образом пехоту).

В заминдарских владениях обширные земли принадлежали храмам. Храмы обычно сами устанавливали и собирали в свою пользу земельный налог. Кроме того, правитель Могольской империи раздавал мечетям и мусульманским «святым наставникам» участки земли в наследственное свободное от налогов владение (называемое чаще всего «суюргал» или «инам»), но этого рода земли составляли к концу XVI в. всего около 4% всех обрабатываемых земель Могольской империи.

При Акбаре земли были поделены между 450 круп-

нейшими джагирдарами, носившими титул эмира, почти 1400 более мелкими феодалами, чином ниже «двухсотника», и заминдарами, число которых нам неизвестно. При преемниках Акбара число феодалов увеличилось. Кроме того, нуждаясь в средствах на содержание больших армий для завоевания Южной Индии и для походов на Кандагар, Балх и Бадахшан, которые принимались для расширения границ государства, правители Могольской империи стали фактически отдавать джагиры на откуп. От джагирдара, получившего джагир на откуп, требовалось содержать меньшие наемные отряды всадников и уплатить в казну одновременно крупную сумму. При этом джагирдар надеялся собрать впоследствии значительно больше со своих крестьян. По мере того как Могольская империя слабела, казна все чаще испытывала недостаток в деньгах. Джагиры отдавали на откуп на все более короткие сроки. Рассказывают даже анекдот, что в начале XVIII в. один джагирдар, только что взявший на откуп новое владение, ехал туда, сидя лицом к хвосту своего слона, чтобы увидеть нового откупщика, который будет прислан ему на смену. Конечно, откупщик, только короткое время владевший той или иной местностью, стремился взять как можно больше с крестьян, не считаясь с тем, что своему преемнику он оставлял разоренное население и заброшенные земли.

В противовес тенденции центральной власти к сокращению срока откупа крупные джагирдары стремились, и иногда небезуспешно, сделать свои владения наследственными. Таким образом, разница между джагиром и владением заминдара стала постепенно уменьшаться.

Разорение крестьян, основной производящей силы, поднимаемые ими восстания и бунты феодалов — все это вело к ослаблению Могольской империи. Так как она была самым крупным государством в Индии, охватывавшим к началу XVIII в. почти всю территорию страны, за исключением крайнего юга, ослабление и развал Могольской империи определяли всю политическую ситуацию в Индии.

Правда, в конце XVII в. Могольская империя, просуществовав 150 лет, казалась еще могущественной и не-

сокрушимой. О ее богатстве ходили на Западе легенды. Царское посольство в Индию, выехавшее в Дели из Москвы в 1675 г., должно было предложить предоставить Москве заем на 1—3 тыс. пудов серебра и драгоценных камней, причем «указанное число пудов и камня вывозить во все годы без всякой перемены, без урывку»¹. Такая просьба русского царя могла быть основана только на слухах о сказочных богатствах Могольской империи.

Между тем внимательные наблюдатели уже тогда отмечали некоторые обстоятельства, приведшие к распаду Могольской империи в XVIII в. Бернье, французский врач при дворе Аурангзеба, отметил военную слабость Могольского государства: «Созерцая эти армии,двигающиеся без надлежащего порядка, подобно стаду баранов, я часто думал, что, если бы в этих странах появилось всего лишь двадцать пять тысяч человек из старых войск Фландрии под начальством принца Конде или господина де Тюренна, они, несомненно, опрокинули бы все эти армии, несмотря на всю их многочисленность»². Эта военная слабость была отражением неотвратимых экономических процессов. Тот же Бернье описывал тяжелое положение крестьянства³, бесправие ремесленников⁴ и восстания целых народностей против гнета феодалов и против религиозных гонений Аурангзеба на индусов.

¹ Д. Кобеко, *Наказ царя Алексея Михайловича Михмету Псуну Ласичову, посланному в 1675 г. к Великому Моголу Аурангзебу*, СПб., 1884, стр. 10—11.

² Ф. Бернье, *История последних политических переворотов в государстве Великого Могола*, М.—Л., 1936, стр. 90.

³ «...Эта тирания часто переходит всякие границы, отнимает у крестьян и ремесленников все необходимое для жизни, так что они умирают от голода и нищеты... Бывает, что они покидают землю... бегут, куда только могут... Земли обрабатываются почти исключительно из-под палки, а следовательно очень плохо, многие остаются и делаются совершенно непригодными, так как не находится никого, кто мог бы и хотел нести расходы по содержанию в порядке канав и каналов...» (там же, стр. 202).

⁴ «...Рабочих здесь (в Дели. — К. А.) презирают, с ними обращаются грубо, хотя и имеют все по непомерно дешевой цене. Если какому-нибудь эмиру или манзебару требуют услуги ремесленника, то он посылает за ним на базар и потом платит, сколько ему заблагорассудится; ремесленник должен еще благословлять свою судьбу» (там же, стр. 224).

В борьбе за захват Южной Индии армии Могольской империи столкнулись с сопротивлением не только отдельных княжеств и мелких владетелей. На борьбу с могольскими завоевателями поднялись целые народы, в первую очередь маратхи.

Страна маратхов, Махараштра, находится на северо-западе Декана, на северных отрогах Западных Гхатов. Крестьянам-горцам приходилось вести тяжелую борьбу с природой, возделывая узкие долины и проводя оросительные каналы от быстрых горных речек. Через Махараштру пролегали торговые пути из Декана к Малабарскому побережью. Замкнутость деревенской жизни маратхов была к середине XVII в. нарушена. В XVII в. в Махараштре довольно интенсивно проходил процесс феодализации, выделился ряд мелких маратхских феодалов, которые признавали себя вассалами то Биджапура, то Ахмаднагара. Воинственная маратхская крестьянская молодежь нередко бросала скудные земли своих предков и нанималась в отряды под руководством своего феодала на службу к тому из южноиндийских государств, которое было готово их оплачивать. Вольтер писал о маратхах того периода: «Они являются швейцарцами Индии, столь же воинственны, менее цивилизованны, но более многочисленны и тем самым более опасны. Князья, которые часто ведут войны между собой, покупают их помощь, платят им и боятся их»⁵.

Одним из мелких маратхских феодалов, нанимавшихся на службу к соседним правителям, был Шиваджи. Он получал земельные владения за военную службу то от Биджапура, то от Ахмаднагара. Завоевав силой оружия и хитростью ряд крепостей, Шиваджи стал выступать самостоятельно, отказываясь подчиняться и Биджапуру и Ахмаднагару. В это время могольская армия, ведя войну с Биджапуром, стремилась овладеть Махараштрой. Шиваджи возглавил борьбу маратхов против могольских завоевателей и в 1674 г. основал свое независимое маратхское государство. Мощь маратхов росла, по мере того как падало могущество моголов.

В то время как в Южной Индии окрепло государство

⁵ Voltaire, *Précis du siècle de Louis XV* («Oeuvres complètes du Voltaire», vol. I, Paris, 1827), p. 1662.

маратхов, в Северной Индии в конце XVII — начале XVIII в. окончательно сложилось государство сикхов. Небольшая религиозная община сикхов, к которой принадлежали главным образом торговцы и ремесленники, проповедовавшие сектантские идеи равенства всех перед богом, постепенно крепла и расширялась. По мере того как к ней стали присоединяться крестьянские слои, она выросла в государство, ставшее во главе антифеодальной борьбы в Пенджабе. Первое гонение на сикхов произошло после смерти Акбара, когда гуру (духовный наставник, глава сикхов) Арджун поддержал восстание внука Акбара, Хусру, против его отца Джахангира. Джахангир подавил восстание и заточил Арджуна в тюрьму, где он и умер. Этот факт послужил толчком к усилению антифеодальной борьбы сикхов, принявшей впоследствии характер вооруженного сопротивления моголам. Возникла сикхская армия, неоднократно одерживавшая победы над могольскими войсками. Она управляла значительными территориями в Пенджабе.

Таким образом, распад Могольской империи означал не только ослабление центральной власти в Индии. Он имел также положительное значение: на месте огромной феодальной империи, чрезвычайно разнородной по этническому, религиозному, кастовому и лингвистическому составу населения, стали возникать новые феодальные государства, обычно создававшиеся на базе одного народа, а тем самым более стойкие и жизнеспособные. Образование государства маратхов на юго-западе Индии и государства сикхов в Пенджабе внесло новую струю в политическую жизнь Индии и одновременно способствовало дальнейшему распаду Могольской империи.

Захватническая политика Могольской империи наталкивалась на растущее сопротивление народов как на юге Индии, так и у ее северных границ. Многолетние военные кампании Аурангзеба на юге (в Декане) и на севере (в Афганистане и Балхе) требовали огромных средств. Увеличивались поборы с крестьян. Кроме того, феодалы состязались друг с другом в роскоши, строили мраморные дворцы на месте многолетних стоянок военных лагерей. Армии в несколько сот тысяч человек проходили по стране и, как саранча, уничтожали все на

своим путем. Все чаще в разных областях Индии свирепствовал голод.

Смерть Аурангзеба послужила сигналом к усилению междоусобной борьбы феодалов за свою долю во все уменьшавшихся доходах. Центральная власть не могла предотвратить отпадения наиболее важных окраинных областей. Раздираемая противоречиями, Могольская империя стала заманчивой добычей для иноземного захватчика. Нашествие Надир-шаха персидского в 1739 г. и разграбление им Дели поставили, по словам Маркса, Могольскую империю на край гибели⁶. Позднее походы Ахмад-шаха, первого независимого правителя средневекового Афганистана, еще больше увеличили разруху на севере Индии. За период 1750—1758 гг. Ахмад-шах подчинил себе весь Пенджаб, а также Кашмир и Синд. Как только он вернулся в свою столицу Кабул, сикхи восстали против него и овладели Пенджабом. Лишь при следующем походе Ахмад-шаху снова удалось подчинить себе север Индии.

В то время как на севере шла вооруженная борьба сикхов с афганцами, с юга на Дели надвинулось войско маратхов. В середине XVIII в. маратхи были в расцвете своего могущества. Помимо Махараштры, они владели непосредственно или в качестве сюзеренов почти всей территорией Малвы (Центральная Индия), а со многих других областей Могольской империи взымали дань в виде чоутха, т. е. $\frac{1}{4}$ государственного земельного налога, а иногда и сардешмукхи, составлявшей еще $\frac{1}{10}$ налога. Правители Могольской империи были бессильны оградить свои земли от набегов маратхов и вынуждены были давать им фирманы на сбор чоутха и сардешмукхи, узаконивая тем самым действия маратхских армий.

Центральные территории Могольской империи превратились в арену борьбы вражеских войск. Самыми могущественными силами в Индии в то время были афганцы и маратхи. Их столкновение было неминуемым, и произошло оно около Дели в битве при Панипате в 1761 г. Маратхи были разбиты наголову. Лучшие маратхские полководцы погибли на поле боя. Однако Ах-

⁶ К. Маркс, *Хронологические выписки по истории Индии (664—1858 гг.)*, 1947, стр. 47.

мад-шаху победа далась с трудом, и он вынужден был уйти в Афганистан, чтобы пополнить свое сильно поредевшее войско. Внутренние афганские дела задержали его на родине, а вскоре феодальные раздоры после его смерти положили конец афганским нашествиям на Индию. Немедленно после увода из Индии армии Ахмад-шаха сикхи вновь изгнали афганские гарнизоны из Пенджаба и вскоре после этого создали свое независимое государство.

В результате всех этих событий в политической жизни Индии к середине XVIII в. на первый план выдвинулся не север, а юг, не Индостан, а Декан. Город Дели все еще формально считался столицей Могольской империи, но фактически весь север стал разоренной, нищей областью, ареной столкновений враждовавших феодальных группировок. Нуждаясь в средствах, правители отдавали земли на откуп все чаще и на более короткие сроки. Джагирдары «менялись с удивительной быстротой. Вряд ли одно из пожалований Наджиб-хана (главного сановника Делийского двора.— К. А.), дарованных после Панипата, сохранилось через 40 лет»⁷. В 1780 — 1783 гг. английский художник Уильям Ходжес объехал значительную часть Индостана и всюду отмечал голод и разорение. Вокруг Агры «все — пустыня и молчание», между Агрой и Гвалиуром «в стране не видно ни малейшего следа земледелия, даже ни единой хижины». Столица империи, Дели, лежала в развалинах. Сквозь мраморные плиты дворцов росла трава, ползучие растения обвивали колонны и фонтаны. К югу пространство «покрыто остатками обширных садов, павильонов, мечетей и рынков, запущенных и лежащих в руинах. Окрестности этого некогда блестящего и славного города теперь представляют собой лишь бесформенную кучу развалин, и вся страна вокруг столь же заброшена»⁸.

Сам Великий Могол не только являлся марионеткой в руках различных придворных клик, но и попадал в плен то к рохилтам, то к маратхам, фактически правившим в Дели от имени своего пленника. Несколько

⁷ P. Spear, *The twilight of the Moghuls. Studies in the late Moghul Delhi*, Cambridge, 1951, p. 126.

⁸ W. Hodges, *Travels in India during the years 1780, 1781, 1782, 1783*, 2 ed., London, 1794, p. 121, 133.

позднее Уоррен Хейстингс (Гастингс), первый английский генерал-губернатор Бенгалии, презрительно называл Великого Могола «королем лохмотьев и заплат», а Эдмунд Бёрк, главный обвинитель на процессе Хейстингса, говорил о могольском правителе: «Этот несчастный король — беглец, гонимый с места на место, то император, то узник. За него возносят моления в каждой мечети, в которой строят козни против его власти; его имя чеканится на тех монетах, за которые его продают». Эти характеристики весьма ярко и точно описывают положение правителя Могольской империи, некогда одного из самых могущественных государей Востока.

В результате ослабления центральной власти в Могольской империи от нее отпал ряд окраинных областей, ставших независимыми государствами. Отделение провинций происходило без вооруженной борьбы. Государственный строй в таких областях по существу не изменялся, только часть огромной империи превращалась в относительно небольшое, самостоятельное княжество.

Однако были и другие государства, образовавшиеся в результате многолетней борьбы некоторых народов Индии против могольского ига. Такие государства были более сильными, и формы феодализма, развивавшиеся в них, были несколько иными, чем в Могольской Индии.

Распад Могольской империи явился следствием чрезмерного усиления феодальной эксплуатации и разорения крестьянства (основной производительной силы в стране), но гибель империи не означала крушения феодального общественного строя в Индии. На месте Могольской державы в течение XVII—XVIII вв. возникали и развивались новые феодальные государства, оказавшиеся настолько жизнестойкими, что смогли длительное время сопротивляться нападениям даже такого серьезного противника, как англичане. Это показывает, что силы феодального строя и его способность к дальнейшему развитию в Индии XVIII в. еще не были исчерпаны.

Типичными государствами, образованными бывшими наместниками Могольской империи, превратившими вверенные им области в самостоятельные княжества, были Хайдарабад на юге Индии и Ауд на востоке. Они (особенно Хайдарабад) не отличались ни языковым, ни

даже религиозным единством и в формах государственного управления являлись сколком Могольской империи, не выдвигая ни в своей политической, ни в экономической жизни никаких новых норм. В этих двух государствах проявились все пороки их прототипа: развал аппарата управления; широко развитый откуп налогов, разорявший страну и мало дававший казне; небоеспособность армии, состоявшей из наемных отрядов отдельных военачальников. Несмотря на сравнительно крупные размеры их территорий, оба эти княжества оказались слабыми в военном отношении и вообще маложизнеспособными.

Первым наместником Ауда, стремившимся к отделению от империи, был Саадат-хан, выходец из Персии, один из тех военачальников, которые в те времена, полные тревожений и неожиданных поворотов судьбы, при удаче легко начинали играть важную роль в политической жизни Индии. Выдвинувшись в боях и став джагирдаром Могольской империи, Саадат-хан неоднократно менял хозяина, каждый раз выторговывая себе новые доходы и почести. После смерти Саадат-хана в 1739 г. ему наследовал его зять Сафдар Джанг, который окончательно укрепился как независимый правитель. В 1747 г. он осадил Дели и вынудил Великого Могола дать ему титул визиря империи и предоставить наследственное право управлять в качестве субадара (наместника области) Аудом и Аллахабадом. Шуджа-уд-доула, его сын, наследовавший субадарство Ауда после смерти отца в 1754 г., считал себя уже вполне независимым монархом. Он стремился расширить свои владения на север и с этой целью неоднократно вторгался в Рохилкханд, богатую область, населенную афганскими племенами рохиллов, поселившихся в Индии, по преданию, в 1673 г. и сохранивших в значительной степени черты родового быта. Равнина Рохилкханда была весьма плодородной и находилась в непосредственной близости от крупнейших центров Могольской империи — Дели и Агры. Крестьяне Рохилкханда выращивали многие сорта зерновых, а также интенсивные культуры — сахарный тростник и табак. К середине XVIII в. Рохилкханд вел крупную торговлю с севером, вывозя зерно, табак, сахар и грубые ткани и ввозя из Кашмира шерсть.

и шали, а из Пенджаба, Кабула и Кандагара — верблюдов, мулов, лошадей, медь, железо и свинец. В стране рохиллов выросли крупные города — Шахабад, Мурадабад, Барсейли, Самбхал и Балаон. Единой центральной власти в Рохилкханде не существовало, а было шесть враждовавших между собой княжеств, из которых выделялись княжества старого Наджиб-уд-доулы, крупного сановника при дворе Великого Могола, помогавшего афганцам в Панипатской битве, и княжество Хафиз Рахмата, дважды отбивавшего вторжения войск Ауда в Рохилкханд⁹. Взаимные раздоры рохиллов ослабляли страну, однако храбрость и воинственность их отрядов не позволяли правителю Ауда надеяться на победу одной своей армии. При нападении на Рохилкханд в 1751 г. он прибег к помощи маратхов, которым обещал за это право взимания дани со значительной части отвоеванной у рохиллов территории. В 1774 г. Шуджа-уддин получил для борьбы с рохиллами от Хейстингса большой отряд английских войск.

Образование самостоятельного княжества Хайдарабад напоминало возникновение княжества Ауд. Чин Клич-хан, такой же военачальник-авантюрист как Саадат-хан Аудский, получил в Могольской империи почести и джагиры и титулы Асаф Джах и Низам-ул-Мульк (устроитель государства), отчего его преемники (правители Хайдарабада) все назывались низамами. В 1722 г. он был назначен наместником Декана, а в 1724 г. объявил себя самостоятельным правителем Декана (со столицей в г. Хайдарабаде). В княжестве Хайдарабад наблюдались все пороки Могольской империи: раздача областей в джагиры, раздоры феодалов, переходящие в вооруженные столкновения, отдача сбора налогов в откуп, управление, при котором крестьян нещадно грабили, а в казну поступала лишь незначительная часть выжатых у них налогов. Огромная наемная армия низама, состоявшая в основном из недисциплинированной конницы, разоряла те области, по которым она проходила, но в серьезном сражении часто обращалась в бегство. Правитель Хайдарабада в качестве наместника

⁹ Hamilton Ch., *Relation historique... des Rohillas* (в кн.: G. Forster, *Voyage du Bengale en Angleterre*, Basle, 1796).

Декана претендовал на роль властителя всей Южной Индии, оспаривая господство маратхов и Майсура и пользуясь правами сюзерена над рядом мелких владений в Южной Индии.

Самым крупным вассалом Хайдарабада было княжество Карнатик (со столицей Аркат) на восточном побережье Южной Индии, правителя которого европейцы называли «набобом Аркота». Правитель Карнатика в свою очередь стремился стать сюзереном Мадуры и Танджура, которые, однако, отвергали его притязания.

Как и Хайдарабат, Бенгалия, включавшая тогда также Бихар и Ориссу, была бывшей провинцией Могольской империи. Но в отличие от Хайдарабада Бенгалия была страной с однородным населением, имевшим общий язык и литературу, свою сложившуюся национальную культуру. К тому же Бенгалия была экономически развитой областью. Крестьяне выращивали различные сорта риса, хлопок, сахарный тростник. Основой богатства Бенгалии было главным образом производство тканей. В период общей разрухи середины XVIII в. Бенгалия, лежавшая несколько в стороне от арены ожесточенной политической и вооруженной борьбы, считалась самой богатой областью Индии.

Первым независимым правителем Бенгалии в XVIII в. был Муршид Кули-хан. Сын бедного брахмана, он был продан в детстве в услужение к богатому вельможе и обращен в мусульманство. Впоследствии он стал одним из личных слуг Аурангзеба, который его очень ценил, назначил диваном Бенгалии и дал ему имя Муршид Кули-хан. В 1702 г. Муршид Кули-хан участвовал в дворцовой интриге в Дели и, испугавшись подосланных к нему врагами наемных убийц, переехал навсегда в Бенгалию, где основал новый город — Муршидабад. В 1704 г. Муршид Кули-хан получил пост наместника Бенгалии. Регулярно выплачивая в делийское казначейство дань, он правил Бенгалией фактически как независимый правитель. В 1713 г. Муршид Кули-хан выгнал из Бенгалии наместника, которого назначил новый Великий Могол. Впоследствии Муршид Кули-хан отказался предоставить англичанам в Бенгалии привилегии, гарантированные им фирманом Великого Могола от 1717 г. Еще более самостоятельно он проводил внутреннюю по-

литику. Правитель Бенгалии часто следовал советам своего кредитора и казначея — богатого марварийца из Джодхпура, поселившегося в Бенгалии и получившего от Муршид Кули-хана в 1723 г. титул Джагат Сетх (банкир всего мира).

Муршид Кули-хан считал, что его богатство зависит от развития внешней торговли Бенгалии, и потому поощрял деятельность европейских купцов. Вместе с тем он стремился ограничить влияние англичан, которые развернули крупные торговые операции в Калькутте, Дакке, Касимбазаре и некоторых других пунктах Бенгалии. Муршид Кули-хан был особенно недоволен тем, что Великий Могол даровал англичанам право торговать беспошлинно по «дастакам» (пропускам). Это должно было относиться только к товарам, вывозимым английской Компанией из Бенгалии, но англичане стремились распространить это право и на товары, которыми они торговали в самой Бенгалии. Муршид Кули-хан отказался предоставить англичанам предусмотренное фирманом 1717 г. право чеканки монеты, являвшееся в Бенгалии монополией его казначея Джагат Сетха.

Остро нуждаясь в крупных денежных суммах для упрочения своей независимости от Могольской империи и для поддержания роскоши двора, в которой он соревновался с другими индийскими правителями, Муршид Кули-хан допустил широкое распространение системы откупов. В полученных на откуп владениях заминдары стали распоряжаться бесконтрольно; они собирали налоги с помощью собственных вооруженных отрядов, чинили суд и расправу над населением, подкупали правительственных чиновников. Вместе с тем зависимость заминдаров-откупщиков от Муршид Кули-хана была еще велика. Он даже мог держать их в случае недоимки в специально для этого вырытой в Муршидабаде яме, «полной всяких мерзостей», по словам одного бенгальского хрониста.

В 1714 г. Муршид Кули-хан стал также наместником Ориссы, а в 1718 г. под его начало попал и Бихар. В 1720 г. Муршид Кули-хан был официально признан в Дели правителем Бенгалии, Бихара и Ориссы. После его смерти в 1726 г. ему наследовал его сын Шуджа-уд-дин, который продолжал политику отца. К Шудже бежал из

Дели впавший в опалу приближенный одного из сыновей Аурангзеба — Аллахварди-хан. Шуджа назначил его наместником Патны. В 1739 г., после смерти Шуджи, правителем стал его сын Сарафраз-хан, но в 1740 г. Сарафраз-хан был убит в бою и Аллахварди стал навабом Бенгалии, Бихара и Ориссы. При этих более слабых преемниках Муршид Кули-хана укрепилось независимое положение бенгальских заминдаров. Они стали откупаться от правительства, причем суммы, которые они вносили в казначейство наваба, отнюдь не совпадали с получаемым ими доходом от земельных владений. Тем самым рента-налог во владениях заминдаров стала постепенно превращаться просто в ренту, а заминдарства — передаваться по наследству и становиться частными феодальными имениями. Однако этот процесс роста частной земельной собственности за счет государственной не получил еще завершения ко времени покорения Бенгалии английскими захватчиками.

Еще более однородным, чем Бенгалия, особенно в языковом отношении, оказалось государство сикхов в Пенджабе. Победа сикхов была по существу победой длительного крестьянского восстания против мусульманских, а отчасти и индусских феодалов. После изгнания феодалов их земли были распределены между воинами и начальниками сикхской армии. При этом происходила феодализация этих новых землевладельцев, и к концу XVIII в. в Пенджабе фактически сложилось 12 самостоятельных военно-феодальных объединений, называвшихся «мисалями». Среди земледельцев большую роль играли довольно крепкие сельские общины¹⁰. Следует заметить, что история Пенджаба во второй половине XIX в. развивалась несколько обособленно от остальных областей Индии.

Процесс отделения различных территорий и областей Могольской империи шел в XVIII в. настолько интенсивно, что даже в центре империи, в районе Агра — Дели, возникло в 1756 г. недолговечное государство джа-

¹⁰ О Пенджабе конца XVIII — начале XIX в. см.: Н. И. Семенова, *Сельская община и феодальное землевладение в государстве Ранджит Синга (Пенджаб первой половины XIX в.)* («Ученые записки Института востоковедения», т. XII, Индийский сборник, М., 1955), стр. 61—98.

тов под руководством Сурадж Мала, провозгласившего себя правителем. Оно не смогло устоять главным образом ввиду неблагоприятного местоположения: государство было открыто для нападения войск и моголов, и маратхов, и Ауда. После длительной осады могольская армия взяла Агру, а затем и последний оплот джатов — крепость Диг.

Основной силой в Индии к началу второй половины XVIII в. были маратхские княжества. Маратхские феодалы враждовали между собой, но обычно выступали вместе против внешнего врага. В самой Махараштре происходили распри между двумя враждовавшими раджамы — претендентами на маратхский трон, один из которых правил в Сатаре, другой — в Колхапуре. К 1751 г. оба были окончательно лишены всякой власти, и во главе государства утвердилось фактически и до того правившая династия пешв — главных министров. Должность эта передавалась по наследству от отца к сыну. Пешва, сделавший своей столицей город Пуну, отныне до самого конца существования независимой маратхской власти считался верховным главой всех маратхских феодалов, но несколько крупных военачальников фактически образовали самостоятельные княжества. После Панипата уже не приходится говорить о едином маратхском государстве, а лишь о союзе отдельных, почти независимых маратхских правителей, самостоятельно управлявших своей территорией, но обычно воевавших совместно. Два маратхских княжества находились в Мальве (Гвалиур, под руководством династии Синдхии, и Индур, под главенством семьи Холкар), одно в восточной части Центральной Индии (Берар, под началом династии Бхонсле, чьей столицей был Нагпур) и одно охватывало Гуджарат (с центром в городе Барода, где правила династия Гаекваров).

В системе управления маратхскими землями в Махараштре и в системе управления на завоеванных позднее территориях всегда существовали различия. В Махараштре земельный налог был легче, и государство снижало его в случае неурожая. Маратхская сельская община играла большую роль в деревне.

Однако необходимость постоянно содержать армии в несколько десятков тысяч всадников привела к усиле-

нию налогового гнета. В 1769 г. на основе повышенных налогов была составлена новая налоговая ведомость — «камаль», устанавливавшая, сколько налога следует взysкивать с каждого округа и деревни: «Сумма налога, взимаемая по „камаль“, была примерно вдвое выше, чем та, что была установлена при Малик Амбаре»¹¹, т. е. в 1625—1626 гг.

Кроме этих общих налогов, взимаемых с маратхских деревень, при пешвах было введено очень много местных налогов; одни налоги платили все группы населения, от других же были освобождены брахманы и иные привилегированные слои. Известный индолог И. М. Рейснер, исследуя вопрос о разложении деревенской общины у маратхов, в следующих словах суммировал известные нам данные о положении маратхского крестьянства при пешвах: «Даже не зная точных размеров всех этих многочисленных сборов и налогов, приходится констатировать, что маратхский крестьянин был буквально опутан системой тягостной налоговой эксплуатации; он платил добавочный налог со скота, с каждого фруктового дерева, с колодца, который орошал его поле, он был обязан поставкой фуража чиновникам или феодалам (или уплатой налога вместо поставок натурой); на его плечи было взыскано содержание брахманов и налоговой администрации; он платил особые сборы по случаю религиозных праздников и рождения раджи; он не мог жениться, не уплатив особый сбор в пользу фиска. Если учесть вымогательства и поборы местных феодалов и чиновников... то можно себе представить, какое непосильное бремя несли на себе маратхские крестьяне»¹².

Этот рост налогов в Махараштре происходил в результате дальнейшего развития феодализма. При своем возникновении государство маратхов (как и ряд других молодых феодальных государств в Индии) опиралось на государственную собственность на землю. Основатель маратхского государства Шиваджи (1674—1680) огра-

¹¹ «Gazetteer of the Bombay Presidency», vol. XVIII, pt. II, «Роона», Bombay, 1885, p. 322.

¹² И. М. Рейснер, *Некоторые данные о разложении деревенской общины у маратхов в XVII — начале XIX века* («Ученые записки Института востоковедения», т. V, М., 1953), стр. 196.

ничил власть наследственных феодальных землевладельцев, предводителей маратхских кланов,— дешмукхов и дешпандов. Все дело сбора налогов в Махараштре при Шиваджи перешло в руки назначаемых правительством чиновников (мамлатдаров и камависдаров), которые часто сменялись. Существовала сложная система контроля над этими должностными лицами: мамлатдаров и камависдаров, собиравших налоги в округе или области, контролировали дешмукхи и дешпанды— старая наследственная знать данной местности. Воины должны были сдавать всю свою добычу в казну, из которой потом им выдавали наградные. Военачальники получали не джагиры, но определенную оплату из казны. Все эти меры Шиваджи имели целью усилить центральную власть в противовес устремлениям отдельных феодалов.

Однако с развитием феодального маратхского государства и ослаблением центральной власти при пресмниках Шиваджи все более усиливалось влияние отдельных феодалов. Подняли голову дешмукхи и дешпанды; мамлатдары и камависдары стремились превратить свои должности в наследственные и несменяемые; для смягчения недовольства военачальников конфискацией военной добычи государство стало раздавать им земли в джагир. В результате в середине XVIII в. в Махараштре собирали налоги не только окружные начальники— мамлатдары и камависдары, под началом субадара, подчинявшегося приказам из центра, но и независимо от них— дешмукхи и дешпанды, а иногда и джагирдары.

Распределение доходов между этими различными группами феодалов происходило разными способами. Иногда выделялись отдельные деревни, налог с которых шел исключительно в казну, налоги же с других деревень распределялись между дешмукхами, дешпандами и джагирдарами; иногда просто все поступления с каждой деревни делились на доли. Так, например, по сообщению английского коллектора, в деревне Меххри из каждых 112,5 рупий земельного налога 12,5 выделялись для центрального правительства, 75 рупий шли владельцу джагира и 25 рупий на оплату местных, окружных и областных правительственных чиновников¹³. Оплата ре-

¹³ «Gazetteer of the Bombay Presidency», vol. XVII, «Ahmadnagar», Bombay, 1884, p. 427.

месленников и должностных лиц общины в Махараштре включалась в сумму общего земельного налога¹⁴.

Таким образом в маратхских княжествах создалась своеобразная лестница феодалов: мелкие феодалы, выделившиеся из общины, над ними дешмукхи и дешпанды, еще выше — джагирдары, причем джагиры, так же как и владения дешмукхов и дешпандов, стали фактически передаваться по наследству. Однако в то время как джагирдары не принимали обычно участия даже в сборе налогов и все их владельческие права заключались в получении определенной доли от общей суммы сборных налогов, дешмукхи и дешпанды принимали большое участие в управлении подвластными им деревнями. «Они должны были информировать состоящих на жалование правительственных чиновников о всех вопросах, связанных со сбором налогов, помогать при ежегодном определении подлежащей сбору суммы, стараться держать райятов в повиновении и объяснять причины недовольства. Им полагалось присутствовать при улаживании межевых споров, подтверждать все случаи перехода земли из одних рук в другие и составлять сообщение об общей сумме собранного налога в пределах их владений. Они получали от трех до десяти процентов той суммы налога, которая собиралась с подвластных им деревень»¹⁵.

Одновременно с усилением отдельных феодалов за счет центральной власти шел процесс выделения и феодализации верхушки маратхской сельской общины, становившейся постепенно феодальным собственником своих земель, полученных не в результате пожалований правителей, а в результате закабаления своей общины. Поэтому выделившиеся из общины сельские старосты (патели) или писцы (кулькарни) владели своим «ватаном» (наделом) на правах феодальной частной собственности, не неся никаких обязанностей перед государством.

Этот процесс выделения общинной верхушки из маратхской общины хорошо прослежен И. М. Рейснером в его упомянутой работе. В этой статье И. М. Рейснер

¹⁴ Ibid., p. 426.

¹⁵ Ibid., p. 428.

отнес завершение данного процесса к слишком раннему времени. Англичане еще в 20—30-е годы XIX в. застали в Махараштре много деревень, где общинная верхушка, хотя и пользовалась рядом привилегий, не выделилась еще настолько из среды полноправных общинников, чтобы противопоставить себя им в качестве феодальных владетелей.

Маратхская община, как и другие сельские общины в основных частях Индии, в социальном отношении делилась на четыре основные группы: на должностных лиц общины (обычно состоявших из старосты, писца и иногда помощников писца), на полноправных общинников-крестьян, на общинных ремесленников, число которых в различных общинах было неодинаковым (от 8 до 16 человек), и на неполноправных жителей деревни (упри), пришлых из других деревень. Эти упри платили общине, а фактически общинной верхушке, тяжелую ренту за предоставленное им право обработки принадлежавших общине земель, а также часто были обязаны работать бесплатно на старосту. И. М. Рейснер характеризует их как «бесправных держальцев общинной земли»

В последней трети XVIII в. общинная верхушка в Махараштре (а также, по некоторым данным, в большей части Гуджарата) стала превращаться в мелких феодалов. Этому способствовала существовавшая у маратхов практика налогового обложения, при которой сумма налога устанавливалась для всей деревни, а уж дело пателя при содействии кулькарни было распределить эту общую сумму на отдельные крестьянские дворы сообразно с количеством обрабатываемой земли, качеством почвы, выращиваемой культуры, кастовой принадлежностью земледельца и рядом других моментов. Все это по обычаю требовалось принимать во внимание при раскладке налогов, но по существу многое зависело от бесконтрольного произвола пателя. По словам И. М. Рейснера, патель был подлинным хозяином в общине.

Кроме того, патель имел право распоряжаться всеми выморочными землями общины — гаткуль. «Патиль (патель.— К. А.) поступал с этими категориями земель по своему собственному усмотрению: он мог продать выморочный мирасдарский ватан (участок полноправ-

ного общинника.— К. А) другому лицу... мог передать его пришельцу упрю на условиях краткосрочного держания (укти), наконец, мог забрать его себе, присоединив этот участок земли к своим остальным владениям... В конце XVIII — начале XIX в. „пожирание“ патиями общинных земель приняло значительные размеры»¹⁶. Проанализировав отдельные данные источников по этому вопросу, автор цитируемой статьи приходит к выводу, что патели таким путем сосредоточивали в своих руках крупные земельные владения и постепенно превращались в феодалов, используя также «право на различные сборы с односельчан и на их труд»¹⁷.

В дополнение к исследованному И. М. Рейснером процессу феодализации общинной верхушки необходимо отметить одновременно происходивший во второй половине XVIII в. процесс долгового закабаления деревни всякого рода ростовщиками — землевладельцами, менялами и лавочниками. Крестьянин обычно брал деньги в долг для уплаты налога, который собирали в денежной форме, или по случаю каких-либо семейных событий. Обычным процентом было 12, а в горных районах — 20 24. Если денежный долг выплачивался зерном, то ростовщик брал 75%. Если крестьянин брал в долг зерно для посева, то он должен был вернуть этот долг в двойном размере в течение года; если же то же зерно он брал для еды, то возвращать уже приходилось от 2¹/₂ до 2³/₄ взятого количества¹⁸. «Крестьянин, попавший в число должников, редко мог освободиться от долга», эпически сообщает один английский источник¹⁹.

Помимо отдельных крестьян, должником нередко становилась вся деревня. В неурожайные годы патель от имени общины мог занять недостающую для уплаты налога сумму у саукара (ростовщика-менялы) под залог части общинных земель. Иногда к этому средству прибегали для выплаты дани врагу или для покрытия ед-

¹⁶ И. М. Рейснер. *Некоторые данные о разложении деревенской общины у миратхон в XVII — начале XIX века*, стр. 222.

¹⁷ Там же, стр. 220.

¹⁸ «Gazetteer of the Bombay Presidency», vol. XVII, «Ahmadnagar», p. 433.

¹⁹ «Gazetteer of the Bombay Presidency», vol. XVIII, pt. II. «Poona», p. 111.

новременных общедеревенских нужд (например, для починки стен, которыми был окружен ряд маратхских деревень, для постройки деревенского храма и т. д.). По словам Минаева, «при этом часть земли или закладывалась кредиту, или даже отчуждалась в его пользу; но он пользовался землей, не платя государственного поземельного налога; доля этого налога, падавшая на отчужденную или заложенную землю, раскладывалась на сельчан. Долг покрывался и другими средствами, без отчуждения или залога земли, ежегодными взносами, то есть особым обложением земель сельчан»²⁰.

Таким образом, во второй половине XVIII в. в Махараштре происходили различные социально-экономические процессы, переплетавшиеся между собой. С одной стороны, усиление власти отдельных феодалов и рост частной феодальной собственности за счет центрального правительства и государственной собственности на землю, с другой — из сельской общины выделилась ее верхушка, эксплуатировавшая главным образом население «своей» деревни. Ярким примером возвышения такого феодального рода, связанного своим происхождением с сельской общиной, были Синдхия, владельцы Гвалиура. Махададжи Синдхия (умер в 1794 г.), первый князь Гвалиура, стремившийся стать правителем всей Индии, всю жизнь гордился своим пательским участком в одной из деревень Махараштры²¹.

Эти процессы привели к усилению феодальной эксплуатации крестьянства, а также в связи с этим и долгой зависимости маратхского крестьянина от ростовщика-менялы.

Все эти интенсивно проходившие в Махараштре в течение всего XVIII в. процессы дальнейшего развития феодального строя вызывали у маратхских феодалов стремление разрешить внутренние противоречия путем успешных завоевательных походов, приносящих богатую добычу и увеличивающих территорию подвластных маратхам земель.

²⁰ И. Минаев, *Старая Индия (Заметки на Хождение за три моря Афанасия Никитина)*, СПб., 1881, стр. 117. — Минаев относит это к «прежнему времени», не уточняя датировки.

²¹ J. Malcolm, *A memoir of Central India including Malwa and adjoining provinces...*, vol. 1, London, 1824, p. 130.

Со времен пешвы Баджи Рао, занявшего эту должность в 1721 г. после смерти своего отца Баладжи Висванатха, маратхи направляли свое главное внимание не на юг, а на север Индии. Баджи Рао был уверен, что, захватив Дели, столицу Могольской империи, он сможет стать преемником Моголов, властителем всей Индии. «Ударим по стволу засыхающего дерева,— говорил он,— и ветки должны будут сами упасть»²².

В маратхских княжествах за пределами Махараштры те же социально-экономические процессы происходили более медленно и в более слабой степени. Главными там были противоречия между правящими маратхскими феодалами и немаратхским населением этих областей. Положение крестьянства там было значительно тяжелее, чем в Махараштре. Кроме налогов, общих для всех маратхских областей, в этих княжествах в середине XVIII в. были введены новые налоги: налог на воду, новые базарные сборы и т. п. Настоящим бедствием для населения, однако, было то, что маратхские владетели, враждуя между собой, разоряли земли друг друга и истребляли раджпутское, джатское и мусульманское население. Так, в 90-х годах XVIII столетия войска Синдхии разграбили Индур, столицу Холкара, и так бесчинствовали, что, по словам очевидцев, колодцы были полны трупами женщин, покончивших самоубийством. «Только убийство и бегство почти всех обитателей и разрушение домов положили конец этим сценам грабежа, резни и уничтожения. По-видимому, погибло от четырех до пяти тысяч человек, а те, кто бежал, потеряли все свое имущество»²³.

Разноплеменность населения маратхских княжеств за пределами Махараштры отразилась и на характере их армий. Ядро маратхских войск к середине XVIII в. составляли уже не маратхи, а наемники, главным образом из крестьян Мальвы. Военачальниками отрядов были часто не маратхи, а раджпуты, или даже мусульмане с севера Индии. Во второй половине XVIII в. после

²² S. Owen, *India on the eve of the British conquest. An analytical history of India 1627—1761*, Calcutta, 1954, p. 101.— Перепечатка с лондонского издания 1872 г.

²³ J. Malcolm, *A memoir of Central India including Malwa and adjoining provinces...*, vol. I, p. 219.

краха надежд на установление французской империи в Индии на службу к маратхам стали наниматься и офицеры-французы. В 1784 г. на службу к Синдхии поступил французский авантюрист де Буань, который сформировал сначала два, а впоследствии 16 батальонов сипаев под командой французских офицеров. Батальоны имели несколько орудий, обслуживаемых европейцами. Это была первая регулярная сипайская армия на службе у индийского правителя.

Однако ужас, охватывавший население при приближении маратхских войск, был вызван главным образом тем, что при маратхских армиях находились отряды пиндари — скопища люмпенов всевозможных народностей Индии. Они появились в результате разграбления и запустения тех областей, по которым проходили враждовавшие армии. Многим разоренным крестьянам этих местностей не оставалось ничего иного, как примкнуть к коннице-пиндари.

Правитель Индура Холкар первый включил в свою армию 3 — 4 тыс. пиндари. В конце 90-х годов XVIII в. число всадников-пиндари на службе у разных маратхских вождей достигало 20 — 30 тыс. В мирное время отрядам пиндари запрещалось грабить. Они получали по четыре анна в день и зарабатывали подвозом на своих лошадях продовольствия к базару (так называемые «базар-пиндари»). Однако когда войска вступали на неприятельскую территорию, посылали вперед пиндари, но не для боя, а для разведки и грабежа. Это был своеобразный метод борьбы: пиндари вредили врагу, разоряя его население. Иногда главари пиндари получали небольшой джагир, но доходов с него не хватало для оплаты и десятой части их войска. Поэтому грабеж был основным и часто единственным средством содержания пиндари.

Вассалами маратхов считался ряд мелких владений, разбросанных на территории Декана. Маратхским княжеством был и Танджур, завоеванный для маратхов Венкаджи (братом Шиваджи), объявившим себя независимым правителем Танджура еще в 1678 г. В 1738 г., после смерти Тукаджи Бхонсле, в Танджуре разгорелась борьба за престолонаследие между двумя соперничавшими группировками феодалов. В это время Танджур

считался одной из самых богатых и плодородных областей на юге Индии. Крупные оросительные сооружения — плотины и каналы — позволяли получать большие урожаи риса и пряностей. На танджурском побережье были и удобные гавани, способствовавшие развитию экспортной торговли Танджура.

Рядом с Танджуром находилось государство «найяков» — правителей Мадуры. В этом старом индусском государстве значительная часть земель принадлежала храмам. Считая себя наследником распавшейся в 1565 г. южноиндийской империи Виджаянагар, княжество Мадуря господствовало над всеми мелкими княжествами южнее отрогов Западных Гхатов. С конца XVII в. в Мадуре также правила маратхская династия. Столицей была сильная крепость Тричинополи, построенная на вершине огромной, поднимающейся отвесно над равниной скалы. Благодаря своему стратегическому положению Тричинополи считалось ключом к самому югу Индийского полуострова: кто владел Тричинополи, тот господствовал над всеми княжествами крайнего юга и над военными путями из Танджура в Майсур и из Карнатика на Малабар. Однако к середине XVIII в. княжество Мадуря распалось в результате феодальных неурядиц.

Один из крупных маратхских военачальников Морари Рао Гхатке поступил в 1740 г. на службу к правителю Хайдарабада и получил от него в джагир крепость и округ Гути. Став владельцем Гути, вассалом низама, Морари Рао сохранил все же связи с Пуной и нередко выступал совместно с войсками пешвы.

К середине XVIII в. на юге Индии важную политическую роль стало играть государство Майсур. Небольшие владения майсурского князя когда-то входили в состав империи Виджаянагар, охватывавшей в XV в. фактически весь юг Индии. Империя Виджаянагар на протяжении полутора столетий боролась за гегемонию с другими государствами Южной Индии, во главе которых стояли мусульманские династии. Богатый феодальный класс империи чрезмерно усилил эксплуатацию крестьянства, а португальцы, фактически отрезавшие Виджаянагар от западного побережья и морской торговли, ослабили ее экономическую и особенно военную мощь, прекратив на

некоторое время подвоз коней. В 1565 г. объединенные вражеские армии нанесли империи решающее поражение в битве при Таликота, и империя распалась, а Виджаянагар превратилась в небольшое княжество, центром которого была крепость Пенуконда.

С распадом империи Виджаянагар-Майсур превратился сначала в зависимое княжество, а потом, примерно с 60-х годов XVII в., стал небольшим государством, возглавляемым индусской династией Водсяр. Окруженное с двух сторон Восточными и Западными Гхатами, а на юге могучей рекой Кавери, государство Майсур считалось богатым и трудно доступным для вражеских армий. Длительная борьба между моголами и маратхами дала возможность Майсуру, который оставался большей частью в стороне от основных сражений, окрепнуть. Майсуру удалось отбить немногочисленные вторжения маратхов и моголов или откупиться от нападавших. К середине XVIII в. Майсур уже смог выступить претендентом на господство над всем югом Индии, где множество мелких княжеств, враждовавших между собой, замыкались в своей обособленности или же находились на различных ступенях вассальной зависимости от своих более сильных соседей.

Майсур был крупнейшим районом железоделательного производства. Майсурское железо и сталь вывозили во все другие части Индии.

Многочисленные горные реки и разветвленная система плотин и водоемов позволяли майсурским крестьянам собирать обильный урожай. Земельный налог был сравнительно умеренным до тех пор, пока майсурские правители не стали лелеять завоевательные планы и содержать многолюдные армии.

К середине XVIII в. Майсур стал самым сильным государством на юге Индии. Его столицей был Серингатам (правильнее — Шрирангатам). Номинальный правитель Майсура — раджа из династии Водсяр — давно уже почти не вмешивался в государственные дела. Вся реальная власть была в руках двух братьев из одного влиятельного феодального рода, члены которого наследственно занимали должности регента и главнокомандующего военными силами Майсура. С 1746 г. старший брат, бывший главнокомандующим, перестал

водить армии из-за преклонного возраста, и младший брат Нанджарадж фактически превратился в правителя Майсурского государства.

Нанджарадж был дальновидным и честолюбивым политиком. Он решил, что настало время вступить в борьбу за господство над Южной Индией и, первым делом, овладеть крепостью Тричинополи, бывшей столицей распавшегося княжества Мадур. Однако из-за Тричинополи уже шла борьба между Хайдарабадом, пославшим туда своего вассала, маратха Морари Рао, владельца Гути (нередко выступавшего также заодно с пешвой), и двумя претендентами на трон Карнатика.

Вторым государством, жаждавшим стать гегемоном Южной Индии, был Хайдарабат. Однако недисциплинированные, не способные к маневрированию войска Хайдарабада не могли противостоять подвижным маратхским конным армиям. В неоднократных столкновениях с маратхами низам Хайдарабада обычно терпел поражение. В 1738 г., осажденный маратхами в крепости Бхопал, низам как наместник Декана подписал с Баджи Рао соглашение, по которому признавал верховную власть маратхов над Мальвой и их суверенитет над всей территорией между реками Нарбадой и Чамбалом, а также обещал приложить все усилия к тому, чтобы из казны Могольской империи маратхам было уплачено 500 тыс. рупий в возмещение за военные убытки²⁴. Этот договор был сметен событиями: нашествие Надир-шаха на Дели и опасения, что он захочет двигаться на юг, прервали все споры недавних противников. Низам долго после того не решался на войну с маратхами.

Характерно, что все индийские государства, оспаривавшие друг у друга господство над Южной Индией, прикрывались своими «законными» правами преемников феодальных империй, некогда владевших этой частью страны. Правители Хайдарабада всегда напоминали, что основатель их государства занимал в Могольской империи должность наместника Декана. Маратхи ссылались на то, что получили от Великого Могола право сбора в Южной Индии чоутха и сардешмукхи, причем стремились сборщиками поставить маратхов же, что да-

²⁴ S. Owen, *India on the eve of the British conquest...*, p. 104

вало им возможность вмешиваться во все внутренние дела тех областей, где они собирали налог. Княжество Мадуря до распада считало себя на крайнем юге Индии наследником империи Виджаянагар, и таким же преемником в других местах Южной Индии считал себя Майсур. Самыми сильными претендентами на господство были маратхи, но их главное внимание было в то время отвлечено на север Индии, где они вступили в борьбу за власть над всем Индостаном. Им пришлось отстаивать свои позиции не только против гнущейся Могольской империи, правителя которой им удалось сделать своим пленником, не только против местных княжеств, борющихся за свою самостоятельность, но, как упоминалось выше, и против Ахмад-шаха афганского. В кровавой битве под Панипатом в 1761 г. погиб цвет маратхского войска, и понадобилось несколько лет, прежде чем маратхи оправались от этого поражения.

В этих условиях победа Майсура в Южной Индии и взятие им Тричинополи казались вполне реальной задачей. Однако тут появились новые факторы, изменившие всю обстановку: в борьбу вступили торговые Ост-Индские компании, английская и французская, быстро ставшие на территории Индии как бы небольшими государствами.

ГЛАВА II

ЕВРОПЕЙСКИЕ ТОРГОВЫЕ КОМПАНИИ В ИНДИИ

Первой европейской страной, основавшей свои торговые базы в Индии, была Португалия. Открытие Васко да Гама в 1498 г. морского пути в Индию привело к быстрому возвышению и обогащению его родины. Португальцы высадились в гавани Каликат на Малабарском побережье и завязали торговые отношения с Индией главным образом для получения пряностей, которые тогда в большом количестве потреблялись в Европе. Малабарское побережье считалось в то время самой богатой частью Индии благодаря морской торговле, которую вели города западного побережья Индии с портами Персидского залива, Красного моря, восточного побережья Африки, а также с полуостровом Малакка, Суматрой, Явой и Молуккскими островами. Эта торговля велась столетиями. Драгоценности и предметы роскоши со всего Востока стекались к правителям небольших портовых государств Малабара. Первый араб, знавший по-португальски, которого Васко да Гама пустил на свой корабль в Каликате, воскликнул, обращаясь к матросам: «Удача, удача! Множество рубинов, множество изумрудов! Возблагодарите бога за то, что он привел вас в страну, в которой есть такие богатства!»¹.

Однако богатства Малабара были в руках феодалов и купцов. Контраст между роскошью феодальных кру-

¹ Г. Харт, *Морской путь в Индию...*, М., 1954, стр. 207.

гов и купеческих гильдий и нищетою основной массы населения поразил не одного Афанасия Никитина, писавшего в 70-х годах XV в. о Бидаре: «Сельския люди голы велми, а бояре силны добре и пышны велми»².

В конце XV в. малабарские купцы довольствовались теми большими барышами, которые они получали от продажи своих товаров на месте; они почти не ездили в другие страны, не открывали новых морских путей, не строили больших судов, а умели делать только лодки для каботажного плавания. Военное снаряжение жителей было крайне примитивным, методы ведения войны отсталые. У наиров, основного военного сословия на Малабаре, «боевое оружие такое: у одних ручной лук, у других же круглый щит и обнаженный меч... некоторые носят небольшое копье, и все идут в бой голыми»³,— писал немецкий купец, прибывший в Индию с португальской эскадрой в 1505 г. Понятно, что малабарцы не могли победить португальских войск. Все португальские экспедиции в Индию снаряжались не частными купцами, а короной. Португальские каравеллы, поднимавшие до 120 т груза, были вооружены 20 и более пушками различного калибра. На суше португальские отряды в 100—300 солдат регулярной армии в течение XVI в. неоднократно разбивали индийские войска в несколько десятков тысяч человек.

Первое время португальцы стремились обеспечить себе монополию в торговле с Востоком только путем морского пиратства. Однако уже Албукерки, адмирал и губернатор португальских владений Индии (1509—1515), понял, что многомесячное корсарство на морях невысказимо без баз на берегу, где можно спокойно, под охраной орудий, вытащить на берег и отремонтировать корабли, где можно устроить склады товаров и награбленной добычи, где матросы смогут отдохнуть. Он захватил Ормуз на Персидском заливе и в 1510 г. остров Гоа на западном побережье Индии. Албукерки придавал особое значение этому богатому порту, считая его ключом

² «Хождение за три моря Афанасия Никитина. 1466—1472», М.—Л., 1948, стр. 16.

³ «Balthasar Sprenger's Merfahrt» (в кн.: F. Hummerich, *Quellen und Untersuchungen zur Fahrt der ersten Deutsche: nach dem portugiesischen Indien 1505/6*, München, 1918), S. 124, 125

ко всему Востоку. «Без овладения Гоа вряд ли можно будет сохранить восточные завоевания Португалии», — писал он. Со времени Албукерки Гоа стал центром всех португальских владений на Востоке.

В течение XVI столетия Португалия создала цепь крепостей — опорных баз, раскинувшихся от западного берега Африки до Китая. Эти крепости у входов в крупные торговые порты и в заливы (в одной Индии было свыше 30 таких фортов) давали португальцам возможность держать в своих руках всю морскую торговлю Востока с Европой.

Португальские владения представляли собой отдельные небольшие, сильно укрепленные поселения, связанные между собой только по морю и окруженные враждебным коренным населением, ненавидевшим португальцев за их насилия и грабежи. При незначительной численности вооруженных сил на Востоке Португалия удерживала свои владения лишь безжалостным террором. Вся история португальского господства на Востоке была непрерывной цепью восстаний местного населения против колонизаторов. В ответ на это португальцы бомбардировали и сжигали портовые города и прибрежные деревни, грабили и убивали население, включая стариков и детей, уничтожали все, что не могли захватить с собой. С жестокостями португальцев можно сравнить разве только кровавые деяния испанских конквистадоров. Это считалось государственной политикой, и только раз за всю историю португальских владений на Востоке одному губернатору пришлось ответить за свои жестокости по возвращении на родину: на Цейлоне он приказывал перемалывать детей между каменными жерновами на глазах у их матерей, которым потом отрубали головы⁵.

Благодаря преимуществу в вооружении португальцам удалось расширить свои владения. Однако в начале XVII в. у них, помимо местных восточных армий, появился новый сильный враг: на Восток проникли две передовые мануфактурные нации того времени — Нидер-

⁴ F. Ch. Danvers, *The Portuguese in India being a history of the rise and decline of their Eastern Empire*, vol. I, London, 1893, p. 205.

⁵ F. Ch. Danvers, *The Portuguese in India...*, vol. II, p. 198.

ланды (Голландия) и Англия. В 1587 г. английский пиратствующий флотоводец Дрейк захватил у западного побережья Африки крупный португальский корабль, шедший из Гоа в Лиссабон, и продал его груз в Лондоне как морскую добычу за 108 тыс. ф. ст. В 1588 г. произошла знаменитая битва, в которой англичане разбили испанскую Великую Армаду — самый большой флот, когда-либо снаряженный Испанией. Отныне господство на морях перешло к Англии, и английские суда стали нападать на испанские и португальские корабли и побеждать их.

Португалия как владение испанского короля была втянута в войну с Нидерландами, начавшуюся в 1572 г. Голландские корабли начали курсировать вдоль индийского побережья и Молуккских островов и почти во всех морских столкновениях с португальскими кораблями оказывались более быстрыми и боеспособными. С 1599 г. Нидерланды стали вести регулярную торговлю с Индией, а с 1605 г. голландцы начали отвоевывать у португальцев их владения. В этой нидерландско-португальской борьбе местное население часто выступало в качестве союзника голландцев, надеясь с их помощью избавиться наконец от ненавистного португальского владычества.

Вся португальская система изолированных крепостей держалась господством на море. Как только Англия и Голландия стали прерывать португальские коммуникации и подкрепления из метрополии или других португальских владений перестали приходить вовремя, португальские гарнизоны не смогли оказывать сопротивление армиям местного населения. В течение XVII в. Португалия постепенно теряла свои владения на Востоке. В 70-х годах XVII в. португальцы столкнулись с новой силой в Индии — с маратхами, которые не только стали одерживать решающие победы над португальцами на суше, но и чинить им затруднения на море. К середине XVIII в. у португальцев на территории Индии осталось всего четыре небольших владения: Гоа, Даман, Диу и Чаул.

В результате полуторастолетнего «хозяйничанья» португальцев Малабар из богатого цветущего края стал бедной, отсталой местностью. На побережье господство-

вали примитивные отношения, почти прекратилось развитие производительных сил, в сельском хозяйстве и ремесле применялся рабский труд, вся область была поделена между множеством мелких владетелей. В начале XVIII в. один английский капитан нарисовал картину запустения Гоа: «Суровый суд инквизиции, наказывающий всех, кого инквизиторы хоть в чем-нибудь подозревают, нагоняет страх и на духовных и на светских лиц. Индусов терпят, так как они прилежны, особенно ремесленники и крестьяне, но индусы-торговцы подвергаются оскорблениям со стороны европейских фидальго (дворян. — К. А.), которые часто покупают их товары, но никогда не платят... а когда эти кредиторы просят денег, португальцы бьют их... Священников в Гоа очень много, они неграмотны и являются тяжелым бременем для государства... Стоя на небольшом холме близ города, я насчитал около восьмидесяти церквей и монастырей в самом городе, а в округе церковных паразитов около 30 тысяч человек. Бедные рыбаки не решаются продавать свой улов, пока священники и монахи не выберут себе лучшую часть, так что люди светские большей частью едят лежалую или тухлую рыбу... Кроме священников и монахов, редко встретишь толстого человека»⁶.

Португальцы в Индии XVIII в. перестали играть важную политическую роль и их земли не имели почти никакого экономического значения. Наследниками Португалии на Востоке оказались голландцы. В то время как португальские экспедиции снаряжались от казны и были государственным предприятием, голландцы в Индии выступали как агенты купеческой компании. Нидерландская Ост-Индская компания обладала огромным капиталом (подписка на акции в 1602 г. принесла около 6,5 млн. флоринов), причем состав участников оставался постоянным, и после очередной поездки капитал не весь раздавался пайщикам. Все свои дела голландская Компания вела с бюрократической точностью и цеховой регламентированностью. Во главе Компании стоял Совет семнадцати из представителей торговых палат,

⁶ A. Hamilton, *A new account of the East Indies, being the observation and remarks*, vol. I, Edinburgh, 1727, p. 246 — 251.

имеющихся в каждом крупном голландском порту. Совет назначал общее годовое количество посылаемых кораблей и распределял снаряжение по торговым палатам портов. Палаты высылали в Ост-Индию причитавшиеся на их долю корабли и продавали привезенные товары. Компания не практиковала собраний акционеров и не публиковала отчетов.

Как и Португалия, Голландия в первую очередь была заинтересована в торговле пряностями, приносящей в XVII в. наибольшие прибыли. Малабарский берег к тому времени был уже разорен, там оставались всего две голландские фактории. Одна из них находилась на Коромандельском (восточном) берегу, две — в Бенгалии, несколько — на Цейлоне, но центр голландского господства был на Молуккских островах. Все эти фактории занимались почти исключительно вывозом пряностей. Лишь фактории, расположенные в Бенгалии, закупали довольно большое количество знаменитых дакских тканей.

С голландцами соперничали английские купцы, но в XVII в. они оказались слабыми конкурентами. На Малабаре союзниками голландцев были правители Кочина и Каннанура, а англичанам на всем протяжении XVII в. приходилось напрягать все усилия, чтобы удержаться во владениях заморина (правителя) Каликата. С Островов Пряностей англичане были окончательно вытеснены голландцами в 1623 г., после так называемой трагедии в Амбойне, где все английские агенты (18 человек), обвиненные в заговоре, были казнены голландскими властями.

Поскольку центры производства пряностей оказались заняты голландцами, англичанам пришлось искать новые сферы торговой деятельности. Покинув Молукки, англичане тем прочнее утвердились в Индии. Стесненные на Малабаре, англичане укрепились на Коромандельском побережье и в Бенгалии. В экспорте английской Компании все больше места стали занимать индийские хлопчатобумажные ткани. В XVIII в. торговля пряностями потеряла свое бывшее значение, и английские фактории в Индии стали много важнее голландских владений на Молуккских островах. Так, поражение Англии в борьбе с Голландией на Востоке в XVII в. стало

благоприятным условием для Англии в борьбе за восточные колонии в XVIII в.⁷

В отличие от голландской английская Ост-Индская компания в XVII в. принадлежала к типу «регулируемых компаний». Это означало, что у Компании не было постоянного капитала: нужная сумма набиралась заново для каждой поездки и после продажи привезенного товара целиком распределялась между вкладчиками. Состав пайщиков также менялся перед каждым путешествием. Ост-Индская компания окончательно превратилась в акционерную компанию более современного типа лишь в 1657 г. на основе хартии, дарованной Кромвелем.

Характерным для английской Ост-Индской компании в XVII в. был вечный недостаток средств, этого «нерва войны», тем более — войны торговой. При изыскании нужных денег Компании приходилось бороться и с представителями теории меркантилизма — господствующей экономической теории того времени. Меркантилизм объявлял смертным грехом вывоз денежных средств из страны, а Англия — еще не промышленная «мастерская мира» — ничем другим не могла расплачиваться за азиатские товары. Поэтому-то «монополисты в Индии были первыми проповедниками принципа свободы торговли в Англии»⁸.

Недостаточная поддержка со стороны государственной власти также мешала Ост-Индской компании. Между тем ей приходилось отстаивать свои позиции не только против голландцев, но и против английских частных купцов. Борьба с частными торговцами, так называемыми интерлоперами, продолжалась все XVII столетие. При Стюартах монополия Компании неоднократно нарушалась. Мероприятия Кромвеля по усилению морской и торговой мощи Англии и дарованная им хартия 1657 г. сыграли огромную роль в укреплении Ост-Индской ком-

⁷ О борьбе индийской и голландской Ост-Индской компаний в XVII в. см.: А. Е. Кудрявцев, *Ост-Индская компания в эпоху английской революции (1640—1649)* («Ученые записки факультета исторических наук Ленинградского пединститута им. Герцена», т. IX, 1937).

⁸ К. Маркс, *Ост-Индская компания, ее история и результаты ее деятельности* (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 9, изд. 2), стр. 156.

пани. В 1660 г., при Реставрации, Компания раздавала крупные взятки, чтобы войти в милость к новой власти. Хартия 1661 г. дала Компании право объявлять войну и заключать мир — первую прерогативу государственной власти. В 1686 г. Компания получила дальнейшие государственные права: чеканки монеты, военно-полевых судов, полного распоряжения армиями и флотом. Однако в 1694 г. палата общин постановила, что все английские подданные имеют равные права на торговлю с Ост-Индией, если это не запрещено парламентским актом. В 1698 г. частные торговцы объединились в новую компанию, принадлежавшую к типу «регулируемых». В одних и тех же индийских городах открывались одновременно две английские фактории, и агенты каждой персбивали друг у друга товары, враждовали и ссорились. Понятно, что в таких условиях английская торговля не могла процветать. В 1702 г. обе соперничавшие компании слились, и преобразованная компания была в 1708 г. признана актом парламента. С этой даты надо считать подлинное основание английской Ост-Индской компании, деятельность которой в Индии стала быстро развиваться.

Если в Англии Ост-Индской компании пришлось бороться за получение хартии, то в Индии Компания приложила немало усилий, прежде чем удалось получить в 1613 г. от Джахангира фирман, разрешивший ей свободно торговать в пределах территории моголов и приобретать места для факторий. Однако, несмотря на получение фирмана, положение английских купцов в Индии в XVII в. было весьма непрочным. Великий Могол дал фирман англичанам, стремясь противопоставить их португальцам и тем ослабить португальские владения в Индии. Но скоро он должен был убедиться, что англичане оказались не менее серьезным противником и не собирались покидать пределы Индии. Все попытки индийцев избавиться от англичан в XVII в. оказались тщетными. Например, в Хонаваре (на Малабарском побережье) вся немногочисленная английская фактория была вырезана в 1670 г., так как бульдог фактории загрыз корову⁹, но там вскоре появилась другая фактория.

⁹ A Hamilton, *A new account of the East Indies...*, p. 282.

В 1690 г. могольские войска осадили Бомбей — центр английской деятельности на западном побережье Индии. Англичанам пришлось униженно выпрашивать мир у Аурангзеба. Нового губернатора Бомбея Во (Vaux) как заложника задержали в Сурате¹⁰. В 1687 г. Аурангзеб приказал англичанам покинуть пределы Бенгалии¹¹.

Тем не менее английская Ост-Индская компания все более укреплялась в Индии и к середине XVIII в. ее положение было уже прочным; она стала самой богатой компанией в Индии. Центром английской Компании был город Мадрас на Коромандельском берегу. Это была первая территория, приобретенная англичанами в Индии. В 1639—1640 гг. у местного правителя это пустынное место было арендовано за 600 ф. ст. в год. К середине XVIII в. англичане построили там форт Св. Георга и гавань. Возник многолюдный и богатый портовый город, в предместьях которого раскинулись дома богатых англичан. Торговой деятельности порта не помешала даже каменная гряда около берега, не дававшая подходить близко кораблям. Товары и пассажиров переправляли только на местных лодках, построенных из досок, стянутых канатами, без гвоздей. Эти лодки могли, даже ударившись о подводную скалу, невредимо доплыть до берега на попутной волне.

Вторым по значению владением Ост-Индской компании был Бомбей на западном берегу Индии. Остров, на котором расположен город, был подарен англичанам Португалией в 1661 г. в качестве приданого Катерине Браганца, жене английского короля Карла II. В ту пору Португалия уже теряла одну за другой свои крепости в Индии и предпочла отдать Бомбей англичанам в обмен за обещание помощи и защиты (впоследствии, когда в трудную для них минуту португальцы потребовали от англичан помощи против наступления маратхов, англичане не выполнили своего обещания, не желая из-за португальцев вступать в столкновение с сильным маратхским государством).

До приобретения Бомбея центром деятельности ан-

¹⁰ Ibid., p. 200—227.

¹¹ J. Burgess, *The chronology of modern India 1494—1894*, Edinburgh, 1913, p. 130

глийской Компании в Западной Индии был богатый могольский порт Сурат. Компания вела там выгодную торговлю и завязала связи с местными богатыми, например с крупнейшим купцом Западной Индии Вирджи Вора. Однако Сурат не был английским, и к тому же его укрепления были невелики. Шиваджи дважды, в 1664 г. и в 1670 г., грабил город, и хотя вооруженный персонал английской фактории смог спасти склады Компании от разграбления, английские купцы нуждались в более защищенном месте для сохранения своих товаров. Бомбей же имел ряд преимуществ: он был построен на острове, имел сильный форт и целиком принадлежал Компании, которой был передан Карлом II.

В Бенгалии постепенно центром деятельности английской Компании становилась Калькутта, основанная у устья реки Хугли в 1690 г. Изгнанные за три года до того из Бенгалии моголами английские купцы водворились опять и в первую очередь стремились укрепить свою факторию в Калькутте. Они выстроили еще в XVII в. для защиты своих складов крепость, назвав ее Форт-Вильям, в честь правившего тогда в Англии Вильгельма (Вильяма) III, а всю территорию города обнесли прочными стенами. В Форт-Вильяме помещалось и правление Компании в Бенгалии. Компания считалась также заминдаром трех деревень около Калькутты.

В 1717 г. англичане с помощью врача Хамильтона, вылечившего Великого Могола Фаррух-Сияра, получили от последнего фирман, подтверждавший их права в Бенгалии. По этому фирману Компании было передано еще 38 деревень, ее товары были освобождены от пошлин за ежегодную уплату трех тысяч рупий, и, кроме того, было установлено, что дастак, выданный главой фактории, освобождал английские грузы от осмотра в могольских таможах. «Великий фирман, изданный Фаррух-Сияром, по праву считался великой хартией английской торговли в Индии»¹². С того времени бенгальские товары стали занимать все большее место в английском экспорте из Индии. Доходы Компании сразу возросли с 278,6 тыс. ф. ст. в 1717 г. до 364 тыс. в 1729 г.¹³.

¹² S. Bhattacharya, *The East India Company and the economy of Bengal from 1704 to 1740*, London, 1954, p. 29.

¹³ *Ibid.*, p. 33.

Мадрас (с гравюры Т. Даниелла, 1781 г.)

Вокруг факторий английской Ост-Индской компании в Калькутте, Дакке, Касимбазаре и в некоторых других пунктах Бенгалии возникли ткацкие поселения. В одной Калькутте на Компанию работало около восьми тысяч ткачей, живших на окраине — в «Черном городе». Индийские агенты Ост-Индской компании раздавали ткачам материал и передавали заказы на такого рода ткани, которые хорошо шли на европейских рынках. Нередко такие агенты выступали не только в интересах европейской торговой компании, но и от себя, превращаясь тем самым в скупщиков.

Рост английской торговли вызывал серьезные опасения у наваба Бенгалии, ставшего фактически независимым правителем. Он боялся, что города и укрепленные фактории англичан «могут со временем превратиться в опорные пункты, из которых правительству будет трудно их (англичан. — К. А.) изгнать»¹⁴, и обвинял Компанию в том, что она монополизировала всю торговлю страны и что частная торговля ее служащих превышает даже торговлю самой Компании.

Для умиротворения наваба Ост-Индская компания должна была платить ему значительные суммы, которые приходилось иногда занимать у местных банкиров и крупных торговцев. За это Компания незаконно выдавала дастки индийским торговцам, избегавшим тем самым уплаты пошлин. Некоторые крупные индийские ростовщики выступали в качестве агентов Компании при дворе наваба. Одним из них был Амичанд, сыгравший впоследствии значительную роль в истории Бенгалии¹⁵. Связаны были англичане и с банкирским домом Джагата Сетха, которому они уплатили крупные суммы за его услуги в переговорах с навабом.

Основными предметами английского экспорта из Бенгалии были хлопчатобумажные и шелковые ткани, шелк-сырец, селитра, сахар, опиум, индиго, топленое и растительное масло и рис. Компания распоряжалась крупными суммами денег и стремилась закупать необходимые ей товары оптом. Для этого еще задолго до начала жатвы ее служащие, по рекомендации крупных индий-

¹⁴ Ibid., p. 66.

¹⁵ Ibid., p. 63—67.

ских банкиров, игравших роль посредников, раздавали различные суммы индийским купцам, которые сами раздавали авансы скупщикам, а те — крестьянам, заранее задешево скупая их урожай. Точно так же действовали английские агенты-скупщики (гомашты) и по отношению к ремесленникам, закабалия их авансами¹⁶.

За все закупаемые в Бенгалии товары Ост-Индской компании приходилось платить деньгами. Попытки продавать в Индии английские товары, особенно сукна, не увенчались успехом. Немного металлических изделий и предметов роскоши для феодалов — вот все, что брали бенгалцы. Это покрывало лишь ничтожную часть закупок Ост-Индской компании

В 1740 г. наваб Бенгалии был убит в битве и новым навабом стал Аллахварди-хан. В борьбе против маратхов, предпринимавших нападения на Бенгалию в 1742, 1744, 1745 и 1748 гг. и укрепившихся в Каттаке (Ориссе), Аллахварди нуждался в средствах и потому первоначально благосклонно отнесся к требованиям Компании предоставить ей ряд привилегий, поскольку он получал от нее крупные суммы денег. Однако, разбив маратхов в 1748 г., освободив от них Каттак и договорившись с ними в 1751 г. об уплате 1,2 рупии в год взамен чоутха, Аллахварди смог уделить больше внимания вопросу о росте влияния английской Компании в Бенгалии. Старик наваб боялся Компании, но не считал своих сил достаточными, чтобы изгнать английских купцов, имевших фактории с десятками тысяч ткачей, связи с индусскими ростовщиками, банкирами и торговцами и постепенно отеснявших индийских купцов с их неуклюжими судами от морской торговли на Востоке.

Однако самым серьезным противником англичан в Индии были не местные индийские правители, а французы. Французская Ост-Индская компания была организована позднее других европейских компаний, в 1664 г., при поддержке Кольбера. В течение XVII и XVIII вв. она носила черты феодальной регламентации. Французской компании были предоставлены огромные права: она получала в свое безраздельное пользование завоеванные ею территории; могла вершить суд и рас-

¹⁶ Ibid., p. 139.

праву над всеми жителями своих владений (даже гражданские семейные иски индийских купцов разрешались только французским губернатором)¹⁷, имела право объявлять войну и заключать мир; могла раздавать титулы маркиза, графа и т. д.; французское правительство обещало защищать Компанию от всех врагов и охранять ее корабли. Однако именно это покровительство абсолютистского государства принесло Компании большой вред: король, генеральный контролер, торговая палата, министр колоний и флота — все вмешивались в управление Компанией и давали ей распоряжения. Во главе Компании стоял Совет директоров, причем часть из них назначалась правительством. Фактически вершили делами назначенные правительством генеральный контролер и его помощник — особый комиссар. Главными пайщиками были придворные фавориты, а их ставленники управляли владениями Компании, командовали ее армией и флотом. Непрерывные ссоры и дразги процветали как среди директоров, так и между правлением и вкладчиками. Дела Компании велись хаотически, и взяточничество было распространено среди служащих как в Индии, так и во Франции.

Центром французских владений в Индии был порт Пондишери на Коромандельском берегу, приобретенный в 1683 г., когда он еще был небольшой рыбацкой деревней. Вторым по значению городом был приобретенный в 1673 г. Шандернагор (по-индийски Чандранагар) в Бенгалии — основное складочное место для бенгальских тканей. Неудачное местонахождение города на реке Хугли выше Калькутты облегчало его блокаду англичанами в случае англо-французских столкновений.

Французская Компания в XVIII в. вела торговлю в значительно меньших размерах, чем английская. Основным предметом ее вывоза во Францию были хлопчатобумажные и особенно шелковые ткани, закупленные на юге Индии.

Во главе французской Компании в Индии стояли дальновидные, инициативные деятели, первыми правильно оценившие положение и понявшие, что пришла по-

¹⁷ «*The private diary of Ananda Ranga Pillai, dubash to Joseph François Dupleix*», vol. I, Madras, 1904, p. 177, 289 etc.

ра крупных самостоятельных выступлений. Однако французская Ост-Индская компания была в некоторых отношениях в менее благоприятном положении по сравнению с английской. Абсолютистское правительство Франции не придавало достаточного значения своим заморским владениям. Один министр Людовика XV говорил: «Мы имеем колонии, которые я уступил бы за булавку, будь я королем Франции»¹⁸.

Компания постоянно ощущала недостаток денежных средств. Английское господство на морях сыграло огромную роль в англо-французской борьбе за Индию. Франция не обладала столь мощным флотом, как Англия, и не раз проигрывала битвы потому, что не могла в решающую минуту перебросить по морю войска и припасы. Французские войска оказывались плохо вооруженными и снаряженными; голодные и оборванные солдаты разбегались перед битвой. В то время как Англия использовала привычных к войне европейских наемников, да и своих солдат посылала в Индию с отбором, французская компания набирала людской состав подешевле, например кандалыников из тюрьмы Биссетр, и те ждали лишь появления врага, который казался им освободителем. Командовали в армии нередко молодые дворянчики, почти дети, не знающие военного искусства.

Таким образом, к середине XVIII в. европейские компании играли важную роль в Индии. Они владели рядом портов и территорией вокруг них, держали в своих руках всю экспортную морскую торговлю. В своих владениях они вели себя скорее как правители, а не как купцы, содержали собственные военные отряды, строили форты и крепостные стены вокруг своих городов, издавали обязательные постановления и вершили суд, держали специальные тюрьмы для нарушителей. Основным занятием служащих компаний оставалась торговля, причем обычным было совмещение со своими служебными обязанностями и ведение торговли за свой счет и на свой капитал, приобретенный, как правило, в Индии далеко не чистым путем. Компании имели связи с индий-

¹⁸ Цитируется по кн.: Н. И. Радциг, *Страница из истории французского империализма XVIII в Дюпле в Индии. 1722—1754*. Ярославль, 1929, стр. 91.

скими купцами и банкирами и с помощью своих агентов при дворе местных правителей были хорошо осведомлены о положении в стране.

Уровень общественного развития, достигнутый к тому времени крупными европейскими державами, был значительно выше, чем в феодальных княжествах Индии. Это сказывалось в первую очередь в военном превосходстве европейских отрядов, в бесспорных преимуществах европейских кораблей и артиллерии, в лучшей способности разрабатывать военные и политические проекты и планы, в умении вести искусную дипломатическую игру. Все это особенно относилось к Англии. По словам Джавахарлала Неру, «в политическом отношении англичане к тому времени значительно ушли вперед... Средние классы Англии, сознавая свою растущую силу, были полны стремления к развитию. Эта жизнеспособность и энергия — признак растущего прогрессивного общества — были ясно видны в Англии. Они проявили себя в различных областях и прежде всего в изобретениях, возвещавших промышленный переворот»¹⁹.

Действия европейских компаний определялись не только положением в Индии, но и общеевропейской ситуацией, а также соотношением сил в метрополии. Борьба нарастающей буржуазии и феодальных сил в Англии или Франции отражалась на спорах между руководителями соответствующих компаний в Индии, а войны европейских держав послужили толчком и основой торговых войн английской и французской ост-индских компаний на индийской территории.

В Европе главными противниками выступали Англия и Франция. Вопрос состоял в том, кто из этих двух держав унаследует после смерти Карла VI Австрийского огромные австрийские владения. Соперничество Англии и Франции вылилось в две большие войны: войну за Австрийское наследство, происходившую в 1740—1748 гг., и Семилетнюю войну 1756—1763 гг. Впервые в истории эти войны велись не только в Европе, но перекинулись и на индийскую территорию. Войны велись одновременно в Европе, Азии и Америке. В этих войнах Англии удалось захватить Канаду и укрепиться в Ин-

¹⁹ Джавахарлал Неру, *Открытие Индии*, М., 1955, стр. 302.

дии, а также приобрести часть Флориды; Франция потеряла и Луизиану, перешедшую к Испании. Для Индии эти войны имели большое значение, предопределив ее превращение в английскую колонию.

Феодалным индийским государствам, враждовавшим между собой, пришлось столкнуться с европейскими торговыми компаниями, ставшими в Индии уже большими владетелями. Они оказались таким сильным противником, какого в Индии раньше не знали.

В индийских феодальных государствах общественный строй покоился на феодальной эксплуатации крестьянства. Местные купцы и ростовщики были тесно связаны с феодальным строем и, по словам Неру, хотя «были богаты и многочисленны и даже играли руководящую роль в ее экономике, они не обладали политической властью»²⁰. Ремесло презирали как низкое занятие, и некоторые отрасли ремесла, например кожевенное дело, считались профессией исключительно презренных париев. Каста мешала свободному выбору занятия, а традиционные кастовые методы труда мешали внедрению новых орудий и способов производства. Сельская община фактически прикрепляла крестьянина к земле, так как только в своей общине он имел какие-то права на свой участок. Наличие ремесленников при общине, получавших от общинников известную, традиционно установленную долю урожая и бесплатно снабжавших членов своей общины всем необходимым для хозяйства лишь при условии принесения материала заказчиком, было основой самодовлеющего характера общины и приводило к тому, что торговля не нарушала веками сложившегося уклада деревенской жизни, несмотря на существование многочисленных сельских базаров и ярмарок. Орудия производства в сельском хозяйстве и ремесле были крайне примитивными, в основном деревянными (лишь режущие инструменты были со стальными лезвиями), и только удивительное искусство ремесленника позволяло производить те художественно выполненные изделия, которыми в середине XVIII в. Индия славилась на весь мир. Почти все орудия производства делали сами мастера или общинные ремесленники. Созда-

²⁰ Там же.

ние инструментов не стало особой отраслью производства, грубые деревянные станки никто не продавал и не покупал. Интенсивное сельское хозяйство Индии, с двумя урожаями в год на орошаемых землях, требовало решающие минуты применения на короткий срок большого количества труда. Поэтому в Индии наемный труд применялся издавна. Однако эти наймиты были или долговыми рабами, или наследственными рабами, или бедными крестьянами. Несмотря на наличие наймитов, в Индии в середине XVIII в. не создался рынок труда, и одним из показателей этого был тот факт, что оплата работников менялась в каждой деревне.

Необходимо также учитывать общую политическую обстановку в Индии в середине XVIII в.: распад одних государств и образование других, непрерывные вооруженные столкновения и войны, распри феодальных группировок, разорение основных областей страны и гибель населения в местах, где проходили армии, запустение деревень. Все это отнюдь не способствовало развитию производительных сил в Индии.

Обрисованные выше черты общественного строя были характерны для всех основных областей Индии. Вместе с тем в стране происходило дальнейшее развитие, но всюду шло оно очень медленно и слабо. Укоренение ростовщика-менялы в деревне было признаком некоторых социальных перемен и само постепенно подрывало застойность быта сельской общины. Деятельность скупщика серьезно ухудшала положение подпавших под его власть крестьян и ремесленников. Развитие торговли и городов ослабляло кастовые ограничения, приводило к некоторому расслоению в ремесленной среде, к тому, что богатые ремесленники (в особенности ткачи) начали ставить несколько станков и нанимать работников. Купля-продажа общинных участков стала более частым явлением. Появление частной феодальной собственности на землю в ряде районов Индии была шагом вперед. Однако все эти новые явления еще не развились настолько, чтобы наложить заметный отпечаток на общественный строй страны или сыграть решающую роль в ходе событий.

Индия развивалась в том же направлении, что и Европа, но когда индийские государства столкнулись

с силами Англии и Франции, Индия была на более раннем этапе развития. Англия и Франция пережили долгий мануфактурный период, во время которого изменились и орудия труда и рабочие. В этих странах начался переход к господству капиталистической системы производства, к машинной технике. В Англии и во Франции «третье сословие» имело по крайней мере вековой опыт политической деятельности. И Англия и Франция давно знали металлические станки, железный плуг, развитое судостроение и искусство кораблевождения на дальних морях, разработанное военнoстратегическое искусство и многое другое, чего далеко еще не было в Индии середины XVIII в. Франция стояла тогда на пороге буржуазной революции 1789 г., Англия — на пороге промышленного переворота, а в Индии еще продолжалось развитие феодального строя. Именно потому что при одном и том же пути развития этапы этого развития у главных европейских держав, с одной стороны, и у Индии, с другой — были столь разными, в борьбе двух соперничавших торговых компаний — английской и французской — в 1746—1763 гг. главной потерпевшей стороной оказался индийский народ.

ГЛАВА III

АНГЛО-ФРАНЦУЗСКАЯ БОРЬБА ЗА ИНДИЮ (1746—1763)

«*Великая война между Англией и Францией в Европе*»¹, как ее называл К. Маркс, начавшаяся в 1740 г.² и докатившаяся до Индии в 1746 г., застала там французскую Компанию в лучшем положении, чем английскую. За это Франция могла быть благодарна Жозефу Франсуа Дюплексу, одному из самых даровитых своих деятелей на Востоке, который, несмотря на слабости французской Компании, обеспечил ей более благоприятные позиции в Индии перед самой войной.

Дюплекс был сыном крупного служащего государственной табачной монополии во Франции, типичного богатого представителя «третьего сословия». Его отец обеспечил ему при помощи протекции назначение на должность первого советника Пондишери и генерального комиссара пондишерийского гарнизона. В 1722 г. этот первый советник Пондишери впервые высадился в Индии. К тому времени губернатор Пондишери умер, и Дюплекс должен был бы исполнять обязанности губернатора центра всех французских владений в Индии, не имея никакого представления о стране. Однако он отказался от этого поста и занимал лишь должность шестого члена пондишерийского совета до 1731 г., когда он

¹ К. Маркс, *Хронологические выписки по истории Индии (664—1858 гг.)*, 1947, стр. 55.

² Только в мае 1744 г. произошло формальное объявление войны между Англией и Францией, и только с этого времени в войну оказались втянутыми французские и английские владения за пределами Европы.

был обвинен в представлении фиктивного счета при посредничестве в одной торговой операции и счел за благо уехать в Шандернагор в качестве главы французской фактории. Ему удалось увеличить торговлю Компании в Бенгалии и урегулировать вопрос о навигации по Гангу. Одновременно он приобрел себе богатство, занимаясь частной торговлей. Для высших служащих европейских факторий считалось обычным делом брать взятки с индийских купцов, и Дюплекс не отказывался от взяток ни в Шандернагоре, ни потом в Пондишери, как об этом неоднократно свидетельствовал его индийский секретарь-переводчик Ананда Ранга Пиллаи. В Шандернагоре Дюплекс женился на вдове своего друга-француза, у которой мать была индианкой. Жена Дюплекса хорошо говорила по-тамилски и много помогала ему впоследствии тем, что вербовала шпионов-тамилцев, доносивших ей о деятельности английских войск.

В 1740 г. Дюплекс для экономии вместо одних только французских солдат стал набирать в пехоту и индийцев, поставив их под команду французских офицеров. Так в Индии появились первые сипайские отряды (до этого португальцы набирали иногда солдат из индийцев, но не было отдельных индийских частей). Дюплекс увидел, что небольшие батальоны сипаев под командованием европейских офицеров способны разбить целые феодальные индийские армии. Таким образом в руках Дюплекса оказалась значительная военная сила. Сипаи ему понадобились, когда в 1741 г. он стал губернатором Пондишери.

С 1746 г. англичане по примеру французов также стали обучать индийцев воинскому делу и создали из них отряды сипаев-пехотинцев.

В этот период военные столкновения индийских государств между собой и распри феодальных группировок внутри этих государств достигли большого ожесточения. Армии соперников опустошали юг Индии. Так, например, в 1740 г. маратхи неожиданно напали на Карнатик. Со всего Карнатика беженцы бросились в Пондишери и Мадрас, где чувствовали себя в большей безопасности под охраной европейских солдат. Правда, маратхи, несмотря на наличие этих солдат, совершенно разграбили французскую факторию в Порто-Ново и ан-

Индийские солдаты (с гравюры Ходжеса, XVIII в.)

глийскую в Садрасе: В 1743 г. происходили сражения между правителем Карнатика Анвар-уд-дином, с одной стороны, и наместником Веллура — с другой. Одна армия из пяти тысяч всадников «грабила города и деревни на своем пути, поджигая дома и отнимая у жителей все их добро». В свою очередь окопавшаяся в одной деревне армия их противника «опустошала близлежащие села и деревни. В результате этих постоянных грабежей страна была разорена, а жители, потеряв все свое имущество, терпя нужду и лишения, бежали в разные стороны. Бедствия, причиненные маратхами, ничто по сравнению с этим. Маратхи, правда, грабили и разбойничали, но от них население могло хоть что-то укрыть и так продолжать существовать. Теперь же страна превратилась в пустыню»³. Вслед за этим по тем же районам прошлась еще семидесятитысячная конница низама, явившегося «наводить порядок» в Карнатике.

В Мадуре разгорелась борьба между двумя дворцовыми кликами. Рани (правительница) Мадурь призвала в 1736 г. на помощь войска Карнатика, пришедшие под началом дивана (главного министра) Чанда Сахиба, зятя наваба Карнатика. Рани впустила Чанда Сахиба в Тричинополи лишь после того, как он поклялся ей на Коране не делать никаких попыток захвата крепости. Однако Чанда Сахиб нарушил клятву под тем предлогом, что вместо Корана он поклялся на кирпиче, завернутом в парчовую обложку от Корана. Но у Чанда Сахиба не хватило войск отстоять Тричинополи от всех желающих владеть этим важным стратегическим пунктом: в 1741 г. маратхи овладели Тричинополи, захватили Чанда Сахиба в плен и увезли его в Пуну. Дюплекс увидел тут возможность дипломатической интриги: при переговорах с маратхами он добился освобождения Чанда Сахиба и привез его в Пондишери. В 1743 г. Асаф Джах, первый низам Хайдарабада, с помощью Морари Рао отобрал Тричинополи у маратхов.

Когда известие о начале войны за Австрийское наследство дошло до Индии, Дюплекс стал срочно строить

³ «*The private diary of Ananda Ranga Pillai, dubash to Joseph François Duplex*», vol. I, Madras, 1904, p. 209, 210.

укрепления вокруг Пондишери, но из-за отсутствия военных судов не мог предпринять никаких активных действий. «Вот уже два года, как объявлена война,— писал он в 1746 г.,— а Компания даже не подумала послать нам хоть один военный корабль»⁴. В это время к Пондишери подошла французская эскадра под началом Лабурдоннэ.

Лабурдоннэ в отличие от Дюплекса был дворянином и военным. В 1725 г. Лабурдоннэ отвоевал французское поселение Маэ на Малабарском берегу у восставших наиров, за что получил титул Маэ-де-Лабурдоннэ. В 1735 г. он был назначен губернатором острова Св. Маврикия. Используя принудительный труд местного населения, Лабурдоннэ почти на пустынном острове создал хорошую стоянку для французских судов и даже базу кораблестроения. Для этого он вывез из Франции мастеров и организовал сплав леса с холмов. Он поощрял разведение сахарного тростника и маниоки, а также торговлю и вывоз во Францию продуктов острова. В результате доходы подвластного ему французского владения значительно возросли. Прибывшая в Пондишери эскадра состояла из девяти построенных Лабурдоннэ военных кораблей и 3200 матросов и морской пехоты. Лабурдоннэ уже участвовал у побережья Индии в морской битве с англичанами, в которой он оказался победителем.

Дюплекс погрузил на эти корабли своих сипаев, и Лабурдоннэ, высадив войска у Мадраса и обстреляв город, смог взять этот центр английской Компании в Индии. Это было крупным успехом французов и укрепило их престиж в глазах индийских правителей. Однако тут между Дюплексом и Лабурдоннэ разгорелись споры о том, как следует поступить с завоеванным Мадрасом. Лабурдоннэ, взявший город с помощью построенных им судов, считал Мадрас своей личной военной добычей. К тому же он был оскорблен тем, что буржуа Дюплекс, гражданский служащий торговой компании, считает себя вправе командовать им, дворянином и офицером. Ссылаясь на полученные еще до войны инструкции из

⁴ J. Charpentier, *Dupleix et l'Empire des Indes*, Tours, 1937, p. 27.

Франции не разрушать иностранные поселения, Лабурдоннэ, не спросив мнения Дюплекса, обещал отдать Мадрас нетронутым английской Компании за 11 лакхов пагод⁵ и взял вексель на эту сумму у английского губернатора Мадраса. Дюплекс же считал, что Мадрас должен быть срыт до основания, чтобы уничтожить английское влияние в этой части Индии.

В результате этой распри Лабурдоннэ счел себя вправе отказать Дюплексу в дальнейшей помощи и увести свои суда из Индии, оставив французов без флота. Это значительно ослабило французские силы. По словам Маркса, эти ссоры двух руководителей «привели к поражению французов в Индии»⁶.

Наличие морского флота было решающим фактором в колониальной войне, так как только морем возможно было подвести из метрополии войска и военное снаряжение и даже в самой Индии быстро перебросить отряды в решающие места сражений. Между тем в 1747 г. у Великобритании было 126 военных судов, а у Франции — всего 31, причем французские суда находились в плохом состоянии, а на верфях не было строительного материала для постройки новых. Поэтому Дюплекс не мог рассчитывать на помощь метрополии, он должен был обходиться только находившимися в Индии ресурсами, тогда как англичане неоднократно получали подкрепления из Великобритании войсками и оружием. Это имело для английских отрядов тем большее значение, что европейские войска сами не отливали пушек в Индии, а ввозили их из Европы. Именно господство Англии на морях было решающим условием для ее победы в англо-французской борьбе в Индии.

Оставшись с одной сухопутной армией, Дюплекс дважды напал на принадлежавший англичанам Форт Св. Давида (недалеко от Пондишери), но оба раза вынужден был отступить: один раз ввиду угрозы дружественного в то время англичанам наваба Карнатика Анвар-уд-дина двинуть против французов всю свою армию, а второй — в результате появления сильного ан-

⁵ 1 лакх = 100 000; пагода = 3 рупиям; 11 лакхов пагод = 3,3 млн. рупий.

⁶ К. Маркс, *Хронологические выписки по истории Индии...*, стр. 56.

глийского флота, привезшего подкрепления. В то же время в сражении под Майлапуром небольшой отряд сипаев под командой французского офицера отбил атаки огромной конной армии наваба Карнатика, изумив его скорострельностью французских пушек⁷. Таким образом, в этих первых столкновениях уже выявились сила и слабость противников. Блестящую общую оценку этой войне в Индии дал современник этих событий Вольтер: «Англичане и французы на Коромандельском побережье дрались друг с другом и с туземцами, грабили, опустошали, интриговали, предавали и становились жертвой предательства... чтобы продавать в Европу крашенные ткани», — писал он⁸.

В 1748 г. державы-метрополии заключили между собой Аахенский мир. По этому мирному договору правительство Франции, не особенно хорошо разбиравшееся в положении в Индии и не очень ценившее свои индийские владения, отдало Мадрас англичанам (не срыв его укреплений) в обмен за уступки в Европе.

В следующем же году, несмотря на мир в Европе, в Индии опять разгорелась война между компаниями. На этот раз решающее значение имели не только непосредственные военные действия, но интриги англичан и французов в индийских княжествах.

В 1748 г., сразу после смерти старого нзама Хайдарабада Асаф Джаха, разгорелся спор о престолонаследии между его сыновьями, Насир Жангом и Музаффар Жангом. И тут Дюплекс предпринял шаги, которые привели к серьезным последствиям. Он решил вмешаться в борьбу феодальных группировок и, возведя на престол своего ставленника, упрочить тем самым свое влияние при дворе индийских правителей. На помощь Музаффар Жангу был отправлен из Пондишери Чанда Сахиб с отрядом из 2 тыс. сипаев и 400 французов. За это Музаффар Жанг обещал сделать Чанда Сахиба навабом Карнатика. Правивший в то время Карнатиком Анвар-уд-дин бросился защищать свои владения, но

⁷ R. Mukherjee, *The rise and fall of the East India Company*. Berlin, 1955, p. 70.

⁸ Voltaire, *Fragmens historiques sur l'Inde, sur le générale Lally, et sur plusieurs autres sujets—1773* («Oeuvres complètes du Voltaire», vol. II, Paris, 1827), p. 227.

был убит в сражении с войсками Чанда Сахиба и французским отрядом талаитливого молодого офицера Бюсси. В Аркате (столице Карнатика) Музаффар Джанг провозгласил себя правителем Хайдарабата и субадаром (наместником области) Декана, а Чанда Сахиба правителем Карнатика. Таким образом, французское влияние оказалось преобладающим во всей западной части Южной Индии.

Увидев успехи французов, англичане решили держиваться той же тактики. В противовес французам, они поддерживали других претендентов на трон. Так, в Хайдарабате они помогали Насир Джангу, а в Карнатике стали поддерживать Мухаммеда Али, сына убитого Анвар-уд-дина. После битвы, в которой погиб Анвар-уд-дин, Мухаммед Али бежал в Тричинополи и без боя овладел этой крепостью.

Бюсси, решивший успех битвы, в которой погиб Анвар-уд-дин, отправился с Музаффар Джангом, чтобы торжественно ввести его в столицу Хайдарабата, где к тому времени французские интриги среди вассалов низама привели к гибели Насир Джанга. Однако те же вассалы, которые убили Насир Джанга, теперь закололи Музаффар Джанга. Тогда Бюсси посадил на престол Хайдарабата Салабат Джанга, сына Насир Джанга, и стал фактически владыкой Декана (новый низам был лишь пешкой в его руках). На содержание своего отряда Бюсси приобрел для Франции в джагир четыре богатых округа на Коромандельском побережье севернее Карнатика, получивших название «Северные Сиркары». Теперь для оплаты этих войск не требовалось тратить скудную казну французской Компании в Пондишери.

Итак, весь Карнатик, кроме крепости Тричинополи, был в распоряжении ставленника французов Чанда Сахиба. Однако в 1751 г. Чанда Сахиб с помощью французских отрядов осадил Тричинополи. Мухаммед Али призвал на помощь Майсур, обещая за это отдать Тричинополи.

Англичане упорно отстаивали свои позиции, сражались, кое-где одерживали победы и закреплялись во взятых ими крепостях. Для того чтобы отвлечь французские силы от Тричинополи, небольшой английский от-

ряд под командой молодого капитана Роберта Клайва, бывшего клерка Компании, неожиданно напал на Аркат и штурмом взял столицу наваба Карнатика. Это вынудило Чанда Сахиба оттянуть войска от Тричинополи, однако маленький отряд Клайва из 300 сипаев и 200 англичан в течение 53 дней отбивал все атаки армии Чанда Сахиба и удержал Аркат. Чанда Сахиб был вынужден отступить. Он предпринял еще одну попытку взять Тричинополи, но французский отряд, состоявший при нем, был выбит с занимаемых позиций, Чанда Сахиб попал в плен к Мухаммеду Али и был казнен. Весь Карнатик оказался фактически в руках англичан.

Когда осада Тричинополи была снята, Мухаммед Али нарушил свое слово и решил не отдавать Тричинополи Майсуру, хотя получил от него много денег и военную помощь. Тогда Нанджарадж, командовавший майсурскими силами, осадил Тричинополи, стремясь силой выбить оттуда Мухаммеда Али, но английские отряды помогли этому новому навабу Карнатика удержать крепость. Потратив четыре года и свыше 20 млн. рупий в борьбе за Тричинополи, майсурские войска вынужденные были вернуться ни с чем.

Дюплекс, однако, продолжал борьбу с англичанами. Его надежды теперь основывались лишь на том прочном положении, которое Бюсси занимал в Хайдарабаде. В то время против Салабат Джанга, ставленника Бюсси в Хайдарабаде, выступил походом старший сын Асаф Джаха Гази-уд-дин, который до тех пор находился при дворе Великого Могола и принимал активное участие в делийских дворцовых интригах. С ним вместе шли маратхские войска Баладжи Баджи Рао, опасавшиеся усиления своего старого врага — Хайдарабада. Дюплекс отправил в помощь Бюсси подкрепления войсками и деньгами. Считая Бюсси своим будущим зятем (Бюсси мечтал жениться на падчерице Дюплекса), губернатор Пондишери откровенно писал ему о своих затруднениях, особенно финансовых: «Пришлось из собственных денег отпустить десять лакхов рупий без надежды вернуть хотя бы один».

Помощь Дюплекса пришла вовремя. Бюсси пошел навстречу маратхам, и в двух битвах у Ахмаднагара его небольшой отряд, построенный в каре, отбил все

атаки шеститысячной конницы и обратил маратхов в бегство. В 1752 г. был заключен мир с маратхами, и Дюплекс воспользовался этим, чтобы договориться с Морари Рао о помощи при дальнейшей осаде Тричинополи. Вторая попытка Гази-уд-дина захватить Хайдарабад кончилась тем, что одна из вдов Асаф Джаха, мечтавшая о троне для своего сына, отравила Гази-уд-дина. После этого Хайдарабад надолго остался под влиянием французов⁹.

В течение 1753 г. все попытки Дюплекса захватить Тричинополи неизменно кончались неудачей. У него не хватало солдат и денег для привлечения новых союзников, его офицеры, назначаемые строго по старшинству или покупавшие себе воинский чин, оказывались менее инициативными, чем английские. Между тем индийских товаров во Францию почти не поступало, а ведение военных действий требовало больших средств, которых не было у французской Компании. Вместо барышей Индия приносила пока одни убытки. Пайшики требовали прекращения войны любой ценой. К тому же французское правительство в тот период стремилось сохранить мир с Англией, и уступки в Индии не казались ему слишком дорогой ценой за это. Поэтому в Индию был послан один из директоров Компании Годё с приказом отозвать Дюплекса и заключить мир. Годё, привыкший мыслить о Компании лишь как о торговом предприятии, согласился на все требования англичан. По договору 1754 г. английский ставленник Мухаммед Али стал на-

⁹ Сохранилось, например, письмо Дюплексу, посланное ему на языке фарси в 1754 г. Шах Наваз-хаиом, главным министром (важил-и-мутлак) Салабат Джаига. В этом письме Шах Наваз ссылается на «любовь и дружбу», существующие между Хайдарабадом и Дюплексом, и просит помощи и совета, как устранить финансовые затруднения Хайдарабада [см.: Y. Hussain Khan, *Some unpublished letters of Shah Nawaz Khan, Samsan-ud-daulah* («Islamic Culture», Hyderabad, Deccan, vol. XXI, 1947. № 2), p. 157, 158]. Когда положение французов в Индии изменилось, тот же Шах Наваз выступил против французского влияния в Хайдарабаде и был в 1758 г. застрелен из пистолета (по некоторым версиям, самим Бюсси). После Шах Наваза остался большой труд — биографии виднейших индийских эмиров XVI—XVIII вв., который был завершен его сыном и позднее издан в Индии в четырех томах. Перевод на английский язык Генри Бевериджа издали в Калькутте в двух томах в 1941—1952 гг.

вабом Карнатика, а французы отказывались от владения Северными Сиркарами. Это было крушением всех гордых надежд Дюплекса и, по словам Маркса, началом конца французского владычества в Индии¹⁰.

Неспособное абсолютистское правительство Франции, приведшее к разорению свою страну и не сумевшее отстоять свои заморские владения, свалило всю вину на Дюплекса и Лабурдоннэ. Лабурдоннэ был брошен в тюрьму, где просидел несколько лет и был оправдан в 1751 г. лишь благодаря агитации за него Вольтера, а Дюплекс умер во Франции в бедности в 1763 г. «*Зависть этих французских пуделей (Pudel) (врагов Дюплекса.— К. А.) губит дельных людей!*» — записал К. Маркс¹¹.

После отозвания Дюплекса один Бюсси с помощью интриг, заговоров, подкупленных убийц и т. д. продолжал удерживать в Хайдарабаде на троне своего ставленника и взял в свои руки фактически всю власть в Декане. По словам Маркса, «Теперь *Бюсси* — диктатор всего Декана; тупые завистливые *каналы (Gesindel)* *Людовика XV тут-то и сместили этого человека*, поставив на его место *ирландского авантюриста Лалли*; это был хороший солдат, но не генерал»¹².

Назначение Лалли-Толландаля командующим французскими войсками объяснялось вспыхнувшей в 1756 г. Семилетней войной, в которой Англия и Франция опять оказались врагами. Как и во время войны за Австрийское наследство, прошло два года, прежде чем французские войска под командой Лалли выехали из Франции в Индию. За эти два года англичане еще сильнее укрепились в Карнатике и смогли часть войск под командой Клайва послать из Мадраса в Калькутту, из которой англичане были выгнаны новым навабом Бенгалии. В 1757 г. англичане завоевали Бенгалию, что сразу изменило соотношение сил в Индии. Отныне в распоряжении англичан были богатые ресурсы Бенгалии, находящейся в стороне от арены англо-французских сраже-

¹⁰ К. Маркс, *Хронологические выписки по истории Индии...*, стр. 59.

¹¹ Там же, стр. 60.

¹² Там же, стр. 61.

ний, и помощь оттуда деньгами и людьми неоднократно выручала английские силы в Южной Индии¹³.

Лалли ехал в Индию с большими надеждами. В разработке его планов ему помогал Вольтер, который позднее использовал собранный им в связи с этим материал в очерке «Исторические фрагменты об Индии».

Лалли был честным человеком, не заботившимся в первую очередь о личной карьере, что было редкостью в те времена. Ирландец по происхождению, он ненавидел англичан, как поработителей своей родины. Однако он был плохим стратегом, не умел обращаться с людьми, вызывая неприязнь своей заносчивостью с подчиненными и своим упрямством, на индийцев смотрел только как на рабочую силу, не считаясь с их воззрениями и с кастовыми предрассудками¹⁴.

Вскоре по прибытии в Индию Лалли мобилизовал все имеющиеся военные ресурсы и захватил в 1758 г. Форт Св. Давида, что не удалось сделать Дюплексу. После этого он решил осадить Мадрас. Члены Пондшерийского совета, раздраженные его самовольными действиями и резким характером, не поддержали его мероприятий. Они заявили, что казна пуста и нет возможности подготовить осаду Мадраса. В ответ на это Лалли обвинил членов Совета во взяточничестве и подготовил подтверждающие это материалы. Считая, что главная стратегическая задача — осада Мадраса, Лалли решил сосредоточить все силы и отозвал Бюсси из Хайдарабада. Это было серьезной ошибкой. Английский полковник Форд разбил отряд, оставленный Бюсси в Хайдарабаде, и Салабат Джанг подписал с англичанами договор об изгнании французских войск из княжества. Так французы потеряли Декан.

С большим трудом Лалли собрал все необходимое для похода и двинулся к Мадрасу. Не имея возможно-

¹³ Клайв впоследствии признавал, что «французы сильно страдали от нехватки денег и продовольствия, в то время как Форт Св. Георга (т. е. Мадрас) был в изобилии снабжен всем из Бенгалии... Члены Мадрасского совета единодушно считали, что Компания не могла бы существовать без ее владений в Бенгалии». (Lord Clive, *A letter to the proprietors of the East India stock*, London, 1764, p. 9, 58).

¹⁴ Г. Е. Афанасьев, *Лалли-Толандал и его процессы о государственной измене*, Киев, 1900.

сти приобрести достаточно волов, Лалли заставил все индийское население Пондишери, невзирая на кастовую принадлежность, тащить на себе тяжелые орудия. Это вызвало резкое раздражение индийцев, особенно брахманов.

Под Мадрасом армия Лалли голодала, Пондишерийский совет не заботился о ее снабжении. Лалли тогда писал новому губернатору Пондишери Дювалю Лейри: «Это письмо навеки останется тайной между нами, если Вы снабдите меня средствами закончить мое предприятие. Я оставил Вам сто тысяч ливров своих денег на покрытие расходов. По прибытии я не нашел и ста суни в Вашем кошельке, ни в кассе Вашего совета»¹⁵.

В 1759 г. к Мадрасу подошла английская эскадра. Это заставило Лалли спешно снять осаду и отойти к Вандевашу. В двух сражениях под Вандевашем английский полковник Эйр Кут разбил армию Лалли и взял в плен Бюсси. Французские солдаты и до того бунтовали, требуя жалованья, а после Вандеваша дезертирство из французской армии приняло огромные размеры. Лалли вынужден был отступить и укрепиться в Пондишери.

Осада Пондишери английской армией при поддержке флота (французский флот вообще бездействовал во время всей этой кампании) могла закончиться только падением этого французского центра в Индии. Однако Лалли целый год оборонялся в Пондишери. Все это время он активно искал поддержки индийских княжеств. Ему удалось договориться с Хайдаром Али, новым фактическим правителем Майсура, о посылке отряда в Пондишери, но бунт Кханде Рао, главного писца (мутасадди) Майсура, отвлек внимание Хайдара. Лалли пытался договориться и с маратхами, обещая им крупную сумму денег и занятую французами прибрежную крепость Джинджи. Однако прибытие английских кораблей из Бенгалии с припасами ускорило сдачу Пондишери. По утверждению современных индийских историков Н. К. Синха и А. Ч. Банерджи, «англичане имели в своем распоряжении ресурсы Бенгалии, а Бенгалия в то время была богатой страной. Снабжение из

¹⁵ Voltaire, *Précis du siècle de Louis XV* («Oeuvres complètes du Voltaire», vol. I, Paris, 1827), p. 1670.

Бенгалии позволило англичанам в Мадрасе вести войну в течение почти трех лет, не испытывая особых материальных затруднений»¹⁶.

Когда в Пондишери стал свирепствовать такой голод, что собака стоила 24 рупии¹⁷, Лалли выгнал за стены города 14 тыс. человек — все индийское население, а англичане не пожелали пропустить их, и несчастным людям пришлось пробыть с женщинами и детьми под обстрелом до тех пор, пока англичане не дали им наконец пройти.

В 1761 г. Пондишери пал, и англичане срыли его укрепления¹⁸. По словам К. Маркса, «*Кут сравнял форт с землей, полностью уничтожив всякий след французского владычества в Индии*»¹⁹.

В тот же год, когда англичане окончательно победили своего французского соперника на юге Индии, на севере, в Индостане, произошла битва под Панипатом, в которой были разбиты маратхи и одновременно ослаблены афганцы так, что обе эти силы выбыли из числа претендентов на господство над всей страной. Обстановка во всей Индии тем самым складывалась благоприятно для англичан: поскольку, по выражению Маркса, «все воевали против всех»²⁰, Индия могла легче стать добычей британского завоевателя.

Парижский мирный договор 1763 г. фактически закончил с французской империей в Индии. Франции были

¹⁶ Н. К. Сииха, А. Ч. Банерджи, *История Индии*, М., 1954, стр. 303.

¹⁷ V. Smith, *The Oxford history of India...*, 1919, p. 479.

¹⁸ Дальнейшая судьба Лалли сложилась трагично. Он пробыл в плену в Англии до заключения Парижского мирного договора 1763 г. По возвращении Лалли был посажен в Бастилию, где прожил два с половиной года до суда. Французское правительство обвинило его во взяточничестве, в чем он был неповинен. Вольтер выступал со статьями в его защиту и в связи с этим написал блестящие «Исторические фрагменты об Индии». Приговоренный к смерти Лалли пытался покончить с собой в камере, но лишь ранил себя, и был публично казнен. Его сын долго добивался реабилитации отца; лишь в 1778 г. Лалли был посмертно оправдан, и его имени были возвращены сыну.

¹⁹ К. Маркс, *Хронологические выписки по истории Индии...*, стр. 62.

²⁰ К. Маркс, *Будущие результаты британского владычества в Индии* (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 9, изд. 2), стр. 224.

возвращены ее фактории, и французская Компания могла налаживать опять свою торговлю с Индией, но владения французской Компании перестали быть как бы особым государством в Индии: Франция отказывалась от всех своих завоеваний, признавала Мухаммеда Али навабом Карнатика и обещала не воздвигать укреплений и не держать войск в Бенгалии. «События Семилетней войны,— писал Маркс,— превратили Ост-Индскую компанию (английскую.— К. А.) из торговой державы в державу военную и территориальную. Именно тогда было заложено основание нынешней Британской империи на Востоке»²¹. Англичане стали «самой большой силой в Индии»²². Таковы были результаты англо-французских торговых войн в Индии.

Французы продолжали бороться в Индии до конца XVIII в., но это была уже проигрышная борьба французских отрядов на службе у индийских правителей. Несмотря на отдельные военные успехи этих отрядов и напряженные моменты для англичан, Франция уже не могла сломить английского господства в Индии.

²¹ К. Маркс, *Ост-Индская компания, ее история и результаты ее деятельности* (там же), стр. 152.

²² К. Маркс, *Хронологические выписки по истории Индии* .., стр. 50.

ГЛАВА IV

БЕНГАЛИЯ НАКАНУНЕ АНГЛИЙСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ

Богатство Бенгалии в середине XVIII в. объяснялось развитием ее сельского хозяйства, ремесла и торговли, а также тем, что Бенгалия была в стороне от основных полей сражения в то время. Все, кто писал о Бенгалии XVIII в., отмечали невоинственный характер бенгальских земледельцев — следствие сравнительно мирного состояния страны.

В Бенгалии выращивали интенсивные товарные культуры: лучший в Индии рис, который вывозили не только в другие части страны вверх по Гангу, но и морем в районы Персидского залива¹, хлопок, индиго и сахарный тростник. Опiums до английского завоевания производили сравнительно небольшое количество.

О внутренней жизни бенгальской деревни в XVIII в. мы знаем очень немного. Местные хронисты не писали о деревне, а английские чиновники конца XVIII в. обращали внимание исключительно на сбор налогов и взаимоотношения заминдара с крестьянами. Первый подробный отчет о Бенгалии был составлен английским чиновником Бьюкененом в 1807—1808 гг. и опубликован в выдержках в 1838 г. Монтгомери-Мartiном². Необходимо, однако, помнить, что Бьюкенен наблюдал Бенгалию через полвека после установления власти англичан,

¹ R. C. Mitra, *Economic conditions of India in 1774—1777 (from the Journal of Modave)* [«Indian historical quarterly», vol. XXVII, 1925, № 1], p. 46, 47.

² Montgomery-Martin, *The history, antiquities, topography and statistics of Eastern India...*, vol. I—III, London, 1838.

когда английское господство изменило строй бенгальской жизни и дало сильнейший толчок разложению общины. Непосредственное вмешательство английских чиновников в сбор земельного налога в Бенгалии началось лишь с 70-х годов XVIII в., но ограбление страны, разорение феодальных кругов и увеличение земельного налога почти вдвое — все это с самого начала оказало сильное влияние на положение крестьянства, о чем свидетельствует голод 1770 г., унесший, даже по английским подсчетам, треть населения Бенгалии. С 80-х годов XVIII в. последовала серия аграрных экспериментов англичан, подорвавших общину и систему прежних феодальных подразделений крестьян. Наконец, все это завершилось введением системы Постоянного землеустройства (или системы «заминдари»), по которой собственниками всех земель были признаны заминдари-помещики, а крестьяне объявлены только их бесправными арендаторами. Все это настолько изменило прежнюю организацию деревни к тому времени, когда составлялись первые подробные описания Бенгалии, что мы можем судить о старом деревенском устройстве лишь по отрывочным сведениям и кое-где сохранившимся пережиткам прежних отношений.

Никто из писавших о Бенгалии XVIII в. не замечал какого-либо отличия строя сельской жизни в Бенгалии от деревенской организации в других частях Индии³. О том, что в Бенгалии XVIII в. также существовала сельская община, свидетельствует, например, введение заминдарами круговой поруки, когда крестьяне в деревне должны были вносить земельный налог также за умерших и бежавших⁴. На это указывает также сохранение деления крестьян на полноправных общинников (в Бенгалии они назывались «ходкашт») и неполноправных, пришлых (в Бенгалии — «паекашт») ⁵. Ходкашты

³ Об индийской общине накануне английского завоевания см.: К. А. Аятонова, *Аграрные отношения в Индии накануне английского завоевания* («Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии», т. VI, 1949, № 5), стр. 430—445.

⁴ Такой налог под названием «иаджей» отмечал Уоррен Хейстингс (см. ниже в этой же главе).

⁵ «Affairs of the East India Company. Ordered by the House of Commons to be printed 16 August 1832», vol. III, Revenue, pt. 2. Appendix and index, p. 11, 223.

имели право самостоятельно распоряжаться своей землей, а в некоторых местах даже право заклада и продажи своего участка⁶. Земли, ранее не обрабатывавшиеся, видимо, давал паекаштам (во всяком случае в ряде мест) не заминдар, а староста от имени общины⁷. Должность старосты в большинстве деревень была наследственной, и староста был представителем крестьян, а не назначался заминдарами.

В Индии было в то время несколько типов общины, соответствующих различным стадиям ее развития и разложения. Например, в центральных районах Индостана была распространена община «бхаячарья», где между общинниками делились не пахотные поля, а разные доли общинной земли, причем величина этой доли определялась близостью к действительному или вымышленному родоначальнику общины. В Пенджабе в сикхской общине земли получали воины сикхской армии, составившие привилегированный слой общинников. Характер бенгальской общины установить не удалось; можно лишь быть уверенным, что ей, как и всем другим типам индийской общины, было присуще соединение ремесла с земледелием, обеспечивавшее самодовлеющий характер индийской деревни⁸.

Бенгальская община содержала должностных лиц (старосту и писца), слуг (мусорщика, сторожа и т. п.) и ремесленников. Подальше от Калькутты, там, где меньше чувствовалось вмешательство английских властей, Бьюкенен отметил коллективное содержание общинной почти полного состава общинников, не занимавшихся земледельческим трудом⁹. В этих местах община

⁶ A. F. Tytler, *Considerations on the present political state of India*, vol. I, London, 1816, p. XII.

⁷ «Affairs of the East India Company...», p. 223, 244; Montgomery-Martin, *The history, antiquities, topography and statistics of Eastern India*, vol. II, p. 537.

⁸ В данной работе не представляется возможным проследить разные типы индийской общины; подробно рассматривается лишь материал, касающийся майсурской общины и в известной мере маратхской.

⁹ «Повсюду плотник и кузнец, в большинстве местностей жрец местных божеств и духов, весовщик-меняла, цирюльник и кожевник получают некоторые взносы (allowances) на их содержание» (Montgomery-Martin, *The history, antiquities, topography and statistics of Eastern India*, vol. II, p. 542).

сохранилась неразложившейся до 20-х годов XIX в.¹⁰ Иначе было в Динаджпуре, который стал первым полем аграрных экспериментов англичан; в результате этого там еще во времена Уоррена Хейстингса вспыхнуло крупнейшее крестьянское восстание. Бьюкенен видел в деревнях Динаджпура лишь должностных лиц и слуг общины, связанных со сбором налога, и только в некоторых местах, например в районе Бхагалпур Динаджпурского округа, отметил выделение доли урожая ремесленнику-гончару¹¹. Во времена Бьюкенена именно в деревнях Динаджпура общинные должностные лица хотя и содержались нередко за счет крестьян (или же при разделе урожая их доля выделялась до того, как заминдар забирал свою часть, т. е. частично их содержание оплачивал и заминдар), но во многих случаях начались заминдаром и были, таким образом, его агентами. Это свидетельствует об уже далеко зашедшем разложении общины в Динаджпуре; но когда начался этот процесс — до английского завоевания или под влиянием деятельности английских властей в Бенгалии, — мы не в состоянии установить.

Бьюкенен, не замечавший существования общины где бы то ни было в Индии, всюду описывал ремесленников как самостоятельных хозяйчиков, работавших исключительно на рынок. Однако в этом отношении нельзя полагаться целиком на его мнение. Он отметил, что, хотя крестьянки повсюду в Бенгалии занимались прядением, продавали они только ту часть пряжи, которую не оставляли для домашнего употребления¹². Бьюкенен сообщал, что во многих местах деревенские ремесленники часть времени возделывали свой участок или же занимались только ремеслом, в то время как их землю об-

¹⁰ Например, в Алигархе (ныне Уттар-Прадеш) английский чиновник в 1826 г. перечислил в составе общины не только должностных лиц (старосту и писца) и слуг (баллахара — мусорщика и сторожа), но и ремесленников: плотника, гончара, кузнеца, цирюльника, стиральщика белья и кожевника. Все эти ремесленники, должностные лица и слуги получали от общины долю урожая, а многие из них еще и необлагаемый участок земли («Affairs of the East India Company...», p. 256).

¹¹ Montgomery-Martin, *The history, antiquities, topography and statistics of Eastern India*, vol. II, p. 235.

¹² *Ibid.*, p. 960.

рабатывали члены семьи¹³. Получили ли они этот участок как члены общины, Бьюкенен не сообщает.

Из всех ремесел в Бенгалии были больше всего развиты прядение и ткачество. Вывод К. Маркса о том, что индийские общины «покойлись на домашней промышленности, на своеобразной комбинации ручного ткачества, ручного прядения и ручного способа обработки земли»¹⁴, в первую очередь относился к Бенгалии. Именно там «ручной ткацкий станок и ручная прялка, породившие бесчисленную армию прядильщиков и ткачей, были главными стержнями в структуре индийского общества»¹⁵. Нигде в Индии в состав общинных ремесленников не включался прядильщик или ткач: этим ремеслом занималась каждая крестьянская семья, производившая ткани для собственного потребления. В Бенгалии же, с ее многолюдным населением, тканей производилось особенно много. Роберт Орм, историк, составивший в Калькутте в 1752 г. свой «Исторический фрагмент Могольской империи», писал, что производство хлопчатобумажных тканей является занятием всего народа. В его дни трудно было найти деревню в Бенгалии, где каждый мужчина, женщина или ребенок не были бы заняты производством куска ткани¹⁶. В начале XIX в., по описанию Бьюкенена, «многие крестьяне низших каст, как индусы так и мусульмане, имеют станок в своем доме; мужчины и женщины работают на нем, когда у них есть свободное время»¹⁷.

Ткацкий станок не менялся, не совершенствовался с глубокой древности. Он по-прежнему представлял собой грубо сколоченную деревянную раму, растянутую на всю длину куска ткани и потому не помещавшуюся в хижине, а расставленную перед входом в нее. Женщины пряли тонкие нити просто руками и только для более грубых тканей прибегали к помощи «чарка» (деревян-

¹³ Montgomery-Martin, *The history, antiquities, topography and statistics of Eastern India*, vol. I, p. 111, 470.

¹⁴ К. Маркс, *Британское владычество в Индии* (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 9, изд. 2), стр. 135.

¹⁵ Там же, стр. 133.

¹⁶ S. Bhattacharya, *The East India Company and the economy of Bengal from 1704 to 1740*, London, 1954, p. 181, 182.

¹⁷ Montgomery-Martin, *The history, antiquities, topography and statistics of Eastern India*, vol. II, p. 975.

Ткач за работой (с гравюры Соннера, XVIII в.)

ного прядильного колеса, приводимого в движение руками). Для производства куска богатой ткани «требовались труд и умение целой семьи из 8—9 человек, от главы семьи до маленького ребенка... Женщины прядут нити для ткацья и передают их мужчинам, чьи пальцы могут сделать ткань такую же тонкую, какой была пряжа. Примечательно, что орудия, которыми они пользуются, так просты и непритязательны, как только можно себе представить. Негибкие, неловкие пальцы европейца вряд ли могли бы сделать кусок парусины теми инструментами, которые только и употребляет индеец, производя кусок тонкой хлопчатобумажной ткани (или муслина)»¹⁸. Недаром К. Маркс писал: «Лишь накопленная из поколения в поколение, передаваемая по наследству от отца к сыну специальная сноровка, сообщает индусу, как и пауку, его виртуозность»¹⁹.

При таком методе производства каждая семья ткачей могла делать только один вид тканей, который изготовляли отцы и деды. Это превратилось в кастовую обособленность: ткачи одной касты делали один сорт ткани, ткачи другой касты — ткань иной выделки.

Заминдары облагали ремесленников (в частности, ткачей) разного рода поборами. В начале XIX в. в местностях подалее от Калькутты налоги на ремесленников сохранились в своем прежнем виде (налог на каждый ткацкий станок, на каждый дом красильщика или набойщика тканей, на каждый пресс для выжимания масла и т. п.)²⁰; в других местах эта феодальная эксплуатация ремесленника приняла вид платы за землю, на которой построен его дом (крестьяне за землю под их домами ничего не платили)²¹. К этому времени еще использовался принудительный труд ткачей на общественных работах, в частности, ткачи были обязаны по требованию заминдара обслуживать в качестве носильщиков проезжавших²².

¹⁸ Ibid., p. 183.

¹⁹ К. Маркс, *Капитал*, т. I, М., 1955, стр. 347.

²⁰ «Affairs of the East India Company...», p. 246.

²¹ Montgomery-Martin, *The history, antiquities, topography and statistics of Eastern India*, vol. II, p. 560.

²² Montgomery-Martin, *The history, antiquities, topography and statistics of Eastern India*, vol. I, p. 559 etc.

Каждая крестьянская семья в основном выделявала ткани только для личного потребления²³, но были и целые деревни ткачей, которые производили ткани главным образом для продажи.

Вокруг городов возникли ткацкие предместья. Там ткачи работали главным образом на местный рынок или на скупщика, который раздавал им авансы и за это забирал ткани по цене, значительно ниже рыночной. Центром ткацкого производства была Дакка. В Дакке выделявали ткани всех сортов, в том числе и грубые, предназначенные, очевидно, для городских бедных слоев населения. Однако больше делали дорогие ткани, с примесью шелка, узорные, с золотой или серебряной нитью, или тонкие набивные, предназначавшиеся для двора наваба Бенгалии или падишаха в Дели. Эти же тонкие и узорные ткани преимущественно вывозили европейские компании.

Первыми открыли свои фабрики в Дакке голландцы. В 1666 г. они уже имели там большой склад товаров. Англичане построили кирпичный дом фабрики в Дакке только в 1676 г., а в 1691 г. они получили фирман на право беспошлинной торговли при уплате 3 тыс. рупий в год. Французы утвердились в Дакке лишь в 1726—1738 гг.²⁴

Все эти компании предпочитали делать оптовые закупки тканей у индийских торговцев и скупщиков. Капсовая раздробленность ремесленников делала их совершенно беспомощными перед скупщиками. Авансовый долг ремесленника переходил от отца к сыну и превращал бенгальского ткача в долгового раба. Эта система закабаления ремесленника авансами была особенно тяжелой, когда скупщиком стал не индийский купец, а агент могущественной английской Компании. Из самостоятельных ремесленников ткачи Дакки в XVIII в. постепенно превратились в зависимых кустарей, вырабаты-

²³ Еще в 1840 г. один плантатор-англичанин из Бенгалии говорил: «Большая часть тканей, носимых нашими райятами, вырабатывается в деревнях» («Report from the Select Committee on East India produce, together with minutes of evidence. Ordered by the House of Commons to be printed 21 July 1840», p. 66).

²⁴ «Eastern Bengal district gazetteer», «Дакка», Allahabad, 1912, p. 44, 35.

вавших по заказу ткани необычной для Индии ширины, с расцветкой и узором, приемлемыми для европейского покупателя. Правда, до раздачи сырья скупщиками дело не дошло. Пряжу обычно подготавливали члены семьи ткача; хлопок-сырец ткач закупал на рынке на авансированные ему деньги; станок и все инструменты ремесленник делал сам. Долговая зависимость не давала ему возможности работать, не прибегая к скупщику, ткач не мог уйти или отказаться от любого заказа, пока не был полностью выплачен авансовый долг, а агенты Компании следили за тем, чтобы этот долг никогда нельзя было выплатить. После завоевания Бенгалии, когда Компания превратилась в верховного владыку и господина, положение ткачей стало просто безвыходным. По свидетельству голландского купца в Бенгалии, Болтса, были случаи, когда ткачи с отчаяния отрубали себе большой палец, чтобы избавиться от принудительного труда²⁵.

Другой важной отраслью производства в Бенгалии было выпаривание соли на морском берегу. Перерабатывали и очищали эту соль в разных местах, в том числе и в Дакке. Соль вывозили главным образом на север и в Центральную Индию. На юге Индии бенгальская соль также ценилась по своим вкусовым качествам. Некоторые чиновники Ост-Индской компании занимались торговлей солью как своим частным делом и составили на этом состояния.

Торговля в самой Бенгалии в XVIII в. была весьма оживленной. По Гангу плыл «лес лодок»²⁶, перевозя товары в столицу Могольской империи — Дели. Своего хлопка Бенгалии не хватало, и его приходилось импортировать из других частей Индии.

Развитие городов и торговли в Бенгалии рано привело к большему по сравнению с другими частями Индии развитию товарно-денежных отношений. В Бенгалии еще до XVII в. рента-налог взималась в денежной форме. В «Аин-и Акбари», написанном в 90-х годах XVI в., говорится о бенгальских крестьянах: «В течение восьми месяцев в году они постепенно уплачивают земельный

²⁵ W. Bolts, *Consideration on Indian affairs*, vol. I—II, London, 1772.

²⁶ R. C. Mitra, *Economic conditions of India in 1774—1777*, p. 46.

налог. Они сами приносят рупии и мохуры в место, где собирают налог, а обычая раздела урожая там нет»²⁷. Конечно, здесь речь идет о старостах, приносивших налог за всю деревню; нельзя предположить, что налог с рядового крестьянина составлял несколько рупий (серебряных монет) и даже мохуров (золотых монет)

Эта денежная форма ренты-налога сохранилась и в XVIII в. Английские чиновники тоже заявляли, что «в Бенгалии с самых древних времен... по-видимому, преобладала система денежных ставок, и ни в одной области (тогдашней Бенгалии.— К. А.) не была всеобщей система раздела урожая»²⁸.

Со времени появления у крестьян потребности в денежных средствах для уплаты государственного налога в деревне укоренились ростовщики-менялы. Постепенно ростовщики стали закабалить деревню. Впрочем, в начале XIX в. такая власть ростовщика была, по-видимому, явлением еще сравнительно новым. «Крестьяне говорят, что их отцы помнят то время, когда жили без помощи ростовщика, но уже давно они не могут прожить, не обращаясь к нему»²⁹,— писал один английский чиновник в Бенгалии.

До отделения от Могольской империи в Бенгалии собирали земельный налог таким же методом, как и в других частях государства. В XVIII в. почти вся земля в Бенгалии была роздана в джагиры и заминдарства. Хотя формально еще титулы джагирдара и заминдара различались, фактически разница между ними была невелика. Все более усиливалась тенденция к превращению джагирдарского владения в наследственное, наподобие заминдарства. Разница между этими пожалованиями заключалась лишь в том, что джагирдар, уплачивая часть собранных налогов в казну, на остальную часть своих доходов должен был содержать вооруженные отряды, заминдар же был освобожден от обязанности содержать воинские силы и идти в бой за правителя Бенгалии. Уплатив в виде залога небольшую сумму

²⁷ «Ain-i-Akbari», vol. II, Calcutta, 1867—1877, p. 389.

²⁸ «Affairs of the East India Company...», p. 232.

²⁹ A. F. Tytler, *Considerations on the present political state of India*, vol. I, p. XIII.

вперед, заминдар должен был внести в казначейство весь собранный земельный налог. «По уплате всего собранного налога полностью,— говорится в одном гипичном для того времени заминдарском документе о пожаловании,— ему (заминдару.— К. А.) должны засчитать маскунат (т. е. расходы на содержание, „проживание“.— К. А.) согласно обычаю»³⁰. К середине XVIII в. суммы, официально причитавшиеся заминдару, составляли от $\frac{1}{10}$ до $\frac{1}{11}$ всего собранного данным заминдаром земельного налога и, кроме того, весь налог с $\frac{1}{20}$ части территории (называвшейся «нанкар»). Заминдару предписывалось «воздерживаться от взимания каких-либо абвабов (сборов и поштин.— К. А.), запрещенных правительством». На заминдара возлагались, кроме того, обязанности по поддержанию порядка, предотвращению или расследованию случаев разбоя и обеспечению спокойствия на дорогах пожалованной ему территории.

В полученных на откуп владениях заминдары стали бесконтрольно распоряжаться, собирая налоги с помощью собственных вооруженных отрядов, чиня суд и расправу над населением, подкупая правительственных чиновников, поставленных для контроля над ними. Постепенно, укрепившись в своих владениях, заминдары начали откупаться от правительства наваба, причем суммы, которые они стали вносить в казну, по существу уже имели мало общего с собранной ими с крестьян рентой.

Надо также учитывать, что, как пишет современный польский историк, «бенгальские заминдары существенно отличались друг от друга. Самые крупные заминдарства — это наследственные владения раджей домусульманского периода, как например владения заминдаров Бурдвана, Надия, Динаджпура и др., которые, без сомнения, представляли собой тип, относительно наиболее близкий к феодальным латифундиям»³¹. Правда, число таких крупных владений было не столь уж велико.

³⁰ J. Briggs, *The present land tax in India*, London, 1830, p. 137. — Этот документ был составлен в 1801 г., но он точно воспроизводит формы документов, составлявшихся ранее.

³¹ В. Mrozek, *Powstanie systemów zamindari i rajjatwari w rolnictwie indyjskim na przetomie XVIII, XIX wieku* [«Przegląd orientalistyczny», Warszawa, 1958, № 1 (25)], S. 49.

После отделения от Могольской империи правительство самостоятельной Бенгалии не было достаточно сильным, для того чтобы держать в своих руках могущественных и богатых заминдаров. Заминдары нередко содержали вооруженные отряды, но не будучи обязанными являться с ними по зову правителя, пользовались ими для усиления собственной власти. Число вооруженных людей на службе у заминдара зависело не от воинского чина, как у джагирдара, а только от имевшихся в распоряжении заминдара денег. В «смутные» времена власть и могущество заминдара зависели от силы его отрядов.

Заминдары изыскивали различные способы для увеличения своих денежных поступлений. Это можно было сделать двумя путями: увеличить абвабы или привлечь новых крестьян.

Наложение абвабов было запрещено, но заминдары заставляли крестьян платить их под разными предлогами, и к середине XVIII в. общая сумма абвабов сильно увеличилась. Генерал-губернатор Бенгалии Хейстингс в письме, отправленном правлению Компании в Лондон 3 ноября 1772 г., перечислил некоторые из этих поборов, так как англичане впервые заинтересовались тогда вопросом о земельной ренте в Индии: *наджей* (коллективная порука) — оставшееся население вынуждают уплатить все налоги за бежавших или умерших деревенских жителей; *пошлины* на все товары, перевозимые по воде; *мелкие налоги* — штрафы за плохое поведение, сбор за свадьбу и т. д.³² Контролер над сбором налогов (*super-visor*) в округе Пурнеа в донесении Калькуттскому совету от 13 декабря 1770 г. писал, что «самовольные штрафы: как-то, за прелюбодеяние, за колдовство, за воровство... и т. д. ...были невыносимым бременем для всех... Они прибавлялись к общей сумме налога»³³.

Все эти самовольно введенные заминдарами сборы не вносились в общегосударственную роспись земельного налога и не сдавались государству, а оставались целиком заминдару. Однако, поскольку заминдары стали

³² «Reports from the Committee of secrecy of the House of Commons appointed to enquire into the state of the East India Company in the years 1772—1773», London, 1773, p. 5.

³³ *Ibid.*, p. 28.

фактически уже наследственными владельцами, они не были заинтересованы в полном разорении «своего» крестьянства и потому вынуждены были соблюдать известные пределы в эксплуатации деревни, оставляя крестьянину то, что ему нужно было для простого воспроизводства.

Распашка целинных земель и привлечение новых крестьян также вели к увеличению доходов заминдара. Земельный налог в Могольской империи взимался только с засеянной земли. Пустоши, выгоны и невозделанные земли не облагались. Если эти земли были неподалеку от деревни, они находились в коллективном владении и пользовании сельской общины.

Еще при Акбаре, во второй половине XVI в., государственным сборщикам налогов предписывалось привлекать крестьян для распашки новых земель. С крестьян-новопришельцев в первый год не взимали никаких налогов, а затем три года брали уменьшенный налог. В некоторых случаях сборщику налогов предписывалось предоставлять крестьянам денежную помощь (такавви) и всячески стимулировать освоение необработанных земель³⁴. Через пять лет эти земли включали в общегосударственную роспись земельного налога, как и все другие.

С ослаблением государственной власти в самостоятельной Бенгалии заминдары перестали включать налог с таких земель в общегосударственный реестр и оставляли его целиком себе. Между тем в XVIII в. Бенгалия переживала период хозяйственного подъема. Население ее быстро увеличивалось, появлялись новые деревни, и джунгли отступали перед плугом. Таким образом, налог с новых распаханных земель, утаенный заминдарами, стал значительной статьей их дохода.

С ростом экономической самостоятельности заминдаров произошло также выделение части земель из условного заминдарского владения в безусловную феодальную собственность заминдара. С таких земель, называвшихся «нанкар» или «низ», заминдар собирал налог себе, не платя ничего правительству. Если заминдар терял право сбора налога со всего своего заминдарства,

³⁴ «Ain-i-Akbari», vol. I, p. 285.

у него все же оставались земли «нанкар» в качестве «отступного»³⁵.

В общей сложности заминдары вносили государству не больше половины собранных налогов³⁶. Таким образом, фактически рента, собираемая с крестьян, отделилась от получаемого государством земельного налога. Это было экономической основой роста феодальной частной собственности за счет государственной собственности на землю.

Попытки бенгальского правительства приостановить рост самостоятельности заминдаров и повысить роль государственной собственности на землю не привели к успеху. Назначаемые государством контролеры обычно не решались идти против заминдаров и сталкивались с ними. Тогда навабы Бенгалии стали произвольно повышать налоговые требования к заминдарам. «Так, общая сумма налоговых претензий бенгальского наваба Аливерды-хана (Аллахварди-хана.— *Ред.*) к феодальным землевладельцам составляла в 1756 г. 18512 тыс. рупий против 14288 тыс. рупий по обложению 1722 г., установленному на основе более или менее подробной кадастрации земель навабом Муршид Кули-ханом. Однако произвольное, независимое от размеров установленного по кадастру обложения, повышение налоговых платежей заминдаров как бы санкционировало право заминдаров взимать ренту с крестьян по своему усмотрению»³⁷.

К середине XVIII в. в Бенгалии широко отдавали на откуп сбор земельного налога. Это не было новым явлением: откуп налогов в Могольской империи был распространен с начала XVII в. Простое увеличение суммы залога, вносимого при получении нового заминдарского пожалования, до размера, примерно соответствовавшего ожидаемой сумме земельного налога с жалуемого владения, превращало такое пожалование фактически в покупку права на сбор государственного налога. Однако в Могольской империи джагирное пожалование никогда полностью не отрывалось от обязательства

³⁵ «Affairs of the East India Company...», p. 13.

³⁶ Э. Н. Комаров, *К вопросу об установлении постоянного обложения по системе заминдари в Бенгалии* («Ученые записки Института востоковедения», т. XII, М., 1955), стр. 8.

³⁷ Там же, стр. 19.

джагирдара содержать определенное число всадников, готовых явиться на службу сюзерена по первому его требованию. В Бенгалии наваб редко мог рассчитывать на появление на его службе заминдарских отрядов без предварительного особого соглашения с данным заминдаром. Бенгальское правительство, сдавая земельный налог на откуп, сразу получало крупную сумму, на которую само нанимало свое войско. Таким образом, право на сбор земельного налога с определенной территории стали покупать люди, не имевшие отношения к военной службе, но зато владевшие денежным капиталом.

Типичным бенгальским заминдаром стал не только военачальник, но и бывший купец, ростовщик. Превратившись в заминдара, такой представитель денежного капитала, однако, не менял способа эксплуатации крестьянства.

В первой половине XVIII в. купцы и ростовщики стали играть значительную роль в экономической жизни страны; но они не были самостоятельной политической силой и во многом зависели от феодального класса. Самые крупные представители денежного капитала были не бенгальцы по происхождению, а парсы — выходцы из Гуджарата, или марвари, т. е. пришельцы из Мальвы (Центральная Индия). Так, крупнейший банкир Бенгалии, получивший титул Джагат Сетх (банкир мира), был выходцем из Джодхпура (ныне Раджпутана). Мелкими торговцами и сельскими ростовщиками-менялами были обычно бенгальцы-индусы.

При мусульманской династии Великих Моголов военачальниками были главным образом мусульмане; активную политическую роль играли в Бенгалии и отдельные заминдары-военачальники из индусов, как например Рая Дурлаб Сингх — один из полководцев наваба Бенгалии Аллахварди-хана. Когда заминдарские владения начали получать не только военачальники, а также купцы и ростовщики, заминдарами постепенно стало много индусов.

Среди бенгальского крестьянства был распространен ислам. Это объяснялось тем, что Бенгалия, особенно Бихар, была в свое время оплотом буддизма. При распространении индуизма бывшие буддисты включались в его систему лишь как представители низших каст. Впо-

следствии переход в ислам мог несколько улучшить их положение: хотя мусульмане в Индии переняли кастовый строй индуизма, кастовые правила и ограничения среди мусульман соблюдались не так строго, и представителей низших каст мусульмане не так презирали и унижали. Среди крестьян и ремесленников по всей Индии лица одной профессии принадлежали обычно по признаку вероисповедания к разным кастам: например, ткач-мусульманин был другой касты, чем вырабатывавший такую же ткань индус.

Английская Компания в Бенгалии была связана с торговцами и ростовщиками, влиятельными местными людьми, и приходила в постоянные столкновения с навабом и его двором. Получилось так, что оказывали содействие Компании богатые индусы, а выступали против нее военачальники-мусульмане. Однако было бы неправильным делать на этом основании вывод, что англичане уже при завоевании Бенгалии стремились разжигать индо-мусульманскую рознь³⁸. Большая часть служащих Компании вообще не разбиралась в этих вопросах. К тому же при завоевании страны англичане опирались также и на мусульман, например на Мир Джафара, военачальника наваба Бенгалии, претендента на бенгальский престол.

Правление Компании в 1756 г. помещалось в Форт-Вилльяме в Калькутте. Эта крепость возвышалась у пристани на реке Хугли, куда подходили морские суда и речные лодки. В Форт-Вильяме находились также складские помещения, гарнизон в тысячу человек и даже небольшое тюремное помещение, куда сажали индийцев — злостных должников Компании. Большинство служащих Компании жили в самом Форте, лишь немногие снимали дома у богатых индийцев. В Форте было несколько чище, чем в «Черном городе» — окраине Калькутты, где жило местное население, в том числе восемь тысяч ремесленников Компании. Жилища в Черном городе состояли большей частью из раздвижных плетеных хижин, крытых соломой. С залива доносился запах раз-

³⁸ См.: Е. Я. Люстерник, *Из истории захвата Бенгалии англичанами* («Ученые записки Ленинградского пединститута им. Герцена», т. 62, 1948), стр. 173—182.

лагавшейся рыбы. В арыки, протекавшие по улицам, стекались все нечистоты, наполняя воздух зловонными испарениями. Коршуны стаями летали над улицами и вели себя так нагло, что даже выхватывали пищу из рук людей. Огромное количество мух отравляло жизнь. Чума не прекращалась бы в скученных кварталах Черного города, если бы не шакалы и коршуны, фактически выполнявшие роль ассенизаторов в индийских городах.

Итак, в Бенгалии до английского завоевания господствовали феодальные отношения. Шел процесс роста частнофеодальной собственности на землю за счет государственной; рента, получаемая феодалами, начала отделяться от земельного налога. Политика бенгальских навабов определялась не только интересами феодальных, но отчасти и торгово-ростовщических кругов.

Сочетание ремесла с земледелием в общине придавало деревне самодовлеющий характер. Ремесленники получали от общины за свою работу долю урожая. Занятие ремеслом передавалось по наследству. Вместе с тем во множестве деревень крестьяне занимались ткачеством и выносили на рынок излишек тканей. Кроме того, крестьяне продавали на рынке продукты для выручки денег на уплату податей. Так рыночные отношения проникали и в деревню.

Городское ремесло не было связано с общиной. Несколько тысяч ткачей работали в Дакке, Калькутте, Касимбазаре и некоторых других городах, поставляя ткани главным образом для двора наваба и на экспорт. Скупщики часто закабаляли этих ткачей системой авансов. Орудия производства ткачей были крайне примитивными, и только передававшееся по наследству искусство позволяло создавать тончайшие изделия.

Такова была картина жизни в Бенгалии середины XVIII в., накануне событий, имевших большое значение для дальнейшей истории Индии.

ГЛАВА V

ЗАВОЕВАНИЕ БЕНГАЛИИ (1757—1764)

Наваб Бенгалии Аллахарди-хан давно опасался растущего влияния англичан. Эта боязнь усилилась, когда до Бенгалии дошли известия, что европейские компании на юге Индии вступили на путь вмешательства в дела индийских государств и что англичане организовали убийство Музаффар Джанга в Хайдарабаде. Французские и голландские купцы не играли такой большой роли в Бенгалии, как англичане, и поэтому приходилось опасаться только английской Компании. Аллахарди, видимо, не собирался изгонять английских купцов из своего государства, он только стремился ограничить их действия торговой деятельностью, «поставив их торговлю в такие же условия, которыми пользовались армяне»¹.

В 1756 г., после смерти Аллахарди-хана, навабом Бенгалии стал его внук Сирадж-уд-доула. Началась борьба за престол. Шаукат Джанг, претендент на бенгальский трон, бежал в Калькутту к англичанам, кото-

¹ Н. К. Синха, А. Ч. Банерджи, *История Индии*, М., 1954, стр. 305. — В Мадрасе с XVII в., а в Калькутте с XVIII в. были большие колонии армянских купцов. В XVII в. в Москву приезжали торговать армянские купцы из Дели с индийскими товарами, по их словам, от казны. Индийские армяне торговали со Средней Азией и особенно с Персией, куда еще в XVI в. шах Аббас перевез целую колонию армянских торговцев и ремесленников. В Калькутте в середине XVIII в. армяне играли большую роль, причем не только как купцы, но и как военачальники, особенно некий Геворкхан (Григор Арутюнян) и его брат. В Матенадаране (Государственное хранилище древних рукописей) в Ереване есть ряд ценных, но неопубликованных рукописей по истории Индии, написанных индийскими армянами.

рые отказались его выдать Сирадж-уд-доуле. У молодого наваба был на службе крупный артиллерийский отряд под командованием французских офицеров, подстрекавших его к нападению на своих английских соперников. Момент для нападения на англичан оказался благоприятным. Гарнизон Касимбазара (где находилась большая английская фактория) и Калькутты был в то время невелик — основные силы англичан были сосредоточены на юге Индии, где шла борьба с французами. Укрепления Форт-Вилльяма были заброшены, ров осыпался, военные припасы давно не пополнялись.

Взяв Касимбазар, Сирадж-уд-доула осадил Калькутту. При известии о приближении войск наваба губернатор Форт-Вилльяма, носивший фамилию отважного элизаветинского флибустьера Дрэйка, первым трусливо бежал из Калькутты вместе с членами своего совета и военным руководством на единственных двух кораблях Компании, бросив население на произвол судьбы. Беззащитный город был взят войском Сирадж-уд-доулы. Сто сорок шесть англичан согласно свидетельству видного служащего Компании Холуэлла были посажены в крошечную, плохо вентилируемую английскую тюрьму форта. Отсутствие свежего воздуха и жара привели к сумасшествию и гибели узников². На следующее утро в живых остались 23 человека. Смерть остальных была случайностью, а не преднамеренным убийством. Наваб спал, и стража не решилась разбудить властелина ради каких-то пленников. Маркс отметил, что оставшимся в живых *«было разрешено отплыть вниз по Хугли. Это и была «Калькуттская черная яма», вокруг которой столько шума поднимают до сих пор английские ханжи»*³.

Бежавшие из Калькутты англичане столпились на малярийном острове Фальта. Наваб даже послал им продовольствие, так что рассказы о его свирепости являются измышлениями англичан.

² Индийские историки подвергают сомнению рассказ Холуэлла, считая, что в сохранившуюся и поныне комнату, служившую тюрьмой, невозможно было втиснуть 146 человек, и полагают, что Холуэлл приписал к числу погибших в «Черной яме» всех тех, кто погиб при обороне Калькутты от войск Сирадж-уд-доулы (см.: Н. К. Синха, А. Ч. Банерджи, *История Индии*, стр. 305).

³ К. Маркс, *Хронологические выписки по истории Индии (664—1858 гг.)*, 1947, стр. 63, 64.

Вид на Калъкутту с Форт-Вилляма (с гравюры Хаджеси, XVIII в.)

Как только до Мадраса дошли вести о событиях в Калькутте, англичане отправили туда отряд под командованием Роберта Клайва, который был произведен в полковники за храбрость, проявленную в борьбе против французов в Карнатике. Клайву удалось высадиться в Калькутте и при нейтралитете французов (отказавшихся помогать навабу, не зная, что опять началась война в Европе) изгнать бенгальские войска из города.

Заключив мир с навабом, англичане в «благодарность» за нейтралитет бомбардировали и взяли Шандернагор, основное французское поселение в Бенгалии.

Несмотря на приказ вернуться в Мадрас, Клайв решил остаться в богатой Бенгалии, намереваясь свергнуть Сирадж-уд-доуле и добыть себе здесь состояние. Англичане заключили тайный договор с военачальником и визирем наваба Мир Джафаром.

Мир Джафар (1691—1765) был сыном мелкого джагирдара и воспитывался с детских лет в семье Аллахварди-хана. Став военачальником, Мир Джафар разбил в нескольких боях вторгшихся в Бенгалию маратхов. За это Аллахварди назначил его на пост «бахши», т. е. казначея армии, и дал ему в жены свою сестру. После смерти Аллахварди Мир Джафар тоже предъявил претензии на бенгальский престол, однако джагирдары признали вместо него навабом внука Аллахварди — Сирадж-уд-доулу. Поэтому Мир Джафар охотно пошел на тайный сговор с англичанами, надеясь с их помощью добиться своих целей. Однако он потребовал, чтобы обязательства англичан были гарантированы богатейшим купцом и ростовщиком Бенгалии Джагат Сетхом. Последний, в свое время недовольный действиями Компании, особенно тем, что она получила право чеканки монеты в Бенгалии и подрывала его привилегии, был, однако, против изгнания англичан, считая, что это нарушит торговую и деловую жизнь Бенгалии. Другой крупный бенгальский купец, давно выступавший в роли агента Компании, сикх Амичанд, за помощь в устройстве переговоров с Мир Джафаром требовал 2 лакха (200 тыс.) рупий. Клайв обманул Амичанда подложным договором, в котором стояло обязательство уплатить эту сумму, подделав подпись члена Калькуттского совета адмирала Уотсона, отказавшегося участвовать в подлоге.

По подлинному тайному договору Мир Джафар обязался, если станет навабом вместо Сирадж-уд-доулы, окончательно изгнать французов из Бенгалии и во всем слушаться англичан. В финансовой части договора Мир Джафар обязался выплатить огромные суммы англичанам «в возмещение убытков, понесенных в связи с овладением Калькуттой»⁴. По словам самого Клайва, «сумма, предназначенная для возмещения, не только полностью покрывала все убытки, но еще давала дивиденд в 22%; кроме того, для нужд Компании была оставлена сумма, равная такому же дивиденду»⁵.

Интереснее всего, что Калькутта почти не была разграблена войсками Сирадж-уд-доулы и все имущество Компании было сохранено нетронутым для казны наваба. В целом сумма, полагавшаяся по договору англичанам (17 700 тыс. ф. ст.), превышала, вероятно, все движимое имущество обитателей Калькутты. «Щедрость» заключавших договор англичан объясняется последним пунктом договора: «Распределение сумм, отведенных индусам, мусульманам, англичанам и другим жителям Калькутты, возлагается на адмирала Уотсона, полковника Клайва и на остальных членов Совета; они имеют право раздавать эти суммы, кому сочтут нужным».

Решающее столкновение между тремя тысячами sipaев Клайва и армией наваба, состоявшей из 18 тыс. всадников и 50 тыс. пехоты, произошло 23 июня 1757 г. при Плесси. Во время этой битвы Мир Джафар, командовавший основными силами наваба, не принимал участия в сражении, выжидая, кто победит, и тем дал возможность Клайву с его небольшими отрядами наголову разбить войско Сирадж-уд-доулы. Эта «славная» победа над необученными войсками Сирадж-уд-доулы, одержанная путем предательства, до сих пор превозносится во всех английских книгах и учебниках. Конечно, Клайву, для того чтобы дать приказ своему небольшому отряду выступить против огромной, развернувшейся про-

⁴ Cl. U. Aitchison, *A collection of treaties, engagements, and sanads relating to India and neighbouring countries*, vol. I, Calcutta, 1909.

⁵ Lord Clive, *A letter to the proprietors of the East India stock*, London, 1764, p. 24.

тив него армии, требовалась храбрость и решительность, тем более что Клайв не был убежден, что Мир Джафар не изменит их тайному договору. Однако свою способность к решительным действиям Клайв показал еще в Карнатике, при нападении на Аркат.

После Плесси Клайв реорганизовал отряды, находившиеся под его командой: создал стройную систему войсковых единиц с определенным количеством офицеров и вооружения и определил оплату по чинам. Дело в том, что в английской армии в Индии до середины XIX в. существовало деление на «королевские войска» и «войска Компании», причем продвижение офицеров происходило по принципу старшинства, и в королевских войсках было легче получить более высокий чин. Это не раз вызывало резкое недовольство английских офицеров Компании. В то время в Индии фактически существовали три английские армии — бенгальская, мадрасская и бомбейская, и у каждой из них были свои принципы набора сипасв, свои условия службы и оплаты рядовых.

Победив при Плесси, англичане получили обширную, богатую область, ресурсы которой они использовали во всей своей дальнейшей борьбе за Индию. Недаром именно со времени битвы при Плесси английские колонизаторы датируют начало Британского владычества в Индии. Современный индийский историк Р. Мукхерджи также придает большое значение этой битве, считая, что «после Плесси не осталось никакой надежды на установление французской власти в Индии»⁶.

Помимо сумм, оговоренных в тайном соглашении, вся верхушка английских завоевателей при возведении Мир Джафара на престол получила значительные состояния под видом подарков. В списке одаренных Мир Джафаром на первом месте опять «храбрый» губернатор Дрэйк, бежавший из Калькутты. Правда, он получил «лишь» 280 тыс. рупий, тогда как Клайв получил 2080 тыс. рупий. Все 15 лиц, перечисленных в списке, получили 5580 тыс. рупий. Не забыты были также армия и флот — им раздали свыше 5,3 млн. рупий⁷. Кроме

⁶ R. Mukherjee, *The rise and fall of the East India Company*, Berlin, 1955, p. 80.

⁷ A. Ch. Roy, *The career of Mir Jafar Khan (1757 — 65 A. D.)*, Calcutta, [1954], p. 92.

того, Компании было отдано земельное пожалование близ Калькутты на правах заминдарства, впоследствии называемое «24 паргана».

Завоевание англичанами Бенгалии не могло не вызвать сопротивления местного населения. Маркс отмечает, что «три восстания против Мир Джафара — в Миднапуре, Пурнеа и Бихаре — были подавлены»⁸.

Точно так же окончились неудачей две попытки сына падишаха Дели совместно с навабом Ауда захватить Бихар (в 1759 и 1760 гг.). Обе они были отбиты английскими войсками.

Это послужило основанием для новых «подарков»: Клайв при посредничестве Джагат Сетха получил джигир, включавший всю местность вокруг Калькутты и приносящий огромный доход — 223 тыс. ф. ст. в год⁹. Когда директора Компании узнали о получении таких крупных сумм своими служащими, они послали порицание в Калькутту, боясь, что жадность и коррупция Бенгальского совета побудит его забыть об интересах Компании. На это весь Совет, включая Клайва, отправил следующий ответ директорам: «Тенденция вашего письма недостойна и вас и нас, как письма хозяев к служащим, и джентльменов к джентльменам... Вы нас не поощрили и проявили к нам такое отношение, которое совершенно явно приведет к охлаждению даже самого горячего рвения ваших служащих здесь и где бы то ни было... и лишит их того почета и возрастающих благ, которые справедливо являются стимулом к неподкупности и усердию»¹⁰.

⁸ К. Маркс. *Хронологические выписки по истории Индии...*, стр. 64.

⁹ Lord Clive, *A letter to the proprietors of the East India stock*, p. 34—35.

¹⁰ Приведено в кн.: J. Mill, *History of British India*, vol. III, London, 1858, p. 224, 225.—Впоследствии Клайв издал в Лондоне свое оправдательное письмо собранию пайщиков Компании, где он заявил: «По какой причине или поводу могла Компания ожидать, что, так часто рискуя своей жизнью на ее службе, я откажусь от единственного шанса, который мне представился, честно составить себе состояние не за ее счет?... Я предлагаю Совету директоров заявить, могла ли в настоящее время еще существовать Ост-Индская компания, если бы не битва при Плесси и ее последствия?» (Lord Clive, *A letter to the proprietors of the East India stock*, p. 18, 63).

Однако Мир Джафар больше не мог давать «подарков». Между тем Клайв со своими сокровищами отплыл в Англию, где получил титул пэра. Он заседал в парламенте и, закупив большой пакет акций Ост-Индской компании, стал оказывать большое влияние на ее политику.

Новым губернатором Бенгалии в 1760 г. назначили Ванситтарта из Мадраса. Он тоже пожелал составить себе состояние и сместил в 1760 г. больного проказой Мир Джафара под тем предлогом, что именно Мир Джафар призвал на помощь против англичан напавших в это время голландцев (англичане разбили их на берегу Хугли). Будущий генерал-губернатор Хейстингс, в то время агент Компании при дворе наваба Бенгалии в Муршидабаде, рекомендовал на пост наваба зятя Мир Джафара, Мир Касима. При восшествии Мир Касима на трон губернатор, шесть членов Бенгальского совета и генерал Кайо получили сообща свыше 200 тыс. ф. ст. Компания получила три наиболее богатые области Бенгалии — Бурдван, Миднапур и Читтагонг. Наваб лишился тем самым половины своих доходов при сильном увеличении долгов Компании и отдельным ее служащим.

Этот непосредственный грабеж индийских феодальных кругов английскими завоевателями имел значительно более тяжелые последствия для Бенгалии, чем это может показаться на первый взгляд. Потеря правившим феодальным классом своей власти и доходов повлекла за собой известную перестройку экономической жизни. За фактическим исчезновением двора наваба, пышной свиты феодалов и постепенным отмиранием ненужных более конных отрядов заминдаров последовал упадок тех отраслей ремесла, которые были рассчитаны на удовлетворение потребностей феодального окружения и войска. С этого времени начинается падение Дакки — центра производства лучших, наиболее дорогих сортов тканей, рассчитанных на потребление высших кругов индийского общества. Этот упадок ремесла без возможности приложить к чему-либо высвобождавшиеся рабочие руки привел к огромному росту нищеты.

Можно было предполагать, что, овладев Бенгалией, Ост-Индская компания немедленно расширит операции по покупке тканей для вывоза их в Европу. Однако это

расширение было по существу очень небольшим. Служащие Компании нашли гораздо более быстрый способ увеличения доходов и, главное, своего личного обогащения. Они использовали захваченную ими государственную власть для того, чтобы монополизировать торговлю Бенгалии, устраняя из этой области всех своих конкурентов — как местных торговцев, так и частных европейских купцов, не состоящих на службе Ост-Индской компании. Фактически Компания опиралась при этом на своих солдат, формально же на упомянутый выше фирман Великого Могола от 1717 г., даровавшего Компании право беспошлинной внешней торговли по дастам (пропускным свидетельствам). Служащие Компании использовали свои дасты не для экспорта, а для торговли внутри страны.

Владелец дастака мог торговать беспошлинно, тогда как остальные торговцы платили на каждой внутренней таможене, на каждой речной пристани, где они высаживались. Служащие Компании передавали своим гомаштам (агентам) эти дасты и часто просто перепродавали их, разоряя всех торговцев, не связанных с англичанами. Ост-Индская компания выступала в Бенгалии, по словам современника, в качестве «государства в области торговца»¹¹.

Каждый клерк Компании чувствовал себя представителем власти. «Если таможенный чиновник (индеец.— К. А.) сомневался в законности дастака и задерживал товары, то высылался обычно отряд сипаев, чтобы схватить виновного и заключить его в ближайшую тюрьму»¹².

Имеются свидетельства двух авторитетных современников о разорительном действии этой монополии беспошлинной торговли англичан на Бенгалию. Мир Касим, наваб Бенгалии, обратился с жалобой в Бенгальский совет: «В каждой паргане,— писал он,— и в каждой фактории они (агенты Компании.— К. А.) продают и покупают рис, солому, бетель, бамбук, рыбу, джутовые

¹¹ E. Burke, *Works and speeches*, vol. VII, London, 1818, p. 23.

¹² J. Mill, *History of British India*, vol. III, London, 1818, p. 230.

ткани, сахар, табак, опиум и многое другое... Они насильно отбирают товары и имущество райятов, торговцев и т. д. за четвертую часть их стоимости и жестокостью и угнетением заставляют приобретать за пять рупий вещь, стоящую лишь одну рупию... Чиновники в каждом районе перестали исполнять свои обязанности. Таким образом из-за их жестокости я лишен следуемых мне пошлин и ежегодно терплю убытки в размере 26 лакхов рупий»¹³.

Бесчинства английских служащих, пользовавшихся властью Компании для личного обогащения, подтверждаются и сообщением будущего генерал-губернатора Хейстингса. Он писал в частном письме: «На реке, мне кажется, я не видел ни одной лодки без английского флага. В результате грабежей сипаев большинство местечек и деревень было брошено жителями при нашем приближении, и лавки закрыты в ожидании от нас того же обращения»¹⁴.

По свидетельству Бёрка, «Все это было больше похоже на армию, идущую грабить народ под предлогом торговли, чем на что-либо другое»¹⁵. За десять лет (1757—1766) англичане выкачали из Бенгалии свыше 5 млн. ф. ст. только под видом подарков, а частные состояния, нажитые монопольной торговлей, не поддаются учету. «Из этого источника,— писал член Калькуттского совета Верелст,— поступали такие крупные суммы, что многие молодые клерки оказывались в состоянии расходовать 1,5—2 тыс. ф. ст. в год, одевались в дорогие ткани и устраивали каждый день пиры»¹⁶. Вообще в эти первые десятилетия после завоевания Бенгалии прямой грабеж был основным методом первоначального накопления.

Новый наваб Бенгалии Мир Касим был совсем другим человеком, чем старый и большой Мир Джафар. Сильный и энергичный Мир Касим надеялся стать действительным правителем Бенгалии, а не просто марио-

¹³ Приведено в кн.: R. Dutt, *The economic history of British India*, London, 1901, p. 192.

¹⁴ *Ibid.*, p. 192.

¹⁵ E. Burke, *Works and speeches*, vol. VII, p. 79.

¹⁶ H. Verelst, *A view of the rise, progress and present state of the English government in Bengal...*, London, 1772, p. 77.

неткой в руках английской Компании. Мир Касим резко увеличил налоги и неуклонно взыскивал их с заминдаров, но зато смог уплатить англичанам за два года почти всю сумму, обещанную им при назначении его навабом. Экономическое положение Бенгалии могло еще улучшиться, и Мир Касим считал, что сможет освободиться от колониальной зависимости, если ему удастся прекратить или хотя бы ограничить торговлю дастаками, разорявшую страну.

Некоторые англичане понимали, что долго такое положение продолжаться не может. Губернатор Ванситтарт и Хейстингс заключили в 1762 г. соглашение с Мир Касимом, по которому английские купцы должны были отныне уплачивать небольшую пошлину (9%). Однако Калькуттский совет отверг это соглашение, считая, что оно «бесчестит нас (членов Совета.— К. А.) как англичан и погубит всю частную торговлю и торговлю Компании»¹⁷. Некоторые ретивые англичане даже называли Ванситтарта и Хейстингса изменниками. Тогда Мир Касим отменил все пошлины и с индийских купцов, поставив их на равную ногу с англичанами. Этого английские «торгаши» (как их презрительно характеризовал К. Маркс) не могли вытерпеть, и группа служащих Компании выступила против Мир Касима, захватив в 1763 г. город Патну. Мир Касим тогда двинул войска против англичан.

Военные силы Мир Касима состояли не только из бенгальских войск. На службе у него был отряд европейских авантюристов всех наций под командой эльзасца Рейнхардта, известного своей жестокостью и получившего в Индии кличку «Самру» (искаженное французское слово «sombre» — «хмурый»). Этот отряд был ударной силой армии Мир Касима. Большую помощь ему оказали военные силы Геворк-хана, армянина-заминдара, получавшего денежную поддержку ряда армянских купцов Калькутты. К Мир Касиму примкнули также все недовольные бесчинствами англичан в Бенгалии. Ему удалось отбить в 1763 г. Патну, но после этого его разнородные и недисциплинированные войска стали терпеть поражение. В Патне Мир Касим объявил плен-

¹⁷ R. Dutt, *The economic history of British India*, p. 28.

рых английских солдат и служащих фактории своими заложниками, пригрозив их убить, если англичане не остановят наступление (англичане Патны резче всего выступали против соглашения Мир Касима с Ванситартом и первые начали военные действия). Обозленный поражениями, Мир Касим перед бегством из Патны приказал Самру перебить всех заложников. После этого Самру бежал в Дели и поступил там на службу к Великому Моголу.

Разбитому Мир Касиму с небольшим отрядом удалось отступить в Ауд и там заключить соглашение с Шуджа-уд-доула, навабом Ауда, и с Великим Моголом Шах-Аламом II, бежавшим в Ауд после битвы при Панипате. Объединенная армия подступила к Патне, и положение англичан стало серьезным. Однако в решающей битве при Буксаре в 1764 г. англичане наголову разбили своего врага. Наваб Ауда бежал в Рохилкханд, Шах-Алам перешел на сторону англичан, а Мир Касим спасся в Дели, где умер в неизвестности.

Битвой при Буксаре закончился период военного завоевания Бенгалии. Отныне уже никто не осмеливался оспаривать там английское господство. Парижский мир 1763 г. закрепил победу Англии в Карнатике, битва при Буксаре 1764 г. утвердила ее владычество в Бенгалии. Англичане отныне сделались самой крупной политической силой в Индии; по определению Маркса, «они стали фактическими хозяевами Индостана»¹⁸.

¹⁸ К. Маркс, *Хронологические выписки по истории Индии...*, стр. 68.

ГЛАВА VI

ХОЗЯИНИЧАНЬЕ АНГЛИЧАН В БЕНГАЛИИ¹ в 1765—1784 гг.

После битвы при Буксаре англичане восстановили на престоле старого Мир Джафара (вновь получив за это «подарки»), но фактически лишили его всякой политической власти. После смерти Мир Джафара в 1765 г. англичане возвели на престол его сына и опять получили крупные суммы «в подарок». Коррупция и частная торговля служащих Компании продолжались, управление Бенгалии пришло в расстройство.

Губернатором Бенгалии в 1765 г. был назначен Клайв. Акционеры в Лондоне возлагали на него большие надежды. Во-первых, он хорошо знал бенгальские дела. Во-вторых, он составил себе огромное состояние и не был заинтересован в дальнейшем личном обогащении. Наконец, как крупный акционер Компании он должен был решительно выступить против коррупции служащих в Бенгалии, подрывавшей дивиденды акционеров в Лондоне.

Когда Клайв приехал в Калькутту в 1765 г., он не был уже тем храбрым и честолюбивым юношей, которому приходилось самому пробивать себе дорогу. Это был богатый сановник, с пренебрежением относившийся к мелким служащим Компании, стремившимся составить себе состояние окольными путями. Он, Клайв, завоевал себе богатство своими геройскими подвигами, а за что наживают себе состояние всякие ванситарты? Клайв терпеть не мог Ванситарта и всех, кто был с ним связан.

Первым долгом Клайв запретил частную торговлю мелких служащих Компании. Вместе с тем, не желая уменьшать доходы высших служащих Компании, Клайв постановил распределять между членами Калькуттского совета всю прибыль от государственной монополии на соль, опиум и селитру. Были повышены цены на соль, и соляная монополия просуществовала вплоть до 30-х годов XX в. Однако самой прибыльной считалась опиумная монополия. Компания насильно заставляла индийских крестьян запахивать рисовые поля и сеять мак. Маркс в первом томе «Капитала» отметил случай, когда контракт на поставку опиума несколько раз перепродавался, и все же последний покупатель сумел извлечь из него значительную прибыль¹. Полученный таким путем опиум вывозился в Китай для одурманивания китайского народа.

Захватив Бенгалию, английские колонизаторы первоначально стремились только к быстрой наживе и сбор земельного налога предоставили прежнему аппарату на прежних основаниях. Заминдары почувствовали себя почти бесконтрольными владельцами своих заминдарств и, будучи неуверенными в том, что им принесет будущее, стали все меньше считаться с нормами земельного налога и ренты и стремились взять от крестьян все, что только было возможно. Это подрывало крестьянское хозяйство и вызывало всеобщую смуту и недовольство.

Клайв понимал, что продолжение хаоса в управлении Бенгалией грозит подорвать основы могущества и прибылей англичан и, кроме того, окончательно разорив страну, может вызвать новое, более мощное восстание, чем восстание Мир Касима. Он считал, что необходимо положить предел вымогательствам каждого отдельного служащего, допуская лишь организованное вымогательство Компании в целом. Клайв полагал, что если финансовое управление страной и сбор налогов перейдут в руки Ост-Индской компании, то служащие Компании не смогут расхищать ее достояние, подрывая экономику страны, как они расхищали достояние наваба. Ему казалось, что «все перевороты отныне прекратятся... На-

¹ К. Маркс, *Капитал*, т. I, М., 1955, стр. 756.

ваб не сможет выполнять желания продажных лиц, а Компания не станет из ее собственных доходов удовлетворять требования, наносящие ей убыток»².

Поэтому Клайв отдал Великому Моголу захваченные англичанами после битвы при Буксаре округа Кора и Аллахабад, слишком далеко лежавшие от Калькутты, чтобы можно было управлять ими, и взамен заставил своего пленника Шаха-Алама II подписать фирман, дарующий Компании в Бенгалии «дивани», т. е. право фискального управления. Это была система так называемого Двойственного управления: гражданскими делами — судом, поддержанием порядка и т. п. ведали бенгальские власти, а Компания брала в свои руки дело сбора земельного налога, оставив, однако, весь прежний индийский аппарат и прежнюю налоговую систему.

Клайв уехал из Индии в 1767 г., и проведенные им мероприятия (система Двойственного управления, распределение среди высших служащих доходов от монополии на торговлю рядом товаров и т. п.) были в 1771 г. отменены. В 1773 г. в комиссии палаты общин разбирался вопрос о коррупции Клайва и награбленных им богатствах. Клайв нагло заявил, что удивляется собственной скромности, так как не присвоил себе всей казны наваба Бенгалии, добытой англичанам его мечом. Комиссия не одобрила его действия, но оправдала его на том основании, что «Роберт лорд Клайв в то же время оказал большие и похвальные услуги своей стране»³. Через год Клайв, страдавший к тому времени манией преследования, покончил жизнь самоубийством.

Введение Двойственного управления привело к большим переменам в делах Компании. Вопросы торговли отступили далеко на второй план. Отныне основным источником доходов Компании стал сбор земельного налога, т. е. феодальная эксплуатация крестьянства. Средства, собранные с бенгальского крестьянства, в Англии лицемерно называли «инвестмент», т. е. «вложение ка-

² Письмо Бенгальского совета правлению Компании от 30 сентября 1765 г. (см. в кн.: Н. Verelst, *A view of the rise, progress and present state of the English government in Bengal...*, London, 1772, Appendix, p. 8, 9).

³ V. Smith, *The Oxford history of India...*, 2 ed., Oxford, 1923, p. 505

питала» Компании. Теперь уже не требовалось больше вывозить из Англии золото и серебро в обмен на приобретаемые в Индии товары. Не вкладывая ни гроша, Компания за счет этого «инвестмент» ввозила в Англию товары и получала деньги на завоевательные войны в других частях Индии. Другими словами, индийское крестьянство само было вынуждено оплачивать закабаление Индии.

Отныне перед Компанией встал новый вопрос — вопрос о взаимоотношениях с индийским крестьянством. В июне 1769 г. лондонское правление Ост-Индской компании впервые заинтересовалось земельными отношениями, конечно, с узкофискальной точки зрения: правление потребовало назначить специальную комиссию, которая должна была выяснить размер земельного налога, собиравшегося в Бенгалии (включавшей тогда Бихар и Ориссу), т. е. выяснить, что дает дивани Компании в финансовом отношении⁴.

В том же году в бенгальские округа были назначены английские «наблюдатели» (supervisors), которые должны были следить за индийскими сборщиками налогов. Для того чтобы сделать эту должность более выгодной, «наблюдателям» было разрешено вести частную торговлю, чем они и воспользовались, оставив всякое «наблюдение». В результате должность «наблюдателей» была ликвидирована в 1772 г. По существу до назначения Хейстингса губернатором Бенгалии никакой новой налоговой политики не проводилось.

Разорение Бенгалии прежде всего тяжело сказалось на крестьянстве. Это показал голод 1770 г. Небольшая засуха превратилась в катастрофу для крестьян, которые в течение ряда лет жили впроголодь, так как сборщики налогов все отбирали, не оставляя им достаточного количества зерна. К тому же английские власти, зная, что их карьера зависит от акционеров Компании в Лондоне, и слышать не хотели об уменьшении налога с голодающих. Так, подводя итоги голодного 1770 года, Бенгальский совет писал: «...Несмотря на то, что голод очень свирепствовал, произошло некоторое

⁴ Lord Ramsbotham, *Studies in the land revenue history of Bengal. 1769 — 1787*, London, 1926, p. 5.

увеличение суммы собранных налогов»⁵. То же самое хладнокровно сообщал позднее Хейстингс правлению Компании в Лондон: «Несмотря на гибель по крайней мере трети населения области (Бенгалии.— К. А.) и, следовательно, уменьшение обрабатываемой площади, чистый сбор налогов за 1771 г. даже превзошел сбор 1768 г.»⁶.

Известия о голоде в Бенгалии дошли до Англии в 1771 г. Директора Компании скрыли это известие от пайщиков, провели повышение дивиденда и были переизбраны. Однако им пришлось обратиться в банк за ссудой, и все с ужасом узнали, что Бенгалия, которую считали страной неограниченных возможностей для обогащения, оказалась вдруг нищей. Немедленно последовал финансовый крах. Акции Компании упали с 219 до 160 пунктов. Вопрос об управлении Индией стал проблемой английской внутренней политики. Отныне внутрииндийские вопросы решались не только в зависимости от положения в Индии, но и от борьбы политических партий и группировок в Англии.

В тот период опорой Ост-Индской компании в Англии был фактически блок Лоуренса Саливана, влиятельного директора, почти диктатора Компании, и премьер-министра Норта, ставленника короля Георга III. Служащие Компании прибывали из Индии с награбленными там богатствами и покупали себе места в парламенте. Так поступил не один Клайв. Этих разбогатевших выскочек в Англии называли «набобами». Обычно они играли реакционную роль, поддерживая короля Георга III, желавшего стать диктатором Англии и единовластно править страной без парламента. Короля поддерживала только небольшая группа реакционных тори и среди них «набобы». Поэтому парламент в целом стремился ограничить всевластие Компании в Индии, а также обеспечить себе большую долю участия в прибыльном деле управления Индией. Один друг Хейстингса так описывал ему в 1772 г. борьбу группировок в Лондоне: «Ко-

⁵ См.: С. W. Hunter, *Annals of rural Bengal*, vol. I, London, 1868, p. 403, 404.

⁶ «Reports from the Committee of secrecy of the House of Commons appointed to enquiry into the state of the East India Company in the years 1772 — 1773», London, 1773, p. 6.

роль, парламент и народ были обеспокоены, недовольны и громко взывали о мести директорам... Парламент был взбешен поведением правления Компании, и его возмущение усиливалось тем, что многие члены парламента и их друзья понесли значительные потери от падения акций... Лорд Норт заявил правлению, что если оно не смогло управлять своими собственными служащими или воздействовать на их поведение в Индии, то в виде опыта надо дать возможность правительству наблюдать в течение пяти лет над всем аппаратом Компании»⁷. Так наметились разногласия между лордом Нортом и Компанией.

Непримиримым противником Компании в тот период была лишь промышленная буржуазия Англии, но она была слаба. Партия вигов, которая являлась тогда представительницей торгово-промышленных кругов и обуржуазившейся земельной аристократии, была заинтересована в колониальных барышах и в развитии колониальной торговли. К тому же виги считали своим главным врагом Георга III, покушавшегося на власть парламента. Когда выявились споры лорда Норта с Компанией, виги надеялись, что, защищая Компанию от притязаний торийского лидера лорда Норта, они разобьют блок между влиятельной Компанией и главой правительства и привлекут Компанию на свою сторону в борьбе против лорда Норта. Поэтому в 1772 г. виги или выступали за Ост-Индскую компанию, или просто молчали. Так Эдмунд Бёрк, один из лидеров вигов, который впоследствии на процессе Хейстингса в 1786—1795 гг. наиболее решительно выступал против Компании, говорил в 1772 г.: «Если у Компании имеются недостатки, то она может ссылаться и на достоинства. Кому мы обязаны полутора миллионами ежегодного дохода от торговли с Индией, если не людям, которых теперь обвиняют?.. Не будем, ограничивая их власть, учить тем самым народ Бенгалии презирать их. Достаточно того, что мы заботимся о хорошем правительстве для этой страны на будущее. Раз они настолько расширили нашу империю и нашу торговлю, раз они существенно уве-

⁷ S. Weitzman, *Warren Hastings and Philip Francis*, Manchester, 1929, p. 204, 205.

личили нашу мощь на море, имея торговый флот, равный королевскому флоту Великобритании, — то не будем препятствовать их росту, принимая их в глазах иностранцев, но будем лелеять и поощрять их как собственных детей. Ибо на нашем единении покоится наша безопасность. Индостан должен знать не о разногласиях между палатой и Компанией, а о том, что между обоими существует гармония, превращающая их в единое целое»⁸.

В результате компромисса, достигнутого между борющимися группировками, в 1773 г. парламентом был принят так называемый Акт об управлении Индией (Regulating Act). Согласно новому закону вся реальная власть в Индии по-прежнему оставалась в руках Компании. Основное изменение состояло в признании того факта, что Компания стала не только торговой организацией, а в первую очередь правительством на индийской территории. Поэтому торговля была отделена от управления колонией и должна была вестись торговой палатой Компании в Лондоне.

Структура Компании до 1773 г. была следующей: во главе Компании в Лондоне стоял Совет директоров, избираемый собранием пайщиков, имеющих акции не менее чем на 1 тыс. ф. ст. и интересующихся лишь аккумулятивным получением дивидендов. Единственной квалификацией директора было обладание акциями не менее чем на 2 тыс. ф. ст. Зато каждый член Совета директоров получал право патронажа, т. е. назначения своих людей на все должности в Индии. Это право приносило крупный доход и значительное политическое влияние.

Судьбы Индии решались в многочисленных комиссиях, часто не имевших строго разграниченных сфер влияния. Так, например, была комиссия частной торговли, регулировавшая перевоз товаров частных лиц на судах Компании, и отдельная комиссия по борьбе с частной торговлей в Индии. Под фирмой Совета директоров фактически управлял Индией, как писал К. Маркс, «обширный штат безответственных секретарей, ревизио-

⁸ Hansard, *Parliamentary history of England from the earliest period to the year 1803*, vol. XVII, London, p. 462, 463.

ров и чиновников в Индия-хаус⁹, из которых, как замечает г-н Кэмпбелл в своем «Проекте управления Индией», может быть только один-единственный побывал когда-либо в Индии, да и то случайно»¹⁰.

Решающим условием для приема в штат Компании в Лондоне были влиятельные связи. Ничего неделание невежественных клерков Компании отразилось даже в юмористических стихотворениях того времени. «Действительным Советом директоров, действительным английским органом управления Индией и т. д. является постоянная и безответственная *бюрократия* — „питомцы конторок и фаворитизма“, — расположившаяся на Леденхолл-стрит»¹¹. К. Маркс, приводя слова Бёрка, писал: «Это порода пошлых политиканов — настоящие подонки рода человеческого». Содержание их, по словам Маркса, стóит «индийскому народу пустяки — каких-нибудь 160 000 ф. ст. в год»¹².

Современники этих событий писали о «системе интриг и зависимости, которая пронизывает современный Совет директоров»¹³. Один ловкий английский политик так отзывался о некоторых директорах Компании: «Дивейн (председатель Совета директоров в 1785 г.) отвержен только своим собственным интересам... Маншиппу (старшему директору) ни одна сторона не доверяет ни на минуту, и он сам не придерживается своих убеждений в течение часа подряд, если не будет укреплен в своих мнениях какой-либо взяткой»¹⁴, и т. п.

Штат служащих Компании в самой Индии вербовался из младших сыновей аристократических семейств,

⁹ *Индия-хаус* (или *Ост-Индия-хаус*) — резиденция правления *Ост-Индской компании* в Лондоне, находившаяся на *Леденхолл-стрит*. — *Примечание Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС*.

¹⁰ К. Маркс, *Вопрос о Турецкой войне*. — Газета «*New York tribune*» в палате общин. — *Управление Индией* (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 9, изд. 2), стр. 189.

¹¹ Там же.

¹² Там же, стр. 190, 191.

¹³ Holden Furber, *The East India directors* («*Journal of modern history*», 1933, December), p. 485. — Письмо Аткинсона (агента Поля Бенфильда) Робинсону (политическому агенту лорда Норта) в 1784 г.

¹⁴ *Ibid.*, p. 486.

из обедневших дворян и из многочисленных родственников и знакомых влиятельных лиц Компании, надеявшихся быстро продвинуться при помощи покровителей. Каждый гражданский служащий Компании должен был проработать сначала три года клерком, потом его выдвигали на должность торгового и гражданского чиновника. В стремлении быстро разбогатеть молодые англичане прибегали к услугам индийских ростовщиков, охотно ссужавших деньги будущим судьям или окружным начальникам, от которых впоследствии получали выгодные контракты и всяческие привилегии.

До 1773 г. члены Бенгальского, Мадрасского и Бомбейского советов назначались правлением в Лондоне только из числа служащих Компании, проработавших в Индии не менее 11 лет. Актом об управлении Индией 1773 г. был введен пост генерал-губернатора, причем этот пост предоставлялся губернатору Бенгалии, который назначался уже не Компанией, а королем по представлению премьер-министра. Все вопросы генерал-губернатор должен был решать в Калькуттском совете, состоявшем из четырех человек. Члены Совета теперь назначались короной, не только из служащих Компании. Генерал-губернатор имел такие же права, как всякий другой член Совета, и только в тех случаях, когда голоса разделялись поровну, он имел два голоса. Огромные оклады, назначенные генерал-губернатору (25 тыс. ф. ст. в год) и членам Совета (15 тыс. ф. ст. в год), делали эти должности завидными постами. Вместе с тем генерал-губернатор временами не имел никакой власти и должен был санкционировать как решения большинства Калькуттского совета, с которыми он мог быть несогласен, так и решения Мадраса или Бомбея (где структура управления осталась прежней), даже по таким важнейшим делам, как объявление войны или заключение мира, которые могли быть приняты без его ведома. Тогда он превращался в «великолепный нуль» (выражение Лоуренса Саливана).

Первым генерал-губернатором был назначен Уоррен Хейстингс, упомянутый в самом тексте Акта об управлении. Хейстингс происходил из обедневшего старинного дворянского рода. Рано оставшись сиротой, Хейстингс воспитывался своими родственниками, которые и доста-

ли ему место клерка Ост-Индской компании. Три года: провел Хейстингс в Калькутте, прежде чем был отправлен в 1754 г. младшим приказчиком в Қасимбазар. За это время он изучил персидский язык и хиндустан, что ему помогло впоследствии выдвинуться. Когда Сираджуд-доула взял Калькутту, Хейстингс выехал туда для переговоров с навабом. Одновременно Хейстингс вел закулисные интриги против наваба среди его придворных, в частности переговоры с Амичандом. Боясь, что его выдадут, Хейстингс тоже бежал на остров Фальту, где собрались все спасшиеся из Калькутты англичане.

Клайв заметил дипломатические способности Хейстингса и после победы послал его советником в тогдашнюю столицу Бенгалии Муршидабад к новому навабу Мир Джафару. Именно Хейстингс рекомендовал Мир-Қасима на пост наваба и потом, учтя необходимость согласиться на его требования о сокращении английской торговли по дастакам, заключил совместно с губернатором Ванситтартом соглашение с Мир Қасимом. После подавления восстания Мир Қасима Хейстингс стал членом Бенгальского совета и воспользовался этим для увеличения своего благосостояния. В 1760 и 1761 гг. Хейстингс получил контракты на поставку быков для артиллерии. В 1762 г. палата общин признала эти контракты крайне невыгодными для бенгальского правительства и предложила расторгнуть их. В Бенгальском совете между сторонниками Клайва и группировкой Ванситтарта разгорались споры и взаимные попреки в незаконных сделках. Во время такой ссоры в 1763 г. один из членов Бенгальского совета публично дал пощечину Хейстингсу. После этого Хейстингс счел за благо уехать в Англию.

Однако предприятие в Индии, в которое он вложил свой капитал, обанкротилось, и Хейстингсу пришлось опять искать службы в Индии. Клайв писал в 1764 г. о Хейстингсе одному его другу: «Связь мистера Хейстингса с Ванситтартом приносит ему много неудобств. Он является орудием политики Ванситтарта, и я считаю, что ему неудобно занимать какой бы то ни было пост в Бенгалии, но я стараюсь добиться посылки его в Мадрас на высокую должность в Совете»¹⁵.

¹⁵ А. М. Davies, *Strange destiny. A biography of Warren Hastings*, New York, 1935, p. 57.

В 1764 г. Хейстингс отправился в Мадрас. На том же корабле ехал обедневший немецкий барон Имхоф с хорошенькой 22-летней женой. Путешествие продолжалось больше года. Еще в пути стороны пришли к соглашению: было решено, что по приезде в Индию Имхофы начинают процесс о разводе в одном из судов Германии. По словам английского историка Маколей, «было также условлено, что Хейстингс наградит снисходительного мужа некоторыми весьма существенными знаками благодарности»¹⁶. Через несколько лет Марианна Имхоф стала женой генерал-губернатора Хейстингса. Она охотно принимала «подарки» в тех случаях, когда Хейстингсу было неудобно делать это самому.

Как член Мадрасского совета Хейстингс активно участвовал в его политике. Он защищал мошенническую деятельность высших служащих Компании в афере так называемых долгов «набоба Аркота» против попытки Линдсея, посланника министерства, контролировать эти действия. Кроме того, Хейстингс провел ряд реформ: предлагал увеличить жалованье чиновникам Компании, ввел снабжение армии путем системы контрактов с отдельными лицами, что способствовало росту коррупции и быстрому обогащению поставщиков. Сам он впоследствии признавался, что увеличил свое состояние в Мадрасе. Несмотря на сильную оппозицию, Хейстингсу удалось уменьшить количество посредников, скупавших у ткачей и перепродававших ткани Компании, что привело к некоторому увеличению доходов Компании¹⁷. Всеми этими действиями Хейстингс обратил на себя внимание Совета директоров в Лондоне. Группа Саливана, ставшего к тому времени уже всемогущим директором Компании, рассчитывала на Хейстингса и выдвигала его. Хейстингс за это потом дал возможность обоим сыновьям Саливана и его родственникам составить себе в Индии состояние честными, а больше нечестными путями.

В 1772 г. правление Компании сняло с поста губернатора Бенгалии Картера за то, что он подписался под письмом Клайва, критиковавшего политику Совета ди-

¹⁶ Lord Macaulay, *Warren Hastings*, London, 1908, p. 11.

¹⁷ A. Biovès. *Warren Hastings*, Paris, 1904, p. 54.

ректоров. На открывшуюся вакансию группа Саливана выдвинула кандидатуру Хейстингса. Друг Хейстингса «набоб» Сайкс писал ему о политическом положении в Лондоне и подчеркивал свою роль в назначении его генерал-губернатором: «Я закупил много акций без малейшей выгоды для себя, но исключительно с целью служить своим друзьям в качестве директора и Вам в особенности... Сказать по правде, я не мог бы без этого провести избрание Вас губернатором Бенгалии против Румбольта»¹⁸. В ответ на это письмо Хейстингс прислал Сайксу в знак признательности бочонок мадеры. Так Хейстингс стал в 1772 г. губернатором Бенгалии. По Акту об управлении Индией 1773 г. он был назначен генерал-губернатором.

Хейстингс был властолюбив и решителен. Он был человеком большого государственного ума и обладал незаурядными дипломатическими способностями. В критический период он сумел закрепить за Англией ее лучшую колонию, обеспечить победу английскому оружию в военных столкновениях с индийскими государствами и в борьбе с французами. Для этого нужны были прежде всего деньги, и Хейстингс умел доставать эти деньги, не стесняясь в средствах. Хейстингс разорил бенгальское крестьянство и отнял у него для Компании все, что только можно было взять. Он брал взятки направо и налево, но часть этих сумм вкладывал в казну Компании. Он заключал договоры, чтобы их не выполнять, притеснял население, натравливал одних индийских правителей на других, вел искусную дипломатическую игру, принимал неожиданные решения — и всеми этими методами укрепил преобладание англичан в Индии. Как-то в частном разговоре он сказал, что не раз чувствовал себя в положении Робинзона, построившего огромную лодку в отдалении от берега, не задумываясь, как доставить ее в море. И всякий раз в решительный момент находилось средство пустить ее в плавание¹⁹.

Хейстингс не стал бороться с коррупцией аппарата Компании. Наоборот, он сам стал «главой... всей корпо-

¹⁸ S. Weitzman, *Warren Hastings and Philip Francis*, p. 207.

¹⁹ F. Parkes and H. Merivale, *Memoirs of Sir Philip Francis*, vol. II, London, 1918, p. 81.

рации, всей тирании, всего насилия в Индии»²⁰, как говорил потом Бёрк.

Вокруг Хейстингса всегда толпились люди, ищущие теплых местечек или продвижения по службе. «Его покровительства искали для людей всех сословий и состояний: для молодых людей, потерявших деньги в игре; для пожилых купцов, разорившихся на спекуляциях; для офицера, который продал свою должность для оплаты долга... Их просьбы принято было удовлетворять потому, что их рекомендовали прежние школьные приятели, старые друзья, могущественные члены Совета директоров, сельские джентльмены, которые в критические минуты всегда прибывали в Лондон, чтобы голосовать за Хейстингса, или же открытые враги, которых надо было умиловить», — писал один биограф Хейстингса²¹.

Как государственный деятель Хейстингс был человеком весьма разносторонних интересов. Он договорился с арабскими племенами и организовал доставку депеш из Лондона морем до Александрии, а затем сушей через Суэцкий перешеек. Вместо обычных 5—6 месяцев, а иногда и года, почта шла новым путем в рекордно-короткий срок — всего 113 дней. Хейстингс дважды посылал миссии в Тибет, пытаясь завязать торговые сношения с этой малодоступной страной²². Практических

²⁰ E. Burke, *Works and speeches*, London, 1818, vol. VII, p. 15.

²¹ S. C. Grier, *Letters of Warren Hastings to his wife...*, Edinburgh, 1905, p. 221, 34.

²² Первую миссию возглавлял видный служащий Компании Джордж Богл (1746—1781). Он проехал в Тибет через Бутан в 1774 г., повздался с Тешу-ламой и вернулся в Индию в 1775 г. Миссия была официально послана для завязывания торговых и дружеских отношений с Тибетом, однако Богл писал Хейстингсу, что объем торговли с Бутаном и Тибетом может быть лишь незначительным, но важно то, что через Тибет можно проникнуть в Китай. Очевидно, именно это соображение побудило Хейстингса послать в 1784 г. вторую миссию, во главе с путешественником Самуэлем Тёрнером. На этот раз официальной целью миссии было поздравить с восшествием на престол нового Тешу-ламу. Наконец, в 1793 г. Уильям Киркпатрик (1754—1812), издавший позднее перевод избранных писем Типу Султана, был послан в Непал во время Тибето-непальского конфликта. Его попытки вмешаться в разрешение этого конфликта и разузнать пути проникновения в Китай по суше не увенчались успехом. Эти неоднократные миссии в Тибет и Непал показывают экспансионистские стремления английских колониальных властей в XVIII в. на северных границах Индии.

Уоррен Хейстингс (с картины Дж Ремни, 1795 г.)

результатов эти попытки не дали, и даже дневник первого путешествия в Тибет был опубликован только через 100 лет.

Правя железной рукой владениями Компании и угнетая местное население для обеспечения прибылей английских захватчиков, Хейстингс не считал, однако, нужным попусту раздражать индийцев презрением к их языку, нравам и обычаям. Грубый солдат Клайв судил о всем населении Индии по тем военачальникам, которые обращались в бегство со всей своей армией при встрече с небольшим английским отрядом, или по тем бенгальским вельможам, которые предавали своего правителя, а потом вымаливали милости английских победителей, или же, наконец, по тем индийским банкирам, которые были лишены чувства патриотизма и предпочитали вести прибыльные дела с Компанией. Поэтому Клайв писал Хейстингсу об индийцах в 1758 г., рекомендуя взыскивать налоги с помощью карательных экспедиций: «В характере этого народа ничего не делать по собственному почину. Десять сипаев время от времени сильно ускорят уплату денег»²³. В отличие от Клайва, Хейстингс стремился распространить среди англичан знание местных языков и культуры. Он основал высшее мусульманское училище (медресе) в Калькутте. При его благосклонном сочувствии разбогатевший французский авантюрист и делец Клод Мартин основал в Лакхнау колледж для изучения восточных языков, знаменитую впоследствии La Martinière (Мартин оставил колледжу крупную сумму в своем завещании). Впервые под покровительством Хейстингса было начато сэром Вильямом Джонсом изучение санскрита. Хейстингс был первым председателем Бенгальского общества гуманитарных наук (Bengal Literary Society), основанного в Калькутте для изучения истории, географии и этнографии Индии. Он постановил, что английские судьи должны руководствоваться местными законами, причем при каждом английском судье должны были находиться моулави (толкователь шариата) и пандит (толкователь законов индуизма). Для ознакомления судей с местными законами Хейстингс приказал переве-

²³ А. М. Davies, *Strange destiny...*, p. 34.

сти на английский язык кодекс Ману, установления Нарада и соответствующие суры и стихи Корана.

Все это показывает, что политика, проводимая Хейстингсом, была значительно гибче, чем политика предшествовавших губернаторов в Индии, и лучше отвечала английским интересам.

Другими членами Бенгальского совета Актом об управлении 1773 г. были назначены Баруелл, Клевринг, Монсон и Фрэнсис. Баруелл был фактором Компании, он много лет прожил в Бенгалии и составил себе состояние на соляных операциях в Дакке²⁴. Как старый служака он вовремя поддерживал Хейстингса и отстаивал интересы Компании против всяких попыток установить контроль над деятельностью ее служащих. Клевринг, первый советник, был родовитым аристократом, принадлежащим к клике «друзей короля», и считал себя на службе короны, а не Компании. Всем было известно, что генерал Клевринг, получивший к тому же чин главнокомандующего военными силами Индии, должен был заместить Хейстингса на посту генерал-губернатора, как только немного войдет в индийские дела. Но для этого надо было сначала устранить Хейстингса. Монсон — второй советник (родственник одного высокопоставленного лорда), — был настроен против Компании. Однако настоящей главой оппозиции против Хейстингса в Бенгальском совете был Филипп Фрэнсис.

Назначение на столь высокую должность Фрэнсиса, малоизвестного первого клерка военного министерства, почти не имеющего влиятельных связей, было для всех полной неожиданностью. Имеются веские предположения, принятые теперь большинством историков, что Фрэнсис был автором нашумевших открытых писем, изданных в Англии под псевдонимом «Юниус» и полных ядовитых нападок на политику торийского министерства. Письма Юниуса, чрезвычайно похожие по стилю на частные письма Фрэнсиса и на его речи в палате общин, прекратились как раз с того времени, как Фрэнсис уехал в Бенгалию. Возможно, что высокий пост был взяткой за прекращение неприятных разоблачений.

²⁴ «Eastern Bengal district gazetteers», «Dacca», Allahabad, 1912, p. 40.

Фрэнсис, принадлежавший по своим взглядам к партии вигов, уехал из Англии под впечатлением, что Компания вскоре будет ликвидирована, а управление Индией будет передано короне. Он был уверен, что первой мерой будет смещение Хейстингса с его поста. Следовательно, необходимо было подготовить общественное мнение к тому, что надо устранить Хейстингса. «Цель нашего назначения заложена в самом назначении»²⁵, — писал Фрэнсис своим приятелям. «Мы трое (т. е. Фрэнсис, Монсон и Клевринг.— К. А.) должны, несомненно, быть представителями правительства, уполномоченными действовать в общих интересах, в противовес Хейстингсу и Баруеллу, которые считают, что действуют на стороне Компании, хотя в действительности они являются величайшими врагами ее интересов»²⁶.

С самого приезда и до конца своего пребывания в Индии Фрэнсис все ожидал отставки Хейстингса. Полный веры в свои таланты, Фрэнсис питал затаенную надежду, что на место генерал-губернатора назначат его, Фрэнсиса. Для этого не было абсолютно никаких оснований. Бездарный, но родовитый и влиятельный Клевринг имел гораздо больше шансов занять место Хейстингса.

Надо сказать, что Фрэнсис оказался блестящим интриганом. В глазах общественного мнения он стремился представить себя человеком, лично незаинтересованным и заботящимся лишь об общем благе, но своим хорошим друзьям он писал: «Как только у меня будет в безопасности в Англии 40 тыс. ф. ст. наличными деньгами, Бенгалия может сама заботиться о себе»²⁷. Клеврингу Фрэнсис говорил о своем уважении, о его даровитости и твердил, что он предназначен стать генерал-губернатором, а за глаза писал, что он неспособен руководить какими-либо важными делами. Даже Монсону Фрэнсис льстил, хотя с отвращением. Лорду Норту Фрэнсис писал, что Бенгалия разорена политикой Хейстингса, директорам Компании усердно внушал мысль, что их доходы вскоре резко падут в результате деятельности Хейстингса, лор-

²⁵ S. Weitzman, *Warren Hastings and Philip Francis*, p. 278.

²⁶ *Ibid.*, p. 217.

²⁷ F. Parkes and H. Merivale, *Memoirs of Sir Philip Francis*, p. 69.

да Клайва он уверял, что под угрозой доходы с его джагира, а в письмах к друзьям повторно подчеркивал, что только проведение его, Фрэнсиса, планов может поддержать курс акций Ост-Индской компании²⁸.

Однако, что бы ни делал Фрэнсис, он не мог приобрести влияния в Индии, так как был лишен самого сильного оружия политического деятеля того времени, а именно патронажа. Борьба Хейстингса и Фрэнсиса за право назначать на выгодные должности в Индии своих ставленников продолжалась несколько лет, но в целом генерал-губернатор был, конечно, сильнее, и Фрэнсис недаром жаловался своему другу Уомвеллу: «Ты не можешь не знать, что я давно не имею и не имел никакой доли или влияния в правительственном патронаже»²⁹.

Для полной характеристики Фрэнсиса остается добавить, что свое состояние он составил в Индии за карточным столом. Своего политического врага Баруелла он обыграл, например, за одну ночь на 20 тыс. ф. ст.

Еще до приезда членов Бенгальского совета из Лондона Хейстингс провел ряд мер, увеличивших прибыли Компании. Так, он урезал пенсию навабу Бенгалии с 32 до 16 лакхов рупий, отказал Великому Моголу в выплате пенсии, назначенной Клайвом, продал навабу Ауда провинции Кора и Аллахабад (отданные Клайвом на содержание Великому Моголу) за 50 лакхов рупий и послал в распоряжение Ауда войска Компании в составе шести батальонов сипаев, батальона европейских солдат и артиллерийского отряда, с условием оплаты их в размере 210 тыс. рупий в месяц. Самой Компании эти отряды стоили, вероятно, немногим более 60 тыс. рупий³⁰. Эти английские войска были использованы Аудом для завоевания земель рохиллов, с которыми у Компании не было никаких отношений. Хейстингс предоставил войска Ауду именно ввиду «соблазнительности» предложения наваба дать за это крупную сумму денег, а также ввиду желательности установить удобную для защиты границу по

²⁸ S. Weitzman, *Warren Hastings and Philip Francis*, p. 240 — 275.

²⁹ F. Parks and H. Merivale, *Memoirs of Sir Philip Francis*, p. 119.

³⁰ Подсчет произведен на основе данных о войске Ост-Индской компании («Reports from the Committee of secrecy of the House of Commons... in the years 1772 — 1773», p. 135 — 137).

Гангу, связав рохиллов с Аудом либо постоянным договором, либо войной³¹.

Предлогом для войны Ауда с рохиллами послужило то обстоятельство, что вожди рохиллов отказались уплатить навабу Ауда 40 лакхов рупий, обещанных за военную помощь против нападавших маратхов, так как наваб Ауда этой помощи им не оказал, а маратхи ушли сами.

В то время во главе крупнейшего из шести рохиллских княжеств стоял Хафиз Рахмат (1710—1774). Рахмат родился в Афганистане, но в 1739 г. приехал в Рохилкханд, где его дядя, Али Мухаммед, стремился с 1727 г. объединить под своей властью все рохиллские земли. Здесь Рахмат выдвинулся среди других военачальников своей храбростью и начитанностью (он сам сочинял неплохие стихи на фарси). В 1747 г., после смерти Али Мухаммеда, его владения были поделены между крупнейшими рохиллскими военачальниками, но четыре центральных округа были оставлены двум сыновьям Али Мухаммеда, а Рахмат-хан был назначен их регентом. Он присоединил к своему имени титул хафиз (опекун). Постепенно Хафиз Рахмат отбросил видимость управления страной в качестве регента и стал править большей частью Рохилкханда от своего имени. Хафиз Рахмат проводил политику веротерпимости по отношению к индусам и покровительствовал торговле. Именно Хафиз Рахмат заключил договор с наваб-визирем Ауда, обещав ему 40 лакхов за изгнание маратхов с рохиллской территории.

Решающую роль в войне Ауда с рохиллами сыграли английские отряды под руководством полковника Чампиона. Рохиллы храбро дрались, но их погубили феодальные раздоры. В решающей битве рохиллы смогли выставить не более 40 тыс. человек, так как их князья «больше боялись увеличения власти других вождей рохиллов, чем нападения неприятеля»³².

Чампион писал Бенгальскому совету: «...нельзя даже вообразить себе храбрость и твердость, проявленные

³¹ К. Feiling, *Warren Hastings*, London — New York, 1955, p. 113.

³² G. Foster, *Voyage du Bengale à Petersbourg...*, Paris, 1802, p. 120.

врагом. Они обратились в бегство лишь после обстрела, длившегося 2 часа 20 минут, а затем штыковой атаки»³³. Около 2 тыс. рохиллов пали в этом сражении, в том числе ряд крупных военачальников и сам Хафиз Рахмат. Остатки рохиллских войск бежали в леса, оставив свои деревни на сожжение англичанам, которые, по словам Чемпиона, «закрыли глаза на преступные картины насилия и угнетения»³⁴. Маркс назвал эту войну с рохиллами позорной для англичан³⁵. Однако она принесла Компании значительную прибыль как в виде платы, полученной от Ауда за предоставленные ему отряды, так и в виде «военной добычи», часть которой Чемпиону пришлось уплатить в казну Компании.

Тем временем члены Совета при генерал-губернаторе прибыли из Лондона в Калькутту. В Бенгальском совете начались жаркие споры, отражавшие политическую борьбу в Англии между Ост-Индской компанией и теми кругами английской буржуазии, которые стремились к большему участию в индийских прибылях. Противники Компании — Фрэнсис, Клевринг и Монсон — имели большинство в Совете. Почти по всем вопросам они выступали против Хейстингса и Баруелла.

Эти споры немедленно стали известны обитателям Калькутты и создали впечатление, что положение Хейстингса непрочно. Многие жертвы вымогательства Хейстингса, который брал крупные взятки за предоставление выгодных должностей, за сдачу сбора земельного налога на откуп тому или иному лицу и т. п., теперь подали жалобы в Бенгальский совет, разоблачая его поведение. Однако Хейстингс немедленно принял крутые меры: через подставное лицо он возбудил против главного жалобщика — богатого брахмана раджи Нанда Кумара дело о подлоге, якобы совершенном за шесть лет до того. Верховный судья Калькутты Импей, школьный товарищ Хейстингса, приговорил Нанда Кумара

³³ Приведено в примечаниях к кн.: G. Foster, *Voyage du Bengale à Petersbourg...*, p. 246.

³⁴ Hansard, *Parliamentary history of England...* vol. XXVI, p. 70 — 71.

Письмо Чемпиона Хейстингсу; полностью приведено в речи Фокса.

³⁵ К. Маркс, *Хронологические выписки по истории Индии (644—1858 гг.)*, 1947, стр. 77.

к смертной казни, хотя он не считался английским подданным и не был вообще подвластен суду Компании, тем более за проступок, совершенный за несколько лет до установления в Калькутте английского суда. Казнь Нанда Кумара лучше многих других доказательств показывает, что обвинения Хейстингса в злоупотреблениях были обоснованными. Фрэнсис справедливо заметил в письме своему другу Стахею: «Предположим, что Нункомар (Нанда Кумар. — К. А.) — известный мошенник, но, черт побери, он говорил правду, иначе зачем же они так спешили повесить его»³⁶.

Публичная казнь влиятельного врага была переломным моментом для Хейстингса: отныне в Индии никто не решался выступить против генерал-губернатора, опасаясь подобных же последствий для себя. В Англии гибель Нанда Кумара тоже была воспринята как триумф Хейстингса. Один из приятелей Хейстингса писал ему из Лондона: «Известие о казни Нункомара разнеслось с быстротой молнии по всем отделам Индия-хаус, и настоящая всеобщая радость отражалась на каждом лице, кроме одного-двух людей, чье старание изобразить радость только подчеркивало их разочарование. Да будут все Ваши враги точно так же сметены и разочарованы в своих попытках испортить Вашу славу и Вашу репутацию»³⁷.

Все же Хейстингс не мог провести ни одного своего решения в Совете и подал в отставку. В Лондоне его отставку приняли. Однако к тому времени, как это решение прибыло в Калькутту в 1777 г., Монсон умер, Хейстингс теперь имел за собой большинство и не собирався никому уступать власти. Он отказался от своего заявления об отставке. Клевринг и Фрэнсис засели в форте и объявили себя правительством Бенгалии. Хейстингс и Баруелл в здании Совета призывали подчиняться только им. В Бенгалии оказалось два правительства, и все англичане Калькутты разделились на два лагеря. Однако за Хейстингсом пошло большинство служащих Компании, и верховный судья Импей вынес решение о за-

³⁶ S. Weitzman, *Warren Hastings and Philip Francis*, p. 292.

³⁷ *Ibid.*, p. 265.

конности действий Хейстингса. Клеврингу и Фрэнсису пришлось подчиниться. Вскоре умер и Клевринг.

Отныне и до своей отставки в 1784 г. Хейстингс был всемогущ и проводил свою политику без всяких помех. Фрэнсис, надеясь составить себе состояние, оставался в Индии до 1780 г., когда Хейстингс, разозленный его постоянным сопротивлением своим мероприятиям, публично назвал его «лишенным всякой чести». Оба противника стрелялись на дуэли. Фрэнсис был ранен и по выздоровлении вынужден был уехать в Англию. Его индийская карьера закончилась, но его ненависть к Хейстингсу и убеждение во вредности Ост-Индской компании не затухали всю жизнь. В Англии он продолжал ту же борьбу и с большим успехом: именно он разжег общественное мнение и доставил материал для суда над Хейстингсом.

Политика Хейстингса заключалась не в том, чтобы сильно расширить земли Компании в Индии. Он не сделал больших территориальных приобретений, но ему удалось прочно утвердить власть англичан во всех, уже завоеванных ими владениях, усилить английское влияние в княжествах, связанных с Ост-Индской компанией так называемыми субсидиарными договорами, и отстоять территории Компании на юге Индии в войнах с маратхами и Майсуром. При этом Хейстингс добился успехов главным образом дипломатическим путем, блестяще применяя принцип «разделяй и властвуй», натравливая своих врагов друг на друга, раздавая обещания, чтобы отколоть от блока противника и приобрести союзника, и легко нарушая свои обещания. При этом единственным правилом, которому он следовал, был принцип прибыли для Компании. Хейстингс впоследствии хвастал, что никогда не давал согласия на невыгодную войну. Презируя в душе индийских правителей и играя ими, как пешками, смещая и назначая навабов, Хейстингс вместе с тем стремился поддержать их престиж в глазах индийского народа. Двуличность Хейстингса хорошо видна из сравнения того, как он обращался с Великим Моголом в присутствии индийцев и что он писал в Лондон. Когда у Хейстингса было публичное свидание с Великим Моголом Шах-Аламом, которого он в донесениях правлению называл «королем лохмотьев и заплат»,

Хейстингс почтительно слез с лошади и с непокрытой головой держал стремя коня Великого Могола. Тот же Хейстингс, обосновывая отмену пенсии Великому Моголу, писал в Лондон: «В короле (т. е. Шах-Аламе. — К. А.) мы видим еще одного кумира, созданного нами... Вас обманули, если Вам сказали, что индийские власти сколько-нибудь ценят пожалования короля. Они смеются над ним, и ни одно государство Индии никогда не платило ему ни единой рупии. Ни один из его местных подданных не предложил подчиниться его власти, в то время как мы пали ниц и боготворили его»³⁸.

В то время как Клайв ориентировался больше на торговые круги индийского общества, Хейстингс больше рассчитывал на помощь феодалов. В этом он предвосхитил политику последующих генерал-губернаторов.

Во взаимоотношениях с государствами, находившимися под влиянием Компании, Хейстингс следовал политике закабаления страны путем субсидиарных договоров. В дальнейшем английские правители Индии широко использовали опыт Хейстингса в этом отношении.

Практику субсидиарных договоров в Индии впервые ввели французы: Дюплекс заключил такой договор с низамом Хайдарабада. Для англичан субсидиарные договоры стали главным методом закабаления индийских княжеств. Основными чертами этих договоров были следующие: во-первых, княжество, вынужденное заключить такой договор, отказывалось от самостоятельной внешней политики и обязывалось все свои внешние сношения вести только через Ост-Индскую компанию; во-вторых, княжество принимало на себя обязательство распустить французские отряды, если они имелись, и не принимать к себе на службу французов. Эти два обязательства лишали подписавшее договор княжество всякой возможности освободиться когда-либо от английского влияния. Наконец, по субсидиарному договору Ост-Индская компания посылала отряд сипаев для защиты княжества от нападений, правитель же княжества обязывался субсидировать эти войска, полностью обеспечив их содержание согласно английским требованиям. Последнее условие являлось вернейшим средством дальнейшего зака-

³⁸ А. М. Davies, *Strange destiny...*, p. 60.

баления княжества. Для содержания сипаев обычно выделялись округа, весь налог с которых должен был идти на оплату этих отрядов. Отданные англичанам для сбора налогов округа быстро приходили в запустение из-за чрезмерных поборов, и тогда правителю княжества приходилось или выделять новые округа на содержание отрядов, или занимать на их оплату деньги у служащих Компании. В обоих случаях страна доводилась до разорения и могла быть присоединена к владениям Компании под предлогом ликвидации «дурного управления».

В своей внутренней политике в Бенгалии Хейстингс по существу впервые перенял от бывшего правительства наваба дело сбора земельного налога, поскольку Клайв оставил весь прежний аппарат наваба и только забирал собранную сумму. Хейстингс стал создавать фискальный аппарат Компании и изыскивать новые методы эксплуатации бенгальского крестьянства. Вечно нуждаясь в средствах для пересылки в Лондон, Хейстингс стал отдавать сбор земельного налога в краткосрочный откуп, сначала на пять лет (в 1772 г.), а затем в продолжение четырех лет каждый раз сроком на один год (в 1777—1781 гг.). При этом Хейстингс считал, что к англичанам (с захватом ими власти) перешло право государственной собственности на всю землю в Бенгалии. Это право феодальной государственной собственности на землю Хейстингс стремился сохранить и закрепить, но он понимал это право как абсолютное, не совместимое ни с какими владельческими правами на землю ни крестьян, ни заминдаров.

Английские власти в Индии долго сохраняли такой феодальный пережиток, как государственная собственность на землю, но уже в интересах колонизаторов. Самый характер этой государственной собственности на землю пережил известное изменение. Право государства на землю воспринималось просто как законное право английских захватчиков на безудержный грабеж. Еще Фрэнсис писал, что Хейстингс понимал государственную собственность на землю как «право государства донага грабить туземцев»³⁹.

³⁹ S. Weitzman, *Warren Hastings and Philip Francis*, p. 310. — Письмо Фрэнсиса лорду Нортю от 20 ноября 1776 г.

По существу Хейстингс стремился лишь к наиболее простому способу выжимания из крестьянства наибольших прибылей, не заботясь о будущем. «Когда полученные наибольшей прибыли, — писал Филипп Фрэнсис, — признается первейшей целью господствующей власти, то едва ли будут всерьез обращать внимание на что-либо другое. Когда перед самозванным государственным советом стоит один постоянный вопрос: сколько может платить подданный, или, проще говоря, сколько можно из него выжать, то мало вероятно, что будут приняты во внимание его счастье и довольство или будут считаться с его правами»⁴⁰. «Новый откупщик, — писал он же в другом месте, — должен притеснять райятов для того, чтобы возместить ту сумму, которую он заплатил при покупке права откупа и для обеспечения себе ожидаемой прибыли. Наконец, агент откупщика или его крупный арендатор — чужой человек в деревне... Он высасывает последнюю каплю из крестьянина и делает это быстро, боясь, что время или случай принесут какую-нибудь неблагоприятную перемену»⁴¹.

Об аграрной политике англичан в Индии у Фрэнсиса было иное мнение, чем у Хейстингса. Фрэнсис считал, что, как и в Англии, единственными полноправными владельцами земли в Индии следует признать «туземных лендлордов», как он называл заминдаров. Он призывает объявить заминдаров полными собственниками всех тех владений, в которых они ранее обладали правом сбора земельного налога. Фрэнсис признавал, что «заминдары, правда, являются военачальниками и заместителями», но считал, что «эти обязанности, естественно, были наложены на заминдаров именно потому, что они являются владельцами земельной собственности»⁴². Он скрепя сердце признавал ничтожность и бесхозяйственность заминдаров: «Мои принципы и наклонности заставляют меня обратиться к заминдарам, но в настоящее время большая часть их нищие и в долгах»⁴³. Од-

⁴⁰ Ibid., p. 270. — Письмо Фрэнсиса сыну Клайва от 21 августа 1776 г.

⁴¹ Ibid., p. 236. — Письмо Фрэнсиса лорду Нортю от 31 января 1775 г.

⁴² Ibid., p. 305. — Письмо Фрэнсиса Раузу от 23 апреля 1776 г.

⁴³ Ibid., p. 247. — Письмо Фрэнсиса Стахею от 23 ноября 1775 г.

нако вместе с тем Фрэнсис рекомендовал передать этим заминдарам полные права собственности на землю. Он предлагал следующую политику по отношению к заминдарам:

«1. Восстановить заминдарам их наследственные права; 2. Снизить податное обложение земли; 3. Податное обложение, однажды установленное, зафиксировать навеки, чтобы оно было столь же непоколебимо, как и та земля, с которой оно собирается»⁴⁴.

За крестьянством же Фрэнсис не признавал никаких прав на землю. «Налоговый закон, — писал он, — не должен ограничивать заминдара в его отношениях с арендаторами (так Фрэнсис называл индийских крестьян. — К. А.). Он должен иметь право свободно предлагать свои собственные условия работы, но эти условия должны быть фиксированы в соглашениях и подвергаться изменениям не больше, чем его (заминдара. — К. А.) собственный доход»⁴⁵.

Различие во взглядах Хейстингса и Фрэнсиса на вопрос о земельной политике англичан в Индии касалось лишь методов. Оба противника стремились к наибольшей эксплуатации индийского крестьянства в интересах английских завоевателей страны. Поэтому для индийских крестьян оба метода оказывались губительными, оба вели к разорению.

Земельная политика Хейстингса проводилась им вопреки сопротивлению Фрэнсиса в 70—80-е годы XVIII в. Однако взгляды Фрэнсиса были в самом конце XVIII в. усвоены генерал-губернатором Индии Корнуоллисом и проведены им в жизнь. Таким образом, обе точки зрения — и Хейстингса, и Фрэнсиса — нашли свое воплощение в XVIII в. в аграрной политике англичан в Бенгалии и обе оказались разорительными для индийского крестьянства, так как проводились не в его интересах, а в интересах колониальных эксплуататоров страны.

При Хейстингсе сдача земельного налога на откуп, да еще на один только год, привела к крайнему и быстрому разорению крестьян. Откупщик, который вносил крупный залог в казну за право сбора налога с

⁴⁴ Ibid., p. 337. — Письмо Фрэнсиса Клеврингу от 14 января 1776 г.

⁴⁵ Ibid., p. 306. — Письмо Фрэнсиса Раузу от 22 июня 1776 г.

крестьян и знал, что в следующем году это право будет предоставлено другому, стремился отнять все, что только было в деревне, не считаясь ни с какими нормами и обычаями.

В результате такой политики англичан треть территории Бенгалии в течение нескольких лет превратилась в дикие джунгли. Деревни постепенно теряли связь с внешним миром. Тигры стали хозяевами в тех местах, где прежде были расположены обработанные поля. В 1790—1791 гг. во время напряженной войны с Майсуром, когда Бенгальский совет прекратил почти всякие другие выплаты, кроме сумм, шедших на военные цели, за каждую голову тигра выплачивали крупную сумму. Дикие слоны нередко разрушали забрасываемые и пугающие деревни. Лишь в двух небольших районах Бенгалии за несколько лет 56 деревень были разрушены и превратились в джунгли вследствие опустошений, произведенных дикими слонами⁴⁶. В 1780 г., через десять лет после голода, один отряд сипаев пробирался в Бенгалии через густые джунгли. 120 миль отряд шел густым лесом, изобиловавшим дикими зверями. Корреспондент английской газеты, не знавший, очевидно, что несколько лет назад там была плодородная, возделываемая местность, писал, что продвижение этого отряда происходило по местам, куда до того не ступала нога человека⁴⁷.

Англичанам пришлось убедиться в ложности их представления о безропотности индийского крестьянства. Крестьянские восстания следовали одно за другим. Часто они вспыхивали неорганизованно, обычно носили локальный характер, но крестьяне упорно боролись, а при приходе хорошо вооруженных войск Компании скрывались в джунглях.

Самое крупное крестьянское восстание произошло в округе Динаджпур, где право сбора земельного налога получил на два года ростовщик Дева Сингх, давший взятку в 400 тыс. рупий самому генерал-губернатору Хейстингсу. При этом Дева Сингх официально обещал увеличить налоговые поступления лишь на 7 тыс. рупий.

⁴⁶ C. W. Hunter, *Annals of rural Bengal*, vol. I, p. 66.

⁴⁷ *Ibid.*, p. 64, 65.

Он забрал у крестьян весь урожай, крестьяне заложили все, что у них было, ростовщикам для уплаты налога и все же не удовлетворили претензий Дева Сингха. Тогда Дева Сингх стал продавать с молотка за недоимки все их жалкое имущество. Бёрк так описал это позднее в парламенте с красноречием и риторикой опытного оратора того времени: «Крестьянин был размолот в прах между ростовщиком внизу и угнетателем наверху. Весь урожай страны был одновременно брошен на рынок. Рынок был переполнен, и цена зерна упала до $\frac{1}{3}$ обычной стоимости... Продажа орудий крестьянского труда последовала за продажей посевного зерна и скота. Были случаи, когда крестьян, не имевших ничего за душой, тащили из суда к их домам, чтобы они видели, как их достояние сначала грабят, а потом сжигают. Это было уже не жестоким взысканием налогов, а дикой войной, проводимой в стране»⁴⁸. Когда и этого «воздействия» не хватило для покрытия недоимок, к крестьянам и их женам стали применять жесточайшие пытки.

Крестьяне Динаджпура подняли восстание, которое Бёрк называл «всеобщим». «Восстание началось в Рангпуре и скоро распространило свой огонь на соседние округа, которые были возмущены тем же человеком (Хейстингсом. — К. А.) и теми же способами угнетения. Английский начальник этой области... сразу вызвал иррегулярные войска, которые при помощи всеобщего и ужасного побоища сломали бессильное сопротивление невооруженного и недисциплинированного отчаяния... Это было величайшим и наиболее серьезным беспорядком, который когда-либо имел место в Бенгалии»⁴⁹. Даже английская комиссия, которая расследовала потом дело о восстании в Динаджпуре, вынуждена была признать, что «было бы удивительно, если бы райяты не восстали. Это был не сбор налогов, а настоящий грабеж, усугубленный телесными наказаниями и всяческим оскорблением и бесчестьем. Это касалось не только многих, но распространялось на каждого»⁵⁰.

Хотя это восстание было подавлено, тот же округ Динаджпур позднее стал центром нового восстания,

⁴⁸ E. Burke, *Works and speeches*, vol. VII, p. 185.

⁴⁹ *Ibid.*, p. 191, 192.

⁵⁰ *Ibid.*, p. 194.

длившегося много лет. Движение было возглавлено индусской сектой саниаси, хотя в нем участвовали не только индусы, но в равной мере и мусульмане. Раз в год отряды саниаси собирались на празднование к храму Джаганнатх и там вырабатывали планы дальнейших действий. Благодаря тому что они были до некоторой степени организованы, саниаси смогли продержаться ряд лет, несмотря на меры, принятые английскими властями для их подавления. Однажды отряды саниаси в несколько десятков тысяч человек подошли чуть ли не к самой Калькутте. Против них Хейстингс послал регулярные сипайские войска под командованием английских офицеров. Для того чтобы лишить саниаси поддержки и пополнения из рядов крестьянства, Хейстингс издал постановление о том, что каждый пойманный «разбойник» подлежал смертной казни в своей деревне, а вся деревня облагалась тяжелым штрафом. Семья казненного обращалась в рабство, и рабами этими, по словам постановления, «распоряжается правительство согласно с общей пользой и удобством народа»⁵¹. С помощью войск Хейстингсу удалось в конце своего правления разбить саниаси и отбросить их за пределы Бенгалии.

Впоследствии, в 1882 г., известный бенгальский романист Бонким Чондро Чоттопадхайя (Чаттерджи) описал восстание саниаси в романе «Обитель радости»⁵².

Однако против ига английских властей в Индии восставали не только крестьяне. Иногда против английских вымогательств поднималось все население местности и восстание, локальное по своей сфере действия, становилось общенародным по своему характеру. Так обстояло, например, дело в Бенаресе и в Ауде.

Бенарес считался вассалом Ост-Индской компании. По договору 1775 г. Ауд передал Ост-Индской компании суверенитет над Бенаресом, который был до того заминдарством Ауда. В 1776 г. Компания издала санад (указ), в котором подтверждались заминдарские права раджи Бенареса Чейт Сингха и было установлено, что Чейт

⁵¹ См.: L. Trotter, *Warren Hastings*, Oxford, 1897, p. 69, 70.

⁵² См.: Е. В. Паевская, *Общественно-политические взгляды Бонкима, Чондро Чоттопадхайя* («Советское востоковедение», 1957, № 2), стр. 91—96.

Сингх должен ежегодно выплачивать Компании 22 лаखा рупий. При этом в договоре было специально оговорено, что к Компании переходят все права и обязанности Ауда как сюзерена Бенареса, а, следовательно, Компания должна была соблюдать и тот пункт договора Ауда с Бенаресом, где говорилось, что «никакого увеличения дани Ауд никогда в будущем не потребует»⁵³. Вопреки этому Хейстингс в 1778 г. потребовал от раджи еще пять или шесть лакхов рупий, оговорив, что эта сумма является чрезвычайным однократным взносом. В последующие годы Хейстингс неоднократно повторял требования единовременного взноса такой же суммы. Наконец в 1781 г. он потребовал пять лакхов рупий сверх указанных в договоре и две тысячи всадников, о которых в договоре вообще ничего не говорилось. Чейт Сингх дал ему взамен взятку в два лаखा (т. е. 200 тыс. рупий). Хейстингс взятку принял и использовал деньги на оплату военных расходов на юге Индии, но потом приехал сам в Бенарес и наложил на раджу штраф «за непослушание» в сумме 50 лакхов рупий. Такой суммы Чейт Сингх не был в состоянии уплатить, так как весь его чистый годовой доход составлял от 40 до 46 лакхов рупий⁵⁴. Раджа просил рассрочки. В ответ Хейстингс приказал арестовать его. Услышав об этом, толпа бенаресцев ворвалась во дворец, перебила сипаев, приставленных Хейстингсом к радже, и увела Чейт Сингха с собой.

В Бенаресе было достаточно недовольных англичанами, так как ежегодные требования Хейстингса об «однократной» уплате крупных сумм приводили к введению дополнительных налогов. Хейстингс оказался в критическом положении. Его отряд был атакован восставшими. На узких улицах Бенареса, сдавленных многоэтажными каменными домами, отряд оказался как бы в ущелье: из домов в него стреляли, бросали камни, лили кипяток. Хейстингс выбрался из Бенареса, поте-

⁵³ Соглашение (каулнаме) между навабом Ауда Шуджа-уд-доуле и Чейт Сингхом (Ch. U. Aitchison, *A collection of treaties, engagements, and sanads relating to India and neighbouring countries* vol. 1, London, 1909, p. 93, 94.

⁵⁴ По сведениям английского резидента в Ауде (E. Works and speeches, vol. VII, p. 51).

ряв двух капитанов, 136 солдат и бросив три пушки. «Джентльмены, сопровождавшие генерал-губернатора,... в течение двух месяцев... были свидетелями восстания, которое потрясло почти до основания власть британцев в Индии»⁵⁵.

Восстание быстро распространилось по всему Бенаресу и перекинулось даже на Ауд. Восставшие могли соперничать с английскими сипаями даже в вооружении. По признанию Хейстингса, «пушки и снаряды туземцев, хотя и отлитые ими самими, не уступали по своему качеству английским, а порох был даже лучше... Результаты восстания могли быть ужасными и становились всеобщими»⁵⁶.

Однако предательство бенаресских феодалов во главе с самим Чейт Сингхом, непрерывно посылавших Хейстингсу униженные мольбы о мире, и денежная помощь англичанам со стороны местных банкиров дали возможность подавить восстание. Восставшие не вели наступательных действий и укрывались в отдельных фортах, которые англичане брали один за другим. Чейт Сингх бежал из страны. Бенарес был присоединен к владениям Компании. Хейстингс передал его радже Манип Нарайну, который обязался платить 40 лакхов рупий ежегодно и как в случае войны, так и для сбора налогов пользоваться исключительно войсками Компании. Хейстингс лишил крупных ижагирдаров Бенареса их джагиров и повысил внутренние торговые пошлины с 2% до 5%.

В результате повышения налогов, вызванного вымогательствами Компании, Бенарес, бывший цветущей страной во времена отца Чейт Сингха, превратился при Хейстингсе в нищую местность. Совершая в 1784 г. путешествие по Бенаресу, Хейстингс писал: «С границы области от Буксара и до Бенареса за мной следовали и меня утомляли жалобы недовольных жителей... Из петиций, которые мне были поданы, каждая, не касающаяся личной обиды, говорила об одном и том же роде притеснений... большое увеличение сборов натурой сверх установленной ренты. От крестьян... отнимают или все

⁵⁵ W. Hodges, *Travels in India during the years 1780, 1781, 1782 and 1783*, London, 1794, p. 86.

⁵⁶ S. C. Grief, *Letters of Warren Hastings to his wife...*, p. 140.

без обмера, или значительную часть урожая путем обмера или другими способами... Чрезмерные пошлины, взимаемые на основе произвольной оценки товаров, взимание пошлин дважды за те же товары, сначала с продавца, а затем с покупателя... — эти жалобы подавались мне купцами, когда я был в Бенаресе»⁵⁷.

Позднее, в 1788 г., английский резидент в Бенаресе сообщал, что «по крайней мере треть земель не была возделана в результате плохого управления последних лет... Округ Керива, насколько можно охватить взглядом по обе стороны дороги, походил на пустыню... В округе Нургаре на протяжении 12 миль было видно не более 12 возделанных полей, остальная земля... пустовала, заросла высокой травой и молодыми деревцами»⁵⁸.

Вскоре произошло восстание также в Ауде. Восстание в Ауде явилось откликом на бенаресское. Однако у населения Ауда были и свои собственные причины ненавидеть английские власти в Индии. Когда в Ауде в 1775 г. умер наваб Шуджа-уд-доула, Бенгальский совет согласился признать права его преемника лишь при условии передачи Компании вассального Бенареса, а также увеличения численности постоянного английского отряда и, следовательно, его оплаты до 260 тыс. рупий в год. Выплата этих огромных сумм разоряла страну. На содержание войск уходили почти все государственные доходы Ауда: так, в 1779 г. государственный доход достигал 150 лакхов рупий, а Компания претендовала уже на 136 лакхов недоимок за несколько лет. Кроме постоянных войск, Компания посылала в Ауд временные отряды, которые тоже содержались за счет Ауда. К тому же английская армия в Ауде, по словам самого Хейстингса, была «заражена продажностью и духом грабежа». Английские офицеры занимались вымогательством. За период 1773—1779 гг. наваб заплатил отдельным английским офицерам крупные суммы за военное снаряжение, значительная часть которого никогда не была ему доставлена⁵⁹. Отдельные английские офицеры брали на откуп сбор налогов. Так, например, полковник Хан-

⁵⁷ Ibid., p. 301.

⁵⁸ E. Burke, *Works and speeches*, vol. VII, p. 88—91.

⁵⁹ P. Basu, *Oudh and the East India Company, 1785—1801*, London, 1943, p. 114.

ней, прославившийся своими жестокостями во время рохиллской войны, вместе с некоторыми другими высшими военными чинами взял на откуп аудские округа Баррач и Горакхпур, где взыскивал налоги с помощью солдат своего полка. В соседнем округе такими же методами действовал англичанин Гордон⁶⁰. Наваб неоднократно ставил в известность Хейстингса о том, что крестьянство крайне обременено налогами. Значительная часть крестьян могла продолжать сельскохозяйственное производство только с помощью правительственных авансов (таккави), получаемых на приобретение посевного зерна, иногда недостающего рабочего скота и на пропитание крестьянской семьи до урожая⁶¹. В качестве откупщиков англичане прекратили систему раздачи таккави от правительства в полученных ими на откуп округах.

Надо также отметить, что английские купцы и служащие Компании поставили под свой контроль в это время производство тканей в Ауде. В Ауде существовал хороший рынок для дешевых тканей. Однако англичане вынуждали зависимых от них ткачей производить более дорогие ткани, нужные Компании. При этом английские купцы и скупщики были освобождены от всяких налогов и пошлин⁶².

Восстание, начавшееся в Бенаресе против англичан в 1781 г., перебросилось в 1782 г. на Ауд. Восстание началось в тех районах, где откупщиками были англичане. Крестьяне Горакхпура собрались у глиняного форта, в котором содержались узники, посаженные за недоимки, и потребовали выпустить их и особенно местного заминдара Мустафу-хана, приговоренного английским полковником к смерти за сопротивление мерам по сбору налога. В ответ на требования крестьян полковник Ханней приказал обезглавить Мустафу-хана, и два английских офицера исполнили это приказание. Однако казнь Мустафы-хана только сплотила восставших. Навабу Ауда по требованию населения пришлось уволить Ханнея, и впоследствии он не желал и слышать о его восстановлении, видимо опасаясь возмущения своих подданных.

⁶⁰ E. Burke, *Works and speeches*, vol. IV, p. 35 — 38.

⁶¹ P. Basu, *Oudh and the East India Company...*, p. 7.

⁶² *Ibid.*, p. 135 136.

Тут на помощь англичанам прибыли войска, посланные местными аудскими феодалами. Жены покойного наваба Ауда, владевшие крупными джагирами, послали отряд для защиты Гордона от ярости восставших и сопровождали его в Файзабад, куда он собирался бежать от мятежных райятов⁶³.

Хотя крестьяне восстали, услышав о событиях в Бенаресе, однако движение в Ауде носило лишь местный характер и распространилось лишь в немногих округах, находившихся под непосредственным управлением англичан-откупщиков. Крестьянство остального Ауда не входило в соприкосновение с англичанами и считало, что все притеснения исходят только от местных властей, и потому не поддержало восставших. С Бенаресом у крестьян Горакхпура и соседних округов, по-видимому, тесной связи не было. Восстание в Ауде было довольно скоро подавлено.

Хейстингс воспользовался восстанием, чтобы ограбить некоторых крупных аудских феодалов. Еще раньше, в 1775 г., Хейстингс потребовал от наваба Ауда, чтобы тот погасил очередные долги Компании за счет имущества жен покойного наваба, владевших крупными пожалованиями. Эти «аудские бегумы» (как их называли англичане) заплатили требуемую сумму, но потребовали гарантии от дальнейших вымогательств. Правивший наваб дал тогда главной из них, своей матери, следующее обязательство, гарантированное английским резидентом Бристону: «Я сейчас взял у своей матери 30 лакхов рупий в счет настоящих и 26 лакхов в счет прошлых долгов деньгами, драгоценностями, слонами, верблюдами и т. д. из наследства моего отца и не имею дальнейших претензий к ней. Получив это при посредстве английских начальников, я отказываюсь от всех дальнейших требований к ней... Моя мать может свободно действовать, как ей угодно, в своих джагирах. Она является хозяйкой. В качестве гаранта соблюдения всех этих статей я призываю Аллаха и его пророка, 12 имамов и английских начальников. Английские начальники примкнули к этому соглашению. Сверх того

⁶³ S. C. Grier, *Letters of Warren Hastings to His wife...*, p. 300; E. Burke, *Works and speeches*, vol. IV, p. 40.

в дальнейшем я не потребую никакого займа от моей матери. У меня нет к ней претензий, и я никогда не отойду от этого соглашения. Если бы я стал действовать противно этому соглашению, я, вероятно, был бы отстранен от милостей английских начальников и Компании»⁶⁴.

Однако «английские начальники» не склонны были держать свое слово, когда нарушение его могло быть выгодным. Хейстингс не только немедленно «забыл» об услугах аудских бегум английским откупщикам, но и обвинил бегум в связи с восставшими, чтобы иметь возможность конфисковать их имения. В договоре 1781 г., заключенном в Ауде между Хейстингсом и навабом, было установлено, что наваб отберет у бегум и других крупных феодалов отведенные им пожалования и наличные средства и передаст их Компании. Официально это было облачено в форму милостивого согласия Компании на просьбу наваба: «Так как бедствия наваба возникли от военной мощи и власти джагирдаров, то ему позволяется вернуть себе те из джагиров, которые он считает необходимыми, с условием, что владельцы джагиров, гарантированных Компанией, в случае возврата этих земель навабу будут получать через посредство резидента сумму их чистого дохода наличными»⁶⁵.

Английские солдаты заняли дворец бегум и, посадив их под домашний арест, потребовали денег. Двух евнухов, которые заведовали казной, англичане заковали в цепи, морили голодом и в заключение публично высекли, заставив их, наконец, указать потайное место, где лежали богатства. Бегум заложили у ростовщиков все свои драгоценности, платья и предметы обихода, чтобы выручить требуемую сумму. Остальных обитательниц гарема с детьми и прислужницами лишили содержания, так что те вынуждены были просить милостыню на улицах.

Наваб Ауда формально был оставлен у власти, но англичане превратили его окончательно в марионетку, распоряжающуюся только делами своей семьи. Хейстингс официально заявил навабу: «Согласившись со

⁶⁴ См.: Ch. U. Aitchison, *A collection of treaties, engagements and sanads...*, vol. I, p. 100—101.

⁶⁵ *Ibid.*, p. 102—104.— Соглашение между генерал-губернатором и навабом визирем 1781 г.

своей стороны на требования наваб-визиря... я предлагаю ему сократить число его войск... Однако, так как это может быть затруднительно без разделения общественных и частных фондов наваба, я предлагаю, чтобы в дальнейшем он получал в свой частный кошелек не больше фиксированной ежемесячной суммы на расходы его и его дома, и чтобы остаток чистого дохода оставался в общественной казне... на уплату его военных и частных долгов»⁶⁶ англичанам. Так наваб Ауда лишился всякой реальной власти.

Налоговый гнет англичан в Ауде привел к голоду в 1784 г. Хейстингс выехал туда для урегулирования дела об уплате навабом задолженности Компании на оплату войск и займов, взятых им у служащих Компании. Хейстингс так описал картину, представившуюся его взору во время путешествия: «Я не могу даже представить о страданиях отдельных лиц. Дороги и улицы уже в течение нескольких месяцев заполнены истощенными страдальцами, которые со всех сторон сошлись к столице в поисках помощи. Множество из них погибло, несмотря на правительственную помощь, которая их привлекла. Число гибнущих увеличивается... Мне тяжело выходить на улицу, слышать крики и видеть подобное зрелище человеческих страданий». Однако Хейстингс тут же ханжески добавил: «Погибают главным образом старики, увечные, слепые, больные и ленивые, и хотя с точки зрения гуманности их можно пожалеть, гибель их легче всего может быть перенесена обществом»⁶⁷.

Хейстингс способствовал упрочению власти англичан не только в Бенгалии, но и в близлежащих областях. Своим вмешательством в ход маратхских и майсурских войн он разбил антианглийскую коалицию и, оказывая помощь из Бенгалии деньгами и людьми, способствовал победе английского оружия на юге Индии. Наравне с Клайвом Хейстингс явился основателем Британской империи в Индии, закрепив английское господство над индийским народом.

В то время как Индия нищала, пайщики Ост-Индской компании богатели на эксплуатации колониальных вла-

⁶⁶ Ibid.

⁶⁷ S. C. Grier, *Letters of Warren Hastings to his wife...*, p. 300.

дений. Эта небольшая группа лиц вызывала зависть и осуждение довольно широких слоев английского общества, тоже желавших принять участие в колониальных прибылях. В 1784 г. оппозиция Компании включала самые различные элементы: купцы, не являвшиеся пайщиками Компании, видели в ее монополии барьер, загораживающий им доступ к сказочным прибылям индийской торговли; земельная аристократия возмущалась выскочками — «набобами», их роскошным образом жизни, тем, что они перекупали, взвинчивая цены, «теплые местечки» в парламенте и администрации, местечки, которые английская знать всегда считала своим наследственным достоянием. Так, лорд Честерфильд жаловался, что не смог купить парламентское кресло своему сыну за 2,5 тыс. ф. ст., так как «набобы» платили до 5 тыс. ф. ст.⁶⁸

Партия вигов с негодованием отмечала тесную связь Компании и короны, связь, которая угрожала, казалось, самим основам английских «свобод». Георг III, опираясь на ресурсы Компании, мог почувствовать себя независимым от парламента. Все прогрессивные элементы в Англии отмечали, что Компания держится путем взяточничества и коррупции, поддерживая и распространяя продажность в стране, подкупая всех, от кого зависела ее судьба. «Это — печальная истина, что чистота британского парламента загрязнена богатствами Индии», — писалось в одной брошюре того времени⁶⁹. Промышленники тоже со страхом взирали на рост могущества старой торговой организации, которая время от времени делала неудачные попытки основать в Англии промышленные предприятия.

На стороне Компании была вся подкупленная ею высшая бюрократия, все, кто искал в Индии места для себя или для своих родственников и ставленников, — а патронаж затрагивал весьма широкие круги. Борьба вокруг вопроса о методах дальнейшего управления Индией привлекла внимание всего английского общественного мнения.

⁶⁸ А. М. Davies, *Strange destiny...*, p. 49.

⁶⁹ «Consideration on the attempt of the East India Company to become manufacturers in Great Britain», London, 1776, p. 34.

Выразителем настроений противников Компании выступила стоявшая тогда у власти партия вигов. Ее проект управления Индией, внесенный Фоксом в 1783 г., должен был, с одной стороны, подорвать могущество Компании, а с другой — передать значительную долю патронажа и влияния друзьям Фокса и его партии. Этот билль был провален путем маневров при активном участии лично Георга III. Власть перешла к Питту и партии тори.

Принятый парламентом акт Питта 1784 г. создавал видимость неприкосновенности власти Компании. В действительности же, как отметил цитируемый Марксом историк Джемс Милль, «Билль г-на Фокса передавал власть, отобранную у Компании, комиссарам, назначаемым парламентом. Билль г-на Питта передавал эту власть комиссарам, назначаемым королем»⁷⁰. Правление Компании сохранило еще свои права, правда в урезанном виде, но собрание пайщиков потеряло после 1784 г. всякую возможность влиять на судьбы Индии.

Хейстингс воспринял акт 1784 г. как сильный удар по Компании, направленный и против его собственной политики. «Акт, наносящий больший ущерб моей репутации и власти, Компании, особенно пайщикам (которые одни имеют право на мое служение из благодарности к ним) и национальной чести, не мог быть выдуман, даже если бы пятьдесят бёрков, фоксов и фрэнсисов соединились, чтобы его изобрести», — писал он жене⁷¹. Питт вел себя по отношению к Хейстингсу очень сдержанно, и Хейстингс понимал, что потерял свою опору в Англии. «Теперь он, — писал Хейстингс жене о Питте, — свободен поступать со мной так, как того пожелает, утвердить меня в моей должности с соответствующей властью, или же, преследуя свои собственные интересы, даровать эту должность другому, более способному отплатить ему за услугу»⁷².

В 1785 г. Хейстингс подал в отставку и, отправив вперед жену с подарками королю, оставил Индию на-

⁷⁰ См.: К. Маркс, *Ост-Индская компания, ее история и результаты ее деятельности* (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 9, изд. 2), стр. 154.

⁷¹ S. C. Grier, *Letters of Warren Hastings to his wife...*, p. 413.

⁷² Ibid., p. 328.

всегда. Однако виги, потерпев поражение во время подготовки реформы 1784 г., прибегли к иным методам борьбы, — и таким методом явился публичный суд парламента над Уорреном Хейстингсом, генерал-губернатором, «главой всей корпорации» Компании. В 1785 г. стали готовить обвинительное заключение; Хейстингса стремились осудить за жестокость, несправедливые действия и коррупцию. Главными пунктами обвинения служили рохиллская война, угнетение раджи-заминдара Бенареса и фамилии наваба Ауда. Суд начался в 1788 г. и тянулся восемь лет. Происходил этот суд в торжественной обстановке в палате лордов. Обвинителями выступали лучшие ораторы Англии — Бёрк и Шеридан, а доставлял им материал, конечно, Фрэнсис. Это увлекательное зрелище было гвоздем сезона, затмившим театр: за место на галерее платили баснословные цены, а в день выступления известного драматурга Шеридана знатные дамы с шести часов утра мерзли в очереди перед закрытыми массивными дверьми здания парламента, когда же двери раскрылись, все ринулись занимать лучшие места.

Суд над Хейстингсом был вызван политической борьбой между различными группировками английской буржуазии, но, помимо воли его инициаторов, приведенные на суде материалы ярко вскрыли методы хозяйничанья английских завоевателей в Индии и эксплуатации индийского народа в эпоху первоначального накопления, когда Англия, по выражению Маркса, подорвала самую основу индийского общества, не обнаружив никаких попыток его преобразовать⁷³.

Однако именно полнота и яркость этой картины неслыханного разорения индийских народных масс, которых лишали работы, земли и пропитания ради колоссального увеличения доходов английских предпринимателей, и привела к тому, что английская буржуазия, пожинавшая плоды колониальной эксплуатации Индии, не могла вынести Хейстингсу и Компании обвинительного приговора. Осуждение Хейстингса было бы осуждением политики завоевания и грабежа Индии. Парламент знал,

⁷³ К. Маркс, *Британское владычество в Индии* (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 9, изд. 2), стр. 131—132.

что, как сказал главный обвинитель на процессе Хейстингса Эдмунд Бёрк, «сегодня Палата общин судит преступников Индии, завтра преступники Индии могут стать Палатой общин»⁷⁴. В 1796 г. парламент торжественно вынес приговор — «не виновен». Тем самым была дана санкция парламента на все зверства, подлоги и грабежи английских колонизаторов.

Для Бёрка, вступившего в борьбу с Компанией из политических соображений, но вместе с тем отдавшего делу обвинения Хейстингса всю силу своего таланта, поражение обвинения вопреки самым очевидным фактам было также концом его кипучей деятельности. Даже сухой парламентский отчет констатирует в специальной сноске к последней речи Бёрка: «Это был последний день, когда мистер Бёрк появился в Палате общин. После того как обвинение против мистера Хейстингса было закончено, мистер Бёрк немедленно удалился из парламента»⁷⁵. Он вскоре умер, подорвав свое здоровье составлением и произнесением многочасовых пламенных обвинительных речей.

Шеридан, в молодости самый удачливый и талантливый драматург Англии, умер в 1816 г. в бедности и безвестности. Сам Хейстингс умер стариком в замке, некогда принадлежавшем его роду и откупленном им по окончательном возвращении из Индии. Умер он в 1818 г., за три месяца до смерти его злейшего врага Фрэнсиса. Обоим были посвящены в газетах некрологи, в которых отмечались «большие заслуги» каждого «перед Англией»⁷⁶. Действительно, хотя эти два колонизатора настаивали на разных методах эксплуатации Индии, но оба стремились к тому, чтобы колония приносила наибольшие выгоды английской буржуазии и аристократии. В этом отношении их деятельность принесла пользу той эксплуататорской верхушке, которая привыкла считать себя «Англией».

Эксплуатация индийского народа методами эпохи первоначального накопления продолжалась до начала XIX в. В 1813 г. новый пересмотр хартии Ост-Индской

⁷⁴ E. Burke, *Works and speeches*, vol. VII, p. 449.

⁷⁵ Hansard, *Parliamentary history of England...*, vol. XXXI, p. 952.

⁷⁶ «Annual register for 1818», London, 1819.

компании привел к лишению Компании торговой монополии в Индии. Индийский рынок стал широко открыт для английских товаров. Тогда к старым методам эксплуатации индийской колонии прибавился новый, приведший к превращению Индии из страны, снабжающей весь Средний и Ближний Восток, а в известной мере и Европу своими тканями, в рынок для английских товаров, в сельскохозяйственный придаток промышленности метрополии. С этого времени начинается новый этап в истории Индии.

ГЛАВА VII

МАЙСУР НАКАНУНЕ АНГЛИГСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ

О положении в Майсуре до английского завоевания имеются значительно более подробные сведения, чем о положении в Бенгалии до утверждения там власти англичан. В 1800 г., сразу же после захвата Майсура, туда был послан служащий Компании Френсис Бьюкенен для осмотра новых, перешедших к Компании владений. Ему предписывалось обращать внимание на сельское хозяйство страны, ремесла, торговлю, на естественные богатства и рудники, описывать нравы и обычаи жителей и исторические памятники. Бьюкенен объехал весь Майсур и области, завоеванные во второй половине XVIII в. майсурскими правителями Хайдаром Али и Типу Султаном, за исключением северных районов, присоединенных в результате последней англо-майсурской войны 1799 г. к территории союзника англичан — низама Хайдарабада. Отчет Бьюкенена был составлен в 1800-1801 гг. и напечатан в Лондоне в 1807 г. без ведома автора¹.

Социально-экономический строй Майсура, вырисовывающийся при анализе подробных данных, приводимых Бьюкененом, не мог, конечно, измениться за один год английского владычества. Таким образом, отчет Бьюкенена отражает уровень общественно-экономического развития, достигнутый страной до завоевания ее англичанами. Таких подробных данных об орудиях производ-

¹ F. Buchanan, *A journey from Madras through the countries of Mysore, Canara and Malabar...*, vol. 1 - III, London, 1807.

ства и организации труда в сельском хозяйстве и ремесле Майсура на рубеже XVIII—XIX вв. нет ни в каком другом известном нам источнике, а отрывочные сведения, встречающиеся у других авторов, только подтверждают правильность приводимых Бьюкененом материалов. Поэтому отчет Бьюкенена является основным источником для историка, желающего воспроизвести картину общественно-экономических отношений в независимом Майсуре второй половины XVIII в.²

Сельское хозяйство Майсура до англо-майсурской войны 1799 г. с ее разрушениями было, видимо, относительно процветающим. Имелась разветвленная оросительная сеть, которая питалась многочисленными горными реками, полноводными главным образом во время муссонов. Бьюкенен повсюду видел остатки оросительных систем: резервуаров, сохранивших влагу в сухой период, каналов, отводивших воду на поля, плотин, сбросных шлюзов и т. д. Эта система орошения давала возможность собирать два обильных урожая в год. При посевах сельскохозяйственных культур и особенно при посадке плодовых деревьев применялись довольно сложные и трудоемкие способы обработки земли: многочисленные пропашки, поливки, окучивание, внесение удобрений и т. п.

Все эти проверенные веками способы выращивания разнообразных сельскохозяйственных культур в соединении с развитой оросительной сетью вели к процветанию сельского хозяйства — основы богатства Майсура. Благодаря этому Майсур мог содержать большую армию и быстро оправлялся даже после неудачных кампаний или вражеских нападений.

Так же как и в других частях Индии, в Майсурском государстве, за исключением Малабарского побережья³, существовала сельская община. Бьюкенен не знал, а потому и не замечал такого института нигде в Индии. Однако он приводит конкретные данные, свидетельствующие о существовании сельской общины в Майсуре. Так,

² См.: К. А. Антонова, *Отчет Бьюкенена о Майсоре 1800—1801 гг. как исторический источник* («Ученые записки Института востоковедения», т. XVIII, 1957).

³ Об особенностях социально-экономических условий Малабарского побережья см. ниже.

Орошение поля (с гравюры Соннера, XVIII в.)

описывая способы раздела урожая при уплате земельного налога, Бьюкенен сообщает, что в первую очередь выделяли долю брахманов, деревенского астролога, старосты, писца, надзирателя, цирюльника, гончара, плотника и кузнеца, стиральщика белья, землемера, распределителя воды и сторожей (т. е. общинных должностных лиц, слуг и ремесленников). После этого урожай делили в заранее определенной пропорции между государством и крестьянами⁴. Таким образом, перед нами предстает характерная картина нераспавшейся общинной организации.

Позднее Марк Уилкс, участник англо-майсурских войн, а после завоевания Майсура — гражданский чиновник Компании, первым из англичан подробно описал точно такую же сельскую общину: «Каждая индийская община является и всегда была по существу отдельным обществом или республикой... Гоуд, патель, мукаддим или мундил (как его называют на различных языках) является судьей и старостой. Курнам, шанбог или патвари является писцом. Тальяри или отхалвар, а также тоти являются одним — сторожем деревни, другой — сторожем полей. Джотиши или джоши (астролог) выполняет важную обязанность, объявляя время сева и сбора урожая, и приносит воображаемую пользу, сообщая счастливые и несчастливые дни и часы для выполнения всех сельскохозяйственных работ. Кузнец и плотник делают все примитивные сельскохозяйственные орудия и еще более примитивные жилища крестьян. Гончар делает всю употребляемую в деревне посуду. Стиральщик белья содержит в чистоте скудную одежду, которую... ткут в крестьянской семье или приобретают на ближайшем рынке. Цирюльник помогает крестьянам содержать себя в чистоте или наряжаться. Серебряных дел мастер... делает простые украшения, которые крестьяне любят надевать на своих жен и дочерей; и эти 12 необходимых членов общины получают оплату своего труда или

⁴ Бьюкенен подробно описал такой раздел урожая под Бангалуром (F. Bückenan, *A journey from Madras...* vol. I, p. 265, 266), в Коларе (vol. I, p. 299, 300), в Мадхугири (vol. I, p. 388, 389), в Сире (vol. I, p. 414), в Прия-Паттана (vol. II, p. 109) и в Келламангалам (vol. III, p. 448, 449), т. е. в центре и на северо-западе Майсурского государства.

в виде участка земли из общинного фонда, или в виде установленной доли в урожае каждого крестьянина в деревне»⁵.

О существовании общины свидетельствует также отмеченная Бьюкеноном обычная для майсурских деревень чересполосица: только как член сельской общины крестьянин имел право на равную долю хорошей и плохой, близкой и дальней, орошаемой и неорошаемой земли, а выделить каждому такие «равные доли» можно было лишь чересполосно. Переделы земель в деревнях, в некоторых местах ежегодные, в других — раз в десять лет⁶, тоже указывают на существование сельской общины. Сам Бьюкенон отмечал, что пастбища находятся в общем владении⁷. Наконец, факты, приведенные Бьюкеноном, указывают на наличие среди примитивных племен, живших в некоторых районах Майсура, даже общинной обработки пахотных земель при переложном земледелии. «По обычаю, все люди одной деревни работают один день на полях одной семьи, а другой день на полях другой, по очереди»⁸. «Когда наступает время сева, то, чтобы засеять быстрее, крестьянин нанимает столько батраков, сколько только может, но и его нанимают засеивать поля соседа»⁹. Совершенно ясно, что здесь перед нами картина общинной обработки земли, но описанная в терминах английских аграрных отношений, когда существуют только частные поля, фермеры и сельскохозяйственные рабочие. Такую общинную обработку земли отмечал в своем труде и Уилкс: «В некоторых случаях земли деревни обрабатываются сообща, и урожай делится в зависимости от приложенного труда, но обычно каждый земледelec обрабатывает свое собственное поле»¹⁰.

Только наличие сельской общины с ее соединением земледелия с ремеслом давало возможность майсурско-

⁵ M. Wilks, *Historical sketches of the South of India...*, vol. I. London, 1810, p. 118.

⁶ F. Buchanan, *A journey from Madras...*, vol. II, p. 319, 333.

⁷ Ibid., p. 451; vol. III, p. 279; то же в кн.: M. Wilks, *Historical sketches of the South of India...*, vol. I, p. 119.

⁸ F. Buchanan, *A journey from Madras...* vol. II, p. 177.

⁹ Ibid., p. 199.

¹⁰ M. Wilks, *Historical sketches of the South of India...*, vol. I. p. 118, 119.

му крестьянину собирать обильный урожай при тех крайне примитивных орудиях труда, которые были в его распоряжении. Бьюкенен, знакомый с усовершенствованным железным плугом и прочими сельскохозяйственными инструментами английского фермера, всюду подчеркивал примитивность орудий майсурского крестьянина.

Почти все орудия производства были сделаны из дерева, сосуды — из глины. Так, землю пахали сохой, большей частью деревянной, иногда с грубо вделанным железным лезвием, но всегда без отреза или отвала. «В результате крайнего несовершенства их орудий и слабосилия их рабочего скота после шести-восьми пропашек на поле по-прежнему остаются многочисленные кустики, стоящие так же прямо, как до начала работы, так как плуг (так Бьюкенен называл соху. — К. А.) не проникает глубже трех дюймов и не переворачивает ни комка земли... У плуга нет ни предплужника, ни отвала для вырезки и переворачивания земли, а форма ручек дает пахарю мало возможности направлять плуг. Другие орудия (сельскохозяйственные.— К. А.) столь же несовершенны»¹¹. После пропашки комья земли разбивали доской, которую волю тащили по пашне. На эту доску нередко для тяжести становился и сам крестьянин¹². Обмолот риса производили или ударяя снопы о камень или же (чаще) гоняя по разбросанным снопам волов¹³. Для очистки риса от шелухи его варили, а потом толкли в ступе большим пестом в 5—6 футов длины, кончик которого был обит железом¹⁴. Бьюкенен отмечал «огромные потери при удалении шелухи риса из-за незнания туземцами никаких механизмов»¹⁵.

В некоторых частях Майсура, например на юго-востоке, земледельческие орудия были еще более примитивны: «...сельскохозяйственные орудия здесь (в Бхованикудале. — К. А.) еще более убоги, чем за Гхатами, и

¹¹ F. Buchanan, *A journey from Madras...*, vol. 1, p. 126.

¹² F. Buchanan, *A journey from Madras...*, vol. II, p. 376.

¹³ F. Buchanan, *A journey from Madras...*, vol. I, p. 90; vol. II, p. 80; vol. III, p. 395.

¹⁴ F. Buchanan, *A journey from Madras...*, vol. I, p. 92; vol. III, p. 447.

¹⁵ F. Buchanan, *A journey from Madras...*, vol. III, p. 234.

их меньше. Крестьяне Черы не имеют ни повозок, ни сеялок, ни граблей, ни приспособления для прополки, влекомого волами; они даже не употребляют ветки терновника вместо бороны»¹⁶.

Поля орошались двумя способами: при помощи ятама, напоминающего украинского «журавля», или с помощью волов, которые, спускаясь по склону, вытягивали кожаное ведро. Какой из этих двух способов применялся в той или иной местности, решал обычай, а не испытание положительных или отрицательных качеств того или иного приспособления.

В хозяйстве майсурского крестьянина во времена Бьюкенена было больше скота и на полях применялось больше удобрений, чем в среднем крестьянском хозяйстве Южной Индии во второй половине XIX в. Возможно, это объяснялось тем, что неразложившаяся сельская община в XVIII в. владела не только пахотными полями (поделенными между общинниками), но и необработанными землями. На общинных пастбищах крестьянин мог бесплатно пасти свой скот, а хворост, собираемый на покрытых кустарником пустошах, давал возможность не употреблять много навоза в качестве топлива, а вносить его в землю в виде удобрений.

Община помогала крестьянину и тем, что его обслуживали ремесленники, которые являлись членами общины и были обязаны бесплатно делать все необходимые орудия труда, выполняя работу из материала заказчика. Это давало возможность крестьянину вести свое несложное хозяйство, не обращаясь к помощи рынка. Поэтому в Майсуре во времена Бьюкенена сельскохозяйственные орудия не были товаром и создание их не было отдельной отраслью производства.

Вместе с тем тот факт, что ремесленники, делавшие эти сельскохозяйственные орудия, находились в общине и их труд оплачивался не сдельно или повременно, а в виде известной доли урожая каждого крестьянского двора, приводил к примитивности создаваемых орудий. Общинные ремесленники работали по старинке, так же как их отцы и деды. У них не было никакого стимула к изменению своих методов труда, поскольку круг их

¹⁶ F. Buchanan, *A journey from Madras...*, vol. II, p. 218.

заказчиков-общинников оставался таким же ограниченным и определялся традицией, как и их потребности. «Механизм общины обнаруживает планомерное разделение труда, но мануфактурное разделение его немислимо, так как рынок для кузнеца, плотника и т. д. остается неизменным, и в лучшем случае, в зависимости от величины деревень, встречаются вместо одного дватри кузнеца, горшечника и т. д.»¹⁷. Таким образом, существование сельской общины, жиддившейся на воспроизведении установившегося разделения труда, на неизменном, самодовлеющем характере хозяйствования в деревне, мешало прогрессу в орудиях труда и в навыках хозяйствования.

Господство общинных порядков в майсурской деревне не означало отсутствия имущественного неравенства среди крестьян. При общей нищете и разорении в результате англо-майсурских войн крестьяне не могли обрабатывать всю засевавшуюся прежде землю, и потому количество обрабатываемой земли в деревне зависело от наличия тяглого скота. Так, около Серингапатама у бедняков была только одна упряжка скота под плугом; крестьянин, имевший скота на четыре-пять плугов, считался зажиточным, а на шесть-семь плугов — вероятно богатым¹⁸. В крупном майсурском центре Сира у старосты деревни было упряжки на десять плугов, у четверти крестьян — на три-шесть плугов, у половины крестьян — на два плуга и у остальных — на один плуг. Зажиточный крестьянин, имевший четыре плуга и восемь волов, должен был нанимать четырех работников и четырех работниц¹⁹. Аналогичные данные об имущественном неравенстве крестьян Бьюкенен приводит и по другим местностям Майсура²⁰.

В хозяйстве богатых крестьян имелись постоянные работники, обычно получающие годовую оплату, большей частью натуральную, иногда с прибавлением небольшой суммы денег. Как правило, эти работники находились в кабальной зависимости от своих хозяев и

¹⁷ К. Маркс, *Капитал*, т. I, М., 1955, стр. 365.

¹⁸ F. Buchanan, *A journey from Madras...*, vol. I, p. 123.

¹⁹ *Ibid.*, p. 415.

²⁰ F. Buchanan, *A journey from Madras...*, vol. II, p. 108. 217, 495; vol. III, p. 35, 139, 320.

всю жизнь отрабатывали когда-то взятый долг. Так, в Серингапатамском округе «обычно хозяин при всяких исключительных случаях, например при свадьбе, авансирует работнику деньги. Эта сумма не вычитается при выдаче заработной платы, но считается долгом, который нужно выплатить прежде, чем работник может покинуть свое место. В случае смерти работника его сыновья были обязаны выплатить долг или продолжать работать на хозяина своего отца. Если нет сыновей, хозяин может выдать замуж дочерей и взять себе те подарки, которые обычно дают за невесту»²¹. Примерно такие же кабальные условия зависимости работников в деревне существовали и в других районах Майсура²².

Особенностью индийского сельского хозяйства было то, что при трудоемких культурах на поливных землях, при крайней примитивности крестьянских орудий труда даже незажиточный крестьянин не всегда мог в страду обойтись только силами своей семьи и должен был порой прибегать к помощи поденщиков. Такими поденщиками иногда были бедные крестьяне, а чаще члены «низших» каст и люди из примитивных племен. В некоторых случаях они получали оплату за свой труд деньгами, иногда частично деньгами, а частично натурой, иногда только натурой.

Оплата поденщика деньгами колебалась (в переводе на английские деньги) от 1,5 до 4 пенсов в день, а поденщицы — от 0,9 до 2 пенсов. При оплате неочищенным рисом поденщик получал от 0,08 до 2 бушелей²³, а поденщица — примерно половину этого.

Кабальная зависимость постоянных работников, отсутствие у них свободы перехода на другую работу, а также большие вариации в способах и размере оплаты поденщиков показывают, что в Майсуре во второй половине XVIII в. в сельском хозяйстве еще не сложилось рынка труда. Эти работники были зависимыми наймчатами средневекового типа, а не капиталистическими сельскохозяйственными рабочими.

Как уже указывалось, первым из англичан отметил

²¹ F. Buchanan. *A journey from Madras...*, vol. I, p. 124, 125.

²² F. Buchanan *A journey from Madras...*, vol. II, p. 217, 315, 562.

²³ Бушель — английская мера объема, равная 36,3 л.

наличие общины на юге Индии Марк Уилкс. Однако Уилкс решил, что именно крестьяне общины были владельцами всей земли в деревне (по его терминологии на правах частной собственности) и что государственной собственности на землю в Южной Индии поэтому не существовало²⁴. Этот вывод был неверным. Крестьянское землевладение не исключало верховной государственной феодальной собственности на землю. Маркс писал: «...в условиях восточного деспотизма и юридически кажущегося отсутствия при нем собственности, на деле в качестве его основы существует эта племенная или общинная собственность, порожденная по большей части сочетанием промышленности с сельским хозяйством в рамках мелкой общины...»²⁵.

При возвышении Майсура во второй половине XVIII в. фонды государственных земель увеличились за счет частных земель феодалов. Так происходило во всех молодых феодальных государствах Индии. Только сосредоточивая в своих руках большой земельный фонд, правители возвышающегося государства могли создавать мощную армию и вести успешную завоевательную политику. Однако в других молодых феодальных государствах Индии (например, в Могольской империи во второй половине XVI в., или у маратхов при Шиваджи в конце XVII в.) этот государственный земельный фонд обычно раздавался в пожалования феодалам-военачальникам, которые на собранный с крестьян земельный налог содержали установленное число воинов, как правило, всадников. Правители же Майсура во второй половине XVIII в. — Хайдар Али и особенно его сын и наследник Типу Султан — стремились не раздавать земельных пожалований, а собирать налог с казенных земель при посредстве государственных чиновников. На полученные таким образом средства эти правители содержали централизованное войско, получавшее оплату и тем самым зависевшее не от отдельных военачальников, а только от правителя майсурского государства, являвшегося одновременно главнокомандующим армии.

²⁴ M. Wilks, *Historical sketches of the South of India.*, vol. I, p. 110—114.

²⁵ К. Маркс, *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, М., 1940, стр. 6.

Когда Майсур с 80-х годов XVIII в. уже не смог более расширять свой государственный земельный фонд путем завоевания новых территорий, а должен был перейти к защите своих границ от англичан и их союзников-маратхов, Типу пришлось вступить на путь отмены ранее сделанных пожалований и отбирать эту категорию земли в казну. Особенно велики были в Майсуре земельные владения индусских храмов (возникшие еще до середины XVIII в.) и бывших независимых или вассальных князьков, покоренных затем Хайдаром Али. Не мусульманский религиозный фанатизм двигал Типу Султаном при ликвидации индусских храмовых земель, как заявляли английские историки, а экономические соображения: необходимость иметь достаточные средства для содержания сильной армии, способной оказать сопротивление английскому наступлению.

Таким образом, феодальная эксплуатация майсурского крестьянства принимала тогда в основном форму собирания государственного налога правительственными чиновниками (которые нередко взимали повышенный налог и не отдавали его целиком в казну, а оставляли часть себе). Весь собранный налог распределялся среди класса феодалов в виде жалованья, в зависимости от занимаемого данным феодалом поста. Однако даже в последние годы правления Типу Султана в Майсуре оставалась значительная прослойка феодальных землевладельцев (светских и духовных), которые владели землей на основе различного рода прежних пожалований и собирали ренту со своих владений. Феодалы, занимающие государственные, военные и гражданские посты и получающие за это оплату из казны, бывшие палайяккары и владеющие землей на основе прежних пожалований, а также священнослужители, распоряжающиеся храмовыми землями или же участками, пожертвованными в наследственное пользование отдельным «святым наставникам», — весь класс феодалов в целом представлял собой господствующую силу в стране. Бремя налогов и сборов с крестьянства, шедших на оплату этого класса, увеличивалось и становилось все более тяжелым.

Все вышеописанное относится к сельскому хозяйству Майсура в целом во второй половине XVIII в. Однако

в состав Майсурского государства входило и Малабарское побережье, где общественные отношения отличались большей примитивностью, большей ролью кабального труда, чем в других частях Майсура.

На Малабарском побережье до завоевания его Майсуром было множество мелких княжеств, или независимых, или обязанных вносить ежегодную дань своему более сильному соседу. Крупнейшими из этих княжеств были Каликат, правитель которого носил титул самури (заморин), и Кранганур. На всем Малабаре землевладельцами были намбудури (Бьюкенен называл их «намбури»), принадлежавшие к брахманскому сословию, и отчасти наиры, члены воинского сословия. Их земли обрабатывали полурабы-полукрепостные. Наиры не платили налогов, а обязаны были являться с ополчением по первому зову своего правителя. Этих землевладельцев называли «джанми» или «джанмкары» (от слова «джанм», означающего «наследственное право») ²⁶. «Кроме небольшой территории, выделенной для содержания семейств раджей... подавляющая часть была джанмом брахманов намбури. Их земли считались и до сих пор считаются неотчуждаемым» ²⁷. Кроме намбудури, Бьюкенен упоминает о земельных владениях наиров ²⁸. Часть коллекторов, писавших о системе землевладения на Малабаре, придерживалась взглядов Бьюкенена на намбудури как на основных джанми, но другие коллекторы считали основными землевладельцами наиров. Так, в докладе налогового ведомства Мадраса, обобщающем сведения коллекторов, говорится, что «джанм, или наследственное право, первоначально принадлежало исключительно местному населению этой провинции... частично намбудури, но главным образом наирам, которые, хотя и принадлежат к шудрам, но являются как основными землевладельцами, так и главным военным населением Малабара» ²⁹.

²⁶ «Madras district gazetteers», vol. I, «Malabar and Anjengo», Madras, 1915, p. 305.

²⁷ F. Buchanan, *A journey from Madras...*, vol. II, p. 360.

²⁸ *Ibid.*, p. 395, 409, 412 etc.

²⁹ «Affairs of the East India Company. Ordered by the House of Commons to be printed 16 August 1832», vol. III, Appendix, p. 414.

Хотя джанм считался неотчуждаемым, но землевладельцы, нуждаясь в деньгах, могли закладывать свои земли. «Особенность канам, или земельной ипотеки, распространенной на Малабаре, заключается в том, что она никогда не ведет к переходу земли в другие руки и в себе самой заключает присущий ей принцип самовыкупа. Джанмкар... мог постепенно получить почти полную цену своего владения в виде займа по этому рода ипотеке... Пока долг выплачивается, тот, кто имеет джанм, беспрепятственно владеет своей землей... но если он не может заплатить процента своего долга, канумкар (ипотекодержатель. — К. А.)... немедленно может вступить во владение... но он обязан платить джанмкарку всю ренту или полученную продукцию, превышающие проценты на его долг... и никогда не может вступить в полное владение заложенной землей или продать джанм для погашения этого долга... Джанмкар, однако, всегда сохраняет важное право выкупить в любое время канам (ипотеку), уплатив основную сумму долга»³⁰.

«Прерогативой джанмкара (на которую претендуют и которая отчасти соблюдается) является то, что канам... должен быть возобновлен после некоторого количества лет, обычно после смерти джанмкара, и при этом, при написании нового договора, сумма первоначального долга всегда снижается на 13%... и таким образом в конце концов земля переходит к наследникам джанмкаров свободной от всех долгов»³¹.

Однако на Малабаре тем же словом «канам» обозначалась специфическая форма аренды земли, когда арендатор платил в виде залога определенную сумму денег землевладельцу. Этот залог считался как бы суммой, ссуженной землевладельцу по ипотеке, и проценты на эту сумму вычитались при годовом расчете из ренты арендатора. «Наиры и намбудури... сдавали свои земли в аренду... Арендатор, называемый канамкаром, оставлял землевладельцу некоторую сумму, в качестве гарантии уплаты договоренной ренты; проценты на эту сумму шли канамкарку... который часто был вынужден сам занимать деньги под залог чего-нибудь. После того как

³⁰ Ibid., p. 415, 416.

³¹ Ibid., p. 416.

эти проценты вычитались из раттама (т. е. договоренной ренты), разница выплачивалась джанмкару»³².

Бьюкенен описал обе формы канам, причем канамкарами [как ипотекодержателями (mortgagees), так и арендаторами (farmers)] он считал наиров до завоевания Малабара Хайдаром Али.

Во всяком случае, были ли наиры первоначально джанмкарами или наследственными канамкарами, но они и намбудури заложили свои права на землю торговцам мопла — малабарским потомкам арабов, исповедующим ислам. «Возможно, что владение землями джанм было первоначально неотчуждаемо и было правом одной или двух каст. Однако теперь всякий, у кого есть деньги, может купить джанм»³³. Бьюкенен отмечал, что в его время «многие мопла и еще больше малабарские брахманы-дельцы приобрели такого рода владения и теперь многие „шана” и другие лица из низких каст стали канамкарами»³⁴.

Завоевав Малабар под предлогом защиты своих единоверцев-мопла, Хайдар Али стал притеснять наиров и намбудури, восставших против его власти. С земель намбудури и наиров стали взимать налог. При этом Хайдар Али определял размер общей суммы налога на округ, а местные власти сами ведали его раскладкой среди землевладельцев. В результате «джанмкары... все попали в состояние сравнительной бедности... Обложенные налогом земли перестали приносить владельцам доход; часть налога пала на ипотекодержателей (канумкаров.— К. А.)»³⁵. Когда Типу, сын и наследник Хайдара Али, усилил притеснения, намбудури и наиры стали спасаться бегством в Траванкур. «Многие семьи погибли, и ипотекодержатели их земель, как правило, стали считать себя джанмкарами и в действительности пользовались всеми правами, принадлежащими владельцам такого рода»³⁶. Таким образом, «ко времени англий-

³² «Madras district gazetteers», vol. «Malabar and Anjengo», p. 289. — Отчет Комиссии по осмотру земель, отошедших по договору с Типу Султаном 1793 г.

³³ Ibid., p. 291. — Отчет коллектора Уорден мадрасскому налоговому ведомству от 12 сентября 1815 г.

³⁴ F. Buchanan, *A journey from Madras...*, vol. II, p. 367.

³⁵ Ibid.

³⁶ Ibid., p. 368.

ского завоевания Малабара джанми были не только наиры и брахманы, но и мопла, а также некоторые таяры (низкая каста сборщиков пальмового сока. — К. А.) и маккаваны (каста рыбаков. — К. А.)»³⁷.

На Малабаре в сельском хозяйстве применялся частично труд рабов. Бьюкенен сообщал, что «брахманы никогда не работают сами, а наиры и мопла очень редко. Преобладающая часть работы на полях выполняется чамарами. Они являются полной собственностью своих „дева“ (владельцев. — К. А.) и могут быть использованы на любой работе, какая угодна их хозяевам. Они не прикреплены к земле и могут быть проданы или переданы в любой форме, какую пожелает их хозяин, только муж и жена не могут быть разлучены при продаже, но дети могут быть отделены от родителей и братья от сестер. Рабы принадлежат к различным кастам»³⁸. По сведениям, полученным Бьюкененом от английских властей на Малабаре осенью 1800 г., там было примерно 25 тыс. человек свободного населения и 8,6 тыс. рабов³⁹. О наличии рабства в сельском хозяйстве Малабара сообщали и многие английские коллекторы. Рабы получали от своих хозяев еженедельный продовольственный паек и один-два раза в год определенный кусок ткани, а также $\frac{1}{21}$ часть выращиваемого ими риса⁴⁰. Таким образом, их положение было подобно положению закабаленных издольщиков.

Другой особенностью Малабарского побережья являлось отсутствие сельской общины. Обычным типом поселения был своего рода «хутор», где проживала большая семья землевладельца с чадами и домочадцами, а также со своими рабами. Большую часть земли землевладельцы, однако, обрабатывали не с помощью рабов, а сдавали лично свободным арендаторам-издольщикам из низших каст. «Обычный срок аренды — три года и ежегодная рента всегда уплачивается натурой»⁴¹.

Наконец, важной особенностью Малабара были так-

³⁷ «Madras district gazetteers», vol. I, «Malabar and Anjengo», p. 304.

³⁸ F. Buchanan, *A journey from Madras...*, vol. II, p. 370.

³⁹ Ibid., p. 508.

⁴⁰ Ibid., p. 370.

⁴¹ Ibid., p. 368.

же пережитки группового брака, и матриархата. Не только у наиров и намбудури, но и у многих низших каст наследовали не собственные сыновья, а дети сестры⁴².

Отношения в южной Каннара мало отличались от отношений на Малабаре. Земельная ипотека, называемая «адхува», отличалась от канама лишь тем, что она не была связана с периодическим перезаключением ипотечного договора и снижением при этом основной суммы долга на 13%. Пережитки матриархата в южной Каннара были слабее, чем на Малабаре. Рабов было меньше, но их можно было продавать и закладывать так же, как на Малабаре. В южной Каннара существовали, в отличие от Малабара, «постоянные арендаторы», рента которых не могла быть повышена и которые передавали арендованные участки по наследству, причем только выморочный участок возвращался к потомкам первоначального землевладельца⁴³.

Майсурское государство славилось своим железодельным производством. Холмы и горы Майсура изобиловали железной рудой, пласты которой выходили на поверхность и в период дождей смывались вниз горными речками в виде железного песка. Центры плавки иковки железа и стали находились во всех частях страны. Производство железа иковка стали для Майсура имели такое же значение, как производство тканей для Бенгалии до английского завоевания. Майсурское железо и сталь вывозили во все другие области Индии.

Однако орудия и методы производства, применяемые при добыче руды, выплавке чугуна иковке стали, были столь же примитивны и несовершенны, как и в сельском хозяйстве. Рудников почти не было. Руду предпочитали собирать размельченную на берегах горных речек. «Во всех частях страны (Майсура. — К. А.) черный песок железной руды сносится потоками, но плавят его только в таких местностях, где много лесов»⁴⁴. Рудный песок собирали, промывали и закладывали в печь. Сталь делали только из него. Гораздо реже руду добывали открытым способом прямо со склона горы. Вот

⁴² Ibid., p. 412, 492.

⁴³ F. Buchanan, *A journey from Madras...*, vol. I, p. 32.

⁴⁴ Ibid.

как описывает Бьюкенен такую добычу руды в Дорей-гуда, в центре железодобывающего района на севере Майсура: «Обрабатывают только поверхность горы... На ее склонах рудокопы вырубают небольшие ямы, как золотоискатели, но редко углубляются в гору больше чем на 5—6 футов... Способ добывания руды крайне примитивен и неэкономичен. Человек долбит киркой склон горы, пока не получится отвесная стена пяти-шести футов ширины и такой же высоты перед площадкой, появившейся в результате его работы... После этого рудокоп собирает руду и смешанную с ней породу. Раздробив их тщательно киркой и растерев руками, он выбирает мелкие куски руды, объясняя это тем, что, поскольку он может вырубить сколько угодно мелких кусков, ему не для чего трудиться над тем, чтобы разбивать крупные. Рассыпающейся рудой тоже весьма пренебрегают, так как ее трудно перевозить. Продолбив яму в горе на такую глубину, какая их устраивает (а это очень неглубоко), рудокопы переходят на другое место и долбят новое углубление. Раздробленную руду, как я сейчас описывал, ...спускают вьюком на ослах вниз, и ее надо еще очистить от земли и раздробить на мелкие куски прежде, чем заложить в плавильную печь. Если приходится перевозить руду на большое расстояние, то обычно для этого употребляют буйволов, но это неповоротливое животное не может подняться во многих местах на крутой склон горы по тропинкам, пролегающим на разрыхленной земле, отброшенной рудокопами. Никто не prepares руды для тех, кто приходит издалека: они остаются здесь некоторое время со своими осликами, а когда они добудут достаточное количество руды, пригоняют буйволов, чтобы отвезти ее отсюда»⁴⁵. Такую же картину застал Бьюкенен и на остальных горнорудных разработках.

Плавильные печи были крайне несовершенны и давали жара не больше, чем хороший кузнечный горн⁴⁶. «Несовершенное устройство печей приводит к тому, что процесс плавки остается весьма незаконченным. Металл никогда не становится жидким, даже при самом боль-

⁴⁵ F. Buchanan, *A journey from Madras...*, vol. II, p. 40.

⁴⁶ *Ibid.*, p. 36.

Индийские кузнецы (с гравюры Соннера, XVIII в.)

шом жаре, который могут создать туземцы; частицы становятся лишь мягкими настолько, что сливаются вместе, а глинистые примеси превращаются наполовину в стекловидное вещество»⁴⁷. По словам Бьюкенена, «когда плавка не удастся, получается ломкая, пористая масса, очень похожая на наш чугу́н»⁴⁸. «Из руды получается не более чем 31,5% железа. Это железо, хотя вначале ковкое, чрезвычайно нечистое... Чтобы сделать его более чистым и пригодным к превращению в инструменты сельского хозяйства, его уносят в другую постройку и многократно куют». Послековки железо составляло 12% первоначальной руды⁴⁹. В другом месте Бьюкенен нашел, что в железо превращалось около 47% руды, но, «как обычно в Индии, железо это нечистое и его приходилось ковать»⁵⁰. Однако ковкая сталь тоже получалась с примесью, несмотря на ее обработку после плавки⁵¹.

Когда руда и песок были промыты, рабочими возведены все необходимые постройки и в глиняном холме вырыты печи, рабочие приступали к основной работе.

Плавку чугуна и ковку железа и стали производили артелями, обычно сезонно, в свободное от сельскохозяйственных работ время, где четыре месяца в году, а где почти круглый год. Глава артели, которого Бьюкенен называет «предпринимателем», должен был поставить артели мехи для горна; кузнец сам приносил наковальню, молоты и щипцы; «строения для работы так несложны, что они ничего не стоят и в начале рабочего сезона рабочие сами воздвигают их в течение одного дня»⁵². Точно так же сами рабочие рыли в глиняном склоне плавильные печи⁵³.

Таким образом, все строения и инструменты, кроме мехов, были сделаны самими ремесленниками, а не покупались.

Ввиду несовершенства плавки железо обязательно

⁴⁷ F. Buchanan, *A journey from Madras...*, vol. III, p. 362.

⁴⁸ *Ibid.*, p. 376.

⁴⁹ F. Buchanan, *A journey from Madras...*, vol. I, p. 173.

⁵⁰ F. Buchanan, *A journey from Madras...*, vol. II, p. 17.

⁵¹ F. Buchanan, *A journey from Madras...*, vol. I, p. 173.

⁵² F. Buchanan, *A journey from Madras...*, vol. II, p. 18.

⁵³ F. Buchanan, *A journey from Madras...*, vol. III, p. 368; vol. II, p. 437.

требовалось несколько раз ковать, пока не получался брусок, годный для продажи, из которого потом общинный кузнец мог сделать острие к деревянному плугу, серпу или какому-либо другому сельскохозяйственному орудью. Поэтому при плавильной печи обязательно существовала кузница, где железо ковали до пригодного для продажи состояния. Крестьянин покупал брусок и относил его кузнецу своей общины, который и делал из этого материала бесплатно то орудие, которое требовалось заказчику. Так, железоделательное производство Майсура было тесно связано с общинной организацией ремесленного труда.

Разделение труда в железоделательном производстве Майсура проводилось не полностью и вызывалось главным образом тем, что по самому характеру производства требовалось одновременное выполнение разнородных функций, что при примитивных орудиях было не под силу одному человеку. Те же люди, которые часть времени собирали железный песок по берегам реки или же отбивали куски руды на склонах горы, а также жгли уголь для плавильной печи, потом работали в плавильне или в кузнице⁵⁴.

По окончании рабочего цикла железо в брусках обычно делилось между всеми членами артели, которые продавали, каждый в отдельности, свою долю брусков крестьянам. Больше всего брусков получал главный кузнец или же главный плавильщик, «поскольку он все свое время отдает этому делу»⁵⁵, в то время как другие рабочие приходили в рабочий сезон не каждый день или не весь день отдавали производству, а часть времени могли обрабатывать свою землю. Большую долю брусков получал также глава артели, но он был обязан оплатить все расходы артели. Расходы эти были в основном средневековыми по своему характеру: сборщику налогов за право заниматься своим ремеслом, лесничему за право жечь уголь, пожертвования жрецам и брахманам и т. п.⁵⁶ После вычета этих издержек главе артели

⁵⁴ F. Buchanan, *A journey from Madras...*, vol. I, p. 175; vol. II, p. 16, 17, 21.

⁵⁵ F. Buchanan, *A journey from Madras...*, vol. II, p. 22, 23.

⁵⁶ *Ibid.*, p. 18.

оставалось часто меньше чистого дохода, чем простому работнику той же артели. Так, в Мадхугири чистый доход главы артели составлял (за 120 рабочих дней) только 6 фанамов в год, тогда как рабочий той же артели зарабатывал по 7,5 фанамов в месяц⁵⁷. Вероятно, «предприниматель» работал в артели в качестве рабочего, и эти 6 фанамов в год были его дополнительным доходом за выполнение обязанности главы артели. В Дорейгуда чистый годовой доход главы артели при условии работы в течение 320 дней в году составлял 20 фанамов, в то время как рабочие низшей категории в этой же артели получали 5 фанамов в месяц, т. е. 70 фанамов в год⁵⁸. В Чикабайликарей расходы главы артели составляли 505 фанамов, которые покрывались продукцией 45 рабочих дней артели⁵⁹. В Деварайядурга издержки и доходы делились между всеми членами артели, и там глава артели получал столько же брусков железа, сколько рядовой рабочий, в то время как главный плавильщик получал вдвое больше⁶⁰.

Таким образом, глава артели не был капиталистическим предпринимателем, поскольку ему не принадлежали средства и орудия производства и поскольку его доход не превышал дохода простого рабочего артели и по сути дела являлся лишь ростовщическим процентом на суммы, авансированные рабочим артели на пропитание до продажи ими своих первых долгов. Вместе с тем работники артели не были капиталистическими наемными рабочими, поскольку им принадлежала часть орудий производства и им не противостоял капиталист, для которого они были бы лишь частью его оборотного капитала; получали они не заработную плату, а определенную часть готовой продукции, о реализации которой должны были заботиться сами.

Тот факт, что главы артели, по свидетельству Бьюкенена, обычно «хорошо знают характер тех рабочих,

⁵⁷ Подсчет произведен на основе сообщаемых Бьюкененом данных о количестве брусков, получаемых главой артели и рядовым членом, а также о цене за один брусок (см.: *Ibid.*, p. 17 — 19).

⁵⁸ *Ibid.*, p. 37, 38.

⁵⁹ F. Buchanan, *A journey from Madras...*, vol. III, p. 363.

⁶⁰ F. Buchanan, *A journey from Madras...*, vol. II, p. 21.

которых они подбирают»⁶¹, так как этой работой в каждой местности занимались только определенные семьи, свидетельствует о том, что рынок труда фактически не сложился. Об этом же говорит и разница в оплате рядового члена артели в разных местностях (7,5 фанама в месяц в Мадхугири, 7 фанамов в месяц в Даварайя-дурга, 5 фанамов в Дорейгуда и т. д.)⁶².

Таким образом, в железодельном производстве Майсура (как, впрочем, и в других производствах) во второй половине XVIII в. не существовало простой капиталистической кооперации, так как «капиталистическая форма кооперации уже с самого начала предполагает свободного наемного рабочего, продающего свою рабочую силу капиталу»⁶³.

Разделение труда в рассмотренном производстве не было мануфактурным, а лишь естественным, которое было вызвано примитивностью применяемых инструментов, являющихся как бы продолжением рук рабочего и не позволяющих одному человеку выполнять одновременно больше одной операции. Следовательно, в этой основной отрасли производства Майсура (как и в других отраслях) еще не совершился переход к мануфактурной стадии производства.

Майсур славился также производством стеклянных изделий, главным образом украшений. Индийские женщины очень ценили стеклянные браслеты разных цветов, причем надевали их помногу на руку; считалось особенно красивым, если браслеты плотно охватывают руку, а не спадают с нее свободно. Такие браслеты выделывали в Ченапатаме (к востоку от Серингапатама) и в Мутеоду (к западу от Сиры), а носили их женщины на всем Декане. Кроме того, из этого стекла выделывались бутылки. В Мутеоду плавильные печи были лучше устройством, чем в Ченапатаме, «хотя все еще чрезвычайно примитивны»⁶⁴. Бьюкенен восхищался искусностью тех, кто выделывал браслеты: отделив ножом кусок стывшей стекольной массы, мастер быстро вращал его прутом, пока не получался браслет. Таким образом

⁶¹ Ibid., p. 23.

⁶² Ibid., p. 19, 22, 37.

⁶³ К. Маркс, *Капитал*, т. I, стр. 341.

⁶⁴ F. Buchanan, *A journey from Madras..*, vol. III, p. 370.

два стекловальщика вырабатывали десять браслетов в минуту⁶⁵. Все материалы для выделки разноцветных стекловых масс (сода и примеси) находились по соседству с местом производства стеклянных изделий⁶⁶.

В Майсуре был также ряд каменоломен. Черный базальт и серый гранит употребляли для постройки крепостей и храмов и для сооружения статуй богов, а из особого рода туфа вырезали сосуды. Каменотесы для добывания камней не углублялись внутрь горы, а брали с поверхности лишь то, что можно было расколоть их несхитрым инструментом. «Рабочие не долбят горы, а довольствуются тем, что разбивают нижние глыбы из тех, что всюду лежат на горных склонах»⁶⁷.

В Майсуре, особенно в Бангатуре и Силагутте, производили также и ткани, но это были в основном грубые ткани, шедшие только на местный рынок. Правда, некоторые сорта шелковых и полушелковых тканей вывозились даже за пределы страны, но эта отрасль ремесленного производства для Майсура далеко не имела такого значения, как для Бенгалии. В ткачестве Майсура, так же как и в ткачестве Бенгалии, значительную роль играла кастовая организация. Так, шелковые ткани выделывали только касты путтуега и каттери. Члены каст шайнага, ру, падма-шалей и шамай-шалей ткали различные сорта белого муслина. Касты канара-деванга и телига-деванга выделывали крашенные хлопчатобумажные ткани: красные, синие и светло-зеленые. Каста тогота вырабатывала толстую, грубую белую ткань, которую бедняки носили вокруг бедер. Сельские ткачи низкой касты вхаллия ткали грубую, но крепкую белую ткань, которую мужчины-бедняки набрасывали на плечи. Эти ткачи-вхаллия нередко работали также у крестьян в качестве батраков-поденщиков. Наконец, крестьяне, не являвшиеся ткачами по профессии, делали мешковину из джута⁶⁸. Таким образом, в ткацком ремесле переход к выделке другого рода ткани, т. е. изменения в качестве продукта и в методе его производства, влек за собой переход в другую касту, что было невы-

⁶⁵ F. Buchanan, *A journey from Madras...*, vol. I, p. 150.

⁶⁶ F. Buchanan, *A journey from Madras...*, vol. III, p. 369.

⁶⁷ F. Buchanan, *A journey from Madras...*, vol. II, p. 85.

⁶⁸ F. Buchanan, *A journey from Madras...*, vol. I, p. 208 — 226.

«слимо с точки зрения кастового строя, который был еще достаточно крепким и регулировал жизнь майсурского населения не только в городе, но еще в большей степени в деревне.

Вместе с тем в среде ткачей уже было известное имущественное расслоение. Выделялись отдельные богатые ремесленники, которые имели больше двух станков⁶⁹. Они держали от двух до пяти «слуг» (фактически подмастерьев), которым платили сдельно⁷⁰. Этот мельком упоминаемый Бьюкененом факт наличия среди ткачей некоторых богатых ремесленников и найма ими работников, обычный для цехового мастера средневековой Европы, был новым явлением для бесправного и нищего, как правило, индийского ремесленника. С другой стороны, Бьюкенен отметил существование ткачей, слишком бедных, чтобы самим покупать материал. Такие ткачи работали на заказчика, из его пряжи⁷¹. Хотя богатые ткачи встречались редко, но среди ремесленников других отраслей зажиточных людей было еще меньше. Надо отметить также, что только у самостоятельных ткачей Коимбатура наблюдалось некоторое разделение труда в семье: жена натягивала основу, а муж ткал. В мастерских даже у наиболее зажиточных ткачей никакого разделения труда, видимо, не было.

Большинство ремесленников имели небольшие участки земли или порой занимались на сельскохозяйственные работы к богатым крестьянам. К ним относились глинобитчики, основной профессией которых была постройка глиняных стен крепостей, каменотесы, строители оросительных каналов, плетельщики корзин, красильщики тканей и те, кто перерабатывал пальмовый сок в патоку⁷², изготовители гашеной извести, полировщики и переплетчики⁷³ и т. д.

Некоторые промыслы были наследственным занятием отдельных примитивных племен. Одни из этих племен снабжали окрестных крестьян топливом и материалом для постройки хижин. Другие, жившие в лесах, за-

⁶⁹ Ibid., p. 222; vol. II, p. 264.

⁷⁰ F. Buchanan, *A journey from Madras...*, vol. I, p. 212, 217.

⁷¹ Ibid., p. 218.

⁷² Ibid., p. 8, 133, 222 — 226, 249, 303, 310.

⁷³ F. Buchanan, *A journey from Madras...*, vol. II, p. 24, 276.

нимались в основном собиранием дикого меда, воска, лекарственных трав, кое-где — кардамона и т. п.⁷⁴. Плетение корзинок и матов было основным занятием племени бетта⁷⁵. На побережье солевары выпаривали морскую соль, причем в работе принимала участие вся семья⁷⁶.

Ремесленники разделялись кастовым строем на множество обособленных мелких ячеек. Как правило, каждая профессия обособлялась в особую касту. Даже в пределах одной и той же касты могли существовать подкасты, разделяющиеся по признаку языка и той местности, откуда происходили их предки. Между такими подкастами обычно допускалась совместная еда, но не разрешались браки. Так, например, стиральщики белья, каннара по происхождению, совместно ели со стиральщиками — андра, но браки между этими подкастами не заключались⁷⁷. То же наблюдалось в касте панчамбаниджига (торговцев хлопком)⁷⁸, в касте беста (гасителей извести и огородников)⁷⁹ и во многих других кастах.

Кроме того, все касты в Майсуре обязательно принадлежали к одному из двух больших подразделений: одни — к кастам «правой руки», другие — к кастам «левой руки». О причинах этого раздела на «правую» и «левую» руку ходило много различных преданий, но достоверно лишь то, что в майсурских городах между этими двумя подразделениями нередко происходили столкновения, доходившие порой до кровавой резни. Иногда даже город делили стеной на две части, запретив кастам одной «руки» вход в часть города, отведенную для членов другой «руки»⁸⁰.

По традиции считалось, что каждая каста должна заниматься лишь одной профессией. Однако во времена

⁷⁴ F. Buchanan, *A journey from Madras...*, vol. I, p. 168, 203; vol. II, p. 247, 273, 274, 338, 383.

⁷⁵ F. Buchanan, *A journey from Madras...*, vol. II, p. 128.

⁷⁶ *Ibid.*, p. 480.

⁷⁷ B. Buchanan, *A journey from Madras...*, vol. I, p. 337.

⁷⁸ *Ibid.*, p. 237, 418.

⁷⁹ F. Buchanan, *A journey from Madras...*, vol. II, p. 24, 152.

⁸⁰ F. Buchanan, *A journey from Madras...* vol. I, p. 80; vol. II, p. 29, 30, 268.

Бьюкенена эта основная профессия для многих каст уже перестала быть единственной⁸¹. Так, Бьюкенен сообщает, что в Валуре гончары и красильщики принадлежали к одной касте и могли заниматься любой из этих двух профессий, но никакой другой⁸², крестьяне, выращивавшие бетель в Коимбатуре, раньше также перевозили собранные на местах налоги, а после захвата Коимбатура англичанами стали мелкими торговцами зерном и собирателями хвороста⁸³. Точно так же некоторые из сборщиков пальмового сока касты идига в Мадхугири стали обрабатывать землю⁸⁴, а в Валиенкоду часть лиц этой касты стала крестьянами, носильщиками и дрово-секами⁸⁵. Красильщики касты ранга в Бангалуре были также портными⁸⁶ и т. д.

Таким образом, к концу XVIII в. в Майсуре наблюдалось ослабление кастовых ограничений рода занятий. Помимо одной традиционной профессии, члены касты получали возможность заниматься некоторыми другими. Однако этот процесс ослабления кастовых ограничений происходил, видимо, так медленно, что пока не взрывал кастового строя, а приспосабливался к нему. Расширение круга профессии само приобретало силу кастовой традиции и, давая некоторую возможность выбора профессии, в то же время утверждало запрет выходить за рамки этих допускаемых занятий. К тому же выбор профессии затруднялся еще тем, что существовала определенная иерархия каст и присущего им рода занятий. Например, все профессии касты панчала: кузнецы, медники, золотых и серебряных дел мастера и плотники считались примерно на одной ступени кастовой иерархии, но ни один член касты панчала не стал бы заниматься «низкой» и «нечистой» профессией кожевника и не до-

⁸¹ Правда, Бьюкенен перечислил и такие касты, члены которых занимались только своей основной профессией, как то: сборщики пальмового сока касты шара (*F. Buchanan, A journey from Madras...*, vol. I, p. 8), ткачи Бангалура касты деванга (vol. I, p. 216) сапожники Вакулерея (vol. I, p. 303), гончары умкуру (vol. II, p. 26) и ряд других.

⁸² F. Buchanan, *A journey from Madras...*, vol. I, p. 273, 274.

⁸³ F. Buchanan, *A journey from Madras...*, vol. II, p. 270.

⁸⁴ F. Buchanan, *A journey from Madars...*, vol. I, p. 394.

⁸⁵ F. Buchanan, *A journey from Madras...*, vol. II, p. 415.

⁸⁶ F. Buchanan, *A journey from Madras...*, vol. I, p. 222.

пустил бы ни одного из касты кожевников стать кузнецом, плотником, медником, золотых и серебряных дел мастером и т. п. Кожевник мог стать дровосеком: это считалось низкой профессией, поскольку этим занимались некоторые примитивные племена, но гончарным ремеслом, например, он не мог заняться.

Не только перемена профессии крайне затруднялась кастовой системой, но и внесение каких-либо нововведений в традиционные методы производства тоже было при кастовом строе крайне трудным, иногда даже «противозаконным» делом. Так, например, каста ганига состояла из тех, кто свой пресс для выжимания растительного масла из семян приводил в движение с помощью двух волов. Ганига принадлежали к кастам «левой руки» и были вишнуитами, а кроме того, приносили жертвоприношения шакти, т. е. злым духам. Другая каста, называвшая себя чаще джьотипханада, приводила в движение свой пресс с помощью только одного вола. Джьотипханада принадлежали к кастам «правой руки», были лингаятами-шиваитами, не принимали пищу и не заключали браков с членами касты ганига⁸⁷. Таким образом, простая перемена орудия производства у этих ремесленников была невозможной, так как была связана с переходом в другую касту и с коренными изменениями в образе жизни, обычаях и принадлежности к той или иной «руке».

Развитие ремесла отразилось на росте майсурских городов, как центров производства и торговли. Так, во второй половине XVIII в. сильно вырос Бангалур — центр ткачества и торговли. В Бангалуре вырабатывались грубые ткани, предназначенные в основном для местного рынка, и богатые матерчи, которые вывозили в Серингапатам, Хайдарабад и в Гути, а отчасти даже на Карнатик до того, как Типу Султан запретил вести торговлю с английскими владениями и их союзниками. Кроме того, бангалурские купцы вели крупную торговлю с Малабарским побережьем, вывозя оттуда пряности и кокосовые орехи и ввозя туда не только собственные изделия, но и товары с севера Майсура и из Хайдарабада. Скупщики эксплуатировали ткачей, раздавая им

⁸⁷ Ibid., p. 77, 78, 228, 252; vol. II, p. 154.

авансы. Богатые бангалурские менялы не раз одалживали крупные суммы самому правителю Майсура.

Вторым крупным городом Майсура была Сира, тоже центр ткачества, а также производства стеклянных изделий. Мадхугири, лежавший в железоделательном районе Майсура, из крепости и сравнительно небольшого ремесленного поселка превратился в город, где велась оживленная торговля железными брусками. Беднур, переименованный после завоевания его Хайдаром Али в Хайдарнагар и часто называвшийся просто Нагар («город»), был центром плодородного сельскохозяйственного района и важным транзитным пунктом между основными районами Майсура и Малабарским побережьем. Постепенно крупным городом становился и Дод-Баллапур. Попытки Хайдара Али и Типу Султана создать свой флот привели к росту Мангалура и Онора (Хонавара) в качестве баз майсурского судостроения.

Сильно вырос Серингапатам — когда-то небольшой город, став затем административным центром Майсура, но и город Майсур, утратив прежнее значение столицы княжества, оставался важным военным пунктом, одним из главных arsenалов майсурской армии.

Кроме этих городов, в Майсурском государстве был ряд более мелких. В них сосредоточивались ремесленники и торговцы, они вели торговлю не только со своей округой, но и с разными концами Майсурского государства. Все же основные ремесла — железоделательное производство и ткачество — были рассредоточены по деревням, и связь с рынком осуществлялась через скупщиков.

Торговля в Майсуре до английского завоевания была значительно менее развита, чем в доанглийской Бенгалии. В середине XVIII в. Майсур был сравнительно небольшим княжеством, а вокруг него было множество мелких владений самостоятельных или вассальных палаяккаров. Каждый палаяккар взимал пошлину с проходивших караванов, чем затруднял торговлю. Лишь после включения этих мелких владений в территорию Майсурского государства в 60 и 70-е годы XVIII в. эти пошлины были отменены. Показателем сравнительно небольшой торговли могут служить плохие дороги в Майсуре. Большею частью дороги были проходимы только

для вьючного скота, а кое-где, особенно на некоторых участках главной дороги из Коимбатура на Малабар, только для носильщиков, перетаскивающих грузы на голове⁸⁸.

Везти по таким дорогам на далекие расстояния имело смысл только небольшие по объему и дорогие вещи. Поэтому в Майсуре вели торговлю главным образом предметами потребления феодалов: дорогими тканями, драгоценными камнями из Танджура и Хайдарабада, пряностями, европейскими товарами из Мадраса. Только учитывая феодальный характер этой торговли, в основном мало затрагивающей широкие массы населения и служащей больше удовлетворению потребностей феодалов в предметах роскоши, можно понять, почему довольно большая по объему и особенно по стоимости торговля почти не накладывала отпечатка на майсурскую деревню. Такая торговля как бы проходила поверху, почти не затрагивая образа жизни народа, не ломая обособленности деревень.

Способ ведения крестьянского хозяйства мало зависел от рынка. Торговля в Майсуре не смогла не только унифицировать образ жизни и обычаи народа, но даже внести единые меры веса и объема, что было первой необходимостью для развития самой торговли. Меры веса и объема отличались друг от друга почти в каждой деревне, даже в одном и том же селении. Разные весовые и объемные единицы для одних и тех же продуктов сельского хозяйства применялись в зависимости от того, являлся ли покупателем их крестьянин или купец⁸⁹. Почти так же, как меры веса и объема, разнился и курс денег. Бьюкенен, например, сообщал, что «курс обмена пагод на фанамы очень разный». Это отсутствие единообразия относилось не только к мерам объема и веса и курсу денег. Бьюкенен отмечал, что «почти в каждой деревне обычаи крестьян отличаются одни от других, особенно в разделе урожая»⁹⁰.

Торговля фактически не смогла еще создать в Майсуре единый рынок, не смогла ввести единообразия в

⁸⁸ Ibid., p. 340, 434, 496; vol. III, p. 136, 205, 270, 311.

⁸⁹ F. Buchanan, *A journey from Madras...*, vol. II, p. 279, 302, 310, 354, 395; vol. III, p. 26, 102, 149, 234, 271, 292.

⁹⁰ F. Buchanan, *A journey from Madras...*, vol. I, p. 299.

масштабе хотя бы даже отдельных больших районов. Крестьянин для уплаты налогов вынужден был выступать в качестве продавца, но при наличии многих местных базаров и ярмарок, почти ничего не покупал, за исключением мелочей. Наличие ремесленников в общине давало крестьянину возможность удовлетворять свои хозяйственные нужды, не выходя на рынок. К Майсуру второй половины XVIII в. вполне относится характеристика, данная Марксом индийскому обществу, где «только избыток продукта превращается в товар, и притом в значительной своей части лишь в руках государства»⁹¹.

Вместе с тем наличие устоявшейся торговли и торговых путей создавало возможность в будущем объединить множество мелких местных рынков в единый общемайсурский рынок. Однако во второй половине XVIII в. такого общегосударственного рынка в Майсуре еще не существовало. Вследствие разобщенности мелких местных рынков купцы безраздельно господствовали на них, закабеляя крестьян и ремесленников, скупая у них продукты по очень дешевой цене.

К майсурской деревне того времени применимо положение Ленина, высказанное в связи с русскими условиями конца XIX в.: «Чем захолустнее деревня, ...тем сильнее монополия местных торговцев и ростовщиков, тем сильнее подчинение им окрестных крестьян и тем более грубые формы принимает это подчинение... Зависимость крестьян от владельцев денег приобретает неизбежно форму кабалы. Подобно тому, как нельзя себе представить развитого капитализма без крупного товарно-торгового и денежно-торгового капитала, точно так же немощлима и докапиталистическая деревня без мелких торговцев и скупщиков, являющихся «хозяевами» мелких местных рынков»⁹².

Обычным средством закабаления непосредственного производителя служили авансы, т. е. уплата денег вперед. При этом нередко купец соединял торговые операции с ростовщическими. Чем беднее были крестьяне,

⁹¹ К. Маркс, *Капитал*, т. I, стр. 365.

⁹² В. И. Ленин, *Развитие капитализма в России* (Сочинения, т. 3, изд. 4), стр. 333.

тем больше они были вынуждены брать в долг у купца денег под будущую продукцию, несмотря на крайне невыгодные для них условия.

Бьюкенен привел многочисленные примеры закабаления крестьян купцами путем покупки урожая на корню за очень низкую цену⁹³.

Бьюкенен нарисовал яркую картину того, как ухудшается положение крестьянства в результате проникновения купеческого капитала в деревню, как разоряются крестьяне целых районов. Так, в Велатере «в июне, июле и августе торговцы обходят крестьян и дают им деньги вперед при условии, что в январе или феврале крестьяне доставят свой перец в назначенное место. Величина выплачиваемых вперед сумм зависит от того, насколько нуждается крестьянин. Если ему крайне необходимы деньги, ему дают не больше $\frac{2}{3}$ стоимости его урожая», а если он не очень нуждается, «он получает цену, которая ближе к настоящей стоимости урожая... Если крестьянин не поставит договоренного количества перца, он должен заплатить за нехватку по каликатской цене, которая значительно выше цены во внутренних районах этой провинции»⁹⁴. Поскольку таких денег у крестьянина обычно не было, он вынужден был брать опять в долг под будущий урожай у того же купца и фактически становился его долговым рабом.

В ремесленной среде скупщики действовали главным образом среди ткачей, которые часто обращались за авансами, так как были в массе своей крайне бедны и не могли на свои средства покупать дорогие материалы. В Бангалуре «скупщики тканей, все из касты нагарит, сообщают, что они, как правило, не дают авансы за обычную продукцию, за исключением тех случаев, когда спрос на нее издалека очень велик. В этом случае, или когда требуется очень ценное изделие, ремесленнику авансируют половину цены для предоставления ему возможности закупить сырье. Кредит при этом дается на три месяца. В течение этого времени проценты не взимаются, но если товары к этому сроку не постав-

⁹³ F. Buchanan, *A journey from Madras...*, vol. II, p. 51, 101, 113, 401, 506, 523, 524; vol. III, p. 50, 150, 177, 268, 318.

⁹⁴ F. Buchanan, *A journey from Madras...*, vol. II, p. 455.

лены, каждый месяц взимают три четверти процента, пока контракт не выполнен»⁹⁵. Аналогичные сведения о роли скупщиков среди ткачей Бьюкенен сообщал и о других местностях Майсура. Везде скупщиками выступали купцы, наживавшиеся на разнице между покупной и продажной ценой, но не вмешивавшиеся в самый процесс производства.

Рассмотрев данные об экономическом положении Майсура во второй половине XVIII в., можно установить, что в Майсуре, как и во всех других индийских государствах в тот период, характер организации производства и примитивность орудий труда были чисто феодальными. Деревни представляли собой обособленные, самодовлеющие сельские общины. Господствовала феодальная эксплуатация крестьянства. Ремесленники работали на общину или же самостоятельно на заказчика и на узкий местный рынок. В важнейшем производстве Майсура (железодельном) господствовали артели средневекового типа. Не существовало капиталистических предприятий, где владелец всех средств производства вел бы работу с помощью наемных рабочих. Не было также и мануфактурного разделения труда. Кастовые ограничения в выборе профессии были уже несколько ослаблены, но кастовый строй был еще очень силен и служил помехой как свободному выбору рода занятий, так и изменению методов и орудий труда. Наличие купцов-скупщиков и ростовщиков приводило к резкому ухудшению положения непосредственных производителей — крестьян и ремесленников, но в условиях второй половины XVIII в. не вызывало какого-либо технического или экономического прогресса. Торговля и товарно-денежные отношения в основных областях Майсура были несколько меньше развиты, чем в соседней Махараштре.

Вместе с тем имелись определенные экономические условия, позволившие именно Майсуру стать центром сопротивления английскому проникновению в Южную Индию. Во-первых, это был большой объем продукции сельского хозяйства на базе разветвленной системы орошения, а также значительный объем железодела-

⁹⁵ F. Buchanan, *A journey from Madras...*, vol. I, p. 218.

тельного производства. В обоих этих отношениях Майсур превосходил все другие государства Декана, включая маратхские княжества. Государственная собственность на землю выражалась во взимании земельного налога-ренты, и государство, получая крупные доходы, могло содержать самую боеспособную из индийских армий. Все это предопределяло военную мощь Майсура.

Некоторые политические условия также способствовали тому, что главным противником англичан на юге Индии стал именно Майсур. Большой политической силой были в то время и маратхи. Однако Майсур был относительно централизованным, единым государством, в то время как у маратхов существовал лишь союз пяти княжеств, не всегда действовавших согласованно. Кроме того, в тот период главные усилия Майсурского государства были устремлены на завоевание господства в Южной Индии. Поэтому правители Майсура поняли, что именно англичане являются их главным врагом. Между тем экспансия маратхов направлялась в основном на покорение Индостана, куда английские завоеватели в XVIII в. еще не проникли. Поэтому маратхские полководцы и политики не считали англичан своим главным противником. Наоборот, маратхские князья временами охотно заключали союз с англичанами, совместно выступая против того из индийских государств, которое они на данном этапе считали своим основным врагом.

В результате всех этих причин именно Майсур оказал главное сопротивление английскому завоеванию Южной Индии во второй половине XVIII в. Его героическая борьба на долгое время задержала дальнейшее продвижение английских захватчиков в Индии.

ГЛАВА VIII

АНГЛО-МАЙСУРСКАЯ БОРЬБА (1767—1784)

К середине XVIII в. Майсур из небольшого княжества стал превращаться в могущественное государство Южной Индии. Первая попытка экспансии и захвата крепости Тричинополи — ключевой позиции для гегемонии на юге — окончилась неудачей: английские войска помогли Мухаммеду Али, навабу Карнатика, удержать Тричинополи. После четырех лет борьбы за эту крепость майсурские войска вынуждены были в 1758 г. ни с чем вернуться домой. Ту политику экспансии, которая не удалась главнокомандующему Нанджараджу, впоследствии продолжил Хайдар Али, когда стал правителем Майсура.

Хайдар Али был одним из тех военных авантюристов, которые в смутные времена XVIII в., выделяясь личной храбростью, талантом и неразборчивостью в средствах, становились во главе княжеств и основывали новые династии. Таков был Чин Килич-хан (создатель княжества Хайдарабад) или Саадат-хан (основатель династии наваб-визирей Ауда). Отец Хайдара Али, Фатех Мухаммед, происходил из наваятов (так называли в Южной Индии потомков арабов, бежавших в Индию из Ирака в начале VIII в.) и был военачальником отряда из 100 всадников и 400 пехотинцев на службе у раджей Майсура. Он был убит в сражении в 1728 г., и его семья оказалась в нищете. Когда сыновья подросли, один из дальних родственников предоставил старшему сыну, Шахбазу, место военачальника в армии Нанджараджа. Со временем Шахбаз дал небольшой отряд из пяти-

шести всадников и 50—60 пехотинцев своему брату Хайдару Али¹.

Хайдар Али был неграмотным, но отличался большой сообразительностью. Участвуя в сражениях за Тричинополи, он присмотрелся к методам европейских командиров и ввел строгую воинскую дисциплину в своем небольшом отряде. Никогда не задерживая выплату жалованья и честно деля между своими воинами добычу, Хайдар Али заслужил преданность солдат, которые сражались под его началом. Отбитые у врага ружья и даже две небольшие пушки он оставил себе. Нанджарадж обратил внимание на меткость ружейной стрельбы воинов Хайдара и включил его отряд в число майсурских войск, прикомандированных в 1749—1750 гг. к Насир Джангу, английскому ставленнику на престоле Хайдарабада. В 1750 г. войска некоторых вассалов Хайдарабада, подстрекаемые французами, ворвались в лагерь Насир Джанга и убили его. В последовавшем смятении пеоны (пешие воины типа маратхских пиндари) Хайдара угнали двух верблюдов, нагруженных казной Насир Джанга, а также 300 коней и захватили 500 мушкетов². Так у Хайдара Али оказались немалые средства, и он сильно увеличил свой отряд. К 1755 г. у Хайдара Али было уже 15 тыс. всадников, 3 тыс. пехотинцев, 4 тыс. пеонов и 4 пушки³. На содержание этого войска Хайдару Али был пожалован округ Диндигал, фоудждаром (военным начальником) которого он был назначен. Там Хайдар Али установил свою штаб-квартиру. Он подавил сепаратистские стремления феодалов пяти городов Диндигала и заставил их платить крупную дань, которую забирал себе, не отсылая в казну. Кроме того, он пополнял запасы мушкетов и пушек⁴.

¹ [Ghoolam Mohamed], «*Karnama i Hydari, or memoirs of the brave and noble Hydar Shah surnamed Hydar Ally Khan Bahadur to which is annexed a sketch of the history of his illustrious son Tipoo Sultan...*», Calcutta, 1848, p. 73—80 (текст на фарси, титул. л. на англ. и фарси).

² «*Memoirs of Hydar and Tipoo rulers of Seringapatam, written in the Mahratta language by Ram Chandra Rao Punganuri who was long in their employ*». Translated into English and illustrated with annotations by Charles Philip Brown of the Madras Civil service, Madras, 1849, p. 3.

³ N. K. Sinha, *Haidar Ali, vol. I, 1721—1779*, Calcutta, 1941, p. 22.

⁴ «*Memoirs of Hydar and Tipoo...*», p. 4.

Тем временем войска нового правителя Хайдарабада Салабат Джанга под командой Бюсси напали в начале 1755 г. на Майсур и потребовали уплатить 56 лакхов рупий. Пришлось продать личные драгоценности майсурского раджи и ценную утварь серингапатамских храмов, а недостающую сумму занять у майсурских банкиров. В 1757 г. в Майсур с запада вторглись конные войска маратхов и осадили Серингапатам. Майсурская армия была уже небоеспособной. Пришлось не только уплатить маратхам шесть лакхов рупий, но и отдать им 13 округов.

Наступила финансовая катастрофа. Войска, давно не получавшие жалованья, сели в дхерна⁵ у дверей дворца главнокомандующего. Крушение военной политики Майсура и развал в стране привели к раздорам и даже к вооруженным столкновениям между раджей Майсура и Нанджараджем — главнокомандующим армии. Главнокомандующий окружил своими войсками дворец раджи и фактически сделал последнего своим пленником.

Раджа обратился за помощью к Хайдару Али, прибывшему из Диндигала со значительными средствами и небольшим, но весьма боеспособным войском. Хайдар Али сумел путем искусного маневра занять выгодную позицию и обезоружить воинские отряды, шедшие за главнокомандующим. После этого, расплатившись с войсками из собственных средств, Хайдар Али в 1758 г. отстранил от власти Нанджараджа и сам встал во главе майсурской армии. За заслуги он получил в джагир округ и город Бангалур — один из крупнейших торговых пунктов, центр текстильного производства Майсура. Воспользовавшись наступлением периода дождей, который препятствовал новому вторжению маратхов, Хайдар Али посоветовал прогнать маратхских сборщиков из отданных им 13 майсурских округов.

Как только кончились дожди, маратхская конница вновь вторглась в пределы Майсура. На этот раз маратхи в первую очередь осадили город Бангалур (джагир

⁵ Дхерна — обычай индусов-кредиторов садиться у дверей злостного должника и не принимать еды или питья, пока долг не будет уплачен. Сидение кредитора в дхерна считалось позором для должника.

Хайдара Али), зная, что именно Хайдар настаивал на освобождении майсурской территории от маратхских сборщиков. Хайдар Али отбил у маратхов Ченапатам (вблизи Бангалура) и укрепился там, делая непрерывные вылазки из своего хорошо защищенного лагеря. Конные армии маратхов не имели с собой осадных орудий. Вторгаясь в страну, они, как саранча, разоряли все вокруг, но хорошо укрепленные пункты могли брать только измором, так как не умели делать бреши в стенах. Поэтому, наткнувшись на упорное сопротивление в Бангалуре и в лагере Хайдара в Ченапатаме, маратхи после трех месяцев боев согласились покинуть Майсур при уплате им 32 лакхов рупий. Хайдар Али заставил население уплатить чрезвычайные единовременные поборы и собрал таким образом 16 лакхов, а на остальную сумму выдал векселя. Маратхи удалились, а освобожденные от маратхских сборщиков округа Хайдар Али взял под свое непосредственное управление.

Теперь под властью Хайдара Али находилась уже половина территории и доходов государства. Отстранив раджу от управления, Хайдар Али стал по существу правителем Майсура. В течение 23 лет (1760—1782) он решал судьбы государства. Все это время номинально главой государства считался раджа Майсура, а после его смерти его малолетние сыновья, хотя власть майсурского раджи не простиралась дальше стен его дворца.

При дворе раджи неоднократно возникали заговоры против Хайдара, а впоследствии и против его сына Типу Султана, когда тот в свою очередь стал правителем Майсура. Первый такой заговор имел место в конце 1760 г. Большую роль в нем сыграл Кханде Рао, главный мутасадди (писец) и доверенное лицо Хайдара Али. Кханде Рао был послан ко двору раджи отстаивать интересы Хайдара. Однако, по мере того как Хайдар Али захватывал власть, отстраняя раджу от управления государством, Кханде Рао стал переходить на сторону раджи и его окружения. В 1760 г. Хайдар Али послал лучшие свои войска на помощь Лалли в Пондишери. Часть войск привезла продовольствие в осажденный Пондишери, а другая часть отобрала у англичан Анекаль и Барамахал. Пока войска Хайдара Али сражались у границ Майсура, в Серингапатаме Кханде

Рао, возглавив клику раджи, неожиданно обстрелял из пушек лагерь Хайдара Али, а затем атаковал его. Застигнутый врасплох Хайдар продержался до ночи, а ночью, бросив армию и семью на произвол судьбы, переправил несколько сотен верховых коней и казну на другой берег Кавери и бежал к себе в Бангалур. К Кханде Рао стали присоединяться один за другим местники и феодалы Майсура. Скоро у Хайдара Али остались только Бангалур, Анескаль, Диндигал и Барамахал. Однако Хайдару удалось получить заем в четыре лакха рупий у торговцев и поставщиков Бангалура, и он смог снарядить новые войска. Впоследствии, при первой возможности, Хайдар отдал эти деньги богачам Бангалура: он всегда оказывал покровительство представителям денежного капитала, зная, что их услуги еще неоднократно понадобятся ему.

Хайдар отозвал часть своих войск, не дошедших еще до Пондишери, но их окружили маратхи. Положение Хайдара было достаточно серьезным. Однако маратхи вдруг согласились уйти из Майсура за уплату пяти лакхов рупий и передачу им округа Барамахал: они получили известие о тяжелом положении маратхских войск в боях с Ахмад-шахом афганским около Дели и о том, что все маратхские силы стягиваются к Панипату. Как только все отряды Хайдара Али соединились, он выступил против Кханде Рао. Обе армии встретились в 1761 г. под Кутте-Малвадди. Хайдар Али послал в лагерь противника подметные письма, якобы являвшиеся ответом на предложение о перебеге к нему лучших военачальников армии Кханде Рао. Последний поддался на эту хитрость и, боясь предательства, ночью, тайком, бросил армию и ускакал в Серингапатам. Без полководца войска рассеялись, значительная часть их перешла к Хайдару. Хайдар подступил к Серингапатаму, и раджа выдал ему Кханде Рао, получив заверения, что Хайдар будет обращаться с ним, «как с любимым попугаем». Хайдар Али, не нарушив буквы обещания, посадил Кханде Рао в клетку, где он и находился больше года до своей смерти.

С того времени Хайдар Али был уже неоспоримым правителем Майсура. Его первой задачей было создание мощной армии. Только с помощью хорошо организован-

Хайдар Али (с портрета неизвестного индийского художника, ок. 1769 г.)

ных войск он мог подчинить себе весь юг Индии. Серьезным противником Майсура, как убедился Хайдар при осаде Тричинополи, были англичане, так как наваб Карнатика Мухаммед Али держался лишь их поддержкой. Численно небольшие английские отряды были сильны своей дисциплиной и вооружением. Вот почему Хайдар Али сразу занялся реорганизацией своей армии на европейский лад.

До реформ Хайдара каждый военачальник, получив джагир, т. е. право на сбор земельного налога с определенной местности, сам нанимал вооруженных всадников соответственно получаемым им доходам от джагира. Такие отряды служили своему военачальнику и слушались только его. В случае гибели военачальника они тут же разбежались, так как их некому было тогда оплачивать. Хайдар Али отменил систему раздачи джагиров военачальникам. Всех воинов и офицеров он нанимал в армию сам и платил им жалованье из казны. Так ему удалось добиться единства командования. Он стал также привлекать к себе на службу всех тех европейцев, которых смог соблазнить высокой оплатой. К нему шли главным образом французы, которые после взятия англичанами Пондишери в 1761 г. и уничтожения французской империи в Индии оказались «не у дел» и могли сражаться со своими врагами-англичанами лишь в рядах армий индийских правителей. Европейским офицерам удалось научить армию Хайдара военной дисциплине и тактике.

В армиях феодальной Индии конница являлась единственной боеспособной силой. Пехота в основном состояла из обозников, базара (т. е. маркитантов) и погонщиков, и в военном отношении с ней можно было не считаться. Французы с 1740 г., а с 1746 г. и англичане стали обучать индийцев воинской дисциплине и создали себе из них отряды сипаев-пехотинцев, которые под командой европейских офицеров одерживали победы над численно превосходящими их индийскими войсками. Хайдар Али первым из индийских правителей уделил внимание пехоте: из 50—55 тыс. человек его полевой армии пехота составляла 26—31 тыс. человек, из них 20 тыс. считались регулярными войсками: они были обучены по-европейски и вооружены мушкетами, а осталь-

ные 6 11 тыс. человек не обучены и вооружены кремневыми ружьями, пиками, мечами и прочим устаревшим оружием⁶. Регулярная пехота была разбита на воинские подразделения и впервые одета в форму.

Таким образом, пехота Хайдара Али стала важной боевой силой. Однако Хайдар Али постарался ввести новый боевой порядок и в коннице. Каждый всадник нанимался к самому Хайдару, а не к тому или иному военачальнику и получал казенного коня. Это придавало коннице большую смелость действий в сравнении с конницей прежнего типа, где всадник, нанимавшийся вместе с собственным конем, боялся во время боя потерять это самое ценное, а порой и единственное свое достояние. Хайдар выделил конную гвардию из негров-абиссинцев, которых высоко ценил и хорошо оплачивал. Был у него и небольшой конный отряд из европейцев, но по своей малочисленности этот отряд особой роли в сражениях не играл. Основной состав конницы Хайдара был, естественно, из майсурцев. Хотя в кавалерии были сильнее всего традиции старой индийской армии и конница менее всего поддавалась какой-либо дисциплине и обучению, самое наличие значительного количества конных воинов было преимуществом армии Хайдара по сравнению с войсками англичан, у которых конницы почти совсем не было⁷. Это повышало маневренность армии Хайдара.

Все английские военные, участвовавшие в сражениях с Хайдаром Али, отмечали точность огня его артиллерии. «Артиллерия Хайдара Али теперь превосходит английскую... Ее обслуживают с таким же умением, и стреляет она так же быстро, как английская, обстоятельство, никогда ранее не встречавшееся у какого-либо индийского государства», — писал, например, английский капитан Робсон⁸. У Хайдара в армии было до ста орудий разных

⁶ С. Hayavadana Rao, *History of Mysore (1399—1799 AD)*, vol. II (1764—1766), Bangalore, 1943, p. 375, 376.

⁷ Например, Робсон, командовавший кавалерией мадрасской армии, имел под своим началом в 1763 г. всего 30 человек, в то время как Хайдар Али вывел в поле конницу из 12 тыс. абиссинцев и 800 майсурцев (F. Robson, *The life of Hydar Ally with an account of his usurpation of the kingdom of Mysore...*, London, 1786, p. 43).

⁸ F. Robson, *The life of Hydar Ally...*, p. 72, 73.

калибров⁹, причем для перевозки к каждому орудью была придана обычно пара волов особой гуджаратской породы, известной быстротой своего хода. Артиллеристами были почти исключительно европейцы. Обычным приемом Хайдара во время боя был следующий: батарею вывозили в поле и открывали меткий огонь по противнику, а когда вражеские сипаи бросались в атаку на пушки, волы тут же увозили их в тыл. Поэтому случаи захвата орудий неприятелем во время сражения были очень редки. Однако почти все эти орудия были покупными, приобретенными главным образом у французов и голландцев в Индии¹⁰. Поскольку англичане не отливали орудий в своих индийских владениях, а привозили их из Англии, соотношение в количестве, а также величине калибра пушек было не всегда (особенно вначале) в пользу англичан. Однако в решающих битвах англичанам удавалось сосредоточить на поле боя большее количество пушек, чем было у Хайдара. Так, в решающей битве при Порто-Ново в 1781 г. у Хайдара было 47 орудий¹¹, а у англичан свыше 60¹². В число артиллеристов Хайдара входили также «ракетники», вооруженные «вместо гранат особого рода ракетами, которые летят довольно правильно в цель и даже оказывают некоторое действие»¹³. Ракеты пугали шумом взрыва, а иногда и поджигали пороховые запасы противника. Ракетники были только в индийских армиях.

Хайдар Али ввел также в своей армии специальный департамент, ведавший полевыми врачами и хирургами — вайдья. После боя воинам выплачивали компенсацию за ранение¹⁴. У Хайдара была прекрасно поставленная разведка, и он был точно осведомлен о передвижении и силе английских войск.

Благодаря всем этим нововведениям Хайдар Али сумел за несколько лет создать сильную и хорошо оснащенную армию. Теперь он смог расширить свои владения

⁹ С. Hayavadana Rao, *History of Mysore...* vol. II, p. 335.

¹⁰ Ibid., p. 375.

¹¹ F. Robson, *The life of Hydar Ally...* p. 123.

¹² С. Hayavadana Rao, *History of Mysore...*, vol. III, p. 1115.

¹³ Примечание к немецкому переводу книги Робсона в «Historisches Portfeuille», Wien—Breslau..., 1788, S. 161.

¹⁴ С. Hayavadana Rao, *History of Mysore...*, vol. II, p. 337.

ния за счет соседних мелких княжеств. Период 1761—1764 гг. был заполнен завоевательными войнами Хайдара Али.

Воспользовавшись борьбой между правителем Хайдарабада Низамом Али и его братом Басалат Джангом, другим претендентом на престол, Хайдар Али приобрел в 1761 г. у Басалат Джанга за 300 тыс. рупий город и округ Сира (на севере Майсура), не задумываясь о том, имел ли Басалат Джанг право продавать не свою территорию. Вслед за тем, аннексировав Хоскот, лежавший восточнее Бангалура, и завоевав небольшое княжество Дод-Баллапур, Хайдар с большим трудом покорил и не обнесенный укреплениями город Чик-Баллапур, а также завоевал и присоединил к своим владениям мелкие княжества и крепости на севере и северо-востоке Майсура: Нандидург, Гудибанда, Кодиконда, Пенуконда, Мадак-сира и ряд других владений мелких палайяккаров (князей), ранее плативших дань маратхам. Так Хайдар Али действительно расширил пределы Майсура, превратив его в действительно большое и сильное государство.

Самым важным приобретением Хайдара Али в эти годы было завоевание Беднура (на западе от Майсура) — бывшей столицы княжества Икери.

Беднур был крупным городом, занимавшим площадь в восемь квадратных миль, с населением не менее чем 60 тыс. человек. Окруженный несколькими кольцами укреплений и расположенный на вершине Западных Гхатов, Беднур господствовал над Малабарским побережьем и над горными проходами из Малабара и Каннара в Майсур. Во время юго-западного муссона тучи задевали за вершины горной цепи, и обилие осадков позволяло населению области Беднур собирать прекрасные урожаи злаков, перца, кардамона. Беднур даже называли (правда, с некоторым преувеличением) житницей Южной Индии. Густые леса, окружавшие Беднур, затрудняли продвижение вражеских армий.

В Беднур Хайдар Али вступил якобы для того, чтобы восстановить на престоле местного «Лжедмитрия» — юношу, выдававшего себя за спасшегося от подосланных регентшей Беднура убийц сына покойного правителя. Сокровища дворцовой казны, захваченные Хайдаром Али, оказались неисчислимыми. Две груды золотых

украшенный были высотой с человека, сидящего верхом на коне. Драгоценные камни, собранные поколениями правителей Икери, Хайдар Али приказал мерить на маунды, как зерно. Уилкс оценивал позднее эти трофеи Хайдара не менее чем в 12 млн. ф. ст.¹⁵. Вскоре Хайдар Али, воспользовавшись раскрытием заговора дворцовой клики, готовившей покушение на его жизнь, сослал в далекую крепость Мадхугири и регентшу Беднура, которая сопротивлялась его завоеванию, и того претендента на престол, во имя которого он вступил в Беднур. После этого Хайдар Али перевез в Беднур свою семью, превратил город в один из самых крупных складов оружия и даже намеревался одно время перенести туда свою столицу.

Спустившись к Малабарскому побережью через Беднурский проход, войска Хайдара Али легко завоевали вассала Беднура княжество Сонде (позднее — Каннара), которое обладало крупными портовыми городами Хонаваром и Мангалуром.

Теперь владения Майсура доходили до реки Варада. Княжество Саванур лежало за рекой, но, хотя Хайдар Али разбил войска наваба Саванура, он не решился присоединить себе территорию, далеко выдвинутую во враждебной стране, и ограничился взиманием огромной военной контрибуции, которую патанский правитель Саванура за неимением достаточной суммы денег уплатил слонами, верблюдами и дорогими тканями.

Покорение армией Хайдара дружественного маратхам Беднура, вассального Беднуру Сонде и ежегодно выплачивавшего маратхам дань Саванура неизбежно вызвало недовольство в Махараштре. В 1764 г. армия пешвы Мадхао Рао вторглась на территорию Майсура.

Создавая на месте многих мелких княжеств сильный Майсур, способный овладеть всем югом Индии, после того как будет сломлено сопротивление англичан, Хайдар Али действовал как объективно прогрессивная сила. Однако феодальный правитель создавал мощное государство феодальными методами — путем завоевания владений соседних мелких княжеств. Армия Майсура

¹⁵ M. Wilks, *Historical sketches of the South of India...* vol. 1, London, 1810, p. 452.

после боя грабила покоренное население, а затем Хайдар Али, нуждаясь в средствах на содержание армии, устанавливал повышенный земельный налог на присоединенных территориях. Все это вызывало недовольство как побежденных палаяккаров (или бежавших в другие края, или превратившихся из правителей княжеств в наместников Майсура в своих бывших владениях), так и населения завоеванных земель. Этим недовольством потом пользовались враги Майсура, разжигая восстания то в том, то в другом месте Майсурского государства.

Территориальная экспансия Хайдара Али неизбежно привела его к столкновению с двумя другими крупными государствами на юге Индии — с маратхским союзом княжеств и с Хайдарабадом. Майсур, союз маратхских княжеств и Хайдарабад не имели точно очерченных постоянных границ и стремились расширить свои владения за счет соседей. Отдельные мелкие княжества подпадали под власть то одного, то другого из своих могущественных соседей, и каждый из последних требовал с княжеств дань на правах настоящего или бывшего сюзерена.

Вмешательство в борьбу за юг Индии двух новых сил — англичан и французов — было воспринято соперниками лишь как возникновение еще двух новых княжеств на территории Индии. Ни маратхи, ни Хайдарабад, ни (в первое время) Хайдар Али не смогли понять, что перед ними появился противник совсем иного склада, что англичане — главный враг, которому не сможет сопротивляться порознь ни одно, даже самое сильное из индийских государств. А между тем взаимные территориальные претензии препятствовали их прочному объединению на сколько-нибудь длительный срок. Более того, маратхи, Хайдарабад и (до 1770 г.) Майсур не вступали в союз с англичанами, чтобы с их помощью сокрушить своего индийского врага. Так английские завоеватели имели возможность плести сети интриг, расстраивать возникавшие порой непрочные союзы против них и покорить Индию в значительной мере с помощью самих индийцев.

Маратхская армия под руководством пешвы Мадхао Рао разбила войска Хайдара Али в двух решающих сра-

жениях благодаря своей численности и отобрала все недавно завоеванные Майсуром территории на северо-западе. Мадхао Рао стал готовиться к нападению на Беднур. Хайдар Али смог, однако, откупиться от маратхов, уплатив им по Беднурскому договору 350 тыс. рупий и отдав все отнятые у них ранее вассальные территории, а также отказавшись от всяких претензий на Саванур¹⁶. Таких относительно благоприятных условий Хайдар Али добился путем подкупа Рагунатха Рао, дяди Мадхао Рао. Маратхи, содержавшие огромные военные армии, всегда нуждались в деньгах, и их вторжения в чужие земли часто носили характер грабительских набегов. Поэтому, уплатив им крупную сумму, от них нередко можно было откупиться. Рагунатх Рао, видимо, стремился заручиться поддержкой Хайдара Али. С этого времени завязались дружеские отношения между Рагунатхом Рао и Хайдаром Али.

Оправившись от нашествия маратхов, Хайдар Али возобновил свои завоевательные походы. Его войска вторглись в княжества, расположенные на лесистых склонах Западных Гхатов южнее Беднура. Балам покорился, но борьба с отрядами, скрывавшимися в лесах Курга, тянулась до 1768 г., когда майсурам пришлось временно отступить и заключить мир.

С завоеванием Беднура и Балама Хайдар Али овладел горными проходами, ведущими из Майсура в Малабар. Там в это время существовало множество мелких княжеств, главными из которых были Каликат и Каннаур. В этих княжествах происходила внутренняя борьба, которая ослабляла их сопротивление внешнему врагу. Потребность землевладельцев — наиров и намбудури — в деньгах, вызванная, в частности, необходимостью покупки дорогого огнестрельного оружия, привела к тому, что землевладельцы были по уши в долгах у канумкаров-кредиторов мопла. Столкновение интересов приняло религиозную окраску, поскольку намбудури и наиры были индусами, а мопла — мусульманами.

В 1765 г. наиры и намбудури в Каликате постановили разделаться со своими долгами путем уничтожения кредиторов. По заранее условленному сигналу наиры

¹⁶ С. Nayavadana Rao, *History of Mysore...*, vol. II. p. 508, 509.

устроили своего рода «Варфоломеевскую ночь», перебив в течение нескольких дней около шести тысяч мопла¹⁷. Уцелевшие мопла бежали в Каннанур, где правителем был вышедший из их же среды купец Али Риза, и послали своему единоверцу Хайдару Али просьбу о защите. Это был удобный предлог для вторжения Хайдара на Малабар¹⁸.

С армией из 8 тыс. пехоты, 4 тыс. конницы и 4 пушками Хайдар Али из Беднура спустился в Каннанур, где к нему присоединилось 12 тыс. плохо вооруженных, но горящих мщением мопла¹⁹. Против них на другом берегу реки Каннанур выстроилась армия наиров, профессиональных воинов, твердо решивших защищаться, но не имевших ни понятия о военной дисциплине, ни пушек и никогда не видевших конницы. Исход сражения мог быть только один: полное поражение наиров и занятие Хайдаром Каликата. Заморин (правитель) Каликата вначале подчинился майсурскому завоевателю, но впоследствии, будучи не в силах вынести унижений, которым его подверг Хайдар Али, покончил самоубийством со всем своим семейством и приближенными, приказав поджечь покои, где они все вместе находились. Все Малабарское побережье было присоединено к Майсуру, за исключением Каннанура и Колаттири, которые были оставлены на некоторое время под властью Али Ризы, признавшего себя вассалом и данником Хайдара Али. Все земли на Малабаре были впервые обложены налогом, притом тяжелым. Хайдар Али устанавливал только общую сумму налога, который должен был поступить с каждой области, а раскладкой налога на каждое хозяйство ведали уже местные власти.

¹⁷ Ibid., p. 558.

¹⁸ Хронист Рам Чандра Панганури уверяет, что в 1757 г. войска Хайдара Али разграбили Каликат и Кочин, вторгшись туда из Диндигала через Палгхат («*Memoirs of Hydar and Tipoo...*», p. 5). — Очевидно, на этом источнике основывал свой рассказ о первом вторжении майсурских войск на Малабар современный историк Н. К. Синха (N. K. Sinha, *Haidar Ali*, vol. I, p. 31, 32). — Однако все остальные источники (хроника Кермани, книга Уилкса, написанная в начале XIX в. на основе многих ныне исчезнувших источников, и хроника «Хайдариамэ», написанная на языке каннара) ничего не говорят о таком вторжении в 1757 г.

¹⁹ C. Nayavadana Rao, *History of Mysore...*, vol. II, p. 559, 560

Учредив систему управления этой новозавоеванной страной, Хайдар Али с армией ушел на период дождей в свою ставку в Коимбатур. Через 2—3 месяца наиры сделали последнюю попытку отстоять свою независимость: они восстали и перебили оставленные Хайдаром Али гарнизоны, уверенные, что вздувшиеся реки и непрерывные ливни отрезали Малабар от армии Хайдара на весь период дождей. Однако, получив известие о восстании, Хайдар Али двинулся с армией на Малабарское побережье, невзирая на муссон.

Начальник артиллерии Хайдара Али Мэтр де ла Тур красочно описал этот поход, совершенный очень быстрыми переходами в необычайно тяжелых условиях, под непрерывным ливнем, когда каждая разлившаяся речка казалась неодолимым препятствием. Солдатам, истощенным лихорадкой, приходилось тащить на себе орудия²⁰. С ходу взяв штурмом укрепленный пункт Пудьянгади, где были сосредоточены войска восставших, армия Хайдара Али не знала пощады. На всем пути до Каликата войны Хайдара Али жгли дома и храмы, убивали скот и вырубали фруктовые деревья. Из переселенных в центр Майсура 15 тыс. наиров, не привыкших к землешеству, через несколько лет осталось в живых едва 200 человек²¹.

Усилившись с покорением Малабара, Хайдар Али двинулся на юг Индии, стремясь завоевать Траванкур. Однако тут против Майсура объединились его враги: маратхи, Хайдарабад и Мухаммед Али с англичанами.

Хайдару Али, однако, удалось разбить эту враждебную коалицию: от маратхов он откупился за 3,5 лакха рупий, а Хайдарабаду предложил три лакха рупий и значительную территорию около Сиры. Низам Хайдарабада был настолько удовлетворен этими условиями, что Хайдар Али захотел закрепить достигнутое между обоими государствами соглашение династическим союзом, взяв в жены своему сыну Типу Султану дочь одного из претендентов на трон правителя Карнатика, находившегося при дворе низама Хайдарабада. Хайдар Али надеялся

²⁰ MMDLT, *Histoire d'Hyder-Ali-Khan*, Paris, 1783, t. I, p. 129, 130.

²¹ С. Hayavadana Rao, *History of Mysore...*, vol. II, p. 581, 582

отобрать для этого претендента Карнатик у англичан и Мухаммеда Али. Между тем англичане и «набоб Аркота» Мухаммед Али, обеспокоенные успехами Хайдара Али на юге, вторглись в Барамахал (юго-восточную окраину Майсурского государства) и продвинулись до второй горной цепи, осадив крепости, прикрывающие горные проходы в центр Майсура. Узнав об этом, конница Типу совершила рейд на Аркат. Так началась в 1767 г. первая англо-майсурская война.

Общее положение на юге Индии сильно изменилось со времени первого столкновения Майсура с англичанами из-за Тричинополи в 1752—1755 гг. Майсур со всеми своими присоединенными территориями за эти годы стал обширным государством с сильной маневроспособной армией. Англичане же за этот период времени окончательно победили в англо-французском соперничестве на юге Индии, развеяв французские мечты о гегемонии в этой стране и разрушив укрепления Пондичери — оплота французского могущества в Индии. Английское поселение в Мадрасе превратилось в господствующую силу в Южной Индии. Английское владычество в Индии уже не оспаривалось ни одной европейской державой. Завоевание Бенгалии давало серьезные преимущества англичанам, располагавшим отныне денежными и военными ресурсами этой богатой страны, лежащей в стороне и не затрагиваемой южно-индийскими войнами. В 1764 г., за несколько лет до начала первой англо-майсурской войны, английские войска в Бенгалии легко разбили объединенные силы наваба Ауда, свергнутого ранее англичанами наваба Бенгалии Мир Касима и сына делийского падишаха Али Гоухара. Мадрасский совет ожидал на юге Индии столь же быстрых побед над Хайдаром Али.

В первом столкновении при Чангаме в 1767 г., когда объединенные войска Майсура и Хайдарабада выступили против английской армии, которой командовал полковник Смит, обе стороны боролись с большим ожесточением, и, хотя майсурцы понесли серьезные потери, они не были полностью разбиты, а последовали за наступавшей английской армией, нападая на обозы. Такой же результат был и в следующей битве при Триномали. Англичане увидели, что перед ними серьезный против-

ник. Хайдар Али же сделал два вывода из этих столкновений: во-первых, он убедился в небоеспособности войск низама, которым приходилось еще помогать в бою, чтобы спасти их от полного поражения; во-вторых, он понял, что в открытом сражении он не может противостоять английским силам. После битвы при Тринамали англичане отошли для пополнения запасов продовольствия и ввиду наступления дождей, а Хайдар Али стал успешно нападать на небольшие крепости с английскими гарнизонами. При большей маневренности его конницы и артиллерии по сравнению с английской сипайской армией в мелких столкновениях, когда все силы майсурских войск бывали брошены против слабого места англичан, ему был обычно обеспечен успех. С этого времени основой тактики Хайдара стало уклонение от генеральных сражений путем быстрой переброски своих войск на новое место действия и нанесение удара отдельным отрядам, гарнизонам и слабо защищенным местностям.

Низам Хайдарабада тоже сделал вывод из своих поражений и в феврале 1768 г. заключил сепаратный мирный договор с англичанами, по которому признал Карнатик владением Мухаммеда Али и подтвердил передачу англичанам нескольких округов Хайдарабада, известных под названием «Северные Сиркары» (ранее отведенных отряду Бюсси). Хайдар Али тоже попробовал заговорить о мире, но мадрасские власти ничего не хотели об этом слышать.

Англичане всегда имели возможность нападать на Майсур с двух направлений — из Мадраса и из Бомбея. Население Малабарского побережья, получив поддержку бомбейской армии, восстало против власти Хайдара Али. Английские войска взяли крупнейшие порты берега Каннара — Хонавар и Мангалур — и готовились к нападению на Беднур. Положение стало настолько серьезным, что Хайдар не смог удовлетвориться посылкой на Малабарское побережье Типу Султана с частью своих войск, но должен был и сам поспешить туда со своими основными силами. За полгода ему удалось восстановить свои позиции на Малабаре и отобрать обратно основные крепости и порты.

Тем временем мадрасская армия, пользуясь отсутствием Хайдара, заняла весь Барамahal и Коимбатур,

т. е. все юго-восточные области Майсура, и стала готовиться к нападению на Бангалур, хорошо укрепленный город, являвшийся арсеналом Хайдара Али. Хайдар вернулся из Беднура гораздо раньше, чем его ждали англичане, и дал несколько сражений недалеко от Бангалура, в которых хотя и не добился побед, но потрепал английские войска и заставил их прервать наступление на Бангалур и отойти к Колару, где была их штаб-квартира. После этого Хайдар Али вернулся к тактике нападений на мелкие отряды и коммуникации английских войск, уклоняясь в то же время от крупных боев. Вместе с тем Хайдар запросил у англичан мира, но те поставили столь жесткие условия, что согласиться на них Хайдару было невозможно.

Английская армия, находясь далеко от границ Мадраса, постепенно теряла свою боеспособность. Она захватила почти треть территории Майсура, но не имела сил закрепить за собой завоеванные области. Повсюду были оставлены небольшие гарнизоны, что ослабило полевую армию. К тому же снабжение армии продовольствием и тягловым скотом было сдано по контракту поставщикам, причем этим прибыльным делом занимались несколько членов Мадрасского совета — высшей власти в Мадрасском президентстве, а поставка сипаям риса была закреплена за Мухаммедом Али. В результате сипаи голодали, а армия снабжалась из рук вон плохо, в то время как поставщики наживались на своих контрактах. К тому же, поскольку войну финансировала Ост-Индская компания, она не доверяла бережливости и политической проницательности военных, и при мадрасской армии находились двое гражданских уполномоченных Мадрасского совета, которые вмешивались в решение стратегических и тактических вопросов. Между полковником Смитом и этими «полевыми уполномоченными» шли споры по вопросу о том, следует ли двигаться прямо на Бангалур, как предлагал полковник Смит, или же следовать за Хайдаром, стремясь вынудить его принять генеральное сражение, как предписывали уполномоченные. В результате Смит в отчаянии уехал в Мадрас под предлогом сопровождения заболевшего Мухаммеда Али, а руководство армией перешло в руки бездарного полковника Вуда, имевшего, однако, то преимущество, что

он был родственником всемогущего директора Компании Лоуренса Саливана²² и, кроме того, беспрекословно подчинялся всем предписаниям полевых уполномоченных. Однако Вуд так плохо командовал, что его пришлось отослать в Мадрас, где его предали военному суду. Вообще «только щедрая помощь, полученная из Бенгалии, помогла Компании продолжать эту несчастную войну»²³.

В то время как военная кампания затягивалась, Майсуру с севера стали угрожать маратхи. Хайдару было необходимо во что бы то ни стало заключить скорое мир с англичанами и развязать себе руки для выступления против своих северных врагов. Он принял смелое решение: разделил свою конницу и отборную часть пехоты на три части, оставил одну себе, а две передал своим лучшим военачальникам, и с этими летучими отрядами начал совершать глубокие рейды в тылы противника. Сам Хайдар победоносно прошел по Барамахалу, в короткий срок вернув обратно все свои владения, и, спустившись к Коромандельскому побережью, стал разорять Карнатик. Затем, сделав быстрый бросок, оказался в самых предместий Мадраса. Смит, узнав, что Хайдар Али находится у него в тылу, форсированным маршем подошел к Мадрасу и хотел дать бой, но Хайдар Али пригрозил сжечь все пригородные дачи. Члены Мадрасского совета, опасаясь за свое имущество, приказали Смигу отойти, запросили мира и приняли все условия Хайдара Али. Член Мадрасского совета Дюпрэ, обсуждавший и подписавший договор с Хайдаром, объяснял своему другу Срму (историку южноиндийских войн): «Говорят, в первый раз индийский враг поборол нас... Ничто не смогло бы помешать ему сжечь и уничтожить посеы и все запасы зерна в деревнях... Раз мы содержим нашу действующую армию и гарнизоны лишь на собираемые с населения налоги, иссякание их доведет нас до гибели»²⁴.

²² С. Hayavadana Rao, *History of Mysore...*, vol. III, p. 128

²³ М. Wilks, *Historical sketches of the South of India...*, vol. II, p. 127.

²⁴ С. Hayavadana Rao, *History of Mysore...*, vol. III, p. 146, 147.

По мирному договору, подписанному в 1769 г. «у ворот Мадраса», обе воюющие стороны взаимно возвращали завоеванные территории и обязались, что «в случае нападения врага на одну из договаривающихся сторон они будут со своих территорий помогать друг другу», причем заранее обуславливалось, какое жалование должны были получать присланные таким образом на помощь солдаты и военачальники союзника. Хайдар Али подтверждал торговые права Компании на Малабарском побережье, полученные от прежних малабарских княжеств до майсурского завоевания. Оговаривалось также взаимное возвращение военнопленных²⁵.

Таким образом, первая англо-майсурская война кончилась фактически победой Хайдара Али. Он сам придавал большое значение военному союзу с англичанами, надеясь направить его против маратхов.

Вскоре появилась возможность проверить ценность заключенного договора и искренность английского союзника. Маратхи начали в 1770 г. наступление на севере Майсура, стремясь отобрать присоединенные в свое время Хайдаром вассальные маратхские княжества. Хайдар Али обратился к англичанам за военной помощью, предусмотренной в договоре 1769 г. Однако между англичанами и маратхами тоже был заключен договор о дружбе, и англичане вовсе не собирались усилить такого серьезного противника, как Хайдар Али, своей военной поддержкой. Все же первое продвижение маратхов Хайдару удалось отбить самостоятельно, однако он убедился, что союз с англичанами невозможен и что англичане, а не маратхи и не низам являются основным врагом Майсура. Как упоминает в «Хронологических выписках» Карл Маркс, «Хайдар Али и его сын Типпу Саиб поклялись на Коране хранить вечную ненависть к англичанам и уничтожить их»²⁶.

В начале 1771 г. маратхи разбили в битвах при Мелькоте и Чинкурли меньшие по численности силы Хайдара Али, не успевшего собрать все свои войска. Непо-

²⁵ Ch. U. Aitchison, *A collection of treaties, engagements and sanads relating to India and neighbouring countries*, vol. IX, Calcutta, 1909, p. 196, 197.

²⁶ К. Маркс, *Хронологические выписки по истории Индии (664—1858 гг.)*, 1947, стр. 76.

далеку от Чинкурли майсурские силы были окружены маратхами, отрезавшими подвоз продовольствия. Хайдар Али ночью начал отступление, но маратхи узнали об этом и напали на него во время марша. Атаки маратхской конницы внесли смятение, и паника охватила войска Хайдара Али. Майсурская армия была рассеяна, пушки и припасы попали в руки к врагу, и сам Хайдар Али и его сын Типу Султан с трудом избегли плена и порознь добрались до Серингапатама. Положение Хайдара было отчаянным, и его спасло лишь то, что маратхи, занятые захватом добычи, не пошли сразу на Серингапатам и позволили подготовить оборону города.

С марта до мая 1771 г. маратхи осаждали Серингапатам, но, так как у их армии не было осадных орудий, взять укрепленный город штурмом они не могли. За это время Хайдар Али оправился от нанесенного поражения и разбил войска противника. Маратхи в мае сняли осаду, перед уходом продав Хайдару Али захваченную у него артиллерию, которую они не умели хорошо использовать и которую им было трудно везти с собой. Разделившись на три армии, маратхи стали грабить юг Майсура — Коимбатур и Барамахал. В одном из сражений на перевале майсурским войскам удалось отбить у маратхов почти всю награбленную ими добычу. Различные военные стычки продолжались до июня 1772 г., когда Хайдар Али, увидев, что разорение страны сражающимися армиями грозит подорвать все его ресурсы, откупился от маратхов за 7,5 млн. рупий, 4 млн. из которых должны были быть выплачены через посредство майсурских менял по частям, а остальное Хайдар должен был внести из казны в течение одного месяца. Уход маратхов объяснялся также ожиданием перемен в Пуне: пешва Мадхао Рао лежал при смерти, а претендентов на его пост было несколько.

Оставшись с пустой казной, Хайдар Али повысил дань с вассальных ему князей, особенно с тех, которые во время последнего маратхского нашествия примкнули к врагу. Бунты палайяккаров и недовольство населения в ряде северо-западных областей и на Малабаре, перераставшее в открытое восстание, вынудили Хайдара провести ряд карательных экспедиций в течение 1772—1774 гг., после которых край был на некоторое время

замирен. В 1774 г. Хайдару Али удалось неожиданным вторжением овладеть большей частью княжества Кург. Хайдар назначил цену за голову каждого кургского воина, и было вырезано 700 человек, пока Хайдар не прекратил резню, объявив об отмене вознаграждения.

Тем временем пешва Мадхао Рао умер и вместо него пешвой стал его брат — мальчик Мадхао Рао II, руководимый пронципательным маратхским государственным деятелем Нана Фарнависом. Дядя малолетнего пешвы Рагунатх Рао (англичане называли его Рагоба) пытался захватить власть в Пуне в свои руки. Поддерживая связь с Хайдаром Али, он, естественно, обратился к последнему, обещая в обмен за признание его пешвой закрепить за Майсуром все захваченные у маратхов вассальные территории. Хайдар Али охотно заключил такой союз и в течение 1774 г. отобрал у маратхов захваченные ими северо-восточные области Майсура — Сиру, Мадхугири, Дод-Баллапур, Хоскот и т. д. Однако в это время произошло серьезное восстание в Курге, где Хайдар Али стал взимать $\frac{1}{6}$ часть урожая в качестве земельного налога вместо $\frac{1}{10}$, которую лесные кургские племена платили до завоевания. Кург был важен Майсуру из стратегических соображений, так как господствовал над южными проходами через Западные Гхаты к Малабарскому побережью. Хайдар Али перебросил почти всю свою полевую армию в Кург и, подавив восстание, приказал казнить всех без исключения кургских военачальников.

Занятый возвращением своих владений и подавлением восстаний, Хайдар Али не смог оказать военной помощи Рагунатху Рао. В 1775 г. Рагунатх Рао вынужден был бежать из пределов маратхского государства и обратился за помощью к англичанам в Бомбей. Бомбейский совет решил воспользоваться этим и обещал ему военную помощь для восстановления его власти в Пуне, заставив взамен подписать договор в Сурате. Англичанам по этому договору должны были отойти маратхские земли Бассейн, Сальсетта и мелкие острова близ Бомбея, на которые давно претендовало правительство Компании в Бомбее. Кроме того, Рагунатх Рао обязался по Суратскому договору платить за содержание обещанного ему отряда из 2500 человек (в том числе 700 ев-

ропейцев) 1,5 лакха рупий в месяц или же за неимением этих денег отдать Компании три области — Ахмат, Хансук и Версаул.

Английские войска вторглись в страну маратхов в 1776 г. Однако английские захватчики недооценили сил противника, и их нападение было отбито маратхскими феодалами, на некоторое время объединившимися для отпора. Встретив такое сопротивление, англичане увидели, что маратхская война потребует от них больших средств, а в то же время часть сил была направлена для защиты от нападения Хайдара Али, который, поддерживая Рагунатха Рао, не переставал быть в то же время противником англичан. Поэтому Лейстингс, осуществлявший верховное руководство в Индии над действиями советов других президентств, осудил действия Бомбейского совета и послал полковника Эптона, который, имея полномочия из Бенгалии, заключил с маратхами так называемый Пурандхарский мирный договор. По этому договору Ост-Индская компания отказывалась от всякого соглашения с Рагунатхом Рао: «Никакой помощи не будет оказано Рагунатху Рао (Рагобе) или какому-либо иному подданному, либо слуге пешвы, желающему вызвать беспорядок или восстание в маратхских владениях». Маратхи со своей стороны обязались уплатить Компании за уход английских войск 12 лакхов рупий наличными и, кроме того, отдать ей области, приносившие 3 лакха дохода. Вопрос о возвращении маратхам занятого англичанами острова Сальсетта должен был решать Бенгальский совет, оставивший, конечно, Сальсетту за англичанами.

Однако Бомбейский совет счел возможным продолжать переговоры с Рагунатхом Рао вопреки договору в Пурандхаре, и Лондонский совет директоров одобрил эти действия. Было заключено новое соглашение, по которому Рагунатх Рао обещал заплатить 2,5 лакха рупий за содержание дополнительных 400 солдат Компании, отдать еще некоторые области для оплаты войск и «всячески помогать продавать исключительно английские товары в маратхских владениях». Бомбейский совет при этом лицемерно заявлял, что «основное намерение и значение этого договора — не нарушать мира между почтенной Компанией и маратхским государством, а только

взять управление из недостойных рук и поставить во главе регентства во владениях пешв человека, который имеет справедливое право на эту должность».

Это было началом второй маратхской кампании 1779 г.

Между тем два давних противника Хайдара Али — брат низама Хайдарабада Басалат Джанг (правитель Адони) и Морари Рао (маратхский правитель соседнего княжества Гути), объединившись, напали в середине 1775 г. на Майсур. В течение полутора лет борьбы Хайдар Али разбил обоих противников и присоединил к Майсуру не только Адони и Гути, но и близлежащие владения мелких палайяккаров. Впоследствии Адони пришлось вернуть Хайдарабаду.

Хайдару удалось отбить также и другое вторжение объединенной маратхско-хайдарабадской армии на севере Майсура (в районе Саванура) в 1776 г. В течение 1777—1778 гг. Хайдар Али неоднократно разбивал войска маратхов и низама и аннексировал всю бывшую маратхскую область между реками Тунгабхадра и Кришна (в среднем ее течении). Теперь северной границей Майсура стала Кришна. В 1779 г. Хайдар Али овладел сильной крепостью Читталдрог и взял в плен палайяккара Читталдрога. Полученная там добыча оценивалась в 500 тыс. рупий. После этого Хайдар Али овладел большей областью Куддапа и покорил несколько мелких владений вассалов Хайдарабада.

Таким образом, во всех своих последних столкновениях с маратхами и Хайдарабадом Хайдар Али неизменно выходил победителем и значительно увеличил территорию Майсура на севере и северо-востоке, а также пополнил свою казну. Маратхи еще могли предпринимать грабительские набеги на Майсур, но уже не могли ставить под угрозу, как ранее, самое существование Майсурского государства. Армия низама Хайдарабада ни разу не одержала победы над дисциплинированным и закаленным войском Хайдара. Небольшой французский отряд под командой некоего Лалли (получившего титул Рустам Джанг) на службе у Басалат Джанга не мог изменить этого положения.

Между тем у маратхов и Хайдарабада были свои споры с англичанами. Правитель Хайдарабада был убе-

спокоен тем, что Басалат Джанг по настоянию англичан отдал область Гунтур на содержание английского отряда, обещанного ему взамен отряда Лалли, распущенного за неисполнением денег на его оплату. Ни низам, ни Майсур не желали иметь у себя в тылу в Гунтуре англичан. Маратхи же участвовали во второй англо-маратхской войне. В эту войну втянулась не только Махараштра; активную роль в ней играли Махададжи Синдхия (правитель Гвалиура), Холкар (правитель Индура) и Бхонсле (правитель Берара).

Хейстингс не только посылал деньги и подкрепления Мадрасу и Бомбею. Он повел сложную дипломатическую игру, заключая соглашения с отдельными маратхскими вождями и отрывая их от маратхского союза княжеств. Так, Хейстингсу удалось заключить тайное соглашение с Бхонсле. Рассчитывая на поддержку Бхонсле, Хейстингс послал на помощь Бомбею сушей через всю Индию отряд из Калькутты. Однако отряд этот прибыл в Бомбей слишком поздно для участия в решительных боях: получая все время противоречивые приказания из Бомбея, он потерял много недель, не решаясь выйти за пределы Берара. К тому же, дойдя до алмазных копей Бунделкханда, он неожиданно оказался не в состоянии двигаться вперед. Алмазы «притягивали» англичан с непреодолимой силой.

Тем временем Бомбейский совет, не дожидаясь прибытия застрявшего отряда, опять послал войска в Махараштру. Эта кампания велась еще бездарнее, чем предыдущая. Английская армия под руководством «гражданских уполномоченных» двигалась необычайно медленно и дала возможность маратхскому правителю Гвалиура Синдхии окружить ее в 12 милях от Пуны. Хотя у англичан было продовольствия на 18 дней, «гражданские уполномоченные» испугались того, что подвоз отрезан отрядами Синдхии, и стали отступать. Под напором маратхских войск отступление скоро превратилось в бегство. Английская армия была бы уничтожена, но Синдхия поддался на униженные мольбы англичан о пощаде и на обещания признать его независимым от пешвы правителем и заключил с англичанами сепаратный мир, названный «Конвенция в Варгаоне». По этому соглашению англичане обязались выдать Синдхии Ра-

гунатха Рао и возвратить маратхам все области, завоеванные с 1776 г. — со времен первой маратхской войны. Синдхия, поверив обещаниям англичан, выпустил всю их армию обратно в Бомбей.

Английское командование, заключившее это соглашение, с самого начала собиралось нарушить его, как только выйдет из затруднения. Когда войско оказалось в безопасности, Бомбейский совет отказался ратифицировать «Конвенцию в Варгаоне». Обманутые маратхские вожди предпочли тогда объединиться в 1780 г. с Хайдаром Али и с низамом против англичан. Маратхи и Хайдарабад обязались признать за Майсуром захваченные им территории, а войска Хайдара Али должны были нанести англичанам решающий удар в Карнатике и принять на себя основную тяжесть борьбы. Французы обещали Хайдару помощь, поскольку Франция принимала участие в войне за независимость американских колоний и воевала с англичанами за свои владения в Канаде. Так началась третья англо-маратхская и вторая англо-майсурская война, «признанной целью которой, — по оценке одного англичанина-современника, — было уничтожение английского владычества в Индии»²⁷.

Решающей силой в этом союзе против англичан был Майсур. Для низама и маратхов это было лишь временным, тактическим соглашением, а Хайдар Али целеустремленно готовился к борьбе со своим главным врагом — английскими захватчиками. Он теперь уже понимал, что союз Майсура с англичанами невозможен. К каким печальным последствиям мог бы привести подобный союз, он видел на примере Мухаммеда Али, правителя Карнатика.

В результате Парижского мира 1763 г. английский ставленник Мухаммед Али был признан «набобом Аркота», т. е. правителем Карнатика. Однако реальной властью он не обладал и был фактически марионеткой в руках англичан. В отличие от Бенгалии, однако, англичане не стали непосредственно управлять Карнатиком. Закабаление Карнатика проводилось с помощью

²⁷ M. Wilks, *Historical sketches of the South of India...*, vol. II, p. 237.

английских «займов», причем главную роль играла в этом не Компания, а «частные кредиторы». История закабаления Карнатика путем предоставления навабу «денежной помощи» наглядно показала всей Южной Индии, какая участь ожидает индийское государство, стремящееся в своей политике опираться на содействие английских войск и на английские займы.

После окончания войны 1756—1763 г. английская Ост-Индская компания потребовала от Мухаммеда Али оплатить военные издержки, определив их в 50 лакхов (т. е. 5 млн.) рупий. Такой суммы у нового наваба Карнатика не было. Тогда отдельные служащие Компании взялись ссудить ему требуемую сумму, но за это потребовали права сбора налогов в ряде округов. Путем ловких финансовых операций служащие Компании сначала собирали повышенные ими налоги в предоставленных им округах, а потом ссужали Мухаммеду Али из этих же средств, требуя высокие проценты за одолженный навабу капитал. Особенно крупные операции производил таким образом Поль Бенфилд, один из мелких клерков Компании. Получая каких-нибудь 200 ф. ст. в год, Поль Бенфилд одалживал навабу тысячи фунтов стерлингов, и все попытки наваба избавиться от этих фиктивных долгов оказались безрезультатными. В 1763 г. Компания получила от Мухаммеда Али сначала округ Девикотта, потом крупный порт Карнатика — Неллур, наконец, еще четыре округа в джагир. Чтобы уплатить проценты по долгам, наваб прибежал к новым займам. *«Заимодавцы (т. е. ростовщики-жулики — англичане), — писал К. Маркс, — находили это „очень выгодным“; эти „паразиты“ сразу оказывались в положении крупных землевладельцев и получали возможность скопить огромные состояния, угнетая райотов; вследствие этого — тирания — и самая бессовестная по отношению к туземным крестьянам этих европейских (т. е. английских) выскочек-земиндаров. Они и набоб разорили весь Карнатик»²⁸.*

Когда средств не хватило, а разоренная страна уже не давала англичанам прежних доходов, войска Ост-Индской компании и наваба Арката в 1771 г. совместно

²⁸ К. Маркс, *Хронологические выписки по истории Индии...*, стр. 91.

напали на богатый Танджур и разграбили его. При этом Компания получила львиную долю, а обязательства наваба еще возросли. В Мадрас тогда прибыл посланник короны сэр Линдсей, который стремился прекратить хищническое разграбление Карнатика служащими Компании. Однако члены Мадрасского совета, и Хейстингс в том числе, решительно выступили против этой попытки короны упорядочить управление Компанией индийскими владениями, и сэру Линдсею пришлось вернуться в Англию ни с чем. В 1776 г., когда Хейстингс был уже генерал-губернатором, лорд Пигот, бывший губернатор Мадраса, был послан из Лондона с тем, чтобы восстановить на престоле раджу Танджура и пресечь жульнические махинации Поля Бенфилда. Члены Мадрасского совета, лично заинтересованные в ограблении Карнатика и Танджура путем так называемых займов, сопротивлялись всем его распоряжениям, а когда лорд Пигот стал настаивать, посадили его в темницу, где он и умер. Маркс так рассказал всю эту историю: *«Лорд Пигот — мадрасский губернатор. Этот „престарелый“ юнец позволил себе (по приказу Правления) не только вновь водворить Танжорского раджу в радже, украденном у него „набобом Компании“ Мухаммедом Али (набобом Карнатика) (1776), но и обратить свое внимание на растраты и подкупы во всех ведомствах; в частности — его расследование по делу некоего Поля Бенфильда в связи с жульническими притязаниями этого „пса“ на часть доходов с Танжора. Совет все время выступал против губернатора, резко оскорбил его, он отстранил от должности двух членов Совета, большинство заточило (!) Пигота в тюрьму, держало его в строгом заключении, пока он не умер. Это — убийство губернатора! — прошло безнаказанно!»*²⁹.

Итак, вследствие борьбы клик знатный лорд умер в мадрасской тюрьме, а никому неизвестный Бенфилд возвратился в Англию богачом. Иначе и не могло быть, и притом не только в результате щедрых подкупов, но и потому, что любой из служащих Компании в той или иной мере пользовался властью Компании для устройства собственных дел и покрытия своих преступлений и,

²⁹ Там же, стр. 87.

следовательно, мог на следующий день после Бенфилда оказаться на его месте. В результате весь созданный Ост-Индской компанией аппарат принуждения и грабежа оказался на стороне Бенфилда. Волей-неволей Совет директоров вынужден был временно примириться с обогащением своих служащих, следя лишь за тем, чтобы не слишком большая доля прибыли ускользала из рук Компании. Лишь значительно позднее, когда Карнатик уже был разграблен и для получения доходов из обнищавшей страны необходимо было организовать планомерное выжимание налогов, Компания несколько ограничила «частную инициативу» своих служащих, оставив за ними их административные функции.

Впоследствии, когда в результате побед Уэлсли Карнатик из зависимого княжества превратился в непосредственное владение Компании и долги частным кредиторам должны были уплачиваться уже не навабом, а Компанией, английский парламент решил пересмотреть вопрос о долгах наваба, назначив тщательное расследование достоверности ссуд. В результате этого расследования были признаны подлежащими оплате только 1,3 млн. ф. ст., а 19 млн. ф. ст. признаны мошенническими или необоснованными претензиями³⁰.

Маркс писал по этому поводу: «И когда через 20 лет (в 1805) последний из старых долгов был оплачен, оказалось, как и следовало ожидать, что за это время Мухаммед Али наделал новых долгов на 30 миллионов! Новое расследование тянулось 50 лет, стоило 1 миллион ф. ст. — и, наконец, дела наваба были улажены. Вот как поступало английское правительство! — ибо после билля Питта оно, а не Компания, было хозяином в Индии — с несчастным индийским народом!»³¹.

В 1780 г. Хайдару Али уже было ясно на примере Мухаммеда Али, что англичане превращают своих индийских союзников в креатуру, лишая их всякой реальной власти. Ссылками на участь Мухаммеда Али Хайдар часто подкреплял доводы о необходимости изгнания англичан из Индии. Однако в 1780 г. положение ан-

³⁰ R. Dutt, *The economic history of British India*, London, 1901, p. 115.

³¹ К. Маркс, *Хронологические выписки по истории Индии...*, стр. 92.

гличан в Индии укрепились по сравнению со временем первой англо-майсурской войны 1767—1769 гг. К 1780 г. Бенгалия несколько оправилась от последствий голода 1770 г. Хейстингс, преодолев сопротивление Бенгальского совета, железной рукой держал бразды правления и со всей серьезностью отнесся к войне с Майсуром.

Однако Хайдар Али также располагал значительными ресурсами. Большая часть земель Майсура считалась государственным фондом, и земельный налог там взимали казенные сборщики, являвшиеся государственными служащими. Зная о практиковавшихся тогда в Индии злоупотреблениях, при которых лишь часть собранных сборщиками денег попадала в казну, Хайдар Али сам следил за делами центрального налогового ведомства, вызывая к себе областных сборщиков налога и в буквальном смысле слова выколачивая из них утаенные деньги. Для этой цели при нем всегда стояли люди с плетью³². Официальные контролеры-брахманы, называемые хиркарами, были назначены им в каждый округ для донесения ему о сумме собранного налога и количестве заброшенной земли. Эти же хиркары должны были выслушивать все жалобы населения на действия наместников и сборщиков³³ и сообщать ему об этом. Хайдар Али тогда вершил нелицеприятный суд — даже английские его современники признавали, что он наказывал всех нарушителей равно³⁴.

Большое значение имело то, что в своей религиозной политике Хайдар Али не был нетерпим. Мусульманский правитель осторожно вел себя в этом отношении в стране, где подавляющее большинство населения исповедовало индуизм. Хайдар Али не трогал храмовые земли; почти все служащие налогового ведомства были брахманами; после взятия Беднура Хайдар Али установил там монетный двор и стал чеканить свои первые монеты — золотые варахуны с первой буквой своего имени с одной стороны и индусскими богами Шивой и его супругой Парвати с другой. Другими словами, Хайдар Али

³² M. Wilks, *Historical sketches of the South of India...*, vol. II, p. 574.

³³ C. Hayavadana Rao, *History of Mysore...*, vol. III, p. 487.

³⁴ M. Wilks, *Historical sketches of the South of India...*, vol. II, p. 574.

стремился не возбуждать недовольства своих индусских подданных. Вместе с тем в тех районах, где он наталкивался на упорное сопротивление, например в Курге и на Малабаре, Хайдар Али иногда насильственно обращал в ислам пленных и из обращенных в ислам подростков-индусов этих местностей составил особый отряд, именуя их своими «чела» (учениками).

Хайдар Али покровительствовал торговле и особенно купцам, поставлявшим коней. Он поощрял также развитие ремесел и открыл несколько ружейных мастерских в стране под руководством европейских офицеров. Хайдар Али обращал особое внимание на создание видимости просвещенного и милостивого правителя, например стремился быть доступным для жалобщиков, невзирая на их положение, и в этих случаях вершил суд скорый и суровый, хотя справедливость его решений иногда зависела от его настроения. Военные получали скудную, но точную выплату жалованья и всегда могли рассчитывать на его внимание к их нуждам.

Эта политика правителя деспотичного, но справедливого, каким Хайдар Али слыл в народе, обеспечивала ему поддержку основных слоев майсурского народа в его начинаниях. Все слои майсурского общества желали изгнания англичан. Поэтому в свою последнюю войну с английскими захватчиками Хайдар Али вступал с сильной армией, богатой казной и с симпатиями майсурцев на своей стороне.

В 1780 г. Хайдар Али вторгся в Карнатик во главе самой крупной армии, которая когда-либо до того действовала на юге Индии. Одна часть армии неожиданным натиском взяла богатый порт Порто-Ново и ограбила дома богатых купцов. Другая, во главе с Типу, осадила Аркат. Командующий английской армией сэр Гектор Манро решил стянуть английские силы в один кулак и приказал всем английским отрядам отправиться на соединение к Кондживераму, хотя неподалеку действовали войска Типу и в Кондживераме не было заготовлено достаточного запаса продовольствия и фуража. В результате этого непродуманного решения Манро крупный отряд полковника Бейли, спешивший к Кондживераму, был окружен войском Типу и уничтожен в битве при Перамбакум (Полилуре) в сентябре 1780 г.

а самому Манро пришлось отступить из Кондживерама к Мадрасу. В ноябре пал Аркат. Фактически весь Карнатик оказался во власти Майсура.

В это время в методы ведения войны Мадрасским президентством вмешался Хейстингс. Он видел, что Мадрасский совет сам обострил положение своей неудачной политикой и теперь одними собственными усилиями не сможет справиться с возглавляемой Майсуром коалицией. Лишь Майсур рассматривал борьбу с англичанами как основную линию своей внешней политики. Участие маратхов и Хайдарабада в англо-майсурской войне вызывалось временными, конкретными причинами. Поэтому Хейстингсу удалось, возвратив Гунтур низаму, отвлечь его от союза с Хайдаром и таким образом разделить и уменьшить силы своего противника. Кроме того, Хейстингс прислал из Бенгалии на место Гектора Манро главнокомандующего всеми английскими военными силами в Индии, старого, желчного, но способного полководца сэра Эйр Кута с теми подкреплениями, которые Бенгалия могла тогда уделить Мадрасу.

С отпадением Хайдарабада и прибытием Кута война вступила в новую фазу. Кут, собрав все мадрасские войска, направился к Пондишери и Куддалуру, чтобы воспрепятствовать высадке ожидавшихся французских войск. Тем временем английский адмирал Хьюз, взяв французский форт Маэ и потопив строящийся флот Хайдара в Каликате и Мангалуре, воспрепятствовал действиям французского флота и вынудил его отплыть обратно на остров Св. Маврикия, не приняв боя и так и не высадив ни одного отряда. Вслед за тем Кут стал преследовать войска Хайдара Али, стремясь вынудить его дать решительное сражение. Но Хайдар Али уклонился от сражения и стал осаждать Тричинополи. Тем временем Кут попытался взять укрепленный индусский храм в Чидамбараме, но его войска были отбиты с большими потерями, и, как только на помощь майсурам подоспел французский отряд, Кут отступил к Порто-Ново. Эта неожиданная победа окрылила армию Майсура, и весть о ней в сильно преувеличенном виде была немедленно послана Хайдару. Тот сразу снял осаду Тричинополи и поспешил со всей своей армией ударить по войскам Кута, прежде чем они опомнятся от разгрома..

Так произошло в июле 1781 г. сражение при Порто-Ново, в котором англичане разбили в восемь раз превосходящую их по численности армию Хайдара Али.

Эта решительная победа Кута вынудила Хайдара отступить к северу. Тем временем английские войска, получив новое подкрепление из Бенгалии, увеличившее мадрасскую армию на одну треть, следовали по пятам армии Хайдара Али. Хайдар из суеверного чувства, что в Перамбакуме (Политуре), где был разбит отряд Бейли, его опять должна ждать удача, решил дать еще один бой Куту, выставив 150 тыс. войск против 11-тысячной английской армии, и опять потерпел серьезное поражение (август 1781 г.). Еще одну победу Кут одержал в битве при Шолангхуре. Тем временем, поскольку Хайдар Али заключил союз с голландцами, южная английская армия под командой полковника Брэйтвейта взяла голландский опорный пункт на юге Индии — Негапатам, несмотря на все усилия Типу помешать этому. Так на юге и востоке все планы Хайдара Али были сорваны, и он терпел одно поражение за другим. По свидетельству «Хайдарнамэ» (хроники на языке каннара, написанной в 1784 г. каким-то писцом Хайдара), Хайдар Али собрал совещание своих военачальников для обсуждения создавшегося положения и на упреки Типу, что в поражениях виноват сам Хайдар, ответил, что он неоднократно разбивал английские войска, но Бенгалия и Бомбей все присылают подкрепления и, даже если он их тоже разобьет, нет конца новым отрядам и кораблям, прибывающим из Англии. Поэтому единственная возможность победить англичан — это убедить французов вступить в решительную войну с ними, обеспечить себе помощь Ирана и Афганистана против англичан в Бенгалии и убедить маратхов напасть на Бомбей в то время, как французские суда помешают прибытию подкреплений к Мадрасу, а Майсур будет атаковать Мадрас с суши³⁵.

Тем временем на Малабарском побережье дела Майсура шли еще хуже. В начале 1782 г. повсеместные восстания на Малабаре, в Баламе и в Курге отвлекали зна-

³⁵ С. Hayavadana Rao, *History of Mysore...*, vol. III, p. 367, 368

чительную часть армии. Полководцу Хайдара Сардархану не удалось взять Телличерри — единственное владение англичан на Малабаре — и, когда прибывшие к англичанам новые отряды разбили майсурцев под Телличерри, Сардар-хан, будучи взят в плен, покончил самоубийством.

Маратхи, примкнувшие к Майсуру лишь в надежде на скорый успех, не выдержали тяжелой и затяжной борьбы. Хейстингс послал отряд для отвлечения внимания Синдхии, правителя Гвалиура, обладавшего в то время из всех маратхских вождей самой крупной и боеспособной армией (у него на службе состояли 16 сипайских батальонов французского авантюриста де Буаня). Английский отряд, посланный Хейстингсом под командой майора Попэма, ночью взобрался по узкой тропинке на отвесную скалу и неожиданным штурмом взял почти без потерь считавшуюся неприступной крепость Гвалиур. Это произвело огромное впечатление на Синдхию. При следующей ночной атаке англичан на его лагерь он бежал, бросив все припасы. После этого англичанам удалось подписать с ним договор в Сальбай в 1782 г. По Сальбайскому договору англичане опять оказались от всех своих завоеваний на маратхских территориях с 1776 г. В третий раз их ставленник, Рагунатх Рао, был ими покинут. Однако для Синдхии главным было то, что англичане признали его независимым от пешвы правителем Гвалиура и тайно обещали не вмешиваться в его приготовления к походу на Дели. Вслед за Синдхией фактически отказались от борьбы с англичанами и остальные маратхские армии. Хайдару Али пришлось продолжать войну одному, без помощи союзников.

В этот тяжелый момент Хайдару, однако, блеснул луч надежды. Из Франции прибыла эскадра под руководством адмирала Сюэффрэна и в морском бою у Садраса в январе 1782 г. заставила отступить потрепанные суда Хьюза. В феврале под Анегунди крупные английские силы, действовавшие под командой полковника Брэйтвейта, были внезапно окружены армией Тилу и уничтожены. Сам Брэйтвейт с оставшимися в живых восемью офицерами-англичанами сдался в плен. «Южная армия англичан была так ослаблена этим пораже-

нием, что некоторое время после этого не могла выступить в поход»³⁶. Адмирал Сюффрэн имел аудиенцию у Хайдара и сообщил ему, что большая партия французских войск под командой знаменитого Бюсси уже отплыла из Франции. В ожидании высадки французов Хайдару Али удалось взять в апреле 1782 г. порт Куддалур, который должен был стать базой французских войск. Однако, несмотря на эти успехи, положение Хайдара было еще очень тяжелым. Французский и английский флот несколько раз сражались без решающего результата, и после боя обе эскадры отплывали в порты чинить свои повреждения.

В сражении при Дхобигархе и в битве при Арни Кут разбил войска Хайдара Али, и уничтожение Хайдаром английских передовых отрядов или конвоев не могло перевесить понесенные им потери. На Малабаре английские войска тоже нанесли серьезные удары майсурцам, а в битве около Триколтура уничтожили в апреле 1782 г. крупный майсурский отряд. Однако осада англичанами Палгхата, господствующего над важнейшим проходом между западным и восточным побережьем Индии, не дала результатов. В ноябре подоспевшая армия Типу сняла осаду.

Англичанам не удалось добиться решающего перелома на фронтах, но тем больше значения они придавали разжиганию внутренних бунтов в Майсуре. В октябре 1782 г. в Мадрасе был заключен договор между англичанами и Тирумалом Рао, агентом вдовы номинального правителя Майсура из старой индусской династии Водаяр. В преамбуле этого договора говорилось об «узурпации Хайдаром Али» Майсура и англичан призывали «наказать узурпатора и возвратить нашему господину страну, которую у него отнял Хайдар Али». Приверженцы прежнего правителя Майсура обязывались по этому договору «заплатить Компании три лакха пагод, как только ее войска выгонят врага из Коимбатура», еще один лакх пагод при занятии крепостей Хайдара Али, запиравших горные проходы в майсурское плато, следующий лакх пагод при занятии форта города Майсур и наконец последние пять лакхов после падения Се-

³⁶ Ibid., p. 372.

рингапатама. За это Компания обязалась восстановить на престоле прежнюю династию Водеяр с сохранением майсурской территории в границах 1782 г. (т. е. признавая за Майсуром все завоевания Хайдара Али), а также отдать старой династии всю казну Хайдара. После этого Майсур должен был заключить субсидиарный договор с Компанией, т. е. оказаться в положении Ауда или Карнатика³⁷. Этот договор не привел к реальным результатам, но закрепил связи между англичанами и теми кликами в Серингапатаме, которые стремились свергнуть династию Хайдара Али, хотя бы ценой потери независимости Майсура.

В это время Хайдар после тяжелого раздумья сказал своему дивану (главе финансового ведомства) индусу Пурнае: «Разгром многих Бейли и Брэйтвейтов не истребит англичан. Я могу уничтожить их ресурсы на суше, но я не могу осушить моря и я первый устану от войны, в которой ничего не могу добиться путем боевых действий... Меня все время тешили тщетным ожиданием французской армии из Европы, но даже если она придет и одержит победу, я должен буду один бороться против маратхов и вызвать упреки французов за свое недоверие к ним, так как я побоюсь впустить их войско в Майсур»³⁸.

Именно тогда, когда война казалась бесконечной и дела Майсура обстояли крайне неважно, Хайдар Али, давно недомогавший, умер в лагере около Читура (в Карнатике) 7 декабря 1782 г. Его смерть могла оказаться губительной для Майсура. Армия была в поле, а в индийских войсках смерть командующего обычно бывала сигналом к распаду армии. Здесь же главнокомандующий был также главой государства. Спасти положение могло только немедленное прибытие другого командира, за которым майсурцы пошли бы так же охотно, как сле-

³⁷ Ch. U. Aitchison, *A collections of treaties, engagements, and sanads...*, vol. IX, p. 196, 197.

³⁸ Хотя этот разговор Пурнае сообщил Уилксу спустя лет пятнадцать, но в связи с приведенным выше совершенно самостоятельным свидетельством «Хайдарнамэ» о высказывании Хайдара примерно такого же содержания Пурнае можно, очевидно, верить (M. Wilks *Historical sketches of the South of India...* vol II, p. 373, 374).

довали за Хайдаром Али. Таким командиром мог быть только Типу. Армия любила его и верила ему, он разбил отряды Бейли и Брэйтвейта. Но Типу был далеко, около Паниани на Малабарском побережье. Ему немедленно послали весть о случившемся и тщательно скрывали от всех известие о смерти Хайдара Али. Типу, бросив все, успел прибыть вовремя, и армия только из его уст узнала о том, что Хайдара уже нет. Небольшой бунт в войсках, а также попытка переворота в Серингапатаме в пользу других сыновей Хайдара были немедленно подавлены, и смена правителя произошла почти безболезненно.

Типу Султан в основном продолжал политику Хайдара Али. Так же, как и Хайдар Али, Типу задачей своей жизни считал изгнание англичан из Индии. Он тоже был способным полководцем, как и его отец. Решительный и смелый, Типу умел вести за собой армию.

Однако, в то время как Хайдар Али поднялся из низов, Типу Султан воспитывался как наследник престола и привык к самовластию. Хайдар Али, сам неграмотный, насмехался над схоластической мусульманской начитанностью Типу, над узостью его взглядов по ряду вопросов. Хайдар неоднократно ставил в пример Типу Шейха Аяза (сына раджи Колаттири), которого Хайдар взял в плен во время своего первого вторжения на Малабар, насильственно обратил в ислам, зачислил в свои «чела» и очень любил. Именно поэтому Типу возненавидел Аяза и, как только получил власть в свои руки, послал тайный приказ немедленно убить его. В это время Аяз занимал важный пост коменданта Беднура. Приказ об его убийстве попал в руки самому Аязу, и тот для спасения своей жизни перешел на сторону англичан, сдав в январе 1783 г. без единого выстрела Беднур бомбейской армии под руководством генерала Маттьюса. Потеря Беднура была большим ударом для Типу: это значило, что англичанам открыт путь в самое сердце Майсура.

К счастью для Типу, бомбейская армия была самой слабой из английских армий в Индии, а Маттьюс был бездарностью и отличался нерешительностью и боязнью ответственности. Несоизданно богатая добыча попала в Беднуре в руки англичан. Маттьюс и офицеры его армии

забрали себе огромную казну Хайдара, хранившуюся в Беднуре, а солдаты грабили население этого богатого города. В результате бомбейская армия разложилась и отнюдь не спешила двигаться дальше.

Тем временем Типу перебросил свои основные силы и осадил Беднур. Армия Маттьюса оказалась отрезанной от Малабарского побережья, и все горные проходы были заняты отрядами Типу. Маттьюс не позаботился с заготовке продовольствия и снаряжения, и через месяц осады ему пришлось капитулировать с условием, что по сдаче Типу Султану оружия и всей награбленной в Беднуре добычи англичанам будет позволено беспрепятственно соединиться со своими на Малабаре. Однако казна Хайдара оказалась разграбленной, и у английских офицеров и солдат нашли припрятанные ими драгоценности. Тогда Типу счел условия капитуляции нарушенными и отправил всех пленников в тюрьмы в глубь Майсура.

Овладев Беднуром, Типу с армией спустился на Малабарское побережье и отобрал у англичан одну крепость за другой. В мае 1783 г. он осадил Мангалур — последний опорный пункт бомбейской армии на Малабарском побережье.

Между тем в марте 1783 г. прибыло наконец подкрепление из Франции во главе с Бюсси (теперь уже имевшим титул маркиза). Английский флот перехватил несколько французских кораблей с войсками, и подкрепление, прибывшее в Индию, было значительно меньше, чем ожидали. Разочарование де Бюсси, когда он узнал о смерти Хайдара Али, было огромным. Генерал Кут вскоре умер, но эта потеря для английской армии не шла ни в какое сравнение с тем ударом, каким для Майсура была смерть Хайдара. Англичане, узнав о прибытии французских войск, бросили все силы мадрасской армии на осаду Куддалура, место высадки французов. Военные действия там продолжались до июля 1783 г., причем во время одной из вылазок французов англичане взяли в плен сержанта Бернадотта, впоследствии одного из маршалов Наполеона, а затем короля Швеции.

В июле 1783 г. в Индию пришло известие о заключении мира между Англией и Францией. Все французы, не только солдаты французской королевской армии,

прибывшей с де Бюсси, но и те, кто был на службе Типу и принимал участие в осаде Мангалура, отказались воевать дальше против англичан. Даже нанявшись к Хайдару и Типу, французы продолжали считать, что они борются не за Майсур, а за интересы Франции, и потому заключение Францией мира с англичанами было для них законом. Де Бюсси уехал в Пондишери и там умер в 1785 г.

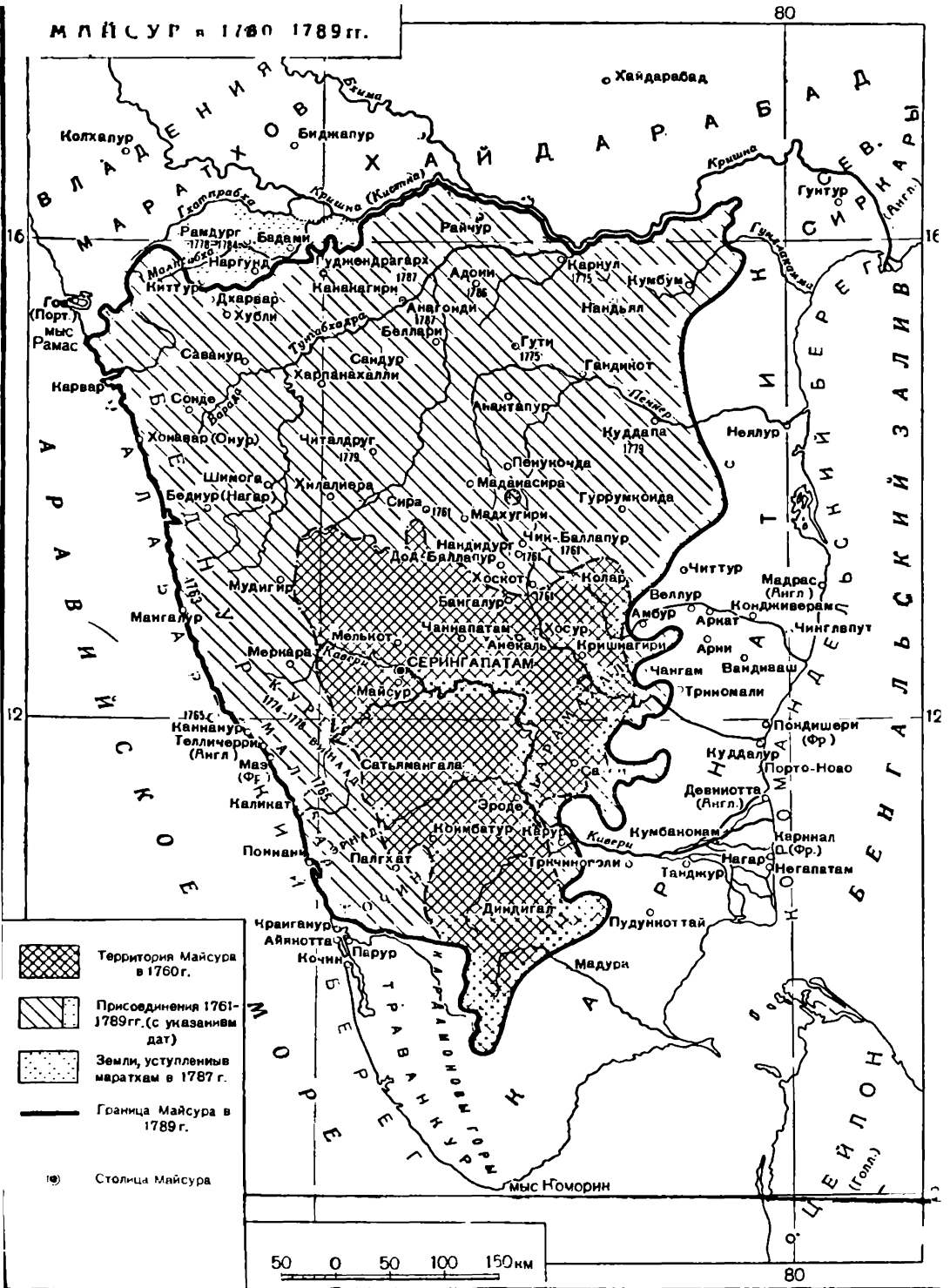
Типу пытался вплоть до марта 1784 г. продолжать осаду Мангалура силами одной майсурской армии. Осажденные английские войска терпели тяжелые лишения и были накануне сдачи. Однако с захватом Куддалура, уже не защищаемого французскими войсками, английская армия быстро продвинулась в Коимбатур и, захватив горные проходы, ведущие к Серингапатаму, стала деятельно готовиться к походу на столицу Типу. Побуждаемый англичанами Синдхия послал Типу предупреждение, что маратхи Гвалиура и Пуны нападут на Майсур, если Типу не заключит мир с англичанами, с которыми маратхи были теперь в союзе. Все это заставило наконец Типу заключить с англичанами 11 марта 1784 г. Мангалурский мирный договор. Так окончилась вторая англо-майсурская война.

По Мангалурскому миру Типу обязывался полностью вывести свои войска из Карнатика и в дальнейшем не предъявлять никаких претензий на эту область. Англичане обещали уйти из Малабара, причем Типу не должен был преследовать тех малабарских вождей, которые поддерживали англичан во время войны. Наконец, обе стороны взаимно обещали возвратить военнопленных.

Хотя, по индийской традиции, в тексте договора говорилось, что он будет соблюдаться, «пока существуют солнце и луна», но было ясно, что этот мир мог быть только временным, поскольку один из этих противников мог укрепиться на юге Индии только при уничтожении другого.

Мангалурским миром 1784 г. закончился целый период в истории Майсурского государства. Из небольшого княжества Майсур превратился в сильную страну с большой боеспособной армией. Процесс создания мощного государства происходил путем завоевания и поко-

МАЙСУРА в 1780-1789 гг.

50 0 50 100 150 км

ления мелких княжеств с разным уровнем развития, разными особенностями и обычаями. Поэтому в Майсурском государстве не было внутривосточного единства, и за короткие 15—20 лет правитель Майсура не смог сплотить воедино разнородное население, тем более что покоренным жилось тяжелее, чем до их завоевания Майсуром.

И все же в основном, а именно в борьбе против экспансии англичан, политика Хайдара Али была прогрессивной. Интересы возвышения Майсура пришли в резкое столкновение с захватнической политикой Англии, и поэтому главной задачей Майсура стало изгнание английских завоевателей из Индии. Окончательное осознание этого Майсуром и размежевание сил наступило в 1770 г., и с тех пор Хайдар Али был занят войной против англичан. Майсур стал центром сопротивления англичанам на юге Индии.

Майсурская армия была лучшей из всех военных сил индийских государств и первая из всех индийских армий смогла победить в войне с англичанами (в 1769 г.). Однако уже со времен второй англо-майсурской войны Майсур в единоборстве с английскими войсками мог добиться лишь отдельных, частичных успехов. Современное военное вооружение Хайдару Али приходилось покупать у европейцев, и часть его войск была вооружена устаревшим холодным оружием — мечами, пиками и т. д. Военное искусство майсурцев было на значительно более низком уровне, чем военное искусство англичан. Сам Хайдар Али, будучи человеком суеверным, часто руководствовался приметами, а не военнымиображениями и неоднократно переоценивал свои силы. Наконец, и воинская дисциплина не могла сразу утвердиться в пехоте, а конница так и осталась толпой всадников.

Все владения Компании в Индии — Мадрас, Бомбей, Бенгалия — выступали согласованно, оказывая друг другу помощь при военных действиях в какой-либо части Индии. Таким образом, Компания имела возможность нападать на своего противника с разных сторон, концентрировать свои ресурсы в наиболее важном месте. Противостоять такому соединенному натиску индийские государства могли бы только при условии сою-

за между собой для сопротивления общему врагу. Однако каждый индийский правитель, по свойственному ему феодальному мышлению, видел в другом в первую очередь своего соперника, к которому предъявлял территориальные и другие претензии. Объединение индийских государств могло в то время осуществиться только путем насильственного покорения одних другими, а из трех основных соперников в Южной Индии — Майсура, марагхов и Хайдарабада — ни один не был достаточно силен для завоевания двух остальных. Поэтому соглашения между ними могли быть лишь временными и непрочными, и их постоянные раздоры облегчали английским завоевателям политику столкновения индийских владетелей между собой.

Борьба Майсура против английских захватчиков не окончилась со смертью Хайдара Али. В этом отношении Типу Султан полностью продолжал политику Хайдара. Вынужденный заключить Мангалурский мир, Типу стал накапливать силы и подготавливаться к новым боям с английскими завоевателями. Однако ко времени третьей англо-майсурской войны, начавшейся в 1790 г., соотношение сил сильно изменилось в пользу англичан. В самой Англии все более сказывались последствия промышленного переворота, что отразилось и на английской военной мощи в Индии. Со времени Мангалурского мира Англия в борьбе с Майсуром всегда была нападающей стороной и нарочно провоцировала войну, уверенная в своей победе. Поэтому переменялась и политика Типу, судорожно искавшего себе новых союзников среди мусульман, которые смогли бы поддержать его против англичан. Этой новой обстановкой объясняется многое во внешней и внутренней политике Типу Султана, что отличает ее от политики Хайдара Али.

ГЛАВА IX

ЗАВОЕВАНИЕ МАЙСУРА (1784—1799)

Обе воевавшие стороны — и англичане, и Майсур — понимали, что заключение Мангалурского мира лишь дает возможность подготовиться к новой войне. Именно поэтому Типу Султан стремился в первую очередь подавить бунты и заговоры, вспыхнувшие во время войны. В Серингапатаме еще до конца войны были дважды разоблачены и обезврежены заговорщики, причем оба раза накануне дня, назначенного для переворота. Противники Типу принадлежали к клике раджи Майсура и рассчитывали на договор англичан с Тирумалом Рао, заключенный в Мадрасе в 1782 г. На обратном пути из Малабара к своей столице Типу удалось устроить Балламу, и тот дал заверения в своей дальнейшей лояльности. Труднее было покорить опять Кург. Повстанцы Курга оказали серьезное сопротивление, но не могли бороться со всей армией Типу. Однако, как только Типу Султан с армией вернулся в Серингапатам, кургцы вновь восстали, и майсурские войска не могли одолеть четырех-пяти тысяч ожесточенно защищавшихся повстанцев. Только после вторичного прибытия в Кург Типу с армией в октябре 1785 г. восстание было подавлено. Для предотвращения дальнейших выступлений против его власти Типу приказал переселить в центр Майсура значительную часть пленных. Поскольку кургцы показали свои высокие боевые качества, Типу насильственно взял в свою армию кургскую молодежь и сформировал из нее отборные отряды в Серингапатаме. Тем временем маратхи решили воспользоваться за-

труднениями Типу, и Нана Фарнавис, руководивший политикой Пуны, выдвинул старое требование уплаты Майсуром чоутха за последние четыре года. Поскольку Типу искал союзников для новой войны с англичанами, он мирно ответил Нана Фарнавису, что вся казна Хайдара Али истощена войной за Карнатик, но остались ружья и пушки, которые к услугам маратхов (т. е. могут быть употреблены против них), впрочем, «после того как в стране будет водворен мир и порядок, казначеям будет дан приказ переслать маратхам установленные суммы»¹. Однако маратхов такой ответ не удовлетворил. В 1784 г. они встретились с низамом в Ядгире и заключили союз против Майсура. Низам также возобновил свои старые требования уплаты ему как наместнику Могольской империи дани Майсуром.

Однако основное столкновение между Майсуром и маратхами произошло из-за Наргунда, небольшого вассального маратхского княжества, расположенного на северо-западной границе майсурских владений. Форт Наргунда был хорошо укреплен и являлся стратегически важным пунктом. Правитель княжества был из знатного маратхского рода и, продолжая считать себя вассалом пешвы, посылал ему во время войны сообщения о передвижениях армии Типу и отказался платить Майсуру дань. Типу послал войска в Наргунд, но смог завоевать его лишь после взятия близлежащих крепостей Рамдурга и Маноли, которые посылали в Наргунд подкрепления. После этого армия Типу заняла одну за другой все вассальные маратхам крепости в этом районе и отодвинула границу страны к реке Кришна.

Тогда Нана Фарнавис стал еще интенсивнее готовиться к наступательным действиям против Типу Султана. На второй встрече в Ядгире в конце 1785 г. маратхи и Хайдарабад договорились о немедленном нападении на Майсур и о разделе всей завоеванной территории поровну между ними. В мае 1786 г. объединенная маратхско-хайдарабадская армия вторглась в Майсур через реку Кришна и напала на Бадами, недалеко от Наргунда. После падения Бадами маратхи в июне взяли Гуджендрагарх и весь северо-западный район майсурской тер-

¹ Mir Hussein Ali Kirmani, *History of the reign of Tipu Sultan* (transl. by Col. W. Miles), London, 1864. p. 48

ритории, кроме крепости Киттур и Дхарвар, которые стойко выдерживали осаду.

Для спасения этих крепостей Типу неожиданным броском из Серингапатама напал на сильный форт Адони, на юге государства Хайдарабад, где жили семьи брата низама и его племянника. Маратхи поспешили на помощь своему союзнику и смогли снять осаду Адони. Однако они не могли удержать форт и потому эвакуировали его, забрав с собой родственников низама. Так Типу захватил этот стратегически важный пост. После взятия Адони низам фактически вышел из войны.

Наступавший сезон дождей не остановил Типу Султана, и он (к изумлению маратхов) перешел вздувшуюся реку Тунгабхадру и дал битву неподалеку от Саванура. В этом бою майсурцы одержали победу с помощью своей артиллерии, которая сразу подавила слабые пушки маратхов, и вступили в Саванур при поддержке его жителей². В октябре 1786 г. Типу ночью напал на маратхские войска, разбил их и захватил обозы, где оказались жены военачальника Харипанта. Типу тут же отослал их обратно, дав каждой по две рупии и по куску ткани, после чего Харипант стал проявлять значительно меньше усердия в войне с Майсуром. Вслед за тем Типу быстро взял сильный форт Бахадур-Бенда. После этого маратхи, которые понесли большие потери в войне, начатой ими, и увидели, что англичане в тот момент не готовы поддержать их и вступить в войну с победоносным правителем Майсура, согласились на предложения Типу и заключили с ним мирный договор в апреле 1787 г. По этому договору Типу обязался уплатить маратхам требуемую ими дань за несколько лет и вернуть им Киттур, Наргунд и Бадами. По словам современного индийского историка, «Типу выиграл в войне, но потерял при мире». Он объясняет это тем, что Типу стремился завязать тесные узы дружбы с маратхами ввиду военных и дипломатических приготовлений Корнуоллиса к войне с Майсуром. Однако в результате войны территория Майсура увеличилась за счет присоединения Канакагири, Анегунди и Саванура.

Возвращаясь в столицу с театра военных действий,

² Mohibbul Hasan Khan, *History of Tipu Sultan*, Calcutta, Dacca. 1951, p. 114.

Типу аннексировал земли своих вассальных палайяккаров Райдурга и Харпанахалли, которые оказали маратхам помощь во время войны. В Серингапатаме Типу принял титул падишаха, тем самым покончив с фиктивной властью раджи Майсура (1787 г.).

Предвидя необходимость новой войны с английскими захватчиками, Типу тем временем не переставал искать союзников, поскольку он понимал, что один на один с англичанами не сможет победить. Маратхи и Хайдар-абад были его врагами, поэтому Типу мог рассчитывать только на помощь французов, хотя и считал их ненадежными союзниками, готовыми предать его в любой момент. Все же он послал две миссии во Францию, из которых одна, добравшись в 1785 г. только до Стамбула, вынуждена была вернуться, а другая прибыла во Францию в июне 1788 г. Типу предлагал Франции заключить оборонительный и наступательный союз против англичан. Посланцы Типу были торжественно приняты в Версале и в течение некоторого времени считались любимцами двора. Однако внутреннее положение Франции, развал ее экономики и финансовой системы и надвигающаяся революция исключали возможность отправки воинских сил в Индию. Людовик XVI ограничился туманными заверениями в дружбе и в ответ на просьбу Типу отпустил в Индию лишь двух французских врачей и десять ремесленников. Зато французы Пондшери предложили Майсуру заключить торговый договор, по которому французским купцам были бы предоставлены широкие (фактически монопольные) привилегии. Однако Типу на это не согласился.

Вместе с тем Типу Султан послал также две миссии (в 1784 и 1785 гг.) в Стамбул к самому могущественному мусульманскому правителю того времени — султану Османской империи, призывая его оказать поддержку своему единоверцу. Однако в то время Турция находилась накануне войны с Россией и не могла отослать свои войска в далекую Индию. К тому же Османская империя в своей борьбе с Россией рассчитывала на поддержку Англии и потому не могла выступить против нее в Индии. Таким образом, все попытки Типу найти союзников для надвигающейся войны с англичанами окончились неудачей.

Между тем внутренние бунты не затихали. Насильственно присоединенные княжества стремились сбросить с себя майсурское иго. Еще в 1786 г. произошло восстание на Малабаре, южнее Каликата. Падишах сам с армией отправился на Малабар, разрушил Каликат и переселил его население в строящийся неподалеку форт Фаррухабад, который не имел достаточно хорошей гавани и кокосовых пальм вокруг³.

Однако восстание на Малабаре не затихало. Против майсурской власти выступали и наиры-индусы и мусульмане-мопла. Типу пришлось по существу снова завоевывать почти все Малабарское побережье. В конце 1788 г. были присоединены вассальные прежде княжества Чараккал и Куттипурам. Взятием Каннанура Типу закончил малабарскую кампанию и на сезон дождей отошел в Коимбатур, славящийся своим ровным, умеренным климатом и потому удобный для расквартирования войск. Мопла Малабара были усмирены, но наиры прятались в лесах у подножий холмов Западных Гхатов и после ухода армии в Коимбатур вернулись и продолжали нападать на майсурские гарнизоны.

В это время разгорелось начавшееся весной 1789 г. восстание в Курге. Повстанцы, как и прежде, боролись с особым упорством. Горная лесистая местность давала возможность жителям отставать в бою каждую пядь своей земли. К тому же кургцы надеялись на английскую поддержку, не понимая, что англичане использовали их только для облегчения борьбы с Майсуром и дальнейшего завоевания Индии. К 1789 г. Кург опять восстал под руководством Вир Раджи, и все майсурцы, которых поселил там Типу после того, как подавил кургское восстание 1785 г., были изгнаны из княжества. Крупной армии Типу удалось подавить и это восстание, но тогда опять поднялся Малабар. Как только майсурские войска ушли на Малабар, где положение было угрожающим, кургцы снова освободили от майсурских войск свою страну, за исключением главного форта —

³ Как только англичане в третьей англо-майсурской войне захватили Малабарское побережье и запрет Типу Султана жить в Каликате потерял свою силу, население покинуло голую местность Фаррухабада и вернулось в Каликат.

Меркара. Однако война с англичанами помешала падишаху заняться Кургом.

Типу не мог двинуться на усмирение Курга, так как его больше заботили действия Траванкура. Возвышение Траванкура и превращение его из мелкого княжества в сравнительно сильное государство произошло в 20—60-х годах XVIII в. Воспользовавшись ослаблением мощи голландцев в Индии и раздорами малабарских палаяккаров, раджа Траванкура завоевал всю южную часть Малабарского побережья, от мыса Коморин до Кранганура. Он собирался овладеть постепенно всем Малабарским берегом, но в этом его опередил Хайдар Али. Тогда раджа Траванкура решил, что его главным врагом является Майсур, и стал искать дружбы англичан. Кроме того, Траванкур предоставил убежище тем, кто бежал с Малабара после его завоевания Майсуром. Во время второй англо-майсурской войны раджа оказал помощь английской армии. Опасаясь нападения Типу, раджа принял к себе в 1788 г. на службу по субсидиарному договору два батальона сипаев Компании. После этого, уверенный в своей безопасности, он продолжил на территории Кочина, вассала Майсура, линию укреплений, которую начал строить голландский генерал на траванкурской службе де Ланной в 1764 г. Эта линия укреплений, состоявшая из глубокого и широкого рва, защищенного бамбуковым палисадом и парапетом с фланкирующими бастионами, должна была защищать страну с севера, единственно уязвимой с суши стороны. На востоке Траванкур был защищен отрогами Западных Гхатов, а на юге и западе его омывало море.

Раджа Траванкура не только ответил отказом на требование Типу снести часть укреплений, находившуюся на территории Кочина, но в 1789 г. купил у голландцев форты Айякотта и Кранганур, о приобретении которых вел переговоры Типу Султан. Эти две крепости закрывали с запада проход из Палгхата в северный Малабар, и падишах не без основания опасался, что в случае войны английская армия может вторгнуться на Малабар через этот проход. Раджа Траванкура именно поэтому сам стремился стать хозяином этих крепостей. Хотя Типу предложил заплатить за них вдвое больше, чем раджа, голландцы предпочли уступить их Траван-

куру, опасаясь еще большего усиления Майсура на Малабаре — основном центре их торговых операций в Индии.

В ответ на эти действия раджи Типу Султан двинул свою армию из Коимбатура к траванкурской укрепленной линии. Между майсурскими и траванкурскими отрядами начались стычки. В конце декабря 1789 г. майсурские войска прорвались за укрепленную линию в самом слабом ее месте и прошли вдоль парапета с вражеской стороны к воротам укреплений, стремясь открыть их для нападающих. Однако к траванкурскому гарнизону подошли подкрепления, и войска падишаха были смяты. В паническом бегстве обратно за линию укреплений передние ряды беглецов под напором толпы свалились в ров, и задние спаслись через ров по груде тел. Погибло от тысячи до полутора тысяч майсурцев. Английские историки и мемуаристы считали, что наступление было начато по приказу Типу и что он сам был с нападавшими и еле спасся раненый, бросив свой паланкин, саблю, печати и драгоценности. Современный же индийский историк полагает, что нападение явилось развитием мелкой стычки, и Типу не только не замышлял наступления, но и не знал о нем⁴.

Во всяком случае, два месяца прошло, прежде чем майсурские войска вновь решились предпринять серьезные военные действия. После ряда боев и артиллерийской подготовки в апреле 1790 г. началась решительная атака на линию укреплений Траванкура, и на этот раз паника охватила войска раджи. В середине апреля вся линия оказалась в руках Типу, и он осадил Кранганур. В мае пал Кранганур, а вслед за тем Айякотта и ряд других фортов. Дорога к столице Траванкура лежала открытой. Однако тут англичане заявили, что защитят своего траванкурского союзника, и вторглись в Майсур. Так началась третья англо-майсурская война (1790—1792).

Акт Питта 1784 г. поставил Ост-Индскую компанию в известной мере под контроль правительства, но вместе с тем предоставил ей также правительственные ресурсы. Наряду с войсками Компании в Индии находились также правительственные, «королевские» войска. Генерал-

⁴ Mohibbul Hasan Khan, *History of Tipu Sultan*, p. 164.

губернатором Индии с 1786 г. был лорд Корнуоллис, человек родовитый и с большими связями. Ему было предоставлено право единолично решать важные политические вопросы, не считаясь с мнением ни Бенгальского, ни Мадраасского, ни Бомбейского советов. К тому же он был назначен также главнокомандующим всеми английскими войсками в Индии, соединяя тем самым высшую гражданскую и военную власть.

Корнуоллис деятельно готовился к войне с Типу, убеждая маратхов и Хайдарабад вступить с ним в наступательный союз против Майсура. Холкар, правитель Индура, отказался, но с пешвой и с низамом в феврале 1790 г., еще до решающего наступления Типу на траванкурские укрепления, был заключен военный договор. Союзники, условливались напасть на Майсур, причем по условиям договора после победы пешве и низаму возвращались их прежние владения, завоеванные Хайдаром и Типу, а исконные земли Майсура делились на три равные доли между Компанией, Пуной и Хайдарабадом. Низам и пешва должны были выставить по 25 тыс. воинов каждый и выступить одновременно с англичанами.

В то же время Корнуоллис приказал Бомбейскому совету установить связи с недовольными элементами на Малабаре, в Кочине и в Курге, обещать им помощь в войне и, если они станут вассалами Компании, взимать с них лишь «весьма умеренную дань» и предоставить «благоприятные условия для торговли продуктами их страны»⁵.

Типу дважды перед началом войны предлагал англичанам прислать их представителей в майсурский лагерь или принять майсурского представителя для разъяснения создавшейся ситуации, но Корнуоллис оба раза отверг эти предложения, так как он «желал не мира, а войны»⁶. Майсурско-траванкурская война послужила для него лишь предлогом. Русский посол в Лондоне С. Р. Воронцов сообщал в донесении, написанном на французском языке, в Петербург от 13 декабря 1791 г.: «Из всех политических событий, которые в течение некоторого времени с такой изумительной быстротой сме-

⁵ Ibid., p. 179, 180.

⁶ Ibid., p. 169.

няют друг друга, больше всего заботит британских министров и занимает внимание английского народа война, ведомая этой державой в Индии против Типу Султана». Повторив официальное объяснение причин этой войны (нападение Типу на английского союзника — раджу Траванкура), Воронцов добавляет: «Однако настоящие причины, ее (войну.— К. А.) породившие, заключаются в царящей в Индии системе продажности и коррупции. Служащие Компании грезят только о монополии и о прибыльных контрактах на снабжение (армии.— К. А.), военные — лишь о грабеже и насилии; в Англии родители и друзья всех этих людей, заинтересованные в их обогащении, с легкостью привлекают министра, жадного до власти и основной своей опорой сделавшего патронаж: он слепо отдается обещаниям удачи и в свою очередь прельщает публику приманкой прибыли и приковывает к своей колеснице рабов богатства»⁷. Один живший в то время в Калькутте англичанин также свидетельствовал, что англичане считали эту войну выгодной для себя. «В настоящих условиях это — самое благоприятное для британских интересов в Индии из всего, что могло случиться», — писал он⁸.

По стратегическому плану Корнуоллиса мадрасская армия под руководством генерала Медоуса должна была занять Коимбатур и через горные проходы пройти к Серингапатаму, в то время как другой части мадрасской армии следовало захватить весь Барамахал для охраны Карнатика от вторжений Типу; бомбейская армия под командованием генерала Аберкромби должна была оккупировать Малабарское побережье, а затем двинуться на соединение с армией Медоуса. Низаму и маратхам была отведена задача разорять с двух сторон окраины Майсура и обеспечить защиту англичан от майсурской конницы. У англичан было в мадрасской армии 24,5 тыс. человек. Численность бомбейской армии неизвестна, но она была относительно небольшой. Маратхи вступили в войну несколько позднее, в надежде, что англичане и Майсур тем временем ослабят друг друга. В двух маратхских армиях было около 22 тыс.

⁷ «Архив князя Воронцова», кн. 24, М., 1880, стр. 180, 181 (перевод мой.— К. А.).

⁸ Mohibbul Hasan Khan, *History of Tipu Sultan*, p. 271.

всадников и 500 человек пехоты. У низама было 10 тыс. всадников на хороших конях. Союзники вторглись в Майсур с шести сторон, и их соединенные силы составляли не меньше 57 тыс. человек⁹.

Майсурские войска не могли противостоять английским армиям в большом открытом бою, и потому Типу применил тактику Хайдара Али. Внезапными переходами и нападениями на отдельные отряды майсурская армия нанесла чувствительные потери англичанам и задержала завоевание Коимбатура и Барамахала. Более того, около Тричинополи войска падишаха вторглись в южные районы Карнатика. Подойдя к Пондишери, Типу пытался заручиться помощью французов. Он просил прислать из Франции 6 тыс. солдат, обещая уплатить за их перевозку и содержание¹⁰. Однако французам в Пондишери было не до того: среди них давно зрело недовольство в связи с решением правительства Людовика XVI перенести свое внимание на развитие Сан-Доминго в Вест-Индии, а Пондишери низвести до положения простого складочного пункта¹¹. Еще в феврале 1790 г. в Пондишери пришло известие о начале революции и взятии Бастилии. В городе поднялись волнения и было избрано Национальное собрание, к участию в котором, однако, не допустили индийцев; шла борьба между крупными французскими чиновниками и мелкобуржуазными слоями¹². В этих условиях французы не могли оказать помощи Майсуру.

Поражения английских войск в ряде битв и потеря нескольких фортов в Карнатике произвели такое впечатление, что Корнуоллис спешно «оставил Бенгалию и отправился с тремя тысячами человек на соединение с генералом Медоусом и для принятия главной команды»¹³.

⁹ Е. Штейнберг, *Англо-майсорские войны в 90-х годах XVIII века* («Вопросы истории», 1948 № 1), стр. 99 — В этой статье кратко, но ясно обрисован ход кампаний третьей и четвертой англо-майсурских войн. В несколько перепетеланном виде эта статья вошла в качестве главы в книгу: Е. Л. Штейнберг, *История британской агрессии на Среднем Востоке* М., 1951, стр. 11—29.

¹⁰ Mohibbul Hasan Khan, *History of Tipu Sultan*, p. 185.

¹¹ Н. Радциг, *Французская Индия в эпоху революции 1789 г.* («Историк-марксист», 1939, № 3), стр. 173, 174.

¹² Там же, стр. 174.

¹³ Из донесения С. Р. Воронцова в Петербург. Цит. по ст.: Е. Штейнберг, *Англо-майсорские войны...*, стр. 99.

Единственным полем сражений, где англичанам удалось добиться решительных успехов, был Малабар. Там восстания местного населения против майсурских гарнизонов облегчили англичанам задачу завоевания всего побережья.

После прибытия Корнуоллиса в Мадрас был разработан новый план кампании, и английские войска из Коимбатура и Барамахала соединились и осадили Бангалур. Типу под самым Бангалуром атаковал англичан и разбил один отряд, но осада была все же начата. Через несколько дней англичане ворвались в город, и майсурский гарнизон заперся в крепости. Бангалур — этот богатый торговый ткацкий центр Майсура — был разграблен английскими войсками. Не только офицеры, но почти все солдаты награбили золотые или серебряные вещицы и оделись в новые одежды из бангалурских тканей, захваченных в лавках и у ткачей¹⁴. Кроме того, англичане нашли в городе склады с продовольствием и боеприпасами и 125 пушек, из которых 85 могли быть сразу пущены в ход.

Падение Бангалура, уступавшего по своему значению только Серингапатаму, было большим ударом для Типу, и тот стал готовиться отбить его. Однако один из ближайших индусских советников Типу, тайно принадлежавший к клике раджи Майсура, известил англичан о дне нападения, и Корнуоллис взял штурмом бангалурскую крепость за день до предполагавшейся атаки майсурских войск¹⁵.

Тогда Типу со своими главными силами отступил к Серингапатаму, придерживаясь тактики «выжженной земли»: разоряя оставленную местность, отравляя колодцы, уводя с собой население и угоняя скот. Мелкие отряды всадников отбивали обозы противника. Однако вскоре Серингапатам был осажден, и Типу заперся в городе.

Взятые из Бангалура продовольственные запасы наступавшей английской армии под командой Корнуоллиса скоро кончились. Присоединение к англичанам много-

¹⁴ Mohibbul Hasan Khan, *History of Tipu Sultan*, p. 199, 200.

¹⁵ Mir Hussein Ali Kirmani, *History of the reign of Tipu Sultan*, p. 183.

тысячных войск низама только ухудшило продовольственное положение союзников. Голод терзал осаждавших. По словам майсурского хрониста, в английском лагере «цена одного сира¹⁶ риса составляла 4 рупии, но никто не видел и зернышка, и 3 рупии стоил сир раги¹⁷. Сир топленого масла стоил 8 рупий, а цыпленок — один хун (варахун, т. е. золотой. — К. А.), но их нельзя было достать даже за такую цену. Европейцы не могли выдержать эту нехватку питания и потому, по приказу офицеров, убивали быков, перетаскивавших лушки, и этим на некоторое время поддерживали силы»¹⁸. В довершение бед в армии свирепствовали дизентерия и эпизоотия; к тому же приближался период дождей, и дальнейшая осада Серингапатама становилась невозможной. Корнуоллис в конце мая 1791 г. дал приказ к отступлению. Наиболее тяжелые орудия и часть боеприпасов были уничтожены или брошены на месте. Остальное снаряжение, а также раненых и больных солдаты несли на себе, поскольку тягловых животных уже не было.

Как только английская армия отступила, майсурские войска вышли из Серингапатама. Военачальники Типу советовали ему напасть на отступавших обессиленных англичан, но он не согласился¹⁹. Между тем на соединение с англичанами давно уже двинулась маратхская армия с севера, о чем сами англичане не знали из-за плохой постановки разведывательной службы. Вскоре после снятия осады англичане, ликуя, соединились с маратхами. У маратхов было обилие награбленного у майсурского населения продовольствия, и они охотно стали продавать его на базаре по повышенным ценам солдатам английской армии. Через несколько дней в лагерь прибыл также обоз с продовольствием, посланный полковником Ридом из Бангалура. За эту распорядительность Корнуоллис назначил Рида коллектором Бангалура и Коимбатура²⁰. Маратхи настаивали на возобнов-

¹⁶ Сир — мера веса, неодинаковая в разных районах; около Серингапатама примерно равна 277 г.

¹⁷ Раги — зерновая культура.

¹⁸ Mir Hussein Ali Kirmani, *History of the reign of Tipu Sultan*, p. 203, 204.

¹⁹ Ibid., p. 205.

²⁰ Ibid., p. 206, 207

лении осады Серингапатама, но английские войска были слишком истощены и имели слишком мало снаряжения. Нападавшие армии отошли к Бангалуру и весь период дождей готовились к следующей кампании.

Типу было нелегко восстановить свои силы, так как вся страна была опустошена как маратхскими армиями и армией Корнуоллиса, так и тактикой «выжженной земли», применявшейся самими майсурцами. Кроме того, в разоренной местности начался падеж скота. Типу принял попытку вернуть захваченные неприятелем местности и послал войска в Коимбатур. Майсурцам удалось освободить часть Коимбатурского округа и взять после осады сам город, английский гарнизон которого попал в плен к Типу. После этого майсурские войска ворвались в Барамахал, но, поскольку там во всех крепостях находились сильные английские гарнизоны, майсурцы не могли добиться успеха. Конные майсурские отряды проникли в Карнатик и стали совершать глубокие рейды по неприятельским тылам, дойдя даже до предместий Мадраса, но это были только налеты, и конница исчезала так же быстро, как появлялась.

Тем временем, отстояв округ Барамахал и тем самым свои коммуникации с Карнатиком, англичане стали планомерно осаждать и захватывать все крепости на дороге от Бангалура до Серингапатама. Укрепленные форты, считавшиеся неприступными, англичане брали внезапным штурмом после нескольких дней осады. Так пали сильные крепости Нандидург, Савандург и ряд более мелких фортов. Крепость Савандург, например, была расположена на вершине двугорбого холма и защищена рядом стен и бамбуковым лесом. Гарнизон ее состоял из полуторы тысячи человек. В 1791 г. небольшой английский отряд, прорубив дорогу через лес и с большим трудом протащив пушки, сделал брешь в крепостных стенах. Бросившись затем врукопашную, этот отряд занял всю крепость менее чем за час, не потеряв ни одного человека и имея лишь одного солдата, раненного случайным английским же ядром. Майсурский гарнизон потерял 100 человек убитыми, остальные спаслись бегством. Так же быстро пали и другие крепости.

Основной причиной быстрого падения крепостей, считавшихся неприступными, была сила пушечного огня

англичан и несовершенство укреплений: Типу умел строить крепкие стены, но не владел искусством связывать между собой различные участки фортификаций, так что стоило взять штурмом наружную линию укреплений, как гарнизон крепости оказывался разрезанным на мелкие группы и лишен возможности оказывать дальнейшее сопротивление. Известную роль играл также подкуп майсурских командующих англичанами. Наконец, падение нескольких крепостей ослабило стойкость других.

Тем временем армия низама с помощью английского отряда осадила и взяла крепость Гуррамконда, а две маратхские армии действовали на северо-востоке и на западе Майсура: одна взяла город Сира, а другая разорила всю Беднурскую область так, что понадобилось 50 лет для того, чтобы оправиться от этого нашествия. Однако укрепленный город Беднур маратхи взять не смогли.

Покорение крепостей означало создание англичанами опорных баз на всем пути до Серингапатама. Были сделаны запасы продовольствия и фуража, приобретен хороший выючный скот и быки для артиллерии. Самое же главное для союзников — были обеспечены коммуникации с Карнатиком, откуда английская армия могла получать все необходимое.

1 февраля 1792 г. армии союзников, объединившись, вновь двинулись на столицу Майсура. На этот раз продвижение было очень быстрым. Типу решил повторить прежнюю тактику и заперся в Серингапатаме. Вражеские армии почти не встречали сопротивления. Осада города началась 5 февраля 1792 г. Английская армия насчитывала 22 тыс. человек, войска низама — 18 тыс. всадников и маратхи — 12 тыс. всадников²¹. Гарнизон Серингапатама состоял из 50 тыс. пехоты и 40 тыс. конницы²². Расположенный на острове посреди реки Кавери, Серингапатам был хорошо укрепленным городом, но при перестройке укреплений Типу не считался с мнением французских военных, и в растянутой оборонительной линии Серингапатама имелось несколько слабых мест.

²¹ Mohibbul Hasan Khan, *History of Tipu Sultan*, p. 240.

²² Е. Штейнберг, *Англо-майсорские войны...*, стр. 101.

На следующий же день после начала осады английские пушки начали обстрел, и ночью англичане с боем заняли два редута в северной части Серингапатама. В руки англичан попали большие запасы зерна. С 19 февраля англичане стали занимать укрепления в южной части города. К концу месяца английские войска заняли около половины острова. Сильный пушечный обстрел Серингапатама напугал население. Одно ядро попало в главную мечеть во время пятничной молитвы. Майсурский гарнизон быстро терял стойкость. Военачальники советовали Типу сдать город. Правда, Серингапатамская крепость была еще в его руках, но она была окружена со всех сторон, и положение становилось с каждым днем опасней.

Типу вынужден был начать переговоры, и в начале марта 1792 г. был заключен Серингапатамский мирный договор, согласно которому Майсур уступал победителю половину своей территории, «примыкающей к границам» стран-победительниц, должен был заплатить контрибуцию деньгами 33 млн. рупий, и, кроме того, Типу обязался дать англичанам двух своих сыновей в заложники. Маратхи получили свои прежние владения до реки Кришны, Хайдарабад — свои бывшие земли между Тунгабхадрой и Кришной. Англичане присоединили к своим владениям Барамахал и Диндигал, значительную часть Малабара, включая Каликат и Каннанур, и Кург. О своих притязаниях на Кург Корнуоллис сообщил Типу лишь тогда, когда оба сына Типу прибыли заложниками в английский лагерь и часть контрибуции была уже уплачена. Типу пришел в ярость и требовал объяснить, к каким английским владениям Кург «примыкал». «Могут уж прямо потребовать ключи к Серингапатаму», — говорил Типу²³. Действительно, англичане захватили все проходы в Майсур: округ Барамахал, обеспечивавший английские коммуникации с Карнатиком и Мадрасом, Диндигал с южными проходами в Майсур из Тричинополи и Кург, обеспечивавший бомбейской армии легкий переход через Западные Гхаты из занятого англичанами Малабара. Раджа Траванкура, из-за кото-

²³ M. Wliks, *Historical sketches of the South of India...*, vol. III, p. 245.

рого англичане якобы начали войну и который внес им 2,5 млн. рупий на военные издержки, не только не получил никакого прибавления территории, но даже вынужден был отдать Кранганур Кочину.

Корнуоллис не желал, однако, полного уничтожения Майсура как независимого государства, стремясь сохранить его в противовес маратхам. Подводя итоги войны, Корнуоллис писал Дандасу: «Мы, наконец, удачно закончили нашу индийскую войну, получив все те выгоды, на которые разумные люди могли рассчитывать. Мы сломили нашего врага, не усилив при этом чрезмерно своих друзей»²⁴.

По окончании третьей англо-майсурской войны Типу провел ряд внутренних реформ, стремясь скорее залечить раны, нанесенные стране. Неизбежность еще одной войны с англичанами была для Типу ясна, и реформы должны были лучше подготовить Майсур к новым испытаниям.

Английские историки объясняли реформы Типу Султана лишь капризами и никчемными затеями восточного деспота. По словам С. Р. Воронцова, англичане называли Типу «майсурским тираном», чтобы восстановить против него общественное мнение²⁵. Английские историки считали, что ряд мероприятий Типу диктовался его мусульманским фанатизмом, стремлением уничтожить индуизм в стране, где эту религию исповедовало подавляющее большинство населения. В действительности же Типу своими реформами продолжал политику Хайдара Али. В смертельной борьбе с таким сильным противником, как англичане, Типу стремился усилить государственную власть и использовать ее для развития торговли и введения ряда новых производств. По существу он стремился к насаждению элементов капитализма, идя по тому пути, на который впоследствии, в начале XIX в., вступили Селим III в Турции и особенно Мухаммед Али в Египте. Однако в Майсуре конца XVIII в. феодальные отношения еще не развились до степени перерастания в отношения капиталистические, и элементы, из которых впоследствии мог бы сложиться капитализм, были еще

²⁴ Mohibbul Hasan Khan, *History of Tipu Sultan*, p. 271.

²⁵ «Архив князя Воронцова», кн. 24, стр. 182.

слишком слабы. Майсур еще не дошел до стадии появления частной мануфактуры, а между тем именно мануфактура характерна для зачаточной стадии капитализма и создает необходимые предпосылки для перехода к господству крупной капиталистической промышленности. В Майсуре существовало развитое товарное производство, значительные слои городских ремесленников работали на рынок, торговцы-скупщики и ростовщики закабалили непосредственного производителя и накапливали богатства. Однако нераспавшаяся сельская община и господство кастовых порядков мешали возникновению рынка труда и тем самым развитию простой капиталистической кооперации, которая, по словам К. Маркса, «уже с самого начала предполагает свободного наемного рабочего, продающего свою рабочую силу капиталу»²⁶. Общественное развитие в Майсуре происходило по тем же линиям, что во всех остальных странах мира, но так медленно, что в конце XVIII в. переход к капиталистическим отношениям еще не мог осуществиться. Поэтому многие реформы Типу не дали ожидаемых результатов, а только увеличили феодальную неразбериху в управлении страной и внесли хаос в государственную административную систему.

Первой реформой Типу Султана была реорганизация армии. В основном он следовал тем же принципам, что Хайдар Али: сократил количество всадников за счет увеличения числа пехотинцев. Некоторые современные индийские историки считают эту реформу Типу ошибочной: майсурская пехота, будучи лучшей из всех армий индийских правителей, все равно уступала английским силаям, а сокращение числа всадников уменьшало маневренность войск Типу. Эти историки считают, что сильной стороной армий индийских правителей была именно конница, которой в английской армии в Индии почти не было, и поэтому Типу должен был больше внимания уделить своей кавалерии²⁷. Однако во всех войнах с Типу Султаном англичане имели союзником пре-

²⁶ К. Маркс, *Капитал*, т. I, 1955, стр. 341.

²⁷ С. Hayavadana Rao, *History of Mysore (1399—1799 A. D.)*, vol. III, p. 1028; Mohibbul Hasan Khan, *History of Tipu Sultan*, p. 308, 381.— То же относительно Хайдара Али говорит Синха (N. K. Sinha, *Haidar Ali*, vol. I, Calcutta, 1941, p. 17).

красную конницу маратхов, которой майсурские всадники не могли противостоять. К тому же в индийских условиях (при отсутствии подножного корма) конница существовала главным образом за счет грабежа окрестного населения. Во всех войнах Типу Майсур был обороняющейся стороной и военные действия происходили в основном на его территории, так что большая конная армия должна была еще сильнее разорять страну.

На выплату контрибуции и содержание армии нужны были большие средства²⁸, и Типу резко увеличил налоги²⁹. В марте 1794 г. контрибуция была выплачена, и Типу были возвращены его сыновья-заложники. Не имея возможности пополнять фонд государственных земель путем завоеваний, но стремясь усилить свою власть и увеличить доходы казны, падишах стал отбирать земли палайяккаров, джагирдаров и индуских храмов там, где это можно было сделать, не вызывая сильного недовольства населения. Англичане приписывали «антихрамовую» политику мусульманскому фанатизму Типу, однако в действительности это было сделано из экономических соображений. Типу был суеверен и готов поклоняться любым богам, которые могли бы принести ему победу. Сохранилась переписка Типу с индуским храмом Срингери. Правитель Майсура неоднократно делал богатые подношения храму, почтительно называл настоятеля храма «учителем мира» и просил молиться за победу майсурского оружия³⁰. Типу одаривал и другие индуские «священные» места. В самой столице, неподалеку от дворца падишаха, стоял храм Шри Ранганатху (именем которого был назван сам город Серингапатам), и Типу мог ежедневно слышать звук храмовых колокольчиков и пение брахманов.

Несомненно, однако, что, так как Типу Султана неоднократно предавали его приближенные-индусы, сторонники раджи Майсура, он с большим доверием относился

²⁸ По данным Мохиббул Хасана, на полевую армию — 2,4 млн. пагод (т. е. 7,2 млн. рупий) и на гарнизоны еще 1,7 млн. рупий в 1794 г. (Mohibbul Hasan Khan, *History of Tipu Sultan*, p. 351).

²⁹ По данным Мохиббул Хасана, земельный налог — на 30%, торговые пошлины и сборы — на 7,12% (*Ibid.*, p. 343).

³⁰ Mohibbul Hasan Khan, *History of Tipu Sultan*, p. 355—357.

к мусульманам и стремился именно мусульман выдвигать на самые ответственные посты. По словам Бьюкена, «брахманы, распоряжавшиеся всем налоговым ведомством, были столь жадны, коррумпированны и показали такую неблагодарность по отношению к Хайдару Али, что Типу всех сместил бы, если бы он мог обойтись без их услуг. Однако это было невозможно, так как никто другой в стране не знает этого дела... Он назначил мусульманских асафов (правительственных наместников.— К. А.) управлять крупными округами страны и тем самым увеличил зло, так как эти люди... везде брали взятки для покрытия своих нужд. Из-за этой системы, хотя султан ввел много новых налогов, фактические поступления в казну никогда не достигали таких размеров, как во времена его отца. Амилдары (наместники областей.— К. А.), ссылаясь на неожиданные бедствия, доносили об огромных недоимках, в то время как они получали от землепашцев в качестве взяток часть сделанных таким образом скидок. Хотя налоги, фактически выплачиваемые населением правительству, были много легче того, что платили во времена Хайдара, но прилежный крестьянин был в значительно худшем положении, чем раньше»³¹. «Типу упразднил хиркаров³², и эта мера, принятая из соображений экономии, способствовала притеснению населения и уменьшению налоговых поступлений»³³. В другом месте Бьюкенс писал: «В правление Типу крестьянам было приказано платить за всю землю вне зависимости от того, обрабатывали они ее или нет, но только незначительная часть налогов достигала казны. Для того чтобы удержать население от жалоб, ему разрешали оставлять себе небольшие остатки, в то время как в отчетах налоговому ведомству значительная часть номинальных налогов значилась несобранной из-за засухи, военных разрушений или других предложений, а что не оставляли крестьянину, то присваивали правительственные чиновники. Однако эти последние... постоянно испытывали страх и, чтобы сведения об этом не дошли до Типу, давали большие взятки Мир Садыку

³¹ F. Buchanan, *A journey from Madras through the countries of Mysore, Canara and Malabar...* vol. I, London, 1807, p. 171.

³² См. выше, стр. 199.

³³ F. Buchanan, *A journey from Madras...*, vol. II, p. 91.

(главе налогового ведомства.— К. А.) и чиновникам, посланным объезжать и ревизовать положение дел в стране»³⁴. «Хотя налоговые сборщики при Типу оставляли остатки недоимок крестьянам... но требовали, чтобы следующая им самим рента-налог выплачивалась дважды в год или даже чаще. Квитанции об уплате (налога.— К. А.)... всегда оказывались подложными»³⁵.

Необходимо учитывать, что Бьюкенен (как и другие английские современники Типу Султана) относился к нему резко отрицательно. Поэтому он, вероятно, преувеличивает отрицательное влияние мер Типу на экономику страны. Однако все же очевидно, что попытка Типу отменить всякого рода частную собственность феодалов на землю и сконцентрировать все дело сбора земельного налога в руках государственного аппарата разбилась о пассивное сопротивление феодальных слоев, как в других условиях провалилась аналогичная попытка, принятая в XVI в. Акбаром. Наоборот, меры централизации на практике вели ко все большему ослаблению контроля государства над действиями местных властей. Попытка передать в ведение мусульман сбор налогов, бывший традиционным занятием индусов, тоже приводила к замешательству и хаосу в делах. Чем больше Типу стремился прекратить коррупцию всякого рода сборщиков и оздоровить аппарат, тем больше людей стало принимать участие в хищении государственных средств.

Понимая преимущества европейцев в развитии техники, Типу стремился насаждать в стране новые ремесла, особенно необходимые для военных нужд. С помощью французских офицеров он стал выделять пушки и ружья в Серингапатаме, но производство этих видов вооружения (согласно хронике Кермани одна пушка и пять-шесть мушкетов в месяц)³⁶ ни в какой мере не удовлетворяло потребности его армии. Для нужд военных мастерских Типу заставлял работников принудительно добывать железную руду³⁷. В государственных

³⁴ Ibid., p. 230, 231.

³⁵ Ibid., p. 236.

³⁶ Mir Hussein Ali Kirmani, *History of the reign of Tipu Sultan*, p. 145.

³⁷ F. Buchanan, *A journey from Madras...*, vol. I, p. 180.

мастерских Серингататама Типу открыл производство бумаги европейского типа, часов и ножевого товара³⁸, а поставщики двора выделывали сукна и хороший сахар. Процессы производства считались строгой тайной и являлись монополией самого падишаха или его поставщика³⁹. Хотя в этой сфере Типу добился некоторых успехов, но наличие государственных мастерских, работающих с помощью принудительного труда, не привело, естественно, к утверждению капиталистических форм производства в стране.

Типу принял некоторые меры и к развитию сельского хозяйства. Даже англичане вынуждены признать, что он стремился увеличить посевы пшеницы⁴⁰, а также ввез хороших ослов из Аравии для улучшения породы⁴¹.

Если деятельность Типу Султана в области производства не привела к желаемым результатам, то его вмешательство в торговлю панесло ощутимый вред стране. Он стремился поставить торговлю тоже под государственный контроль и сам активно в ней участвовал, выступая в роли крупнейшего купца в Майсуре. И в этой сфере Типу действовал привычными ему деспотическими методами. Во дворе в Серингататаме «помещения, отведенные Типу, составляли квадрат, на одной стороне которого были комнаты, занимаемые им лично. Остальные три стороны квадрата были отведены под склады, в которых находилось большое количество разнообразных товаров, так как Типу выступал не только как правитель, но и как купец. Эти товары по временам распределялись между амилдарами, и им было приказано продавать их в пользу султана по ценам, значительно превышавшим их действительную стоимость. Они это выполняли, навязывая каждому часть товаров, соответственно его предполагаемому богатству, что являлось одним из главных источников угнетения, казнокрадства и растраты государственных доходов. Друзей и привлекателей амилдара освобождали от приобретения большой доли этих товаров, а остаток всучивали несчастным,

³⁸ Mir Husseïn Ali Kirmani, *History of the reign of Tipu Sultan*, p. 145.

³⁹ F. Buchanan, *A journey from Madras...*, vol. I, p. 70.

⁴⁰ *Ibid.*, p. 296.

⁴¹ *Ibid.*, p. 356.

все состояние которых не было достаточным для покрытия установленной цены этих товаров. Поэтому недоимки по этой части были всегда велики»⁴². Бьюкенен также указывает, что «купцы очень страдали от того, что Типу навязывал им товары по завышенной цене»⁴³. В 1788—1789 гг. султан установил монополию на все товары, обычно вывозимые из Малабара⁴⁴.

Типу запретил всякую торговлю Майсура с английскими владениями в Южной Индии. Эта мера привела к росту контрабанды и к разорению ряда майсурских купцов, но не смогла нанести чувствительного удара английским колонизаторам.

Методы административного произвола применялись Типу Султаном и при постройке новых городов и крепостей. При выборе местоположения нового города Типу руководствовался только политическими или стратегическими соображениями, не принимая во внимание экономических потребностей. В новые закладываемые им города Типу насильственно переселял жителей из старых населенных пунктов⁴⁵. Такое принудительное водворение людей на другое место стоило переселяемым многих жертв, не вызывалось объективной необходимостью и порождало сильное недовольство. После гибели Типу большая часть переселенных им жителей возвратилась на старое место.

Некоторые реформы Типу не имели никакого реального значения для страны, например, принудительная перемена одежды, изменение названий ведомств, долж-

⁴² Ibid., p. 69.

⁴³ Ibid., p. 301.

⁴⁴ F. Buchanan, *A journey from Madras...*, vol. II, p. 515.

⁴⁵ Так, Бьюкенен сообщил о переселении жителей города Магади в новый, выстроенный Типу город Алинагар (F. Buchanan, *A journey from Madras...*, vol. I, p. 178), населения Дод-Балапура — в новый город Нандидург (vol. I, p. 355), 12 тыс. семейств из Сиры — в новый город Шахр-Ганджам около Серингатама (vol. I, p. 399), жителей разрушенного Типу города Каликат — в Неллур (Ibid., vol. II, p. 473), населения другого разрушенного города Акола (за сдачу английской армии) — в разные места (Ibid., vol. I, p. 61), огородников из Силагутты — в Серингатам (Ibid., vol. II, p. 327), 50 индусских семейств из центра Майсура — в малабарский город Триталей для открытия там мелочной торговли (vol. II, p. 427), большой колонии мопла из Малабара — в округ Винаад для подавления мятежных нанров (vol. II, p. 490).

ностей, месяцев и дней, увеличение числа округов, новая система воинских подразделений и т. п. Однако подобная показная деятельность была свойственна многим правящим «реформаторам сверху», например тому же Селиму III и правителю Гилта Мухаммеду Али. Неэтим определялась сущность реформ Типу, а их направленностью в сторону экономического развития страны и усиления государственной власти. Одной из причин того, что правильно нацеленные мероприятия не увенчались успехом, вероятно, был неосознанный волюнтаризм Типу, его убеждение, что все зависит только от воли правителя, и непонимание экономических и социальных закономерностей развития страны. Однако английские историки обращали главное внимание именно на такого рода внешние, мелочные реформы и по ним судили о всей внутренней политике Типу.

Несмотря на провал многих важных мероприятий, Типу удалось за несколько лет пополнить свою казну, увеличить количество обработанных земель и воссоздать сильную армию. Основная часть военачальников и солдат была предана делу защиты независимости страны от англичан⁴⁶. Типу опять становился сильным противником, и английские колонизаторы решились вновь напасть на Майсур.

Внешняя политика Типу после третьей англо-майсурской войны была направлена на привлечение союзников. Чем сильнее становилась власть англичан в Индии, чем больше Типу осознавал, что вокруг него образовалась пустота и ему опять придется воевать с английским противником один на один, тем более лихорадочные усилия прилагал он, чтобы привлечь на свою сторону любого, кто мог хоть в чем-нибудь его поддержать. Опять, как и раньше, Типу искал помощи у французов и у правителей-единоверцев.

На этот раз Типу Султан обратился не к султану Османской империи, а к Заман-шаху, правителю Афганистана. В ряде своих посланий Заман-шаху в 1797 г. Типу подчеркивал слабость Могольской империи и пред-

⁴⁶ Даже после падения независимого Майсура военные, по свидетельству Бьюкенена, не шли на службу к англичанам и предпочитали жить в бедности, занимаясь всякими промыслами (F. Buchanan, *A journey from Madras...*, vol. I, p. 72).

Типу Султан (с портрета неизвестного индийского художника, конец XVIII в.)

лагал афганцам вторгнуться в Индию. Он убеждал правителя Афганистана, что, легко завоевав Дели, тот сможет продвинуться дальше в Декан и присоединиться к армии Типу, которая вступит в «священную войну» и «с божьей помощью заставит неверных отступить перед мечом веры»⁴⁷. Если же сам Заман-шах не может надолго покинуть свою страну, Типу предлагал ему оста-

⁴⁷ «Asiatic, annual register for 1799», Supplement..., № 22, p. 231, 232; см. также: J. Michaud, *Histoire des progrès et de la chute de l'empire de Mysore, sous les règnes d'Hyder Aly et Tippoo-saib*, t. I, Paris, 1801, p. 246, 247.

вить в Дели визирия, который поведет армии в Декан⁴⁸. Заман-шах соблазнился этими предложениями и вторгся в Пенджаб, но, встретив сопротивление сикхов и узнав о заговорах против него в Афганистане, ушел обратно на свою родину.

Типу, очевидно, вел переговоры и с одним из вождей рохиллов, однако содержание их неизвестно⁴⁹.

Ориентация на помощь мусульманских правителей отразилась в некоторой мере и на внутренней политике Типу. Этой ориентацией объяснялось предпочтение, оказываемое им мусульманам на государственных постах, запрещение разводить свиней или сажать арековые пальмы, из сока которых делался спиртной напиток. Однако эти меры Типу Султана, принятые для привлечения к себе симпатий мусульман, оказали (вопреки уверениям английских историков) лишь небольшое влияние на его внутреннюю политику.

В том же 1797 г. Типу Султан предпринял деятельные шаги к установлению более тесной связи с французами в Индии, которых события французской революции раскололи на два лагеря. В Янаоне губернатор Соннера был низложен революционной партией. Губернатор Пондишери Фрэн послал в помощь Соннера отряд из шести сипаев и двух морских пушек, и этого оказалось достаточно, чтобы вернуть власть Соннера. Однако, когда несколько позднее Янаон был осажден английскими войсками, Соннера, опасаясь нового революционного взрыва, предпочел сдаться англичанам. Волнения были и в других французских поселениях. В Пондишери Фрэн принял суровые меры и подавил революционную агитацию, но все же был вынужден уйти в отставку под напором сторонников революции.

Наиболее крупные волнения произошли в Шандернагоре, в Бенгалии. Французское население Шандернагора состояло из 12 влиятельных семейств и из 200 бывших матросов. Матросы, узнав о лозунгах революции, восстали, а губернатор совместно с богачами бежал в загородный дворец Дюплекса. Вся власть в Шандернагоре перешла в руки восставших. Они наложили кон-

⁴⁸ Ibid.

⁴⁹ См. ст.: Е. Штейнберг, *Англо-майсорские войны...*, стр. 102.

трибунцию на местных индийских банкиров и наняли на эти деньги 300 сипаев, которых обучал офицер французского торгового флота. Склады французской Ост-Индской компании были конфискованы. В сукно, найденное в этих складах, одели нанятых сипаев, а на деньги, вырученные за найденную там же мадеру, было куплено несколько плохих морских пушек, снятых с разрушенных судов. Энтузиазм охватил все французское население Шандернагора: целый день граждане города проводили военную тренировку и восстанавливали разрушенные укрепления, а ночью спали только в особой, обнесенной стеной части города, которую называли лагерь. Губернатора привезли из его загородного убежища и судили, но так как фактория не имела права смертной казни, решено было отправить губернатора и его сторонников в цепях на Иль-де-Франс (Св. Маврикия). Корнуоллис послал вдогонку три брига и освободил заключенных, а потом, воспользовавшись тем, что Англия объявила войну революционной Франции, снарядил против Шандернагора регулярные и хорошо вооруженные войска, перед которыми недавно обученные отряды с плохими пушками не могли, конечно, устоять⁵⁰.

Теперь наиболее крупными французскими силами в Индии были отряд Раймона в Хайдарабаде (ядро которого составляли французы, прибывшие туда с Бюсси) и отряд Перрона, находившийся на службе у Синдхин, правителя Гвалиура.

Отсутствие координации между французскими отрядами, разбросанными на службе у различных индийских правителей, а также глубина раздоров между республиканцами и монархистами наглядно проявились в 1795 г. в бою между маратхами и Хайдарабадом, когда французы войск Раймона, распевая карманьолу, бились с отрядом Перрона, бросавшегося в бой с кличем «Да здравствует король!». Из этих двух отрядов наибольшим политическим влиянием пользовались французы в Хайдарабаде. На содержание этого внушительного отряда в 14 тыс. человек с пушками и арсеналом низам пожаловал французам в джагир местности, приносящие

⁵⁰ L. Degrandpré, *Voyage dans l'Inde et au Benga'e fait dans les années 1789 et 1790...*, t. II, Paris, 1801, p. 89—98, 200—207.

1,8 млн. рупий дохода в год. Раймон был пламенным патриотом. Он торжественно посадил дерево свободы перед самым дворцом низама в Хайдарабаде⁵¹.

Увидев силу отряда Раймона, Типу стал больше верить в возможности французов оказать ему помощь. В это время в Серингапатаме появился французский авантюрист капитан Рипо. Он выдал себя за официального представителя, посланного известить, что французские войска на острове Св. Маврикия готовы высадиться в Индии и помочь Типу изгнать англичан. Французские офицеры при дворе Типу предупреждали, что Рипо — самозванец, но Типу французская помощь была так нужна, что он оказал ему внимание. Стремясь устранить недоверие французов, Рипо организовал в Серингапатаме якобинский клуб с весьма неясной программой. В присутствии Типу Султана члены клуба торжественно посадили на площади дерево свободы и в своих речах при этом провозглашали смерть всем тиранам и вдравицу «гражданину Типу». На голову Типу был торжественно надет санкюлотский колпак⁵². Типу, видимо, мало понимал, что происходит, но он видел, что эта церемония обеспечивает ему верность его французских отрядов, а это было для него весьма важным.

За шхуну Рипо, стоявшую в Мангалуре, Типу заплатил ему 17 тыс. рупий и отправил на ней тайно двух послов, из которых один должен был привезти войска с острова Св. Маврикия, а другой — ехать за помощью во Францию. Однако к тому времени, как послы Типу добрались до острова Св. Маврикия, пришли известия о перевороте во Франции и об установлении Второй Директории. Пока не выяснился вопрос, к кому направлять послов, отсылать их во Францию не имело смысла, тем более, что английские суда могли перехватить направляющийся во Францию корабль. Поэтому губернатор острова нарушил тайну приезда майсурских послов и издал прокламацию, призывавшую волонтеров для борьбы против англичан под знаменем Типу. Результаты такой вербовки были скудными: в Майсур отплыло с пос-

⁵¹ J. Michaud, *Histoire des progrès et de la chute de l'empire de Mysore...*, p. 189.

⁵² Протоколы заседания якобинского клуба в Серингапатаме (Ibid., Appendix № 1).

лами лишь 99 французов, но англичане немедленно узнали о действиях Типу и сочли это удобным предлогом для объявления войны Майсуру⁵³.

Генерал-губернатор Индии был в то время молодой, энергичный маркиз Уэлсли; с ним были его два брата — военные, один из которых впоследствии командовал английскими войсками в битве при Ватерлоо и получил титул лорда Веллингтона. Все трое были настроены агрессивно и считали, что необходимо полностью покончить с французской угрозой английским владениям в Индии. Уэлсли получил донесение, что из Тулона отплыл большой французский флот, и решил, что этот флот направляется либо в Индию, либо в Египет, чтобы потом достичь Индии через Суэцкий перешеек⁵⁴.

Опасения Уэлсли были преувеличенными, но не совсем лишены основания. В январе 1799 г. Наполеон отправил Типу Султану из Египта личное письмо с просьбой об установлении между ними тесных связей. История показала, что египетский поход Наполеона кончился неудачей. Хотя Уэлсли понимал трудности переброски французской армии в Индию, все же он считал необходимым быстро уничтожить независимость Майсура, прежде чем французская армия успеет появиться в этой стране.

В Англии эту агрессивную политику целиком поддерживал Дандас, друг Поля Бенфилда, занимавший тогда пост военного министра. Таким образом, Уэлсли располагал для борьбы с Майсуром всеми военными и денеж-

⁵³ Современный индийский историк Мохиббул Хасан Хан полагает, что вся история с Рипо и отправкой послов Типу на остров Святого Маврикия была придумана Уэлсли в качестве предлога для агрессии, поскольку Типу знал, что подобные действия не могли принести реальной пользы, а неминуемо должны были вызвать репрессивные ответные меры англичан (Mohibbul Hasan Khan, *History of Tipu Sultan* p. 291—296). Однако Мохиббул Хасан Хан не учитывает безвыходности положения Типу, который, прибегая к помощи французов, как утопающий, хватался за соломинку.

⁵⁴ Во Франции действительно собирались отправить войска в помощь Типу Султану, и в Лориане готовили суда для военной экспедиции, во главе которой должен был стать член Директории Поль Баррас, сражавшийся ранее в Индии против англичан. Экспедиция распалась в 1799 г., так как пришли известия о падении Серагпатама.

ными ресурсами, которые Англия могла предоставить в его распоряжение.

Предварительно Уэлсли решил обезвредить единственно реальную французскую военную силу на территории Индии — отряд Раймона. Как раз в это время Раймон умер. Его преемник не пользовался популярностью, он не сумел обеспечить регулярной выплаты жалования отряду. Уэлсли обещал предоставить низаму боеспособный отряд и помощь английских войск, если он распустит французов, состоящих на его службе. Низам согласился, и в течение нескольких часов англичане окружили и обезоружили французский отряд без единого выстрела: среди французов были в это время волнения из-за задержки выплаты жалования, и англичан, явившихся с деньгами и выплачивавших французам эту задолженность, «встретили как спасителей даже начальники того отряда, который они пришли уничтожать, и низам радовался новому игу, под которое он подпал»⁵⁵.

После этого, стянув силы, Уэлсли подготовил все для нападения на Майсур, уверенный, что Типу неоткуда ждать помощи. В послании к Типу Султану Уэлсли указал на отправку майсурских послов к французам и предложил немедленно дать объяснения, а через неделю переслал ему послание Османского султана, направленное против французов. Типу ответил в примирительном духе, но Уэлсли не стал ждать этого ответа, а вторгся в пределы Майсура и стал двигаться к Серингапатаму.

Хронист Кермани записал трагическую историю последней англо-майсурской войны 1799 г. «Ряд высших майсурских военачальников и сановников тайно предали Типу англичанам и всюду мешали его действиям. Среди них были Пурная, первый министр, Мир Садык, глава финансового ведомства, Камар-уд-дин, начальник легкой конницы. Все эти лица скрывали от Типу движения английской армии, не выполняли его распоряжений, давали ему неправильные советы, сознательно разлагали майсурскую армию и заводили Типу в ловушку, из которой ему не было выхода. Когда отряд майсурской

⁵⁵ J. Michaud, *Histoire des progrès et de la chute de l'empire de Mysore...*, p. 201, 202.

конницы напал на английский авангард и уничтожил его, вместо похвал и поощрения они (майсурцы.— К. А.) получили от мир-мирана (титул Пурнай.— К. А.) в вознаграждение только ругань и порицание. Он с проклятиями требовал от них ответа, зачем они так неосмотрительно напали. После этого все поняли, что намерением их начальников было избегать сражений, и потому перестали проявлять старания или инициативу»⁵⁶. Этот эпизод свидетельствует о том, что рядовые майсурской армии рвались в бой с английскими завоевателями за свободу своей родины, но предательство некоторых военачальников обрекало майсурские войска на поражение.

Обычно майсурская разведывательная служба была поставлена прекрасно: Хайдар Али и Типу Султан были всегда хорошо осведомлены о движениях английских войск. Однако на этот раз Типу с большим опозданием узнал о вторжении почти 21-тысячной английской армии в пределы Майсура.

Учтя опыт предыдущей войны, английское командование снабдило армию всем необходимым. К Серингатаму войска двигались через Барамахал и Коимбатур, по той же знакомой дороге, по которой прошла в свое время армия Корнуоллиса. В то же время из Малабара через Кург в Майсур вступила английская армия из Бомбея. Англичанам оказывали также помощь хайдарабадские войска, поскольку после ликвидации французского отряда низам стал всецело зависеть от англичан. Войска англичан и низама вели с собой больше ста тысяч тягловых быков, не считая тех, которыми владели лично офицеры (для перевозки имущества), а также быков базарного обоза. Вся эта неповоротливая масса людей и животных двигалась крайне медленно, проходя не больше пяти миль в день, а иногда целыми днями вообще не сходила с места.

Типу с примерно 12-тысячным войском бросился навстречу бомбейской армии и окружил ее у Перипатама, но часть мадрасской армии под командой Хартли узнала об этом и успела прибыть к месту сражения. Типу отступил. Он решил перерезать путь основной мадрас-

⁵⁶ Mir Hussein Ali Kirmani, *History of the reign of Tipu Sultan*, p. 255, 256.

кой армии, но разведчики обманули его, неправильно казав дорогу, по которой пошли англичане. В результате первый серьезный бой Типу дал почти под самым Серингапатомом, когда английская армия, не встретив опротивления, переправилась уже через реку Кавери. В этом бою у местечка Малвалли атаки армии падишаха были отбиты с большими для нее потерями. Майсурская конница под командованием Камар-уд-дина, вместо того чтобы напасть на англичан, рассеяла отряд собственной пехоты. Позднее тот же Камар-уд-дин ослушался приказа Типу о нападении на английские войска.

Типу потерял уверенность в доблести своей армии. В бою под Малвалли он не только не поддержал в достаточной мере свою пехоту пушечным огнем, но даже отозвал авангард для прикрытия отхода орудий. От постоянных неудач Типу стал очень суеверным, раздражительным и подозрительным. Он срывал свою злобу на приближенных и отталкивал тем от себя преданных ему людей. Однако, когда Шапюи, начальник французского отряда на службе Майсура, предложил Типу отдать столицу врагу и с семьей и имуществом удалиться на север в Сиру или же выдать французов англичанам и на этом заключить с ними мир, Типу по совету своих военачальников отказался бросить столицу, а относительно выдачи французов врагу ответил: «Вы — чужеземцы из далекой страны, и, если даже все наше государство будет разграблено и опустошено, вас не выдадут»³⁷.

Под Серингапатомом мадрасская армия соединилась с бомбейской, и 28 апреля 1799 г. началась бомбардировка Серингапатама. Типу опять оказался в осаде в своей столице. Он несколько раз пытался вести переговоры с Уэлсли, но тот ставил совершенно неприемлемые условия. 3 мая в стенах Серингапатама была пробита большая брешь. Утром следующего дня один из преданнейших полководцев Типу был убит пушечным ядром, и майсурские изменники немедленно подняли на башне белый флаг — сигнал английским войскам. Те начали штурм Серингапатама. Типу в это время, осмотрев брешь, сел было обедать, но, услышав пальбу, вскочил на коня и бросился к брешу. Однако английский

флаг уже взвился над ней. Типу сошел с коня и с саблей в руках бился против английских солдат, воодушевляя майсурцев своим примером. Мир Садык, узнав, что Типу Султан находится вне центра Серингапатама, за внутренней стеной, дал приказ закрыть ворота якобы с целью преградить путь английскому наступлению. Майсурские войска у бреши попали под перекрестный огонь англичан и бросились бежать внутрь города, но ворота оказались запертыми. Типу, раненый, верхом бросился к другим воротам крепости. Вторично раненный, он достиг ворот, но тут конь был убит под ним, а он получил тяжелое ранение в грудь. Его «адъютант» умоляет дагь знать англичанам, кто он, но Типу предпочел смерть английскому плену. Его понесли на носилках, но раненые и умирающие майсурцы заперудили дорогу. Один из пробегавших английских солдат увидел украшенный драгоценностями пояс Типу и схватился за него. Типу из последних сил нанес два сабельных удара солдату, и тот прострелил Типу висок.

Англичане ворвались в крепость, и в течение трех дней солдаты бесчинствовали в городе. Дворец и казна Типу были разграблены; даже английские рядовые набивали свои ранцы драгоценными камнями. Солдагна совсем вышла из повиновения, и только несколькими казнями и другими самыми решительными мерами полковнику Уэлсли, будущему победителю при Ватерлоо, удалось восстановить дисциплину и порядок. Оставшаяся часть казны была послана в дар английской короне, а богато украшенное драгоценными камнями оружие Типу и Хайдара Али было преподнесено генерал-губернатору Уэлсли, Корнуоллису и некоторым другим английским главнокомандующим от имени благодарной английской армии, награбившей такую богатую добычу после всего лишь 2,5-месячной кампании. Так 4 мая 1799 г. погиб Типу Султан, пал Серингапатан и кончилась независимость Майсура.

Участь майсурских изменников была разной. Еще во время штурма Серингапатама предатель Мир Садык, закрыв Типу путь к спасению, сам, захватив драгоценности, хотел бежать к англичанам через другие ворота, подальше от места сражения. Его, однако, узнали майсурцы и, поняв, что он изменил, растерзали у ворот.

Зато Пурная и Камар-уд-дин были щедро вознаграждены англичанами: Пурная стал главным министром небольшого вассального княжества Майсур, т. е. занял при марионеточной индусской династии Майсура, посаженной на трон англичанами, то же место, которое он раньше занимал при Типу, а Камар-уд-дин получил в джагир богатую местность Гуррамконду.

Победой над Майсуром английские захватчики расчистили себе дорогу к покорению всей Индии. В течение трех десятилетий народ Майсура отстаивал свою независимость, проявляя величие духа и беззаветную храбрость. Борьба майсурцев против английских захватчиков была поистине героической, и Майсур вплоть до своего падения в 1799 г. был настоящим центром сопротивления англичанам. Вначале англичане боролись с Майсуром главным образом как с базой французского влияния. Лишь постепенно майсурская армия показала свои боевые качества и заставила англичан уважать и бояться ее как своего главного противника в Индии.

Сила майсурской армии заключалась также в поддержке, оказанной ей всем населением страны в борьбе за независимость своей родины, в защите своего государства от грабежа и закабаления английскими захватчиками. Мусульманские правители Хайдар Али и Типу Султан заслужили поддержку и уважение своих индусских подданных потому, что возглавили эту борьбу майсурского народа.

Окончательная победа Англии, уже пережившей свой промышленный переворот, над феодальным Майсурским государством была неизбежной. Удивляться приходится не победе Англии над Майсуром, а упорному сопротивлению народа, вынудившего английских колонизаторов добиваться этой победы при полном напряжении сил в течение многих лет. Даже в последней войне, когда Типу Султану противостояла огромная по тем масштабам английская армия под командой таких талантливых полководцев, как, например, будущий победитель Наполеона, а тайные изменники, окружавшие Типу, проваливали все его начинания, даже тогда майсурская армия храбро сражалась до последнего, а сам Типу предпочел позорному плену смерть в бою. Даже после завоевания Майсура англичане не решились просто присоединить

его к своим владениям, а скрыли свое господство за ширмой «урезанного» вассального майсурского княжества, посадив на престол мальчика — потомка рода раджей, правивших до возвышения Хайдара Али. 12 сыновей Типу англичане заточили в крепость в Веллуре, так как боялись, что они смогут стать центром притяжения недовольных английским владычеством.

Причиной падения Майсура был феодальный характер государства, сказывавшийся на строении армии, на налоговой политике правителей, на коррупции и разложении административной системы, на насильственном присоединении к Майсуру ряда независимых прежде княжеств, что привело к восстаниям чужеродного населения и к тому, что это население поддавалось английской пропаганде и помогало английским завоевателям. Большое значение имели феодальная раздробленность Индии и взаимные феодальные претензии индийских государств, препятствовавшие их согласованным действиям, а также предательство тех окружавших падишаха феодалов, которым было неведомо чувство преданности родине. Типу Султан сказал маратхскому военачальнику Харипанту Рао в 1792 г. после заключения Серингапатамского мирного договора: «Вы должны понять, что не я ваш враг. Ваш настоящий враг — это англичанин, которого вам следует остерегаться»⁵⁸. Маратхи поняли справедливость этих слов слишком поздно, когда Майсур уже был покорен (в некоторой мере с их помощью) и англичане смогли бросить все свои силы против маратхских княжеств. Оставшись без союзников, маратхи не могли устоять, и гибель Типу была по существу предвестником их собственной гибели, хотя последняя маратхская армия была окружена и уничтожена англичанами только в 1818 г.

К началу XIX в. английские захватчики стали такой силой в Индии, которой ничто уже не могло противостоять. В это время маратхи были уже не тем грозным противником, который мог претендовать на господство над всей Индией и оспаривать у англичан лавры завоевателя. Не поняв необходимости объединения с Майсуром против англичан, маратхи растеряли всех своих по-

⁵⁸ Mohibbul Hasan Khan, *History of Tipu Sultan*, p. 268.

тенциальных союзников и были к началу XIX в. разбиты на ряд княжеств, споривших между собой. Крупные маратхские политические деятели — Нана Фарнавис, Махададжи Синдхия и ряд других умерли в конце XVIII в., а новые руководители маратхской политики страдали отсутствием широкого кругозора и плели сеть мелких интриг, давая возможность англичанам разьединять их и покорять поодиночке. Таким образом, с гибелью Майсура Южная Индия лишилась подлинного организатора сопротивления англичанам.

До настоящего времени народы Индии чтят память Типу Султана — борца за независимость своей страны против английского вооруженного вторжения. До сих пор народ Майсура отмечает годовщину его гибели, посещая его мавзолей в Серингапатаме. Эту дату индийцы не переставали отмечать даже в годы английского господства⁵⁹. Приходящие для этого в Серингапатам не забывают выразить и своего презрения предателю Мир Садыку тем, что кидают камнем в место, где он был убит⁶⁰. Так чтят Типу Султана за то, что он в меру своих возможностей боролся против чужеземных захватчиков, за независимость своей страны.

⁵⁹ محمود خان محمود بنگلوری — صحیفہ ٹیپو سلطان —
حصہ اول — لاہور — ۱۹۴۷ — ص ۹ — ۱۰.
(Махмуд Бангалури, *Сахифэ Типу Султан*, ч. I, Лахор, 1947).

⁶⁰ Mohibbul Hasan Khan, *History of Tipu Sultan*, p. 329.

ГЛАВА X

КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА АНГЛИЙСКИХ ЗАВОЕВАТЕЛЕЙ В КОНЦЕ XVIII — НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

Иго английских завоевателей сразу же тяжело сказалось на покоренном населении. Даже жители тех областей, которые не боролись против английского завоевания, а, наоборот, рассматривали англичан как своих избавителей и сотрудничали с ними, очень скоро почувствовали, что оказались под властью наиболее жестоких притеснителей. Типичным в этом отношении было положение Траванкура и Курга.

Как только Майсур был побежден в войне 1790 — 1792 гг., начатой англичанами якобы для защиты их союзника Траванкура, колонизаторы изменили свое отношение к Траванкуру. Последний даже не упоминался в Серингататамском договоре 1792 г., и англичане стали обращаться с этой страной не как с союзником, а как с завоеванной областью. Деньги, внесенные Траванкуром англичанам в счет оплаты военных издержек, Ост-Индская компания стала рассматривать как постоянную дань и стала требовать ее ежегодной уплаты. Когда правитель Траванкура заявил, что таких сумм он не может собрать, Компания послала войска, которые должны были оказывать давление на правителя и могли быть использованы при сборе налогов. Это вызвало недовольство всех слоев населения, и в этих условиях решение далава (главного министра) поднять знамя восстания против англичан встретило всеобщую поддержку.

В 1809 г. в своем обращении далава Велу Тхампи писал: «Мы полагали, что Компания состоит из людей чест-

ных и верных своим союзникам и не обманет нас. Поэиому мы позволили им (англичанам. — К. А.) построить форт в Андженго и поселиться там. Полагаясь на их верность и дружбу, мы боролись с Типу Султаном и заключили с ними союз. Впоследствии, однако, оказалось, что их дружба была чревата для нас опасностью... Если мы сейчас не окажем сопротивления их планам, нашему народу придется вынести нечеловеческие страдания. Если им позволить применять их обычный метод обмана и дать возможность захватить в свои руки всю нашу страну, они всюду поставят своих солдат и будут контролировать все, включая даже дворец. Они прекратят как традиционное поклонение нашему правителю, так и традиционное уважение храмов и брахманских домов. Они на все установят свою монополию, включая и соль. Они измеряют каждый клочок земли и каждый участок под домом и наложат огромный земельный налог, налог на кокосовые пальмы и т. п. Они будут применять варварские наказания за каждый ничтожный проступок. Они воздвигнут крест и подымут свой флаг на наших храмах. Они надругаются над женами и дочерьми брахманов и введут обычаи, противные нашей религии. Для того чтобы подобная беда не произошла с нашей страной, чтобы соблюдались права раджи и не погиб наш обычный образ жизни, мы должны делать все, что только в наших силах, а остальное предоставить на божью волю. Так мы начинаем наше сопротивление Компании»¹.

Как сообщается в одном английском справочнике по Траванкуру, «Велу Тхампи изложил положение в столь сильных словах, что вся страна кипела от непримиримой ненависти к тем, кого считали врагами страны... Вся страна восстала как один человек, и решено было бороться изо всех сил. Тысячи за тысячами вооруженных людей стекались под знамена Велу Тхампи. Восставшая армия Траванкура состояла из 30 тыс. человек с 18 пушками»².

Те же мероприятия, что в Траванкуре, англичане проводили и в княжестве Кочин. Там тоже английские

¹ Цит. по кн.: E. M. S. Namboodripad, *The national question in Kerala*, Bombay, 1952, p. 94.

² Ibid., p. 95.

чиновники измеряли поля, подсчитывали плодовые деревья и кокосовые пальмы для установления непосильно высокого налога, там тоже правящий класс страны почувствовал, что с ним обращаются не как с союзником, а как со слугой. Поэтому министр Кочина Палиятх Ачана встал во главе восстания и примкнул (правда, ненадолго) к Велу Тхампи. В январе 1809 г. кочинцы истребили слабые английские отряды в деревнях и даже совершили два нападения на довольно сильный гарнизон города Кочин, но взять город не смогли.

Английским властям удалось отколоть Палиятх Ачана, возглавлявшего движение в Кочине, и изолировать тем самым Велу Тхампи. Англичане располагали военными силами, намного превосходившими отряды противника. В двух больших битвах восставшие были разбиты, и Велу Тхампи, увидев гибель своего дела, покончил жизнь самоубийством. Английское командование с такой зверской жестокостью подавляло это восстание, что даже вызвало осуждение руководства Ост-Индской компании.

Примерно те же методы угнетения применяли колонизаторы в Курге (округа Коттаям и Винаад). После того как Кург отошел к англичанам по Серингапатамскому договору 1792 г., туда стали возвращаться бежавшие землевладельцы (наиры и намбудури) и начали сгонять со своих участков мопла, которые заняли эти земли как ипотекодержатели или же были переселены туда Типу Султафом. Английские власти одобряли эти меры, так как стремились таким путем разжечь инду-со-мусульманскую рознь. В известной мере это им удалось, и до начала XIX в. произошли три крупных вооруженных столкновения между наирами Каликата и мопла Эрнада. К тому же Ост-Индская компания повысила земельный налог и стала сдавать его сбор ежегодно на откуп различным крупным феодалам. Это вызвало общее недовольство в стране. Налог распределялся неравномерно: с земледельцев-мопла брали больше, чем с наиров. Наиры же, забаррикадившись в своих домах, с оружием в руках прогоняли сборщиков, вообще отказываясь платить налоги.

В 1793 г. соглашение о сдаче налогов на откуп было заключено не с вождем наиров Варма Раджей, который

на это претендовал, а с одним из его родственников. В создавшейся обстановке этого было достаточно для того, чтобы Варма Раджа стал во главе движения сопротивления англичанам. Восставшие изгнали английских сборщиков налога. Войска Компании неоднократно высылались против восставших, но ничего не могли поделать в густых джунглях, где прятались «бунтовщики». В 1797 г. Варма Раджа обратился даже за помощью к Типу Султану, и тот прислал ему войска. В марте 1797 г. кургцам удалось заманить в засаду и наголову разбить крупный отряд английских сипаев в 1100 человек. Тогда Ост-Индская компания, готовившаяся к последнему походу против Типу, сочла нужным заключить соглашение с Варма Раджей, подкупив его ежегодной пенсией в 8 тыс. рупий. После этого Варма Раджа отошел от антианглийского движения. Другие вожди восставших, в частности Унни Матта Маппан, продолжали борьбу, но им пришлось прятаться в лесах, откуда они совершали лишь отдельные нападения на английские отряды и коммуникации.

В 1800 г. Варма Раджа опять счел себя обиженным, не получив при последнем разделе Майсура тех земель, на которые рассчитывал. Восстание вспыхнуло опять под руководством Варма Раджи, но на этот раз во главе английских войск стал полковник Артур Уэлсли, который стал теснить повстанцев, планомерно продвигаясь в джунглях и стягивая кольцо. В 1802 г. все вожди восставших были пойманы и повешены. Колонизаторы, считая всякое сопротивление окончательно подавленным, провели резкое повышение земельного налога и ввели невыгодный для землевладельцев метод пересчета натурального налога на денежный. Опять началось восстание. Основными участниками этого восстания были крестьяне из племени куриччиар, занимавшегося переложным земледелием и охотой в округе Винааде. Они штурмом взяли один из крупных английских фортов (Панамарам) и истребили его гарнизон, затем захватили горные проходы, нападали на английские плантации и коммуникации. Восстание охватило всю округу, вплоть до самого побережья. Английским властям пришлось пойти на уступки: повышение земельного налога было отменено и были удовлетворены еще некоторые требования

восставших. Только в 1805 г. удалось заставить оставшиеся силы повстанцев принять решающий бой, и в этой битве полегли шесть вождей восставших и их основные силы.

Наконец, в 1812 г. произошло еще одно восстание в этих же районах в связи с окончательным переводом всего натурального земельного налога в денежный. На этот раз войска сразу перебросили с побережья, и движение было быстро подавлено. Однако опыт борьбы с английскими захватчиками не прошел даром, и, по словам прогрессивного индийского историка Намбудрипада, эти восстания являются одними из самых ярких страниц истории страны³.

Завоевав страну и подавив в ней восстания, англичане везде в Индии стали перед проблемой создания прочных взаимоотношений с местным населением, обеспечения условий «нормальной» эксплуатации индийского крестьянства. Таким задачам отвечало введение колонизаторами новых земельных податных систем — системы Постоянного заминдарства в Бенгалии и системы райятвари на юге Индии. Обе эти земельно-налоговые системы на долгие десятилетия определили особенности дальнейшего пути развития сельского хозяйства и аграрного вопроса в Индии.

Как уже говорилось выше, в Бенгалии при Хейстингсе была назначена комиссия, которая должна была выяснить подробности земельно-податного строя страны до английского завоевания, определить характер и размеры земельных владений, степень крестьянских «арендаторских» прав на их участки и принятые в Бенгалии способы раскладки и взимания земельного налога. Эта комиссия не была ликвидирована после отъезда Хейстингса из Индии, но фактически прекратила свою работу. По существу земли по-прежнему сдавались на откуп, но на пять лет. В 1791 г. ввиду отъезда генерал-губернатора Корнуоллиса на фронт военных действий в Мадрас сроки откупов были продлены до возвращения генерал-губернатора в Бенгалию. В августе 1793 г. Корнуоллис, вернувшись с юга, неожиданно ликвидировал земельную комиссию и вопреки советам высших чинов-

³ Ibid., p. 96.

ников Калькутты ввел закон о Постоянном землеустройстве. В основных чертах этот закон проводил в жизнь идеи Филиппа Фрэнсиса, друга Корнуоллиса: в нем утверждалось, по словам генерал-губернатора, «признание индийских заминдаров наследственными владельцами на вечные времена». Вместе с тем заминдары должны были вносить в казну $\frac{9}{10}$ того земельного налога, который был ими собран в 1790 г., причем эта сумма, уплачиваемая в казну, тоже фиксировалась «на вечные времена» вне зависимости от действительно взимаемой ренты. В случае недоимки заминдарские владения могли быть проданы с молотка.

Введением этого закона Корнуоллис стремился создать во владениях Компании в Индии буржуазную помещичью собственность на землю. По предположению Корнуоллиса при фиксированных навечно платежах, вносимых в казну, заминдар будет вкладывать капитал в землю, поскольку в его карман будет идти весь доход, превышающий заранее установленную сумму. Таким образом, Корнуоллис ожидал превращения заминдаров в капитализирующихся английских лендлордов и создавал для них условия, подобные условиям в период огораживаний в Англии.

В Индии, как и в других странах в эпоху феодализма, феодальная собственность на землю носила двойственный характер. На одну и ту же землю имели владельческие права и крестьяне и феодалы. Право феодала заключалось во взимании ренты, варьировавшейся в разных странах и в разные периоды. Права крестьянина или сельской общины заключались в распоряжении своим участком (который феодал не мог отнять, пока крестьянин уплачивал определенную законом или ограниченной обычаем феодальную ренту), в передаче этого участка по наследству, а в некоторых областях и в известные периоды также в закладе и даже продаже своей земли, только со всеми лежащими на ней повинностями. К. Маркс говорил, что крестьяне имели на свои участки «такое же феодальное право собственности, как и сами феодалы»⁴.

В Англии приобщение феодалов к миру наживы про-

⁴ К. Маркс, *Капитал*, т. I, 1955, стр. 723.

изошло путем огораживаний. Насильственно ликвидировав права крестьян на их землю и согнав их с этой земли, лендлорды сделали ее своей монопольной собственностью. Маркс считал, что этим лендлорды «присвоили себе современное право частной собственности на поместья, на которые они имели лишь феодальное право»⁵. Стремясь поставить индийского заминдара в положение современных ему английских лендлордов, Корнуоллис своим законом о Постоянном землеустройстве также ликвидировал крестьянские права на землю, установив монопольные владельческие права заминдаров. Таким образом, он стремился насадить буржуазную частную собственность помещиков на землю.

В одном официальном обзоре так характеризуется политика колониальных властей в Индии в период введения закона о Постоянном землеустройстве: «Считалось необходимым признать его (заминдара. — К. А.) владельцем не только собственных полей, но и каждого поля, даже принадлежащего другому земледельцу, находящемуся в пределах всего заминдарства (т. е. владения, находящегося под его юрисдикцией как наследственного сборщика налогов)... Отождествляя земельный налог с самой землей, этот закон теперь дает наследственному праву сбора земельного налога название „имения“... и этим странным словоупотреблением превращает наследственного держателя этого права в „действительного собственника“ всей земли в пределах его заминдарства»⁶. Позднее, в 1812 г., постановление № 18 ввело и узаконило «право заминдаров сдавать землю в аренду на любой период... и за любую ренту, какую они сочтут соответствующей своим интересам»⁷. Как объяснил английский генерал-губернатор Индии, «поскольку признается только один собственник земли, права всех тех, с которыми до сих пор имело дело правительство, целиком уничтожаются»⁸. При продаже имения заминдара за недоимки согласно разъяснению 1793 г. «все су-

⁵ Там же, стр. 727.

⁶ «Affairs of the East India Company. Ordered by the House of Commons to be printed August 16, 1832», vol. III, Revenue, pt. 2. Appendix and index, p. 14.

⁷ Ibid., p. 15.

⁸ Ibid., p. 85.

существующие соглашения между заминдаром и земледельцами считаются расторгнутыми со дня продажи, и покупатель волен заключать новые соглашения»⁹. По словам Маркса, «таким образом *Корнуоллис и Питт осуществили искусственную экспроприацию бенгальских земледельцев*»¹⁰. Даже сами английские колонизаторы признавали введение Постоянного землеустройства «самой обширной конфискацией, которая когда-либо была проведена в какой-нибудь стране»¹¹.

Вводя монопольную земельную собственность заминдаров, Корнуоллис также надеялся в лице этих помещиков, всем обязанных английским властям, создать колонизаторам в Индии опору из местного населения. Однако при этом новая аграрная система вводилась отнюдь не в интересах заминдаров, а в интересах колониальных властей, которые не желали поступиться своими доходами от земельного налога-ренты. Поэтому англичане оставляли очень высокий земельный налог, сохраняя тем самым феодальную эксплуатацию крестьянства.

В Англии перестройка сельского хозяйства в период огораживаний была вызвана ростом суконных мануфактур и в связи с этим повышением спроса на шерсть. В Индии во времена Корнуоллиса капиталистическая промышленность не возникла как отрасль народного хозяйства, а ремесло находилось в состоянии глубокого упадка. Вследствие этого у заминдара не возникало стимула для перехода к новым методам хозяйствования, требовавшим какого-то вложения капитала. К тому же в первое время, когда суммы, вносимые заминдарами в казну, действительно составляли подавляющую часть собранной ренты, у заминдаров и не существовало таких капиталов. Вместе с тем монопольное право собственности на землю давало им возможность получать с течением времени все более крупные доходы, не вкладывая в землю никаких средств. Поэтому заминдары стали лишь увеличивать размер феодальной ренты, а

⁹ Ibid., p. 17.

¹⁰ К. Маркс, *Хронологические выписки по истории Индии (644—1858 гг.)*, М., 1947, стр. 98.

¹¹ «Revenue letter to Bengal», May 9, 1821 («Affairs of the East India Company...»), p. 101.

отсутствие возможности у разоренного крестьянина найти применение своему труду в городах заставляло его соглашаться на любые условия, чтобы обеспечить себе хотя бы полуголодное существование.

Став монопольными собственниками земель, заминдары начали сгонять с земли общинников, обложили налогом не облагавшиеся до тех пор участки общинных должностных лиц и ремесленников, нарушая этим издавна сложившуюся организацию общинной жизни в деревне, и сдавали свою землю «пришлым» в краткосрочную аренду «на условиях, едва обеспечивающих пропитание арендатору»¹². Нередко заминдары продавали право сбора арендной платы субарендаторам, которые в свою очередь перепродавали его за большую сумму. Широко известен пример раджи Бурдвана, самого крупного заминдара Бенгалии, сдавшего свои владения арендаторам, которые опять пересдали их. Так образовалась цепочка субарендаторов, причем их права передавались по наследству. Лишь крестьяне-земледельцы потеряли все свои бесспорные при Могольской империи права на обрабатываемую ими землю. Даже сами английские чиновники вынуждены были признать, что «земледелец, из которого надлежало все это выжать, единственный, чьи платежи лимитировались деспотическими владыками, предшествовавшими нам в управлении Индией, — является в настоящее время единственным лицом, размер платежей которого британское правительство оставило неопределенным в областях системы Постоянного землеустройства»¹³. Закон Корнуоллиса дал заминдарам «право без суда и следствия описывать имущество и подвергать аресту самого земледельца, не оставляя последнему никаких других мер защиты от незаконных и несправедливых описей и ареста, кроме длительной волокиты судебной тяжбы»¹⁴.

Средства, полученные без всякой затраты капитала или усилий, индийские заминдары тратили привычным для феодалов образом, не вкладывая в производство, а расточительно бросая их на непроизводительные затеи.

¹² «Affairs of the East India Company...», p. 59.

¹³ Доклад Кэмбелла о земельном налоге в Индии («Affairs of the East India Company...»), p. 16, 17, 25.

¹⁴ Ibid., p. 33.

Английские чиновники сообщали в начале XIX в.: «Доход заминдара идет на содержание бездельников и прихлебателей: на слуг и стражников, певиц и танцовщиц, на многолюдные обеды окрестным заминдарам и угощения брахманам — все на потребление, ничто не идет на производство... Едва ли имеется хоть одна деревня, в которой заминдар или откупщик тратит деньги на усовершенствования. Наоборот, водоемы и колодцы находятся в состоянии постепенного разрушения, так как никто не заботится о приведении их в порядок. Там же, где райяты затрачивают взятые в долг деньги в надежде, что усовершенствования повысят производительность их земли, там с них немедленно взимают дополнительную арендную плату»¹⁵.

Первоначально, в конце XVIII и в начале XIX в., сумма налога была определена слишком высоко: разоренная страна была не в состоянии столько дать, и заминдара не могли вносить в казну установленной суммы.

В результате принудительная продажа с аукциона заминдарских имений за невзнос налогов стала массовым явлением. Эти земли покупали по дешевке индийские агенты Ост-Индской компании, чиновники суда, влиятельные ростовщики и т. д. Создался новый слой заминдаров — «абсентеистов», живших в городах, эксплуатировавших крестьян феодальными и полуфеодальными методами и видевших в заминдарстве лишь столь же выгодный способ вложения капитала, как ростовщичество.

В своих хронологических выписках Марк записал: «Последствия этого „землеустройства“: ближайший результат этого грабежа „общинной и частной собственности“ крестьян: целый ряд восстаний крестьян против октроированных {навязанных им} „лэндлордов“; в некоторых местах изгнание земиндаров, а вместо них собственником выступает Ост-Индская компания; в других местах — обнищание земиндаров и принудительная или добровольная продажа их имений для уплаты налоговых недоимок и частных долгов. Поэтому большая часть земельных владений провинции перешла в руки

¹⁵ «Report from G. T. Bayley, collector at Shahabad, 4th March 1825» («Affairs of the East India Company...»), p. 116.

нескольких городских капиталистов, имевших свободные капиталы и охотно помещавших их в землю»¹⁶.

В одной из своих работ Маркс называл систему Постоянного землеустройства пародией на английский лендлордизм и добавлял: «Но что за курьезное подобие английского лендлорда представлял собой этот заминдар, получающий только одну десятую долю дохода, а остальные девять десятых отдающий правительству... Первоначальный класс заминдаров, несмотря на то, что он беспощадно и бесконтрольно грабил бесправную массу бывших наследственных владельцев земли, вскоре сошел со сцены под гнетом Компании, и его место заняли торговые спекулянты, которым принадлежат теперь все земли в Бенгалии, за исключением владений, перешедших в непосредственное ведение правительства... возникла законченная иерархия посредников, которая всей своей тяжестью давит на несчастного земледельца»¹⁷.

В Южной Индии на исконных землях Мадрасского президентства в конце XVIII в. вводилась та же система Постоянного землеустройства, что и в Бенгалии. Однако в отошедших от Майсура к англичанам по Серингапатамскому мирному договору областях Коимбатур и Барамахал основная часть феодалов сопротивлялась установлению английского господства, и власти не только не собирались закрепить за ними земли, но часто конфисковали их владения. К тому же сельская община там была сильна, и непризнание крестьянских прав на землю могло вызвать восстания в области, через которую в случае следующей войны с Майсуром должны были идти все линии коммуникаций английской армии с Карнатиком. Поэтому полковник Рид, назначенный Корнуоллисом за хорошее снабжение армии коллектором Коимбатура и Барамахала, ввел там в 1793 г. другую земельно-податную систему, получившую впоследствии название «райятвари». К 1808 г. эта система была распространена на все те земли Мадрасского президентства, где еще не было введено Постоянное землеустрой-

¹⁶ К. Маркс, *Хронологические выписки по истории Индии...*, стр. 99—100.

¹⁷ К. Маркс, *Военный вопрос.— Парламентские дела.— Индия* (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 9, изд. 2), стр. 221.

ство. В отдельных случаях, когда недовольство крестьянства системой Постоянного землеустройства выливалось в форму бунта, английские власти на юге выкупали у заминдаров их владения и отдавали их обратно крестьянам. Однако в таких случаях колониальные власти заставляли крестьян выплачивать, помимо установленного налога, ту сумму (в рассрочку), которая была выплачена помещику. На таких крестьян ложилось исключительно гажелое налоговое бремя¹⁸. В 1818 г. под влиянием крестьянского сопротивления система райятвари была несколько видоизменена и в таком виде существовала в течение почти всего XIX в.

По системе райятвари английские колонизаторы признавали землевладельцами не заминдаров, а мирасдаров¹⁹, которые, как правило, в Южной Индии были полноправными общинниками. В некоторых местах из них выделилась феодализирующаяся верхушка, а иногда вся деревня подпала под власть одного мирасдара, который собирал земельный налог со всей деревни и превратился тем самым в мелкого помещика. В таких случаях земля закреплялась за этими слоями, превратившимися или превращавшимися в мелких помещиков. Все низшие, неполноправные слои деревни («пришлые» крестьяне, рабы и ремесленники из неприкасаемых), которых по местным обычаям нельзя было согнать с земли, пока они исправно несли свои обязанности и платили общинной верхушке увеличенную, но фиксированную ренту со своих участков, теперь лишались обычно прав на землю и становились бесправными арендаторами исполщиками, ренту которых можно было повышать и которых можно было в любой момент согнать с земли. Выгоны и пустоши, принадлежавшие ранее общине, по системе райятвари были экспропрированы государством. Крестьяне лишались возможности бесплатно пасти свой скот и собирать кустарник на топливо. Это заставило крестьян содержать меньше скота и употреблять навоз на топливо, т. е. ухудшать обработку земли. До 1818 г. была введена принудительная обработка земель, и, если

¹⁸ «Affairs of the East India Company...», p. 23.

¹⁹ Т. е. владельцы наследственных участков земли (от арабского слова «мирас» — наследство)

крестьянин отказывался от участка плохой земли, коллктор заставлял его оставлять без обработки равнозначный участок хорошей. Лишь с 1818 г. это условие в системе райятвари было отменено. Наконец, при системе райятвари колонизаторы установили чрезмерно высокий земельный налог, так что земля потеряла свою ценность и практика купли-продажи земли была на время фактически ликвидирована²⁰.

При распространении системы райятвари на всю Южную Индию было объявлено о «стремлении как почтенного Совета директоров, так и правительства и налогового ведомства поддерживать частные права... собственности на землю»²¹. Неоднократно утверждалось, что система райятвари «специально задумана для охраны прав и интересов земельных собственников»²².

Однако система райятвари, как и Постоянное землеустройство Корнуоллеса, вводилась в первую очередь в интересах колонизаторов, которые отнюдь не собирались отказываться хотя бы от части своих доходов. В Южной Индии для извлечения этих доходов колонизаторы использовали в основном феодальную государственную собственность на землю, право на которую они якобы унаследовали от предыдущих правителей. В действительности же, приспособив эту феодальную государственную собственность на землю к своим интересам, англичане видоизменили ее, превратив в колониально-феодальную государственную собственность, и на основе этого конфисковали общинные выгоны и пустоши, чего никогда не делали феодальные правители Индии. На основе колониальной государственной собственности на землю английские власти стали также рассматривать мирасдаров как «бессрочных арендаторов» у государства, которое было вправе требовать с них любую арендную плату, т. е. налагать любой земельный налог.

²⁰ См. ст.: К. А. Антонова, *К вопросу о введении системы райятвари в Индии (Классовая сущность мирасдаров)* («Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР», 1953, вып X), стр. 81—94.

²¹ «Affairs of the East India Company...», p. 38.

²² Ibid., p. 406 («Revenue letter from Fort St. George, August 12, 1814»).

Таким образом, при системе райятвари произошло смешение юридических понятий: частные земельные собственники были одновременно признаны наследственными арендаторами.

На практике эта колониальная государственная собственность на землю при системе райятвари выразилась в установлении постоянного земельного налога в размере максимальной суммы, которую индийский крестьянин мог выплатить только при наиболее благоприятном стечении обстоятельств. В результате крестьянство оказалось не в состоянии выплачивать этот чрезмерный налог. По данным мадрасского налогового ведомства, первые же попытки введения райятвари «почти в каждом случае значительно увеличили размер требуемого земельного налога: в Диндигале земельный налог повысился почти вдвое, в Барамахале — на 21%» и т. д.²³ В дальнейшем, в течение всего XIX в., при каждом пересмотре ставок земельного налога английским властям приходилось снижать их и списывать огромные суммы недоимок. По признанию самого английского правительства в Индии, «вся история взимания земельного налога... позднее была историей настойчивых и справедливых требований о сильном снижении ставок земельного налога и о списании недоимок. Это было вызвано чрезмерным земельным налогом, возлагаемым на райятов»²⁴.

Сами англичане вынуждены были признать, что система райятвари сделала положение крестьянина почти невыносимым: «Не зная действительных ресурсов недавно приобретенных стран, а также точного характера землевладения в них, немногочисленная группа иноземных завоевателей... невежественно отрицает частную собственность на землю и этим отрицанием разрушает ее; забирает то, что принадлежало обществу, и предоставляет вместо этого денежную субсидию одному лицу; провозглашает ограничение суммы налога с каждого поля, но фактически, устанавливая в качестве предела недо-

²³ Ibid., p. 431 («Fort St. George. Minute of the Board of revenue 5th of January 1818»).

²⁴ «Land revenue policy of the Indian government», Calcutta, 1902, p. 166.

стижимый максимум, облагает райята по своему усмотрению; насильно приковывает земледельца к плугу; заставляет его обрабатывать землю, обложенную, по всеобщему признанию, чрезмерными налогами; тащит его обратно, если он убегает... отнимает у него все, что только можно взять, и не оставляет ему ничего, кроме волов и посевного зерна, и даже, быть может, вынуждена снабжать его и этим, чтобы он мог продолжать свою печальную обязанность трудиться на других»²⁵. И это писали сами английские чиновники.

В результате крестьяне не вылезали из недоимок и долгов. По подсчетам одного английского чиновника, «одна потребность (крестьянской семьи. — К. А.) в рисе превышает весь излишек, оставшийся райяту (после уплаты налога. — К. А.)... Плуг сам по себе мало обеспечивает райята. Если бы обработка земли не давала ему права на пастбище для скота и на участок для огорода, то райят не смог бы просуществовать»²⁶.

К. Маркс, называя райятвари пародией на французскую систему мелкой крестьянской собственности, указывал, что как система заминдарства, так и райятвари «обе произведены не в интересах народных масс, обрабатывающих землю, и не в интересах держателей, владеющих ею, а в интересах правительства, облагающего ее налогом... И какой пародией на французского крестьянина был индийский райят, лишенный всяких постоянных прав на землю и облагаемый поборами, меняющимися каждый год в зависимости от собираемого им урожая... Введенная у них система быстро выродилась в систему принудительных полевых работ, и земля потеряла всю свою ценность»²⁷.

Таким образом, в районах райятвари чрезмерная феодальная рента-налог привела к тому, что собственность крестьянина — его земля — потеряла всякую ценность. Заторможенность развития промышленности в

²⁵ «Affairs of the East India Company...», p. 43 («Fort St. George. Minute of the Board of revenue 5th of January 1818»).

²⁶ «Affairs of the East India Company...», p. 366 («Letter from G. E. Russell, collector in the zilla of Masulipatam to the Board of revenue Fort St. George 30th March 1819»).

²⁷ К. Маркс, *Военный вопрос.— Парламентские дела.— Индия*, стр. 221, 222.

Индии не побуждала владельцев земли в районах райятвари (ни ростовщиков, ни крестьян) к переходу к таким методам хозяйствования, которые требовали первоначальной затраты определенного капитала. В районах райятвари, как и в районах Постоянного землеустройства, господствующей формой аграрных отношений в XIX в. оставалась издольная аренда земли.

Таким образом, насаждение буржуазной собственности — помещичьей и крестьянской — на землю в Индии было с самого начала несовместимо с сохранением феодальной ренты. Аграрные системы англичан не привели, как того желали колониальные власти, к внедрению капиталистических методов в сельское хозяйство Индии, а только к упрочению феодальной и полуфеодальной эксплуатации крестьянства. Именно поэтому Маркс характеризовал систему заминдарства как пародию на английский лендлордизм, а райятвари как пародию на французскую систему крестьянской собственности.

Таковы были ближайшие результаты английского завоевания для индийского населения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Прошло двести лет со времени установления английского господства в Индии, и лишь недавно индийскому народу удалось сбросить гнет завоевателей и добиться независимости своей страны. Именно теперь, когда Индия добилась свободы, полезно вспомнить, как и почему Англия смогла завоевать Индию и каковы были тяжелые последствия этого завоевания для индийского народа.

Англичане проникли в Индию в качестве торговцев в самом конце XVI в. Создание английской Ост-Индской компании в 1600 г. положило начало регулярной английской торговле с Индией. Дальнейший толчок росту могущества Ост-Индской компании дало объединение в начале XVIII в. двух соперничающих английских компаний по торговле с Индией.

В середине XVIII в., когда англичане от торговли перешли к завоеванию Индии, Англия была уже передовой нацией мира. Она прошла долгий мануфактурный период, подготовивший появление машинного капиталистического производства. Торговля с Востоком обогащала английских купцов, а самый захват и разграбление Бенгалии дали новый, огромный толчок процессу первоначального накопления капитала в Англии.

Индия в то время была страной, в которой феодальный способ производства не исчерпал еще возможностей своего развития. Развал Могольской империи не был крушением феодализма в Индии. Маратхский союз

княжеств, получивший жестокий удар в 1761 г. в битве с афганцами при Панипате, через несколько лет оправился от этого поражения и продолжал упрочивать свое могущество, претендуя на господство над всей Индией. Временная слабость маратхов дала возможность выдвинуться на юге Индии другому феодальному государству — Майсуру, которое было настолько сильно, что дважды выигрывало военную кампанию против англичан и до самого конца XVIII в. оставалось их сильным противником. Такая жизнеспособность феодальной формации в Индии в XVIII в., вероятно, объясняется большим количеством продукции, получаемой в сельском хозяйстве с помощью системы искусственного орошения, которую почти целиком изымал в виде государственного земельного налога сильный феодальный класс. Самим крестьянам оставалась на потребление такая незначительная часть их урожая, на которую невозможно было бы просуществовать в более северных краях. У правящего феодального класса при таких богатствах, сосредоточенных в его руках, не было стимула переходить к ломке налаженного хозяйства и к новым способам производства, а крайняя примитивность крестьянских и ремесленных орудий труда не давала такой экономической возможности. Только интенсивный крестьянский труд при крайне низком уровне жизни индийского крестьянина и виртуозность индийских ремесленников (в особенности ткачей) при большой примитивности орудий труда создавали возможность производить товары, обогащавшие индийских феодалов и привлекавшие алчность европейских купцов.

Вместе с тем в Индии происходило некоторое разложение кастовой системы, развивалось закабаление крестьян и ремесленников торговцем-скупщиком и ростовщиком и наблюдался ряд других явлений, указывавших на то, что Индия шла по пути, который должен был привести ее в конце концов к возникновению капиталистической системы. Однако развитие Индии происходило столь медленными темпами, что Англия далеко обогнала ее. К середине XVIII в., когда началось завоевание Индии, Англия пережила уже двухвековой мануфактурный период и стояла накануне промышленного переворота и введения крупной машинной промышлен-

ности. В этом были причины победы Англии над Индией.

Когда английская торговая Ост-Индская компания начала завоевание Индии, эта большая разница в уровне общественного развития между мануфактурной Англией накануне промышленного переворота и еще феодальной Индией облегчила победу англичанам. Правда, процесс завоевания всей Индии, покорения ее многочисленных народов встретил ожесточенное сопротивление индийского населения и растянулся на столетие: только в 1849 г. был окончательно подчинен Пенджаб.

Общественный строй в Индии развивался по тем же законам, что и в остальных странах мира, и в конечном счете это развитие должно было привести к самостоятельному возникновению в Индии капиталистических отношений. Джавахарлал Неру пишет: «...Представляется вполне возможным, что при нормальных условиях в индийской экономике произошли бы такого рода сдвиги и она начала бы по-своему приспособляться к новым условиям производства»¹. Однако экономическое и общественное развитие Индии в XVIII в. происходило настолько медленными темпами, что в тот период еще не были исчерпаны все возможности развития феодализма.

Первоначально англичане, завоевав Бенгалию, занимались просто грабежом. Они разграбили сокровища наваба Бенгалии, а с нового наваба, возведенного ими на престол, они стали взимать крупные суммы под видом «подарков» и «компенсации». Размеры этого грабежа сейчас трудно себе представить. Золото и драгоценности были вывезены из Бенгалии на такую огромную сумму, что они стали одним из источников накопления капитала и возникновения капитализма в Англии.

Утвердившись в Индии, англичане монополизировали фактически всю внутреннюю торговлю Бенгалии с помощью системы «дастаков». Все эти меры привели к резкому увеличению налогового бремени и разорению бенгальских ремесленников и крестьян, но до 1772 г. (т. е. до ликвидации системы так называемого Двойственного управления Клайва) англичане сами непо-

¹ Джавахарлал Неру, *Открытие Индии*, М., 1955, стр. 301.

средственно не занимались эксплуатацией крестьянства. Когда же земельный налог в Индии постепенно стал главным источником дохода Ост-Индской компании, самая система обложения крестьянства осталась прежней. Однако была резко повышена сумма собираемого англичанами налога, и до 1793 г. главным методом сбора налогов была сдача их на краткосрочный откуп тому из откупщиков, кто предложит более высокую цену.

В деревне английские завоеватели вначале не меняли той формы феодальной эксплуатации, которую они застали в Индии, но настолько увеличили налоговый гнет, что уже через несколько лет своего господства довели бенгальское население до страшного голода 1770 г.

Со времени промышленного переворота, когда Англия превратилась в капиталистическую страну, захватчики стали распространять свое господство на другие районы Индии, стали вносить изменения в прежние методы эксплуатации страны.

В первую очередь изменения коснулись способа эксплуатации индийского крестьянства. Сначала в Бенгалии и некоторых других английских владениях того времени была введена в 1793 г. так называемая система Постоянного землеустройства. По этой системе заминдар-откупщик был объявлен полным собственником всего того земельного владения, в пределах которого он раньше имел право собирать земельный налог с крестьян. Все феодальные права крестьянства на землю были при этом ликвидированы, и заминдар-помещик мог теперь взимать с крестьян любую ренту, не считаясь ни со стародавними обычаями, ни с различиями в категориях крестьянства. Сам заминдар должен был отдавать колониальным властям Индии 90% налога, собранного им в 1790 г., но эта сумма была зафиксирована «навсегда», а рента, собираемая заминдаром с крестьян, все возрастала, так что доля участия колониального государства в эксплуатации крестьянства в районах Постоянного землеустройства все уменьшалась. Уже в начале XIX в. стали явными неудобства системы Постоянного землеустройства для английских властей, и на новых завоеванных территориях в Индии была введена сначала система Временного землеустройства, при которой сумма, взимаемая государством с заминдаров, пересматривалась.

каждые 20 лет, а затем на всю Южную и Западную Индию в 1808 г. была распространена система райятвари, впервые введенная в 1793 г. в майсурских областях, отошедших к англичанам. По системе райятвари, в той форме, в которой она была принята в 1818 г., каждый мирасдар (в основной массе — полноправный крестьянин-общинник) признавался владельцем обрабатываемой им земли, но общинные пустоши и выгоны отходили к государству. Используя феодальный институт государственной собственности на землю, колониальное правительство Индии утверждалось верховным собственником всей земли в районах райятвари, а крестьяне, признанные собственниками своих земель, одновременно считались бесправными арендаторами государства. Этой запутанной юридической терминологией оправдывалось взимание с крестьянства в районах райятвари не капиталистической, а феодальной денежной ренты. Общая сумма этой ренты-налога была с самого начала крайне завышена и продолжала оставаться чрезмерно высокой в течение всего времени господства англичан в Индии.

Позднее, в 30—50-х годах XIX в., в части Северной Индии англичане признали основным владельцем земли сельскую общину, опять отобрав необрабатываемые земли в пользу государства и закрепив в собственность местных феодалов те владения, которые им были пожалованы предыдущими индийскими феодальными правительствами.

Все эти земельные системы английских завоевателей имели целью введение в Индии буржуазной собственности на землю при сохранении феодальной ренты как основной формы эксплуатации крестьянства. В конце концов следствием введения этих систем было ускорение перехода земель в руки откупщиков и городских земельных спекулянтов и упрочение кабальной издольной аренды как основной формы земельных отношений в индийской деревне. В своих взаимоотношениях с индийским крестьянством колониальные власти выступали в качестве феодала, как раньше выступали в качестве торговца или непосредственного грабителя.

Английские завоеватели были заинтересованы в сохранении феодальных или полуфеодальных отношений в Индии в течение всего времени своего господства в

этой стране. Формы дальнейшего развития страны принимали уродливый, искаженный характер из-за владычества колонизаторов и потому, что в индийской деревне продолжали господствовать феодальные или полufeодальные отношения.

Новые формы использования ресурсов Индии в интересах английских захватчиков появились позднее в связи с тем, что в колониальной политике на первый план выступили интересы фабрикантов. Тогда Индия перестала в их глазах иметь значение производителя специфических восточных товаров и лучших в то время в мире тканей, как то было в XVII—XVIII вв. Наоборот, в XIX в. Индия стала рынком сбыта готовых английских товаров и источником сырья для промышленности Англии.

Превращение Индии в рынок сбыта и источник сырья для английских фабрик и заводов привело к необходимости некоторых изменений в экономических условиях страны. Обе земельные системы, введенные до середины XIX в., — Постоянное землеустройство и райятвари — привели к разорению значительных слоев крестьянства, к подрыву самодовлеющего характера сельской общины, а следовательно, к росту спроса на более дешевые машинные английские товары.

Создавало рынок для английских товаров и происходившее в Индии массовое разорение ремесленников. Ликвидация значительной прослойки феодалов, оказавших сопротивление вторжению англичан в Индию, и роспуск в связи с этим многих княжеских дворов и отрядов привели к падению спроса на ряд ремесленных изделий. Таможенная политика Англии была сознательно направлена на увеличение ввоза английских товаров в Индию и уменьшение индийского вывоза в Англию. Все это привело к разорению ремесленников в Индии и к почти полному прекращению производства ручных тканей и постройки кораблей.

Однако для продвижения английских товаров в глубь страны и вывоза оттуда сырья необходимы были еще хорошие дороги и средства связи. До господства англичан грузы перевозили вьюками или же переносили с помощью носильщиков. Даже повозки, запряженные волами, могли передвигаться лишь по главным пу-

тям. Колонизаторам пришлось позаботиться о постройке сначала хороших грунтовых, а потом и железных дорог, о переброске грузов пароходами по главной индийской судоходной артерии — Гангу, а затем и по Инду. Для ремонта используемых в Индии механизмов пришлось создавать в стране механические мастерские, появились и английские фабрики в Индии с паровыми двигателями. Так в Индии зародилась капиталистическая промышленность — английская и индийская.

Так же, как были введены земельные системы — не в интересах крестьянства и даже не в интересах индийских помещиков, а только в интересах колонизаторов, — так и мероприятия в области промышленности и дорожного строительства проводились отнюдь не в интересах Индии, а в интересах английской буржуазии. Поэтому индийскому народу достались все тяготы и бедствия от развития капиталистической системы и лишь очень незначительные ее преимущества. Преимущества эти были тем меньше, что английские захватчики, не считаясь с интересами страны, задерживали экономическое развитие Индии: эта колония была им нужна в качестве аграрно-сырьевого придатка, а потому они препятствовали такому промышленному развитию, которое могло привести к достижению Индией экономической самостоятельности и независимости от Англии.

Результаты такого однобокого и ущемленного развития народного хозяйства Индии сказались очень быстро и продолжают сказываться и сейчас. Так, например, железнодорожная сеть построена так, что облегчает вывоз грузов из Индии к ее портам или проникновение в глубь Индии английских импортных товаров, но не обеспечивает достаточной экономической связи между внутренними районами страны. Точно так же фабрики по переработке сельскохозяйственного сырья строились не в центре тех районов, где выращивались эти сельскохозяйственные культуры, как то требовалось в интересах экономического развития, а ближе к крупным портам и перевалочным пунктам. Смысл такого размещения промышленности был в том, что переработанное сырье предназначалось не для населения производящих его районов, а для вывоза в Англию.

Поскольку в Индии, хотя уродливо и однобоко, но

все же развивались капиталистические отношения, в стране возникла и индийская национальная промышленность. Первая индийская хлопчатобумажная фабрика появилась в Бомбее еще в 1851 г. С самого начала интересы индийской буржуазии не совпадали с интересами колонизаторов, чинивших препятствия развитию промышленности в Индии. Чем дальше, тем большую роль играло это расхождение интересов индийской национальной буржуазии и английского империализма. Индийская национальная буржуазия включилась в национально-освободительную борьбу индийских народных масс и стремилась возглавить все антиимпериалистические силы — рабочий класс, крестьянство и мелкую буржуазию, выносившие на себе основную тяжесть борьбы с английским империализмом.

В этой борьбе принимала участие и незначительная часть индийской интеллигенции. Для нужд управления страной и ее эксплуатации завоевателям требовалось некоторое количество в какой-то мере европейски образованных чиновников, клерков и т. п. Все высшие выгодные посты административно-управленческого аппарата англичане оставляли за собой, но низшие должности в целях экономии средств были предоставлены индийцам. Индийцам платили в три раза, а часто и в десять раз меньше, чем англичанам. Для создания индийской интеллигенции необходимо было предоставить возможность получения европейского образования небольшой прослойке индийцев. Однако это образование было исключительно гуманитарным и подготавливало лишь низших чиновников. Инженеры, занятые в Индии на немногих капиталистических предприятиях, были почти сплошь англичанами.

Индийские же народные массы, в просвещении которых английские завоеватели не были заинтересованы, остались почти поголовно неграмотными. До завоевания страны почти в каждой индийской деревне был свой мулла или пандит, которые за небольшую мзду обучали деревенских ребятишек под открытым небом элементарному счету и письму. С приходом к власти англичан крестьянство под гнетом налогов настолько обеднело, что не могло содержать такого деревенского учителя, а правительство перестало помогать пожалованиями,

поскольку рассматривало пандитов и мулл только как священнослужителей чуждой англичанам религии. Так индийская феодальная «система» народного образования была ликвидирована англичанами, а никакой новой не было создано.

С течением времени все резче выступали на первый план реакционные тенденции английской политики в Индии. Особенно ярко это стало проявляться с наступлением эпохи империализма и с развитием национально-освободительного движения в Индии. В экономической области эти реакционные тенденции проявлялись в стремлении всеми мерами задержать развитие промышленности, особенно тяжелой. В политической — в защите феодальных элементов в стране — князей и помещиков, в жестоком подавлении национально-освободительного движения и вообще всякого стремления к избавлению от колониального и феодального гнета.

Эта английская политика была причиной тяжелых бедствий индийского народа. Индийские крестьяне и рабочие, как и русские до Великой Октябрьской революции, страдали не только от развития капитализма, но и от недостаточности его развития. Индийские крестьяне, потерявшие свою землю в результате тяжести феодальной ренты или государственного земельного налога, а также ростовщических процентов, не могли найти себе применения в промышленности, развитию которой английский империализм искусственно ставил препоны. Разоренным крестьянам приходилось на любых условиях арендовать чужую землю. Аграрное перенаселение и вызванная этим крайняя нищета сельского населения были бичом для страны. Наличие этой скрытой безработицы в свою очередь ухудшало условия работающих. Для капиталистических предприятий в Индии характерным было сохранение таких отсталых форм эксплуатации, как распространение системы штрафов, крайне низкая заработная плата, засилье подрядчиков при найме рабочих, отсутствие элементарной охраны труда рабочих. Англичане жестоко подавляли в Индии всякую попытку рабочих добиться для себя тех прав, которые уже давно завоевал рабочий класс Англии.

Однако экономическая необходимость и борьба индийского народа заставляли колонизаторов даже в этот

последний период допускать незначительное развитие промышленности в Индии. Во время обеих мировых войн англичанам пришлось примириться с появлением в Индии некоторых новых и расширением старых отраслей производства. Национально-освободительное движение вынуждало англичан идти на уступки также в политической области (например, некоторое расширение избирательного права). Таким образом, процесс экономического и политического развития Индии не прерывался, но он совершался медленно и не в соответствии с желаниями английских правителей, а вопреки их стремлениям.

Теперь, когда народы Индии добились наконец независимости, становится особенно ясным, сколько зла принесло Индии английское завоевание. Британские империалисты уверяют, что они принесли Индии мир, блага цивилизации, экономическое развитие и демократическую систему управления. На самом деле, Индии достались в наследство от периода английского господства нищета и бесправие народных масс и неграмотность подавляющей части населения. Последствиями английского господства были: экономическая отсталость, слабое развитие или даже полное отсутствие основных отраслей современной промышленности, нерациональное размещение предприятий, сохранение командных высот народного хозяйства в руках иностранцев. В деревне такими последствиями были господство уже отмирающих феодальных отношений, поддерживаемая англичанами власть князей, засилье ростовщиков. Все это приводило к частым периодическим голодовкам, уносившим миллионы жизней. Наследием англичан являлась также административная система, разделяющая на части единые народы, — все то, что облегчало эксплуатацию Индии империалистами и мешало ее быстрому развитию по пути прогресса. Эти тяжелые последствия британской власти независимому индийскому народу приходится преодолевать с большим трудом.

Даже те отдельные, небольшие, полезные для Индии мероприятия, которые были проведены в период английского господства, не были бескорыстным благодеянием колониального правительства, как и сейчас еще уверяют английские империалисты и их прислужники. Эти

мероприятия были необходимы для усиления эксплуатации Индии, что было в интересах английских колонизаторов, но отнюдь не индийского народа. Так, например, предоставление образования небольшой прослойке индийцев нужно было для создания «дешевого» чиновного аппарата. Англичане опубликовали и изучили литературные памятники древней и средневековой Индии, и индийцы сейчас нередко познают славное прошлое своей страны при помощи трудов европейских ученых. Однако даже изучение истории и обычаев покоренного народа проводилось в первую очередь для выработки таких методов колониального управления, которые способствовали бы максимальной выкачке средств из Индии, не вызывая в то же время крайнего возмущения индийского народа грубым пренебрежением его историческими традициями.

Обеспечивая себе главное — успешную эксплуатацию индийского народа, колонизаторы опасались вызвать раздражение во второстепенных вопросах, а для этого им нужно было хорошо изучить исторически сложившийся народный характер. Вся «цивилизаторская» деятельность английских завоевателей, которой они так любят похвастаться, также объяснялась потребностями самих колонизаторов. По сравнению с теми бедами и тем наследием нищеты и отсталости, которые английские правители Индии оставили после себя, почти незаметны те крупницы полезных начинаний, которые колонизаторы вынуждены были провести в Индии в своих собственных интересах.

Независимая Индия борется за преодоление своей технической отсталости, наследия английского господства, строит новые заводы, гидростанции и плотины, направляет воды рек на орошение полей, ликвидирует заминдарство, создает «общинный план» переустройства деревни. В этой борьбе Советский Союз охотно оказывает дружескую помощь индийскому народу разнообразными средствами — постройкой огромного завода в Бхилаи, командированием советских специалистов для развития различных отраслей промышленности и т. п. Занятые строительством и повышением жизненного уровня своих народов, и СССР и Индия нуждаются в мире и на этой основе объединяют свои усилия.

Освобождение Индии от английского господства явилось фактом огромного прогрессивного значения. Оно не только привело к уничтожению колониальной эксплуатации сотен миллионов людей, но и дало возможность Индии стать великой державой и важным фактором в борьбе за мир на международной арене. Мрачные дни английского владычества в Индии теперь остались позади. Сбросив с себя иго, установленное английскими завоевателями в XVIII в., индийский народ взял свою судьбу в собственные руки.

ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

О бурных событиях второй половины XVIII в. в Индии написано очень много трудов. Источники также разнообразны: это официальные документы, мемуары, современные событиям памфлеты и индийские хроники. Кроме того, об этих событиях написано много более поздних исследований. Использовать или упомянуть все труды и источники в этой книге не представляется возможным, но стоит рассказать о характере некоторых, наиболее важных из них.

Историей завоевания Индии и причинами английской победы очень интересовался К. Маркс, написавший серию статей по этим вопросам¹ и возвращавшийся к ним в «Капитале»². В своих статьях К. Маркс охарактеризовал типичную индийскую общину и объяснил значение этого института в социальном строе Индии, проследил историю английской Ост-Индской компании, анализировал причины победы Англии, значение английского завоевания в истории Индии, смысл аграрных мероприятий колонизаторов и намечал даже, каковы могут быть будущие последствия британского завоевания. Оценки Маркса подтвердились вплоть до предсказания, что индийский народ сбросит со временем английское ярмо. Сто лет тому назад это могли предвидеть немногие! Изучая историю Индии, К. Маркс составлял подробные конспекты, сопровождая изложение фактов соб-

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 9, изд. 2.

² См. К. Маркс, *Капитал*, т. I, 1955, гл. 24.

ственными замечаниями, характеризуя основных деятелей и исторические события. Эти конспекты К. Маркса были опубликованы на русском языке отдельной книгой³. Мысли и высказывания К. Маркса об Индии входят в золотой фонд марксистской науки и, естественно, легли в основу и данной работы.

Энгельс, так же как и Маркс, проявлял большой интерес к Индии и высказал ряд важных положений по различным вопросам истории страны. Иногда даже трудно уточнить, кому из них принадлежит та или иная мысль. Идея, выдвинутая одним из них, потом разрабатывалась другим. Например, Маркс воспользовался в своих статьях о народном восстании в Индии 1857—1859 гг. некоторыми соображениями, высказанными Энгельсом в его письмах⁴. В свою очередь Маркс подробно разработал вопрос об индийской общине, и это послужило основанием для выводов Энгельса о всеобщем распространении родовой и сельской общины как стадии развития первобытного общества «от Индии до Ирландии»⁵.

Некоторым вопросам истории Индии Энгельс уделял особое внимание. Так, его интересовали пережитки матриархата на Малабаре в связи с исследованием о происхождении семьи, частной собственности и государства. Энгельс придавал особое значение государственной собственности на землю для объяснения восточной формы феодализма (в развитие замечания К. Маркса, что «отсутствие частной собственности на землю» — это «ключ даже к восточному небу»⁶). Энгельс много занимался вопросом организации индийской сипайской армии. Необходимо также учитывать высказывания Энгельса о положении в других восточных странах, например в Турции и Афганистане. Особенно это относится к высказываниям о том, насколько важна в феодальной стране обеспеченность личности и имущества для возникновения капиталистических отношений, к мыслям

³ К. Маркс, *Хронологические выписки по истории Индии (664—1858 гг.)*, 1947.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, *Сочинения*, т. XXII, изд. I, стр. 236—239, 279, 280.

⁵ Ф. Энгельс, *Анти-Дюринг*, М., 1957, стр. 151, 164, 170.

⁶ К. Маркс, Ф. Энгельс, *Избранные письма*, М., 1953, стр. 73, 74.

о прямой зависимости типа армий в феодальных восточных государствах от характера общественных отношений и уровня развития страны и о причинах неудачи многих восточных правителей при попытках введения в своих армиях перенятых у европейцев принципов построения и дисциплины⁷.

При исследовании экономического развития Индии большое значение имеет работа В. И. Ленина «Развитие капитализма в России».

Для вступительных глав (I и II) были использованы труды английских историков первой половины XIX в. Являясь обычно ответственными чиновниками английской администрации тех областей Индии, которые они описывали, эти историки использовали для своих произведений официальные материалы, архивы местных храмов и феодальных индийских родов и многие другие документы. Поэтому их произведения никогда не потеряют своей свежести и познавательного значения. К таким историкам относится, например, Джемс Каннинггам Грант-Дафф (1789—1858). Прибыв в Бомбей на военную службу в 1805 г., он вскоре стал переводчиком и помощником английского резидента в Махараштре Маунтстюарта Элфинстона (тоже написавшего историю Индии). В последней англо-маратхской войне Грант-Дафф участвовал в чине капитана, а по ее окончании в 1818 г. был назначен резидентом в Сатару, столицу вассального англичанам маратхского княжества. В 1823 г. Грант-Дафф вернулся в Шотландию и написал историю маратхов, впервые вышедшую в 1826 г.⁸.

Аналогична история написания книги о маратхских княжествах Центральной Индии Джоном Малколмом (1769—1833). Малколм прибыл в Мадрас в 1783 г. Долгое время он был переводчиком с языка фарси при низаме. Участвовал в осаде Серингапатама в 1792 г. и во взятии города в 1799 г. После падения Серингапатама Малколм был членом комиссии по устройству Майсура. В том же 1799 г. Малколм был послан генерал-губернатором Уэлсли в Персию, где пробыл до 1801 г.,

⁷ Ф. Энгельс, *Анти-Дюринг*, стр. 156, 165; К. Маркс, Ф. Энгельс, *Избранные письма*, стр. 75, 450.

⁸ J. C. Grant-Duff, *History of the Mahrattas*, vol. I—II, Oxford, 1921.

добившись подписания политического и торгового англо-персидских договоров. В 1801—1802 гг. был личным секретарем Уэлсли, в 1803 г. назначен резидентом в Майсур. После этого Малколм занимал в Индии ряд видных постов, вел дипломатические переговоры с правителями маратхских княжеств, еще два раза возглавлял английские миссии в Персию, участвовал в последней англо-маратхской войне 1817—1818 гг. После завоевания маратхских территорий управлял вассальными маратхскими владениями Центральной Индии, был губернатором Бомбея. В 1830 г. Малколм вернулся в Англию, где первые два года принимал участие в политической жизни в качестве члена парламента, а затем занялся писанием мемуаров и исторических трудов по Индии и Персии. Его работа о Персии была в XIX в. лучшей книгой по истории этой страны. В данной работе использована его книга о маратхских княжествах Центральной Индии⁹. Есть у него также и биография Клайва.

Историю Могольской империи и народов Северной Индии во второй половине XVIII в. написал Уильям Франкклин (1763—1830). Франкклин прибыл в Бенгалию на гражданскую службу Компании в 1783 г. и пробыл там на различных видных постах до 1825 г., когда ушел в отставку. Свою историю Могольской империи во второй половине XVIII в. он составил на основе индийских хроник и сведений, сообщенных ему индийцами¹⁰.

Для I, IV и VII глав мною были также использованы официальные справочники XIX в., именуемые «газеттирами». Газеттиры представляют собой серии томов по каждому из трех индийских президентств — Бенгальскому, Мадрасскому и Бомбейскому — или по крупным областям, например по Соединенным провинциям, причем каждый том серии посвящался одному округу. В газеттире приводились различные сведения по данному округу: об его истории, о составе — этнографическом, кастовом и религиозном — его населения, о характере сельского хозяйства и ремесла, о системах землевладе-

⁹ J. Malcolm. *A memoir of Central India, including Malwa and adjoining provinces...*, vol. I—II, London, 1824.

¹⁰ W. Francklin, *History of the reign of Shah Aulum*, London, 1798.

ния и землепользования, о торговле, а также некоторые статистические данные. Особенно ценны для историка были газеттиры по округам Бомбейского президентства, составленные в 80-х годах прошлого столетия. Они были написаны крупными английскими историками Индии, занимавшими видные административные посты и имевшими доступ к разнообразным документам. Газеттиры по Бенгалии, Центральной и Южной Индии, составленные в 1901—1912 гг., дают только краткие исторические очерки, главное внимание уделяя концу XIX — началу XX в., поэтому для историка более ранних периодов они не представляют значительного интереса. Кроме газеттиров по округам, трижды издавался общеиндийский газеттир во многих томах, составленный по типу географически-исторической энциклопедии, с небольшими заметками по различным вопросам, расположенными в алфавитном порядке.

История португальских завоеваний в Индии изложена в книге Фредерика Чарлза Данверса, работавшего в правлении Компании в Лондоне с 1853 г. сначала клерком, а затем архивариусом. В 1891—1892 гг. он был послан в Лиссабон для работы в португальских архивах. Его история португальцев в Индии до сих пор считается одной из самых ценных работ из-за обилия использованных материалов¹¹. Затрудняет, однако, пользование этой работой то, что Данверс не сделал попытки дать правильную транскрипцию индийских имен, сохраняя то, сильно искаженное, иногда до неузнаваемости, написание, которое он нашел в португальских документах XVI—XVII вв.

Главным источником для изучения англо-французских торговых войн в Индии 1744—1763 гг. являются дневники Ананда Ранга Пиллаи. Этот тамильский купец был назначен заведующим французской факторией в Порто-Ново. Он значительно расширил операции по скупке индийских тканей, торгуя как для французской Ост-Индской компании, так и за собственный счет. Когда Дюплекс стал губернатором Пондишери, Ананда

¹¹ F. Ch. Danvers, *The Portuguese in India being a history of the rise and decline of their Eastern Empire*, vol. I—II, London, 1894.

Ранга Пиллай был при нем «дубашем», т. е. толмачом. С 1736 по 1761 г. Ананда Ранга вел на тамильском языке дневник, не предназначенный для печати. В нем он подробно записывал события, происходившие в Южной Индии, действия французских властей в Пондишери, торговую деятельность индийских купцов и многие мелкие городские происшествия. Из этого бесхитростного дневника (переведен на английский язык только в XX в.; первоначально напечатан в историческом журнале, а затем издан в Мадрасе в 1904—1915 гг. в 12 томах) можно получить яркое представление о жизни коренного населения Индии во французских владениях, о закулисных действиях и коррупции французской администрации, о чем, конечно, совершенно умалчивали современники-европейцы¹². Историю англо-французского соперничества в Индии теперь невозможно написать без использования этого источника.

Деятельности французских властей в Индии посвящено много исторических исследований. Из первоисточников самыми интересными являются упомянутые выше в главе III очерки Вольтера¹³. Написанные ярко и образно, со свойственным Вольтеру темпераментом, они правильно показывают расстановку сил.

Много книг, написанных в разное время, посвящено описанию и восхвалению таких французских колониальных деятелей, как Дюплекс, Бюсси, Лалли. Наиболее интересным из этих исследований является книга крупного современного французского историка Мартино, посвященная Бюсси¹⁴.

Довольно многочисленны работы о Лалли, написанные в сочувственных к нему тонах. Дюплексу тоже посвящено немало трудов. Все буржуазные историки XIX и XX вв., даже английские, отмечают, что французы-современники были несправедливы к этим талантливым

¹² *«The private diary of Ananda Ranga Pillai, dubash to Joseph François Dupleix»*, vol. I—XII, Madras, 1904—1916.

¹³ Voltaire, *Fragments historiques sur l'Inde, sur le général Lally, et sur plusieurs autres sujets — 1773* («Oeuvres complètes du Voltaire», vol. II, Paris, 1827), p. 192—229; Voltaire, *Précis du siècle de Louis XV* («Oeuvres complètes du Voltaire», vol. I, Paris, 1827), p. 1615—1704.

¹⁴ A. Martineau, *Bussy et l'Inde française 1720—1785*, Paris, 1935.

деятелям, и их неудачи в Индии объяснялись не столько их недостатками, сколько неблагоприятной для них исторической обстановкой. Однако, описывая «гениальные» проекты Дюплекса или блестящие комбинации Бюсси, буржуазные историки «забывают» об интересах индийского народа, оставляют без внимания эту важнейшую сторону дела.

Историей попытки создания французской империи в Индии интересовался московский профессор Н. Радциг, опубликовавший в 1929 г. в Ярославле книгу, в которой правильно изложена фактическая сторона англо-французского соперничества в Индии в 40—50-е годы XVIII в.¹⁵ Недостатком этой работы является то, что Радциг пользовался исключительно французскими источниками и литературой.

Интересны мемуары офицера-авантюриста Жана Батиста Жантиля (1726—1799), служившего во французской армии в Индии при Дюплексе и Лалли. После падения Пондишери в 1761 г. Жантиль, как и многие другие французские офицеры, сформировал свой европейский отряд и нанялся на службу к индийским правителям, стремясь хоть таким образом бороться против англичан. Сначала он служил Мир Касиму, потом Шуджеуд-доуле, навабу-визирю Ауда. После поражения войск Шуджи-уд-доулы под Буксаром в 1764 г. Жантиль участвовал в мирных переговорах с англичанами как представитель наваба. После смерти Шуджи-уд-доулы англичане потребовали отъезда Жантиля из Ауда, и в 1778 г. он вернулся во Францию, где написал свои мемуары¹⁶. Королевское правительство назначило ему пенсию, но французская революция лишила его этих денег, и он умер в бедности.

Об английских деятелях того периода, особенно о Роберте Клайве, написано значительно больше трудов (не только исторических исследований и компиляций, но и художественных произведений), чем о руководителях французской Ост-Индской компании. Цель этих книг — представить английских колонизаторов великими

¹⁵ Н. И. Радциг, *Страница из истории французского империализма XVIII века. Дюпле в Индии. 1722—1754*, Ярославль, 1929.

¹⁶ J. B. Gentil, *Memoires sur l'Indostan...*, Paris, 1822.

людьми, благородными «строителями империи», принесшими блага не только Англии, но и самой Индии. Для создания видимости объективности английские историки касаются отдельных недостатков в характере или поведении своих героев, но все время подчеркивают их заслуги, изображая их сильными людьми, примером превосходства европейцев над азиатами. Таким образом, эти исследования, как и вся остальная буржуазная историческая литература о колониях, написаны для оправдания действий колонизаторов.

Ход военных действий во время англо-французской борьбы в Индии, с точки зрения англичан, полнее всего описан в книге Орма¹⁷. Роберт Орм (1728—1801) прибыл клерком в Калькутту в 1742 г. В 1754 г. он стал членом Мадрасского совета. В 1760 г., побывав во французском плену, он вернулся в Англию и занялся историографией Ост-Индской компании, поддерживая группу Клайва, другом которого он был. В Индии Орм выделялся даже среди других высших служащих Компании своей коррупцией и взяточничеством¹⁸.

Значение владычества англичан на море для их победы в войне за Австрийское наследство и в Семилетней войне ярко показано в книге Мэхана¹⁹. Мэхан (1840—1914) был американским адмиралом и свою книгу написал в 1893 г. для исторического обоснования необходимости создания сильного американского морского флота. Впоследствии немецкие фашисты использовали его идеи о роли географического фактора в борьбе за мировое господство в своей теории геополитики, призванной обосновать фашистские бредовые мечты о подчинении себе всего мира.

На ту же тему написана книга известного историка и видного политического деятеля Индии Кавалам Мад-

¹⁷ R. Orme, *A history of the military transactions of the British nation in Indostan from the year 1745*, vol. I—II, London, 1778; R. Orme, *Historical fragments of the Mogul Empire of the Morattoes, and of the English concerns in Indostan from the year 1659*, London, 1782.

¹⁸ Это отмечено даже в Оксфордской истории Индии. (V Smith, *The Oxford history of India...*, ed. 2, 1923, p. 486).

¹⁹ A. T. Mahan, *Influence of sea-power upon history, 1660—1783*, New York, 1893.

лавы Паниккара (родился в 1895 г.)²⁰. Паниккар написал также книги о португальцах и о голландцах на Малабаре в XVII – XVIII вв.²¹.

Деятельности многих французских отрядов после падения Пондишери посвящена ярко и увлекательно написанная книга Бессона²². В этой книге имеются репродукции с портретов французских деятелей в Индии той эпохи.

История Бенгалии до завоевания ее англичанами отражена в хронике Сенда Гулам Хусейн-хана Табатабаи «Сияр-ул-мута'ахирин». Табатабаи был родственником и придворным Аллахварди-хана, а потом представителем Мир Касима в Калькутте. После восстания Мир Касима Табатабаи перешел на службу к англичанам и посвятил свою хронику Хейстингсу. Оригинал ее на языке фарси в значительной части утерян, но имеется несколько переводов на английский язык. Табатабаи подробно описал реформы Мурид Кули-хана в Бенгалии.

О периоде завоевания Бенгалии и первом десятилетии хозяйничанья в ней англичан имеются разнообразные интересные материалы. Сохранился ряд памфлетов, в обилии выпускаемых тогда в Англии. Так, отдельными памфлетами отпечатаны две речи Клайва (в 1764 г. и 1772 г.)²³. О реакционной роли Ост-Индской компании в самой Англии говорится в памфлете, изданном в 1796 г.²⁴. Отдельными памфлетами-книгами вышли обвинительное заключение по делу Хейстингса и защитительная речь Хейстингса в парламенте²⁵.

Яркую картину английских методов управления страной в период первоначального накопления дают мате-

²⁰ K. M. Panikkar, *India and the Indian ocean. An essay on the influence of sea power on Indian history*, London, 1945.

²¹ K. M. Panikkar, *Malabar and the Dutch, Bumbay*, 1931.

²² M. Besson, *Les aventuriers français aux Indes (1775 — 1820)*, Paris, 1932.

²³ Lord Clive, *A letter to the proprietors of the East India stock*, London, 1764; R. Clive, *Speech in the House of Commons 30 March 1772*, London, 1772.

²⁴ «Consideration on the attempts of the East India Company to become manufacturers in Great Britain», London, 1796.

²⁵ «Articles of charges of high crimes and misdemeanour against Warren Hastings», London, 1786; «Defence of Warren Hastings at the bar of the House of Commons», London, 1786.

риалы суда над Уорреном Хейстингсом. Во время судебного разбирательства, длившегося в течение семи лет, выступали лучшие ораторы Англии: Бёрк, Шеридан и Питт, и содержание их речей в какой-то мере дошло до нас. Надо, правда, учитывать, что стенография в ту пору еще не использовалась при парламентских записях и поэтому записанные выступления не всегда точны. Например, речь Шеридана сохранилась в столь урезанном и искаженном виде, что невозможно понять почему она произвела такое незабываемое впечатление на слушателей. Зато речи Бёрка, главного обвинителя Хейстингса, записаны подробно и занимают около трех томов его собрания сочинений²⁶. В целом обвинительное заключение, материалы суда и обвинительные речи Бёрка вскрыли английские методы колониального захвата: беззастенчивый грабеж индийского народа, унижение местных феодальных правителей, коррупцию всего аппарата Компании, прибегавшей даже к подлогам, предательству и убийствам для утверждения своего господства на индийском полуострове. К материалам суда над Хейстингсом отсылал К. Маркс в своей главе о первоначальном накоплении в «Капитале».

Помимо самих материалов суда, представляют интерес и выступления по этому поводу в парламенте, зафиксированные в протоколах²⁷. Они дают возможность ознакомиться с некоторыми деталями и рисуют картину ожесточенной борьбы английских партий и группировок вокруг индийского вопроса. Рассуждения защитников Хейстингса являются ярким образчиком цинизма и лживости как английских завоевателей, так и буржуазного парламентаризма. Лейтмотивом всех подобных заявле-

²⁶ Лучшее из изданий работ Бёрка: E. Burke, *Works and speeches*, vol. I—VIII, London, 1815—1818.

²⁷ Hansard, *Parliamentary history of England from the earliest period to the year 1803*, vol. XVII, AD 1771—1774; vol. XVIII, AD 1774—1777; vol. XIX, AD 1777—1778; vol. XXVIII, AD 1789—1791; vol. XXIX, AD 1791—1792; vol. XXX, AD 1792—1794; vol. XXXI, AD 1794—1795; London, 1813—1818. Эти парламентские отчеты обычно называются «Хансард» по имени издателя Люка Хансарда (1752—1828), официально публиковавшего записи парламентских дебатов. Потомки Люка Хансарда продолжали издание отчетов до 1889 г. Позднее такого рода издания стало публиковать само английское правительство.

ний была тема: «Запад есть Запад, а Восток есть Восток», следовательно, на Востоке англичанам, мол, все позволено. «Что касается правительства Бенгалии, то оно всегда было и всегда должно быть деспотичным», — заявил майор Скотт, агент Хейстингса, на заседании Палаты Общин в феврале 1787 г.²⁸. «То, что в Европе может быть названо взяткой, в Индии должно рассматриваться лишь как известный церемониал в отношениях между людьми»²⁹, утверждал Дандас, в то время член Контрольного совета Ост-Индской компании, когда Хейстингсу было предъявлено обвинение в получении взятки в 100 тыс. ф. ст.

Для изучения социально-экономических процессов в Бенгалии больше всего материала дают различные Сииние книги по делам Индии³⁰. Они представляют собой сборники официальных документов, письменных докладов английских чиновников с мест, выдержек из переписки правления Компании с губернаторами и Советами президентств, докладов последних по финансовым, военным и юридическим вопросам, всяких приложенных к ним бумаг и, наконец, устных показаний свидетелей и чиновников Компании на заседаниях парламентских комиссий. Аппарат торгового общества с трудом приспособлялся к новым функциям управления огромной страной. На все, даже маловажные, решения необходимо было получить санкцию правления Компании, находившегося в Лондоне, незнакомого с местными условиями и отдаленного многими месяцами пути от Индии. Поэтому чиновники из Советов президентств писали свои доклады с детальностью, неизвестной ни в какой другой стране, обосновывая каждый свой шаг, приводя мнения

²⁸ Hansard, *Parliamentary history of England...*, vol. XXVI, p. 638.

²⁹ *Ibid.*, p. 688.

³⁰ «Сииними книгами» (по цвету их обложки) называются сборники документов, относящихся к внутренней или внешней политике страны и изданные по решению английского парламента. К рассматриваемому периоду относятся следующие «Сииние книги»: «Reports from the Committee of Secrecy, appointed to enquire into the state of East India Company in the years 1772 1773», London, 1773; «Affairs of the East India Company. Ordered by the House of Commons to be printed 16 August 1832», vol. III, Revenue, pt. 2, Appendix and index.

сторон, отчеты с мест, финансовые расчеты и свои соображения. К. Маркс впоследствии писал: «Пока Ост-Индская компания была только торговым обществом, она требовала, конечно, самых подробных отчетов по каждому вопросу от управляющих ее индийскими факториями, как этого требует всякая торговая фирма. Но когда фактории превратились в целую империю, а торговые отчеты — в груды писем и документов, леденхоллские чиновники получили такой перевес, что директора и Контрольный совет оказались в зависимости от них; им удалось превратить правительство Индии в одну огромную пишущую машину»³¹. Этот метод управления стоил очень дорого, осуществлялся за счет индийского народа, тормозил все дела и был крайне неудобен, но историк может быть благодарен за массу сохранившегося доступного ему материала.

К числу таких официальных документов следует отнести также отчет Ф. Бьюкенена об осмотре Бенгальского президентства в 1807—1808 гг. Фрэнсис Бьюкенен (1762—1849) был доктором медицины, разносторонне образованным человеком. Он хорошо знал естественные науки и имел представление о технических процессах, применяемых в некоторых производствах. С этой точки зрения Бьюкенен вполне подходил к роли исследователя новой страны. Вместе с тем он был колониальным администратором, отнюдь не сочувствующим индийскому народу. Он неоднократно высказывался, например, за повышение налогов, взимаемых с индийских крестьян. Кроме того, социально-экономические стороны жизни Индии он оценивал с точки зрения английского буржуа. Столкнувшись в Индии с такими общественными явлениями, которых не было в современной ему Англии (например, с крестьянской общиной), Бьюкенен или просто не замечал их, или неправильно оценивал. Однако точность сообщаемых им сведений позволяет сделать вывод, что эти явления существовали, и правильно их охарактеризовать.

К сожалению, доклад Бьюкенена не был полностью опубликован. В 1838 г. Роберт Монтгомери-Мартин

³¹ К. Маркс, *Вопрос, о Турецкой войне Газета „New York tribune“ в палате общин.— Управление Индией* (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 9, изд. 2 стр. 189).

(1803—1868), один из директоров Ост-Индской компании, издал в трех томах под своим собственным именем обширные выдержки из этого отчета Бьюкенена, перегруппировав материал по разделам: «естественные ресурсы», «топография», «население», «землевладение и землепользование», «ремесло и торговля», «нравы и обычаи» и т. п.³² К тому же из отчета Бьюкенена Монтгомери-Мартин привел главным образом материалы по обследованию Бихара и Ориссы, а по собственно Бенгалии — только об осмотре округа Динаджпур. Однако округ Динаджпур был именно тем местом Бенгалии, где раньше и тяжелее всего проявились результаты английского хозяйничанья. Еще во времена Уоррена Хейстингса серьезное восстание крестьян в Динаджпуре явилось результатом того, что уже были подорваны прежние основы крестьянской жизни. Поэтому приведенные Бьюкененом данные по собственно Бенгалии очень важны и интересны, но на основе их трудно делать какие-либо заключения о положении в бенгальской деревне до англичан, т. е. за полвека до обследования Бьюкенена.

Неофициальные произведения, написанные современниками событий, являются не менее ценным материалом. Интересны в этом отношении книги Уилльяма Болтса (1740—1808). Болтс был голландским купцом, но в 1759 г. в Калькутте поступил на службу к английской Ост-Индской компании, не переставая одновременно заниматься частной торговлей. Как служащий Компании он выступал в роли скупщика у индийских ткачей Бенгалии и, кроме того, был откупщиком налогов. По свидетельству современников, Болтс отнюдь не отличался милосердием по отношению к индийскому населению. В 1764 г. Болтс стал вторым членом Калькуттского совета, а в 1766 г., когда Компания запретила своим служащим вести торговлю за собственный счет, он отказался от своего поста и стал частным торговцем. В 1768 г. английские власти арестовали и выслали Болтса из Индии, не желая терпеть конкуренции частного торговца. После этого Болтс в 1772 г. выпустил книгу, разоблачавшую английские методы угнетения в Индии.

³² Montgomery-Martin, *The history, antiquities, topography and statistics of Eastern India...*, vol. I—III. London, 1838.

Книга эта, переизданная в 1778 г. в Маастрихте на французском языке³³, была широко известна в Европе в XVIII в. В ответ на нее Генри Верелст, служащий английской Ост-Индской компании с 1750 г. и губернатор Бенгалии в 1767—1769 гг., выславший Болтса из Индии, выпустил в том же 1772 г. книгу, в которой стремился объяснить и оправдать действия англичан в Бенгалии³⁴. Особенно ценны в его книге приложенные к ней официальные документы Калькуттского совета.

К числу показаний современников следует отнести книгу Джона Зефания Холвелла (1711—1798)³⁵. Холвелл прибыл в Калькутту в 1732 г. в качестве военного фельдшера. К 1751 г. он уже стал заминдаром (откупщиком) района около Калькутты, известного под названием «24 паргана», и членом Калькуттского совета. Когда Сирадж-уд-доула взял Калькутту, Холвелл был заточен в «Черную яму» и оказался одним из 23 выживших. После побед Клайва Холвелл получил огромную «компенсацию» от Мир Джафара и стал богатым и влиятельным человеком. После отъезда Клайва в Англию Холвелл несколько месяцев замещал его на посту губернатора, пока правление Компании не назначило губернатором Ванситтарта. Холвелл вместе с некоторыми другими членами Калькуттского совета был уволен со службы за написание протеста правлению Компании в Лондоне, но после этого еще долгое время жил в отставке в Калькутте. Он интересовался индусскими обычаями и религией и написал ряд трудов по этим вопросам. Вольтер, прочитав произведения Холвелла, написал: «Мы с благодарностью пользуемся этим случаем, чтобы отдать должное человеку, который путешествует лишь с целью приобрести знания»³⁶. Очевидно, Вольтер не

³³ W. Bolts, *Considerations on Indian affairs*, London, 1772; «État civil, politique et commerçant du Bengale», t. 1—II, Maestricht, 1778.

³⁴ H. Verelst, *A view of the rise, progress, and present state of the English government in Bengal...*, London, 1772.

³⁵ J. Z. Holwell, *Interesting historical events relative to the province of Bengal and the empire of Indostan*, vol. 1—II, London, 1769.

³⁶ Voltaire, *Fragmens historiques sur l'Inde, sur le général Lally, et sur plusieurs autres sujets — 1773* (Oeuvres complètes du Voltaire, vol. II, Paris, 1827), p. 204.

знал, что любознательным Холвелл стал лишь после того, как приобрел около 500 тыс. рупий путем ограбления индийского народа.

Много интересного дает переписка Клайва³⁷, Хейстингса³⁸ и Фрэнсиса³⁹. В своих письмах эти английские деятели обсуждали многие события в Индии и высказывали свою точку зрения по важнейшим вопросам. Политическая борьба в Англии вокруг индийского вопроса становится ясной из писем Аткинсона, политического и коммерческого дельца 70—80-х годов XVIII в., опубликованных Х. Фёрбером, современным английским историком⁴⁰. Наконец, быт англичан в Калькутте отразился в письмах энергичной Элизы Фей, жены калькуттского адвоката⁴¹.

Если из официальных документов и писем английских деятелей в Индии можно уяснить себе политику колонизаторов, то жизнь индийского населения гораздо лучше отражена в книгах путешественников. Художник Ходжес объездил значительную часть Северной Индии⁴², а любознательный француз Дегранпрэ⁴³ подробно описал Калькутту: как ту часть города, где проживали английские властители, так и нищету Черного города, где жило местное население. Кроме Калькутты, Дегранпрэ посетил также Мадрас и Пондишери, его рассказы о поездке живы и занимательны. Роялист по своим настроениям, Дегранпрэ сообщил также ряд интересных фактов о том, как французская революция была воспринята его соотечественниками в Индии.

³⁷ См. в кн.: G. R. Gleig, *The life of Lord Clive*, London, 1861.

³⁸ См. в кн.: G. R. Gleig, *Memoirs of the life of Warren Hastings* vol. I—III, London 1841; G. W. Forrest, *Selections from the state papers of the governors-general. Warren Hastings*, vol. I—II, London, 1910; S. C. Grier, *Letters of Warren Hastings to his wife*, Edinburgh, 1905.

³⁹ См. в кн.: F. Parkes and H. Merivale, *Memoirs of sir Philip Francis*, vol. I—II, London, 1918; S. Weitzman, *Warren Hastings and Philip Francis*, Manchester, 1929, Appendix.

⁴⁰ H. Furber, *The East India directors* («Modern history»), 1933, December.

⁴¹ Eliza Fay, *Original letters from India (1779—1815)*, London, 1925.

⁴² W. Hodges, *Travels in India during the years 1780—1781, 1782, 1783*, 2 ed., London, 1794.

⁴³ L. Degrandpré, *Voyage dans l'Inde et au Bengale fait dans les années 1789 et 1790...*, t. I—II, Paris, 1801.

Особенно яркое впечатление об Индии того периода помогают составить картины и зарисовки художников, являющиеся ценным источником, иногда не в достаточной мере используемые историками. Больше всего материала историку дают иллюстрации упомянутого выше Уильяма Ходжеса (1744—1797) к книге описаний его путешествия из Калькутты вверх по Гангу и акварели Даниеллов (дяди — Томаса Даниелла и племянника — Уильяма Даниелла). Они прожили десять лет в Индии (с 1784 г.), объехали Бенгальское и Мадрасское президентства, побывали в Майсуре и везде зарисовывали города, архитектурные памятники и природу страны. В 1808 г. Даниеллы выпустили шесть огромных томов прекрасных гравюр с индийскими пейзажами⁴⁴. Европейцы и индийцы на улицах Калькутты, опасный перевоз пассажиров на лодках через рифы Мадраса, брахманы у величественного водопада на реке Кавери — все это помогает историку представить себе облик людей и страны в те времена. Очень ценны также гравюры нидерландца Франсуа Бальтазара Сольвинса (1760—1824), прожившего 15 лет в Индии и присутствовавшего при осаде Сериингапатама. Картины Сольвинса в художественном отношении ниже мастерски исполненных работ Даниеллов. Однако, в то время как Даниеллы писали пейзажи, Сольвинс рисовал типы индусов разных каст и народов, предметы их быта, зарисовывал жанровые сценки⁴⁵. Наконец, интересны портреты видных английских деятелей в Индии (Хейстингса с женой, Корнуоллиса и т. п.) и картины их быта, нарисованные художником Иоханном Цоффани (1733—1810) из Чехии, прожившим в Индии семь лет с 1783 г.

Период английского завоевания Индии привлекал внимание большого количества историков, и число монографий и сводных трудов по этим темам огромно. При этом отношение английских историков к действиям колонизаторов в Индии резко изменилось примерно с середины XIX столетия. Пока борьба с Компанией еще стояла в порядке дня, либеральные историки осуждали

⁴⁴ T. and W. Daniell, *Oriental scenery*, vol. I—VI. London, 1808.

⁴⁵ F. B. Solvyns, *Les hindous*, t. I—IV, Paris, 1818.

коррупцию и насилия, чинимые завоевателями, хотя видели их величие в том, что они захватили и закрепили за Англией ее лучшую колонию. Так трактуется история завоевания Индии в многотомной истории Британской Индии Джемса Милля (1773—1836)⁴⁶, отца известного экономиста Джона Стюарта Милля. Свою историю Британской Индии Джемс Милль писал в Лондоне по документам Компании в течение 12 лет. Несколько более консервативной позиции держался Питер Обер (1770—1847), бывший секретарем правления Ост-Индской компании в 1829—1836 гг.⁴⁷ От Милля и Обера воспринял такое истолкование фактов Томас Бабингтон Маколей, политический деятель, историк партии вигов, введший в Индии в 1835 г. систему образования на английском языке для воспитания слоя низших, «дешевых» чиновников из индийцев. По оценке К. Маркса, Маколей систематически искажал «английскую историю в интересах вигов и буржуазии»⁴⁸. Маколей считается классиком формы исторического очерка. Его биографии Клайва и Хейстингса⁴⁹ изучались в Англии в средних школах на уроке литературы. Точка зрения Маколея, заключающаяся в том, что личные недостатки Клайва и Хейстингса не являются результатом всей английской колониальной политики, проповедуется молодежи с юных лет и призвана сыграть свою роль в воспитании английских подданных.

С тех пор как управление Индией перешло к английской короне и вся английская буржуазия в целом стала наследницей дела завоевателей, оценка деятелей первоначального накопления в Индии изменилась. Теперь английские буржуа стремились оправдать все их действия, даже те, которые осуждали раньше, исходя из норм обычного буржуазного уголовного права. Английский историк Хорас Уилсон (1786—1860) переиздал «Историю Британской Индии» Милля со своими комментариями, составленными в апологетическом тоне.

⁴⁶ J. Mill, *History of British India*, vol. I—VI, London, 1818.

⁴⁷ P. Auber, *Rise and progress of British power in India*, London, 1837.

⁴⁸ К. Маркс, *Капитал*, т. 1, стр. 278.

⁴⁹ „Lord Macaulay's essays...” London, 1889.

Было написано много исторических исследований, призванных обелить английских колонизаторов.

В наше время восхваления «строителей империи» не ослабевают. Вот, например, что говорил современный видный (но отнюдь не прогрессивный) английский историк Додвелл, автор Кэмбриджской «Краткой истории Индии», на юбилейном заседании в честь двухсотлетия со дня рождения Хейстингса: «Хейстингс является величайшим человеком своего века, во всяком случае величайшим и наиболее оскорбляемым из всех, кто когда-либо был послан править Британской Индией». А неизвестный консервативный деятель лорд Лотнан даже признал Хейстингса «величайшей фигурой не только в истории Индии, но и всего мира»⁵⁰.

В последние годы, потеряв Индию, английские империалисты и их пособники стали несколько осторожнее высказываться относительно своих «строителей империи» и вместе с тем восхваляют английскую буржуазию. Вот, например, как отзываются об английской буржуазии и Хейстингсе в новом издании «Краткой истории Индии», написанной двумя крупными чиновниками в Индии при британском господстве и одновременно видными историками Индии — англичанином Уилльямом Генри Морландом и бенгальцем Атул Чандра Чаттерджи: «Значение суда над Уорреном Хейстингсом для Индии заключалось в том, что под оболочкой злобы и ненависти, которыми этот судебный процесс был отмечен и изуродован, проявилась общая решимость лучших представителей всех партий сделать так, чтобы власть Компании в Индии осуществлялась в соответствии с теми английскими идеалами, хранителем которых является парламент — а именно, с идеями справедливости и беспристрастия»⁵¹. Итак, английские колонизаторы насаждали в Индии справедливость и беспристрастие — вот что проповедуется в Англии в 1957 г.

Вместе с тем некоторые английские историки серьезно разработали ряд социально-экономических проблем Индии того периода. Так, например, аграрный вопрос в

⁵⁰ „Asiatic review”, [London], 1933, January.

⁵¹ W. H. Moreland and Atul Chandra Chatterjee, *A short history of India*, ed. 4, London — New York — Toronto, 1957, p. 311, 312.

Бенгалии хорошо исследован в работе современного историка Рамсботам⁵² и в книге Асколи⁵³.

Появились также крупные труды индийских историков. Разоблачению политики английских колонизаторов в Индии с начала завоевания до середины XIX в. посвящена книга бенгальца Ромеша Чандра Датта, видного деятеля умеренного крыла Индийского Национального конгресса⁵⁴. Экономика Бенгалии до завоевания ее англичанами хорошо исследована Бхаттачария на основе документов английских факторий⁵⁵.

Не менее подробно, чем историю Бенгалии в XVIII в., можно восстановить историю Майсура. Лучшим источником для изучения социально-экономических отношений периода, непосредственно предшествовавшего английскому завоеванию, является составленный в 1800—1801 гг. отчет Фрэнсиса Бьюкенена⁵⁶, которого Ост-Индская компания сразу после завоевания Майсура послала обследовать новью, только что завоеванную страну. Отчет, напечатанный в Лондоне в 1807 г. без ведома автора, представляет собой по сути дела дневник Бьюкенена, который записывал в каждом новом месте то, что ему удалось узнать. Поэтому сведения о характере и способах ремесленного производства или методах ведения сельского хозяйства разбросаны по разным местам книги. Вместе с тем такая манера повествования имеет свои преимущества, так как приведенный материал не обработан позднее автором под влиянием какой-либо концепции. Это делает отчет Бьюкенена по Майсуру более ценным, чем его же отчет по Бенгалии, переработанный Монтгомери-Мartiном.

О социально-экономических отношениях говорится и в книге Марка Уилкса (1760—1831), хотя она в основ-

⁵² Lord Ramsbotham, *Studies in the land revenue history of Bengal, 1769—1787*, London, 1926.

⁵³ F. D. Ascoli, *Early revenue history of Bengal and the Fifth report*, London, 1817.

⁵⁴ Romesh Dutt, *The economic history of British India...*, Calcutta, 1901.

⁵⁵ S. Bhattacharya, *The East India Company and the economy of Bengal from 1704 to 1740*, London, 1954.

⁵⁶ F. Buchanan, *A journey from Madras through the countries of Mysore, Canara and Malabar...*, vol. I—III, London, 1807.

ном посвящена истории англо-майсурских войн⁵⁷. Уилкс прибыл в Мадрас офицером в 1782 г. и был секретарем английской миссии, посланной в Майсур в 1787 г. Во время третьей англо-майсурской войны Уилкс был адъютантом полковника Стюарта, а в период последней англо-майсурской войны был военным секретарем губернатора Мадраса. Во время своего пребывания резидентом (т. е. фактически английским начальником) Майсура в 1803—1808 гг. Уилкс собрал много материалов по истории этой страны. Для него специально переводили старые хроники, уцелевшие в библиотеке Типу, он вел собеседования с видными деятелями при падишахе, с бывшими английскими пленными, участвовавшими в войнах с Майсуром. Поэтому его книга в значительной степени является первоисточником. Выпустил он свою книгу в Англии в 1810—1814 гг. Заканчивал свой труд о Майсуре Уилкс на острове Св. Елены, губернатором которого он был в 1813—1816 гг. Наполеона, сосланного на Св. Елену в октябре 1815 г., Уилкс встретил с уважением, и секретарь Наполеона Ла Каз хорошо отзывался о Уилксе, считая, что он «в своих политических идеях является... человеком очень хладнокровным, расценивающим спокойно и бесстрастно дела текущего момента». Книгу Уилкса по Майсуру Ла Каз читал и считал ее выдающимся произведением, «показывающим интересные и новые данные об Индии»⁵⁸. Современный индийский историк так оценивает труд Уилкса: «Мы знаем сейчас больше фактических данных, но Уилкс дает живую картину»⁵⁹.

О политической жизни Майсура во второй половине XVIII в. написано несколько местных хроник, а также мемуаров европейцев. Среди них следует упомянуть хроники — «Нишан-и Хайдари» («Воспоминание о Хайдаре») и «Историю Типу Султана», — написанные в 1801—1802 гг. Кермани, придворным Типу Султана, хорошо знавшим также Хайдара Али. После падения Се-

⁵⁷ M. Wilks, *Historical sketches of the South of India...*, vol. I—III, London 1810—1814.

⁵⁸ Le compte de Las Cases. Le mémorial de Sainte Hélène, t. I, Paris, [S. a.], p. 388.

⁵⁹ N. K. Sinha, *Haidar Ali*, vol. I, 1721—1779, Calcutta, 1941 p. 283.

рингапатама Кермани был приставлен в Велуре к сыновьям Типу и получал оплату от англичан, а позднее жил на английскую пенсию в Калькутте. Трудам Кермани свойственны обычные недостатки феодальных хроник: интерес только к политическим событиям, преимущественно происходившим при дворе, неточность хронологии, невнимание к жизни народа, наивность объяснений. Будучи сам правоверным мусульманином, Кермани приписывал мусульманский фанатизм своему покровителю Типу. Вместе с тем эти хроники ценны, так как написаны современником, близко знавшим обоих майсурских правителей. Обе хроники Кермани, написанные на фарси, были переведены на английский язык полковником Уилльямом Майслом в 1842 и 1864 гг.⁶⁰

Маратхская хроника Рам Чандра Рао Панганури, который долго «находился на службе» в казначействе Хайдара Али и Типу, опубликована в 1849 г. только в английском переводе Чарлза Филиппа Брауна (1798—1884)⁶¹, крупного ученого-филолога по языку телугу, знавшего также и маратхский. Хроника Панганури сообщает много подробностей, отсутствующих в хрониках Кермани.

«Карнамэ-и Хайдари», написанная на фарси сыном Типу Султана, Гулям Мухаммедом в 1848 г., не является первоисточником⁶². Гулям Мухаммед (или Султан Мухаммед, как его звал Типу) родился в 1795 г. и, следовательно, не мог писать о независимом Майсуре по личным воспоминаниям. Однако он использовал ряд хроник на фарси, до сих пор не опубликованных и потому нам недоступных. Именно в этом ценность «Карнамэ-и Хайдари». Существует английский перевод, сде-

⁶⁰ Mir Hussein Ali Kirmani, *Neshauni Hyduri or History of Hyder Naik* [Trans. by Col. W. Miles], London, 1842; Mir Hussein Ali Kirmani, *History of the reign of Tipu Sultan* [transl. by Col. W. Miles], London, 1864 (на языке фарси). Эти хроники изданы литографически в Лакхнау.

⁶¹ «*Memoirs of Hyder and Tipoo rulers of Seringapatam, written in the Mahratta language by Ram Chandra Rao Punganuri who was long in their employ*» [transl. into English and illustrated with annotations by Charles Philip Brown...], Madras, 1849.

⁶² [Ghoolam Mohamed] *Karnama i Hydary...*, Calcutta, 1848 (титульный лист на английском языке, текст на фарси).

ланный тем же Майлсом в 1855 г., но в библиотеках СССР он не обнаружен.

На съезде индийских историков в 1939 г. д-р М. Н. Кришна из Мадрасского университета сделал сообщение о недавно найденной рукописи на языке каннара под названием «Хайдарнама», написанной согласно фамильной традиции владельца этой рукописи неким Наллапой, писцом в налоговом ведомстве Хайдара Али⁶³. Эта рукопись дает много важных сведений о финансово-административной системе Хайдара. К сожалению, полного перевода ее у нас не имеется.

Из мемуаров европейцев о времени правления Хайдара Али большой интерес представляет книга Мэтр де ла Тура, французского офицера, который после падения Пондишери в 1761 г. поступил на службу к Хайдару Али и стал начальником его артиллерии⁶⁴. Особенно хорошо описаны Мэтр де ла Туром два похода Хайдара на Малабар и характер самого Хайдара. Красочно рассказывает Мэтр де ла Тур также о парадах войск Хайдара, когда различные части армии в тюрбанах разного цвета (в зависимости от рода войск) шли в строю за богато разукрашенными слонами, несшими восточный военный оркестр, и за абиссинскими всадниками, одетыми в красные халаты, с сверкающими копьями наперевес.

В противовес Мэтр де ла Туру, являвшемуся сторонником Хайдара Али, выступил капитан Робсон, командовавший во время второй англо-майсурской войны (в чине лейтенанта) легкими драгунами — единственным конным отрядом мадрасской армии⁶⁵. В отличие от француза Робсон писал дубовым языком драгуна, а не литератора. Он протестовал главным образом против оценки сил противников, данной Мэтр де ла Туром, каждый раз увеличивая предполагаемое число воинов Хайдара и уменьшая количество англичан. Таким образом Робсон стремился возвеличить славу английского оружия, как одерживавшего победы над численно пре-

⁶³ M. N. Krishna, *The «Hydernama» on the administration of Hyder Ali* («Proceedings of Indian History Congress», 3rd session, Calcutta, 1939), p. 1554—1564.

⁶⁴ MMDLT. *Histoire d'Ayder-Ali-khan*, t. I—II, Paris, 1783.

⁶⁵ F. Robson, *The life of Hydar Ally with an account of his usurpation of the kingdom of Mysore...*, London, 1786.

восходящим его противником. В своей книге Робсон общал некоторые новые факты о ходе военных кампаний и особенно подробности боев, в которых он сам участвовал.

Важный источник по истории Майсура был опубликован Киркпатриком. Уилльям Киркпатрик (1754—1812), сын офицера мадрасской армии, в 1773 г. поступил на военную службу в Индии, а с 1777 г. он был военным переводчиком с языка фарси сначала в Бенгалии, а потом при Корнуоллисе. В 1798 г. Киркпатрик стал военным секретарем при генерал-губернаторе Уэлсли и был при нем во время штурма Серингапатама в 1799 г. После падения Серингапатама Киркпатрик был назначен «комиссаром по разделу Майсура». Тогда-то он захватил ряд бумаг из личного архива Типу, в том числе связку копий его писем различным чиновникам и правителям других государств. Некоторые из этих писем Киркпатрик перевел на английский язык и издал⁶⁶. Современный индийский историк Мохиббул Хасан Хан считает, что подбор писем был произведен Киркпатриком тенденциозно и даже «не исключено, что он сам подделал некоторые письма для того, чтобы дискредитировать Типу»⁶⁷. В противовес этому другой индийский историк, Махмуд Хан Махмуд Бангалури уверен в подлинности писем, приведенных Киркпатриком, и сам издал их перевод с английского на язык урду⁶⁸. К сожалению, оригиналов этих писем не сохранилось, и потому вопрос об их подлинности и правильности подборки не поддается проверке.

Переписка Типу Султана с Заман-шахом афганским и протоколы заседаний французского якобинского клуба в Серингапатаме были впервые приведены в Азиатском ежегоднике за 1799 г.⁶⁹. Позднее они были перепечата-

⁶⁶ W. Kirkpatrick, *Select letters of Tipoo Sultan*, London, 1811.

⁶⁷ Mohibbul Hasan Khan, *History of Tipu Sultan*, Calcutta—Dacca, 1951, p. 405.

⁶⁸ محمود خان محمود بنگلوری — صحیفہ ٹیپو سلطان — حصہ اول — لامور — ۱۹۴۷. (Махмуд Хан Махмуд Бангалури, *Сахифе Типу Султан*, т. I—II, Лахор, 1947).

⁶⁹ „Asiatic annual register 1799”, London, 1800.

ны Мишо в его двухтомной истории Майсура времен Хайдара и Типу⁷⁰. Мишо не только использовал все опубликованные в его время мемуары о Майсуре, но и разговаривал с вернувшимися из Индии во Францию французскими офицерами, поэтому в его книге есть некоторые подробности, отсутствующие в других книгах.

Среди источников по Майсуру XVIII в. необходимо также отметить картины Роберта Хома, бывшего в армии Корнуоллиса под Серингапатом⁷¹. Его описания и карта Серингапатама приводятся во всех работах по последним англо-майсурским войнам. Хом зарисовал главным образом пейзажи Майсура и места сражений, а также виды майсурских крепостей, взятых англичанами.

Из современных исследований по истории Майсура следует в первую очередь назвать большую трехтомную историю Майсура Хаявадана Рао, третий том которой описывает период со времени захвата власти Хайдаром Али и до гибели Типу⁷². Хаявадана Рао — известный историк, член Всеиндийской комиссии по собиранию исторических документов, автор ряда крупных трудов по истории и этнографии преимущественно Майсура. Хаявадана пишет, что над своей историей Майсура он работал почти 42 года, начиная с 1901 г., когда он впервые опубликовал статьи по этой теме в журналах того времени⁷³. Хаявадана Рао использовал все известные опубликованные и неопубликованные источники на многих индийских и европейских языках. По полноте приведенных данных труда, равного этому, по истории Майсура сейчас не существует. Однако если в первых двух томах Хаявадана Рао еще стремится иногда на основе эпиграфических данных восстановить хотя бы кратко в общих чертах картину социально-экономиче-

⁷⁰ J. Michaud, *Histoire des progrès et de la chute de l'empire de Mysore sous les règnes d'Hyder-Ali et Tipoo-saïb*, t. I — III, Paris, 1801.

⁷¹ R. Home, *Select views in Mysore, the country of Tipoo Sultan; from drawings taken on the spot*, London, 1794.

⁷² C. Hayavadana Rao, *History of Mysore (1399 — 1799 AD)*, vol. I — III, Bangalore, 1943 — 48.

⁷³ C. Hayavadana Rao, *History of Mysore...*, vol. I, p. VII.

ского строя майсурского княжества, то в третьем томе он интересуется исключительно политической историей страны, не уделяя никакого внимания экономике и переменам в социальной жизни Майсурского государства. Поэтому по книге Хаявадана Рао можно узнать о правильной последовательности и ходе политических событий, но ничего об экономическом строе Майсура. К тому же Хаявадана Рао несколько преувеличивает роль Тричинополи в борьбе за господство на юге Индии, а главными ошибками Хайдара Али и Типу, приведшими их к поражениям, считает, во-первых, то, что они сместили с трона «законную» индусскую династию и тем якобы оскорбили чувства своих индусских подданных, и то, что они переоценили силы французов в Индии и потому ориентировались на них, а не на англичан. Эти соображения Хаявадана Рао наивны. Князя индусской династии Майсура давно не управляли государством, превратившись фактически в царствующих марионеток, и захват власти Хайдаром Али и Типу мог только изменить к лучшему дело управления страной. Если бы Хайдар и Типу стали союзниками англичан, их ожидала бы участь Мухаммеда Али, наваба Карнатика, жалкого английского ставленника. Прогрессивная роль Хайдара Али и Типу заключалась именно в том, что они возглавили в Южной Индии сопротивление английскому вторжению.

Книга известного индийского историка Нарендры Кришны Синха о Хайдаре Али⁷⁴ вышла в свет раньше, чем последний том труда Хаявадана Рао, и тогда представляла интерес, поскольку Синха использовал маратхские, голландские и португальские источники. С появлением третьего тома «Истории Майсура» Хаявадана Рао исследование Синха о Хайдаре Али потеряло значительную часть своей ценности. Может быть, это и явилось причиной того, что второй том труда Синха о Хайдаре не был опубликован.

Первые биографии Хайдара Али и Типу были изданы Чарльзом Стюартом (1764—1837) в 1809 г. в приложении к каталогу рукописей, находившихся в захвачен-

⁷⁴ N. K. Sinha, *Haidar Ali, vol. I, 1721—1779*, Calcutta, 1941.

ной англичанами библиотеке Типу⁷⁵. Стюарт — профессор языков арабского, фарси и хиндустани в колледже Ост-Индской компании в Хейллейбури, в Англии, а в прошлом — офицер бенгальской армии, первым описал Типу в качестве капризного тирана, и эта его незаслуженная характеристика повторялась позднее всеми английскими историками, писавшими о Типу.

Несколько слов необходимо сказать об оценках историками роли Типу. Никто из возглавлявших борьбу против англичан на юге Индии не вызывал такой ненависти самих англичан, как Типу Султан. Даже политику и характер Хайдара Али в Англии оценивали более объективно. Английские историки XIX в. повторяли тенденциозное изображение Типу, даваемое теми деятелями, которые боролись против него. Так, например, в Оксфордской истории Индии говорится о невежестве Типу, о его «причудах и капризах», о его мусульманском фанатизме и нетерпимости, о его жестокостях, в особенности по отношению к английским военнопленным, и приводится характеристика его Корнуоллисом, как «сумасшедшего варвара»⁷⁶. В подобном же роде Типу описывали и другие историки-англичане.

На оценке Типу современными индийскими историками сказались индусо-мусульманские разногласия. Как известно, англичане провоцировали в Индии столкновения индусов и мусульман. При этом колонизаторы использовали в своих целях то обстоятельство, что во многих крупных районах Индии помещики исповедовали иную религию, чем крестьянские массы. Кроме того, в силу ряда исторических причин индийская буржуазия возникла главным образом из среды индусов, а помещики в основном придерживались ислама.

Индусо-мусульманские разногласия не ограничивались только областью политической борьбы, но находили выражение и в идеологии. Так, даже на оценке роли Типу Султана в некоторой степени отражаются религиозные воззрения индийских историков. Среди истори-

⁷⁵ Ch. Stewart, *Memoirs of Hyder Ali Khan and Tipoo Sultan* (прилож. к кн.: «*Catalogue of Oriental library of late Tipoo Sultan of Mysore*», Cambridge, 1809).

⁷⁶ V. A. Smith, *The Oxford history of India...*, 1949, p. 546, 559, 585.

ков-индусов есть лица, следующие за англичанами в своих определениях Типу. Этого недостатка отчасти не избежали и Синха и Банерджи, авторы «Истории Индии». Там отмечается, что «Нетерпимая фанатичность и жестокость Типу были, вероятно, преувеличены», но говорится о том, что Типу «уделял слишком много внимания мелочам и не проявил достаточной способности видеть положение в целом», и приводится якобы бытующее в Майсуре выражение: «Хайдар родился для того, чтобы создать империю, а Типу — для того, чтобы утратить ее»⁷⁷.

Примерно таких же взглядов, только высказанных в несколько более сдержанной форме, придерживается и Хаявадана Рао в своей «Истории Майсура». Он видит причины поражения Типу в том, что тот не во всем следовал веротерпимым идеям Хайдара, что он слишком полагался на французов, был оторван от жизни. «по непонятным причинам» испытывал неумолимую ненависть к англичанам, следовал неправильным и невдохновляющим идеям, повсюду на важные посты продвигал мусульман, из-за недостатка образования и неуравновешенности характера не мог сосредоточить внимание на определенном вопросе. Типу якобы презирал правдивость, разрушал храмы и насильственно обращал индусов в ислам, отличался самоуверенностью и был неспособен принять советы других, очень враждебно относился к индусской династии, вырыл своим поведением пропасть между собой и индусскими массами, вводил нововведения там, где они не были нужны, особенно в армии, подорвал к себе доверие командного состава тем, что незаслуженно смещал и понижал в должности своих военных и вводил приказами то, чего надо было добиться убеждением⁷⁸. Таким образом, Хаявадана Рао воспринял английскую точку зрения на характер и политику Типу Султана.

О Типу Султани в последние годы появился ряд небольших работ, составленных в духе антианглийской борьбы, но одновременно с подчеркнута мусульманской

⁷⁷ Н. К. Синха, А. Ч. Банерджи, *История Индии*, М., 1954 стр. 338. 339.

⁷⁸ С. Hayavadana Rao, *History of Mysore...*, vol. III, p. 1027. 1028.

направленностью. Некоторые индийские историки-мусульмане превозносят Типу как мусульманского борца за веру и огульно отвергают всякую критику его действий, считая это английской клеветой. Так, например, в предисловии к двум томам своих переводов на урду избранных писем Типу Султана, опубликованных Киркпатриком, Махмуд Бангалури называет Типу Султана шахидом (т. е. мучеником за веру) и «достойнейшим». Он считает, что «сразу после гибели Типу Султана, когда был разграблен в Серингапатаме его дворец и казна, то победители, собрав все его бумаги — письма, фирманы, а также правительственные распоряжения, — конфисковали их и отослали в Англию»⁷⁹. Таким образом, англичане, по его мнению, скрыли все подлинные источники о деятельности Типу Султана и во всех учебниках искажали его облик. Поэтому в Индии «было забыто истинное величие Типу Султана» и то, что «150 лет тому назад почва Майсура породила этого прославленного из людей»⁸⁰. В таком духе безудержного восхваления написано все большое предисловие Махмуда Бангалури, имеющее целью восстановить, по мнению автора, подлинный облик «великого Типу Султана».

Такая односторонняя точка зрения на роль Типу не может вызвать особых симпатий в Индии. Недаром книга Бангалури была выпущена в свет не в Майсуре, а в Пакистане.

Серьезным научным трудом, написанным на основе многочисленных печатных и рукописных источников, является история Типу Султана Мохиббул Хасан Хана, изданная в Калькутте и Дакке, т. е. в обеих частях Бенгалии. Мохиббул Хасан Хан стремился к объективности и оценке Типу, и ему это в основном удалось. Он пишет, что «немногих индийских правителей так оклеветали и представили в столь ложном свете, как Типу... Англичане были предубеждены против него, так как считали его самым серьезным противником и своим самым заклятым врагом в Индии... Кроме того, его достижения преуменьшали, а характер чернили для того, чтобы

⁷⁹ Махмуд-хан Махмуд Бангалури, *Сахифэ Типу Султан*, т. I, стр. 10.

⁸⁰ Там же, стр. 14.

майсурцы забыли его и сплотились вокруг раджи...»⁸¹. Признавая, что Типу был «автократом», т. е. феодальным правителем, Мохиббул Хасан Хан, однако, уверяет, что «если бы его враги эму не мешали, он (Типу) совершил бы промышленный переворот в Майсуре»⁸². Несмотря на такое преувеличение прогрессивной роли Типу, книга Мохиббул Хасан Хана выгодно отличается от ряда биографий, выпущенных на урду, своим спокойным тоном и отсутствием духа мусульманской воинственности.

Основные источники по истории Индии второй половины XVIII в. были написаны индийскими хронистами, служившими при дворе местных правителей или у европейцев (например, упомянутые выше майсурские хроники Кермани, Панганури и Наллапы или бенгальская хроника Табатабаи, а также дневник Ананда Ранга Пиллаи), французскими офицерами-авантюристами на службе у индийских правителей (Жантиль, Мэтр де ла Тур) и английскими военными и администраторами, использовавшими официальные документы и бумаги частных и храмовых архивов. Однако Индию изучали и иного рода люди, чуждые жажды наживы, толкавшей других приезжих в страну людей на жестокости, угнетение, интриги, вымогательства и даже убийства. Это были бескорыстные ученые, обычно с симпатией относившиеся к индийскому народу и стремившиеся как почерпнуть знания у индийцев, так и передать им свои. Такого рода люди резко отличались от колонизаторов, и индийское население относилось к ним, как к друзьям.

Таким человеком был, например, француз Амбраам Иасинт Анкетиль дю Перрон (1731—1805). Его путешествие в Индию составило, по оценке одного из крупнейших советских востоковедов В. Бартольда, «эпоху в истории востоковедения»⁸³. Еще в Париже Анкетиль дю Перрон изучил несколько восточных языков и ознакомился с рукописным отрывком из Авесты («священной

⁸¹ Mohibbul Hasan Khan, *History of Tipu Sultan...*, p. 364.

⁸² Ibid., p. 344.

⁸³ В. Бартольд, *История изучения Востока в Европе и России*, изд. 2, Л., 1925, стр. 117.

книги» зороастрийцев). Он понял, какое значение могло бы иметь для востоковедения изучение Авесты, и решил направиться в Индию разыскивать рукописи Авесты у парсов — потомков средневековых переселенцев, бежавших из Ирана, когда там государственной религией стал не исповедуемый ими зороастризм, а ислам. Не имея средств на поездку, Анкетиль дю Перрон несмотря на слабое здоровье нанялся на службу французской Ост-Индской компании рядовым солдатом, но его старшему брату, блестящему офицеру, удалось добиться для него у короля пенсии в 500 ливров в год. По его прибытии в Пондишери в 1754 г. французская Компания тоже назначила ему пенсию, причем более щедрую, чем королевская, — 1400 ливров в год. Не найдя никого из парсов в Пондишери, Анкетиль дю Перрон поехал на корабле в Шандернагор в Бенгалии, однако и там не нашел парсов. Это был разгар англо-французской борьбы в Индии, но Перрона волновали не эти события, а научная любознательность. Так, например, увидев в одной из бенгальских деревень, новорожденного индийского ребенка, он начал рассуждать о том, чем объясняется темный цвет кожи, и пришел к выводу, что если переселить индийскую семью на крайний север, то через несколько поколений они станут белыми людьми. Вообще Анкетиль дю Перрон много внимания обращал на обычаи и нравы индийского населения и совсем не отмечал политических событий, происходивших тогда в стране.

Между тем в Шандернагоре Анкетиль дю Перрон узнал, что центром поселения парсов был Сурат на противоположном, западном побережье Индии. Шел 1757 год, у французской Кампании в Индии не было средств, и пенсия Анкетиль дю Перрону давно не выплачивалась. Тогда молодой ученый решил пробираться через всю Индию пешком, питаясь милостыней и подаяниями. Восемь месяцев ушло у него на это беспрецедентное путешествие. Индийское население оценило его самоотверженность, и он целым и невредимым достиг своей цели. В Сурате он прожил три года с 1758 г., обнаружил несколько рукописей Авесты, обучался у парсов древнеиранскому языку, а у брахманов — санскриту. После падения Пондишери Анкетиль дю Перрон вернулся в

Европу, где опубликовал в 1771 г. перевод Авесты, а позднее две книги по Индии⁸⁴. В его переводе много неправильного, так как научной филологии древних восточных языков тогда еще не существовало, однако никто не в состоянии умалить его роли первооткрывателя. В его книгах по Индии ценны сообщения об индийских нравах и обычаях, особенно деревенских.

Анкетиль дю Перрон на всю жизнь сохранил любовь к индийскому народу, который он хорошо узнал во время своих странствований. Одну из своих книг он посвятил своим друзьям брахманам. Он написал в посвящении: «Я живу так же, как и вы. На питание я трачу не более трех су в день. Мое нательное и постельное белье никогда не меняется и не стирается». Легко нам улыбаться, читая эти слова с точки зрения санитарных требований XX века, однако надо признать, что такое поведение было продиктовано бескорыстием ученого и протестом против роскоши французского дворянства (к которому по рождению принадлежал и сам Анкетиль дю Перрон) на фоне общей нищеты Франции. Умер Анкетиль дю Перрон в наполеоновской Франции олинчиком и нищим стариком.

Тот же дух научной любознательности двигал и русским — Герасимом Степановичем Лебедевым (1749 — 1817), прожившим в Индии 12 лет (1785—1797). Одаренный музыкант Лебедев сопровождал графа Разумовского в 1777 г. в Вену, а оттуда один поехал в Париж и Лондон. Из Англии он отправился в Индию, где первые два года работал музыкантом в Мадрасе, а затем переехал в Калькутту, где познакомился с бенгальцем Голак Натх Дасом, у которого учился бенгальскому, хинди и санскриту, а в обмен обучал своего учителя европейской музыке. Овладев языками, Лебедев организовал в Калькутте с помощью Голак Натх Даса первый театр европейского типа (взяв за образец театр Волкова в Ярославле), для чего перевел на бенгальский язык две английские комедии, переработав их при этом на индийский лад, перенеся действие из Испании в

⁸⁴ M. Anquetil du Perron, *Recherches historique et geographiques sur l'Inde...*, Berlin, 1786; Anquetil du Perron, *L'Inde en rapport avec l'Europe*, t. I.—II, Paris, 1820 — 23.

Калькутту и Лакхнау и сделав действующими лицами бенгальцев. На открытие своего театра в 1796 г. Лебедев пригласил всю индийскую интеллигенцию города Калькутты и его окрестностей. Первые два представления прошли при огромном стечении публики. Однако создание театра на индийском языке с современным репертуаром было совершенно невиданным для того времени начинанием, и колонизаторы, в особенности владельцы английского театра Компании, всячески стремились закрыть театр Лебедева. Они сманили индийских актеров Лебедева, подстроили порчу декораций и подговорили работавших у него столяра, плотника, садовника и повара, а также владельца арендованного им под театр дома предъявить ему ложные денежные иски. Лебедев иронически записал тогда у себя в тетради на английском языке: «Христос дал добрый совет: если кто-либо будет с тобой судиться и отнимет у тебя верхнее одеяние, отдай ему также свой плащ. Причина понятна: иначе вмещается законник и разденет тебя до гола, отняв все, вплоть до рубашки»⁸⁵. Разоренный и больной Лебедев был вынужден вернуться из Индии в Европу.

В Лондоне в 1801 г. Лебедев опубликовал грамматику бенгальского диалекта хиндустани⁸⁶, а в 1805 г. в России книгу, в которой сообщал не только о древнеиндийском календаре, о философии, религии и обычаях индийцев, но и сведения об английском господстве в современной ему Индии⁸⁷. Лебедев дружелюбно относился к индийскому народу и разоблачал действия колонизаторов. Он писал, например: «Из всего выше нами сказанного довольно явствует, что Индейцы ни мало не

⁸⁵ См.: К. А. Антонова, *К истории русско-индийских культурных связей. Из тетрадей Г. С. Лебедева (1795—1799)* («Исторический архив», 1956, № 1), стр. 156—195, статьи, написанные о Лебедеве на основе архивных документов В. С. Воробьевым-Десятовским и Л. С. Гамаюновым в кн.: «Очерки по истории русского востоковедения», сб. 2. М., 1956, стр. 36—117, и статью Р. К. Дасгупты [R. K. Dasgupta, *G. S. Lebedev (1749—1817): the first Russian indologist* («Oxford Slavonic papers», vol. VII, London, 1957)].

⁸⁶ H. Lebedeff, *Grammar of the pure und mixed East Indian dialects with dialogues affixed...*, London, 1801.

⁸⁷ [Г. Лебедев], «*Беспристрасное созерцание систем Восточной Индии брамгенов, священных обрядов их и обычаев...*», СПб., 1805.

похожи на диких, и что более имеют справедливости приписать сию укоризну тем, которые жесточайше с ними обходятся, нежели самые кровожадные лютые звери. Они не похожи на идолопоклонников, а признают такими тех собой надмевающих насельцев, которые, жертвуя ненасытной своей алчности на обогащение, к нещастию рода человека, пожирают целые государства»⁸⁸. В том же духе писал Лебедев по-английски в предназначенном для печати, но не опубликованном «меморандуме»: Бенгалией «полновластно распоряжается группа служащих (большая часть которых является негодьями, а меньшая — благородными людьми)»⁸⁹.

Лебедев положил начало изучению санскрита в России, составив шрифт и организовав печатание книг на этом языке в петербургской типографии. Усилия и дружественные побуждения Лебедева ценят в Индии, там переиздают в настоящее время его грамматику, и разные лица неоднократно обращались из Калькутты в Москву с просьбой прислать им все имеющиеся материалы о его жизни и произведениях.

Несколько другим по характеру был Уильям Джонс (1746—1794). С истинной жадной познаний соединял он деловитость чиновника. Окончив Оксфордский университет, Джонс еще в Англии изучил языки фарси и арабский и переводил книги с этих языков. В Индию он приехал в 1783 г. в качестве одного из судей Верховного суда Калькутты, однако с самого начала стал совмещать свои служебные обязанности с изучением санскрита. Ему, занимавшему высокий административный пост, конечно, было значительно легче, чем Лебедеву, найти человека, взявшегося нарушить религиозные запреты и обучить его этому священному языку индуизма, но с фонетической стороны санскрита Джонс, привыкший к звукам английского языка, не справился, как на то указывал еще Лебедев. Джонса называют отцом английской санскритологии, так как он был одним из трех первых европейцев, изучивших санскрит (другими двумя были Лебедев и англичанин Колбрук), перевел несколько книг с

⁸⁸ Там же, стр. 155.

⁸⁹ К. А. Антонова, «К истории русско-индийских культурных связей...», стр. 168.

санкрита и являлся основателем в 1784 г. Азиатского общества Бенгалии, занимавшегося научным изучением Индии. О Джонсе рассказывают следующий анекдот: французский придворный, представлявший его своему королю, сказал: «Ваше Величество, взгляните на человека, знающего все языки мира, кроме своего родного». Когда король поинтересовался, какой Джонс национальности, ему сообщили, что он — уроженец Уэльса. На уэльском (валлийском) языке тогда говорило всего несколько сот тысяч человек, и Джонс, выросший и воспитывавшийся в Англии, не интересовался языком этой части Великобритании. В Калькутте Джонс вел себя как сановник и в качестве судьи поддерживал и оправдывал господство англичан в Индии, но вместе с тем Джонс много работал над изучением литературы и законов древней Индии. Его раннюю смерть приписывают чрезмерному переутомлению.

При всей многочисленности и разнообразии источников и литературы, посвященных истории английского завоевания Индии, они остаются недоступными для широких кругов советских читателей, интересующихся борьбой индийского народа за свою независимость. На русском языке до сих пор отсутствовало монографическое описание завоевания Индии в конце XVIII в., хотя ряд советских историков изучал отдельные вопросы истории Индии этого периода⁹⁰. Между тем ознакомление с хищническими методами английских поработителей дает советскому читателю возможность еще полнее и глубже оценить справедливость национально-освободительной борьбы народов Индии против колонизаторов. Остатки колониальных владений, еще сохранившихся на территории Индии, как например, Гоа, служат народам Индии повседневным напоминанием о необходимости продолжать борьбу против колонизаторов. Напоминанием о необходимости борьбы служит и современная политика колонизаторов: попытки закабалить страну путем американской «помощи», стремление империалистов втянуть Индию в замкнутые группировки СЕАТО и т. п. Все это свидетельствует, что

⁹⁰ См. статьи К. А. Антоновой, Э. Н. Комарова, И. М. Рейснера, Е. Л. Штейнберга и других в «Ученых записках Института востоковедения АН СССР» и в журналах последних лет.

борьба Индии за полное освобождение от империалистического гнета еще продолжается. Со времени создания Индийской Республики прошло немногим более одного десятилетия, и история борьбы против английского вторжения далеко не стала вопросом академического прошлого, а дает возможность лучше понять настоящее.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Классики марксизма-ленинизма

Маркс К., *Английское процветание. — Забастовки. — Турецкий вопрос. — Индия* (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 9, изд. 2, стр. 137—144).

Маркс К., *Британское владычество в Индии* (там же, стр. 130—136).

Маркс К., *Будущие результаты британского владычества в Индии* (там же, стр. 224—230).

Маркс К., *Военный вопрос. — Парламентские дела. — Индия* (там же, стр. 216—223).

Маркс К., *Вопрос о турецкой войне. — Газеты «New York Tribune» в палате общин. — Управление Индией* (там же, стр. 180—191).

Маркс К., *Голландские дела. — Дания. — Конверсия британского государственного долга. — Индия. — Турция и Россия* (там же, стр. 106—111).

Маркс К., *Западные державы и Турция. — Надвигающийся экономический кризис. — Железнодорожное строительство в Индии* (там же, стр. 323—331).

Маркс К., *Индийский вопрос. — Ирландское арендное право* (там же, стр. 161—167).

Маркс К., *Капитал*, т. 1, 1955.

Маркс К., *Ост-Индская компания, ее история и результаты ее деятельности* (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения т. 9, изд. 2, стр. 151—160).

Маркс К., *Русский обман. — Провал Гладстона. — Ост-Индские реформы Чарлза Вуда* (там же, стр. 120—129).

Маркс К., *Русско-турецкие осложнения. — Уловки и увертки британского кабинета. — Последняя нота Нессельроде. — Ост-индский вопрос* (там же, стр. 199—207).

Маркс К., *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, М., 1940.

Маркс К., *Хронологические выписки по истории Индии (664—1858 гг.)*, 1947.

Энгельс Ф., *Анти-Дюринг*, М., 1957.

Маркс К., Энгельс Ф., *Избранные письма*, М., 1953.

Ленин В. И., *Развитие капитализма в России* (Сочинения, т. 3, изд. 4).

«Архив князя Воронцова», кн. 24, М., 1880.

Бернье Ф., *История последних политических переворотов в государстве Великого Могола*, М.—Л., 1936.

К истории русско-индийских культурных связей. Из тетрадей Г. С. Лебедева (1795—1797) («Исторический архив», М., 1956, № 1) Публикация К. А. Антоновой.

Кобеко Д., *Наказ царя Алексея Михайловича Махмету Исупу Касимову, посланному в 1675 г. к Великому Моголу Аурагзебу*, СПб., 1881.

Лебедев Г. *Беспристрстное созерцание систем Восточной Индии брамменов, священных обрядов их и народных обычаев*, СПб., 1805.

[Никитин Афанасий]. «Хожение за три моря Афанасия Никитина. 1466—1472», М.—Л., 1948.

Abu'l Fazl Allāmi, *Ain-i-Akbari*, vol. I—II, Calcutta, 1867—1877.

«*Affairs of the East India Company. Ordered by the House of Commons to be printed 16 August 1832*», vol. III. Revenue, pt. 2, appendix and index.

Aitchison Ch. U., *A collection of treaties, engagements, and sanads relating to India and neighbouring countries*, vol. I—XIII, London, 1909—1933 (к Индии относятся первые 10 томов).

«Annual register for 1818», London, 1819.

Anquetil du Perron, *Reise nach Ostindien*, Frankfurt a. M., 1776.

«Articles of charges of high crimes and misdemeanour against Warren Hastings», London, 1786.

«Asiatic annual register, or a view of the history of Hindustan... for the year 1799», London, 1800.

Bolts W., *Consideration on Indian affairs*, vol. I—II, London, 1772.

Buchanan F., *A journey from Madras through the countries of Mysore, Cannara and Malabar...*, vol. I—III, London, 1807.

Burke E., *Works and speeches*, vol. I—VIII, London, 1815—1818.

Clive, Lord, *A letter to the proprietors of the East India stock*, London, 1764.

«*Consideration on the attempt of the East India Company to become manufacturers in Great Britain*», London, 1776.

Degrandré (L.), *Voyage dans l'Inde et au Bengale fait dans les années 1789 et 1790*, t. I—II, Paris, 1801.

Fay Eliza, *Original letters from India (1779—1815)*, London, 1925.

Forster G., *Voyage du Bengale à Petersbourg...*, Paris, 1802.

(перевод с англ.).

Gentil J. B., *Memoires sur l'Indostan...*, Paris, 1822.

Grier S. C., *Letters of Warren Hastings to his wife*, Edinburgh, 1905.

Hamilton A., *A new account of the East Indies...*, vol. I—II, Edinburgh, 1727.

Hansard, *Parliamentary history of England from the earliest*

period to the year 1803, vol. XVII, AD 1771 — 1774; vol. XVIII, AD 1774 — 1777; vol. XIX, AD 1777 — 1778; vol. XXVIII, AD 1789 — 1791; vol. XXIX, AD 1791 — 1792; vol. XXX, AD 1792 — 1794; vol. XXXI, AD 1794 — 1795; London, 1813 — 1818.

[Hastings W.] «*Defence of Warren Hastings at the bar of the House of Commons*», London, 1786.

Keith A. B., *Speeches and documents on Indian policy 1750 — 1921*, vol. I, London, 1922.

Kirmani M. H. A., *History of the reign of Tipu Sultan* (trans. by Col. W. Miles), London, 1864.

[Las Cases] «*Le mémorial de Sainte-Hélène...*», t. I, Paris [S. a.].
Malcolm J. *A memoir of Central India, including Malwa and adjoining provinces...*, vol. I — II, London, 1824.

Mitra R. C., *Economic conditions of India in 1774 — 1777* (from the journal of *Modave*) [«*Indian historical quarterly*», vol. XXVII, (New Delhi), 1951, № 1].

MMDLT, *Histoire d'Hyder-Ali-khan, navab-behader..* t. I — II, Paris, 1783.

Montgomery-Martin. *The history, antiquities, topography and statistics of Eastern India...*, vol. I — III, London, 1838.

[Orme R.] «*A history of the military transactions of the British nation in Indostan, from the year 1754*», vol. 1 — II, London, 1778.

Parkes F. and Merival H., *Memoirs of Sir Philip Francis*, vol. I — II, London, 1918.

[Pillai Ananda Ranga] «*The private diary of Ananda Ranga Pillai dubash to Foseph Frunçois Dupleix*», vol. I — XIII, Madras, 1904 — 1916.

[Punganuri, Ram Chandra Rao] «*Memoirs of Hyder and Tipoo rulers of Seringapatam written in the Mahratta language by Ram Chandra Rao Punganuri who was long in their employ*». Translated into English and illustrated with annotations by Chareles Philip Brown of the Madras Civil service, Madras, 1849.

«*Report from the Select Committee on East India produce, together with minutes of evidence. Ordered by the Hoouse of Commons to be printed 21 July 1840*».

«*Reports from the Committee of Secrecy of the House of Commons, appointed to enquire into the state of the East India Company in the years 1772 — 1773*».

Robson F., *The life of Hyder Ally with an account of his usurpation of the Kingdom of Mysore...*, London, 1786.

[Sprenger] «*Balthasar Sprenger's Merfart*» (в кн.: E. Hummerich, *Quellen und Untersuchungen zur Fahrt der ersten Deutschen nach dem portugiesischen Indien 1505/6*, Munchen, 1918).

Tytler A. F., *Considerations on the present political state of India...*, vol. I, II, London, 1816.

Verelst H., *A view of the rise, progress, and present state of the English government in Bengal...*, London, 1772.

Voltaire, *Fragments historiques sur l'Inde, sur le général Lally, et sur plusieurs autres sujets — 1773* («*Oeuvres complètes du Voltaire*», vol. II, Paris, 1827), p. 192 — 229.

Voltaire, *Précis du siècle de Louis XV* («*Oeuvres complètes du Voltaire*», vol. I, Paris, 1827), p. 1615 — 1704.

Weitzman S., *Warren Hastings and Philip Francis*, Manchester, 1929.

Wilks M., *Historical sketches of the South of India in an attempt to trace the history of Mysore...*, vol. I—III, London, 1810—1814.

Y. Hussain Khan, *Some unpublished letters of Shah Nawaz Khan, Samsam-ud-daulah* («Islamic culture», Hyderabad, Deccan, vol. XXI, 1947, № 2, April).

Справочники

Buckland C. E., *Dictionary of Indian biography*, London, 1906.
Burgess J., *The chronology of modern India 1494—1894*, Edinburgh, 1913.

«Eastern Bengal district gazetteers», «Dacca», Allahabad, 1912.
«Gazetter of the Bombay presidency», vol. XVII, «Ahmadnagar», Bombay, 1884.

«Gazetteer of the Bombay presidency», vol. XVIII «Poona», pt. II, Bombay, 1885.

«Land revenue policy of the Indian government. Published by order of the governor general in council», Calcutta 1902.

«Madras district gazetteers», vol. I, «Malabar and Anjengo», Madras, 1915.

Nawwāb Shāh Samsām-ud-Daula Nawaz Khānf, *The Maūthir-ul-umarū*, vol. I—III, Calcutta, 1887—1896 Trans. H. Beveridge, vol. I—II, Calcutta, 1941—1952 (на англ. яз.).

محمد خان محدود بنگاوری — صحیفہ ٹیپو سلطان — لاہور ۱۹۴۷

[(Бангалури М.Х.М.) «Сихифэ Типу Султан», т. I—II, Лахор, 1947 (на урду). Перевод писем Типу с англ. перевода У. Киркпатрика].

Литература

Антонова К. А., *Аграрные отношения в Индии накануне английского завоевания* («Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии», т. VI, М., 1949, № 5).

Антонова К. А., *К вопросу о введении системы рийятвари в Индии (Классовая сущность мирасдаров)* [«Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР», вып. X, М., 1953].

Антонова К. А., *Отчет Бьюкенена о Майсоре 1800—1801 гг. как исторический источник* («Ученые записки Института востоковедения», т. XVIII, М., 1957).

Антонова К. А., *Очерки общественных отношений и политического строя Могольской Индии времен Акбара (1556—1605)*, М., 1952.

Афанасьев Г. Е., *Лалли-Толиндиль и его процесс о государственной измене*, Киев, 1900.

Бартольд В., *История изучения Востока в Европе и России*, изд. 2, Л., 1925.

Воробьев-Десятковский В. С., *Русский индианист Герасим Степанович Лебедев (1794—1817)* (в кн.: «Очерки по истории русского востоковедения», сб. II, М., 1956).

Гамаюнов Л. С., *Из истории изучения Индии в России (К вопросу о деятельности Г. С. Лебедева)* (в кн.: «Очерки по истории русского востоковедения», сб. II, М., 1956).

Комаров Э. Н., *К вопросу об установлении постоянного обложения по системе заминдари в Бенгалии* («Ученые записки Института востоковедения», т. XII, Индийский сборник, М., 1955).

Кудрявцев А. Е., *Ост-Индская компания в эпоху английской революции (1640—1649)* («Ученые записки факультета исторических наук Ленинградского пединститута им. Герцена», т. IX, 1938).

Люстерник Е. Я., *Из истории захвата Бенгалии англичанами* («Ученые записки Ленинградского пединститута», т. 62, 1948).

Минаев И., *Старая Индия. Заметки на Хожение за три моря Афанасия Никитина*, СПб., 1881.

Неру Джавахарлал, *Открытие Индии*, М., 1955.

Радциг Н. И., *Страница из истории французского империализма XVIII в. Дюпле в Индии. 1722—1754*, Ярославль, 1929.

Радциг Н., *Французская Индия в эпоху революции 1789 г.* («Историк-марксист», 1939, М., № 3).

Рейснер И. М., *Некоторые данные о разложении деревенской общины у маратхов в XVII—начале XIX века* («Ученые записки Института востоковедения», т. V, М., 1953).

Семенова Н. И., *Сельская община и феодальное землевладение в государстве Ранджит Синга* («Ученые записки Института востоковедения», т. XII, Индийский сборник, М., 1955).

Синга Н. К., Банерджи А. Ч., *История Индии*, М., 1954.

Харт Г., *Морской путь в Индию...*, М., 1954.

Штейнберг Е., *Англо-майсорские войны в 90-х годах XVIII века* («Вопросы истории», 1948, М., № 1).

Штейнберг Е. Л., *История британской агрессии на Среднем Востоке*, М., 1951.

Anquetil du Perron, *L'Inde en rapport avec l'Europe*, t. I—II, Paris, 1820—23.

Anquetil du Perron, *Recherches historiques et géographiques sur l'Inde...*, t. I—II, Berlin, 1786—87.

Ascoli F. D., *Early revenue history of Bengal and the fifth report*, London, 1817.

Auber P., *Rise and progress of British power in India*, London, 1837.

Basu P., *Oudh and the East India Company, 1785—1801*, London, 1943.

Besson M., *Les aventuriers français aux Indes (1775—1820)*, Paris, 1932.

Bhattacharya S., *The East India Company and the economy of Bengal from 1704 to 1740*, London, 1954.

Biovès A., *Les anglais dans l'Inde. Warren Hastings*, Paris, 1904.

Briggs J., *The present land tax in India*, London, 1830.

Charpentier J., *Dupleix et l'empire des Indes*, Tours, 1937.

Curzon G. N., *British government in India*, vol. I—II, Calcutta, 1925.

- Danvers F. Ch., *The Portuguese in India, being the history of the rise and decline of their Eastern Empire*, vol. I — II, London, 1894.
- Dasgupta R. K., *G. S. Lebedev (1749—1817): the first Russian indologist* («Oxford Slavonic papers», vol. VII, London, 1957).
- Davies A. M., *Strange destiny. A biography of Warren Hastings*, New York, 1936.
- H. H. Dodwell, *Warren Hastings bi-centenary: an appreciation of the man's character* («The Asiatic review», vol. XXIX, № 97, London, 1933).
- Dutt R., *The economic history of British India...*, London, 1901.
- Feiling K., *Warren Hastings*, London — New York, 1955.
- Francklin W., *History of the reign of Shah Aulum*, London, 1798.
- Furber H., *The East India directors* («Journal of modern history», Chicago, 1933, December).
- [Ghoolain Mohamed] «*Karnama i Hydury or memoirs of the brave and noble Hydr Shah, surnamed Hydr Ally Khan Bahadur to which is annexed a sketch of the history of his illustrious son Tippoo Sultan. Compiled from different works written by English, French, and Oriental authors*», Calcutta, 1948.
- Grant-Duff J. G., *History of the Mahrattas*, vol. I — II, Oxford, 1921.
- Hamilton Ch., *Relation historique... des Rohillas* (в кн.: Forster G., *Voyage du Bengale en Angleterre*, Basle, 1798).
- Hayavadana Rao C., *History of Mysore (1399 — 1799 AD)*, vol. I — III, Bangalore, 1943 — 1948.
- «Historisches Portefeuille. Zur Kenntniss der gegenwärtigen und vergangenen Zeit», Bd. I, Wien..., 1788.
- Hunter W., *Annals of rural Bengal*, vol. I — III, London, 1872.
- Krishna M. N., *The «Hydernama» on the administration of Hyder Ali* (в кн.: Proceedings of Indian History Congress. 3rd session", Calcutta, 1939).
- [Macaulay T. B.] Lord Clive, Warren Hastings («*Lord Macaulay's essays and Lays of Ancient Rome*», London, 1889).
- Mahan A. T., *Influence of sea-power upon history*, New York, 1893.
- Martineau A. A., *Bussy et l'Inde française (1720 1785)*, Paris, 1935.
- Michaud J., *Histoire des progrès et de la chute de l'empire de Mysore sous les règnes d'Hyder-Aly et Tippoo-saïb*, vol. I — III, Paris, 1801 1809.
- Mill J., *History of British India*, vol. I — IV, London, 1818.
- Mohibbul Hasan Khan, *History of Tipu Sultan*, Calcutta — Dacca, 1951.
- Moreland W. H. and Chatterjee Atul Chandra, *A short history of India*, 4th ed., London — New York — Toronto, 1957.
- Mrozek B., *Powstanie systemów zamindari i rajjatwari w rolnictwie indyjskim na przełomie XVIII i XIX wieku* («Przegląd orientalistyczny», Warszawa, 1958, № 1).
- Mukherjee R., *The rise and fall of the East India Company*, Berlin, 1955.
- Namboodripad E. M. S., *The national question in Kerala*, Bombay, 1952.

Owen S., *India on the eve of the British conquest. An analytical history of India 1627—1761*, Calcutta, 1954.

Panikkar K. M., *India and the Indian ocean*, London, 1945.

Ramsbotham Lord, *Studies in the land revenue history of Bengal (1769—1787)*, London, 1926

Roy A. Ch., *The career of Mir Jafar Khan (1757—65 A. D.)*, Calcutta, 1954.

Sinha N. K., *Haidar Ali*, vol. I. 1721—1779, Calcutta, 1941.

Smith V. A., *The Oxford history of India...*, Oxford, 1949.

Spear P., *The twilight of the Moghuls. Studies in the late Moghul Delhi*, Cambridge, 1951.

Trotter L., *Warren Hastings*, Oxford, 1897.

Иллюстративный материал

(Рисунки и гравюры, сделанные в Индии в конце XVIII в.)

Daniell T. and W., *Oriental scenery*, vol. I—VI, London, 1808.

Hodges W., *Travels in India during the years 1780, 1781, 1782, 1783*, 2nd ed., London, 1794.

Home R., *Select views in Mysore the country of Tippoo Sultan...*, London, 1794.

Solvyns F. B., *Les hindous*, t. I—IV, Paris, 1818.

Sonnerat P., *Voyage aux Indes Orientales et à la Chine fait par l'ordre de Louis XVI, depuis 1774 jusqu'en 1784...* t. I, Paris, 1782.

Sonnerat P., *Collection des planches*, Paris, 1806.

У К А З А Т Е Л Ь И М Е Н

- Аббас — 81.
 Аберкромби Р.— 219.
 Акбар — 6—8, 11, 79, 230.
 Албукерки А.— 34, 35.
 Алексей Михайлович — 9.
 Али Гоухар (шах Алам II) —
 95, 98, 117, 118, 185.
 Али Мухаммед — 114.
 Али Риза — 183, 231.
 Аллахварди-хаи — 19, 45, 80,
 81, 84, 87, 282.
 Амичанд — 44, 87, 105.
 Ананда Ранга Пиллаи — см.
 Пиллаи А. Р.
 Аивар-уд-дин — 55, 57—59.
 Анкетиль дю Перрой А. И. —
 302—304.
 Арджун — 11.
 Асаф Джах — 16, 31, 55, 58,
 60, 61, 170.
 Асколи Ф. Д.— 292.
 Аткинсон — 103, 288.
 Аурангзеб — 6, 9, 11, 12, 17, 19,
 41.
 Афанасьев Г. Е.— 63.
 Ахмад-шах — 12, 13, 32, 174.
 Аяз — см. Шейх Аяз.
 Бабур — 5, 6.
 Баджи Рао — 27, 31.
 Базу П.— 127, 128.
 Баладжи Баджи Рао — 60.
 Баладжи Висванатх — 27.
 Баигалури М. Х. М.— 245, 296,
 301.
 Банерджи А. Ч.— 64, 65, 84,
 85, 300.
 Баррас П.— 238.
 Бартольд В.— 302.
 Баруелл — 111—113, 115.
 Басалат Джаиг — 179, 193, 194.
 Беверидж Г.— 61.
 Бейли У.— 200, 202, 205, 206.
 Бейли Дж. Т.— 255.
 Бенфильд П.— 103, 196—198,
 236.
 Бёрджесс Дж.— 41.
 Бёрк Э.— 14, 92, 93, 101, 103, 108,
 123, 126, 129, 134, 135, 283.
 Бернадотт Ж. Б. Ж.— 207.
 Бернье Ф.— 9.
 Бессон М.— 282.
 Богл Дж.— 108.
 Болтс У.— 75, 286, 287.
 Браун Ч. Ф.— 294.
 Бриггс Дж.— 77.
 Бристоу Дж.— 129.
 Брэйтвейт Дж.— 202, 203, 205,
 206.
 де Буань Б.— 28, 203.
 Бхаттачарья С.— 43, 71, 292.
 Бьюэ А.— 106.
 Бьюкенен Ф.— 67, 69—71, 137,
 138, 140—145, 148, 150,
 153, 155, 162, 165, 167, 168,
 229—233, 285, 286, 292.

- Бюсси Ш. Ж. П.— 59, 60, 62—
 64, 172, 186, 204, 207, 208,
 236, 279, 280.
- Ванситарт Г.— 91, 94, 96,
 105, 287.
- Варма Раджа — 248, 249.
- Васко да Гама — 33.
- Веддеборн — 137.
- Вейцман С.— 101, 107, 112,
 113, 116, 119.
- Веллингтон — 238, 242, 249.
- Велу Тхампи — 246—248.
- Венкаджи — 28.
- Верелест Г.— 93, 98, 287.
- Вильгельм III — 43.
- Вильсон Х.— 377.
- Вир Раджи — 215.
- Вирджи Вора — 43.
- Во — 41.
- Волков Я.— 304.
- Вольтер — 10, 58, 63—65, 279,
 287.
- Воробьев-Десятовский В. С.—
 305.
- Воронцов С. Р.— 218—220, 226.
- Вуд Дж.— 188.
- Гази-уд-дин — 60, 61.
- Гамаюнов Л. С.— 305.
- Гастингс — см. Хейстингс.
- Геворк-хан (Григор Арютю-
 нян) — 84, 94.
- Георг III — 100, 101, 132, 133.
- Глейг С.— 288.
- Годё — 61.
- Голак Натх Дас — 304.
- Гордон — 128, 129.
- Годфрей — 137.
- Грайер С.— 108, 126, 127, 129,
 131, 133.
- Грайт-Дафф Дж. К.— 276.
- Гулям Мухаммед (Султан Му-
 хаммед) — 171, 294.
- Данверс Е. Ч.— 35, 278.
- Гандас — 226, 238, 284.
- Даниэл Т.— 289.
- Даниэлл У.— 289.
- Дасгулта Р. К.— 305.
- Датт Р. Ч.— 93, 94, 198, 292,
 379.
- Дева Сингх — 122, 123.
- Дегранпре Л.— 236, 288.
- Джагат Сетх — 18, 44, 81, 87,
 90.
- Джахагир — 11, 40.
- Джонс У.— 110, 306, 307.
- Дивейн — 103.
- Подвелл — 291.
- Дрейк Ф.— 36.
- Дрейк — 85, 89.
- Дейвис М.— 105, 110, 118, 132.
- Дюплекс Ж. Ф.— 52, 53, 55—
 58, 60—63, 118, 235, 279,
 280.
- Дюпрэ — 188.
- Жаентиль Ж. Б. Ж.— 280, 302.
- Заман-шах — 233, 235, 296.
- Импей Э.— 115, 116.
- Имхоф — 106.
- Имхоф М.— 106.
- Кайо — 91.
- Камар-уд-дин — 239, 241, 243.
- Карл II (король Англии) —
 41, 43.
- Карл VI Австрийский — 48.
- Картер — 106.
- Касимов М.— 9.
- Катарина Браганца — 41.
- Кёрзон Дж. Н.— 100.
- Кермани, Мир Хусейн Али —
 183, 212, 221, 222, 230, 231,
 239, 240, 293, 294, 302.
- Киркпатрик У.— 108, 296, 301.
- Кит Б.— 128.
- Клайв Р.— 60, 62, 86—88, 90,
 96—98, 100, 105, 110, 113,
 118, 120, 131, 264, 277,
 280—282, 287, 288, 290.
- Клевринг Дж.— 111, 112, 115—
 117, 121.
- Кобеко Д.— 9.
- Колбрук Г. Т.— 306.
- Кольбер Ж. Б.— 45.
- Комаров Э. Н.— 80, 307.
- Конде — 9.
- Корнуоллис Ч.— 121, 213, 218,
 220—223, 225, 226, 236, 240,
 242, 250—254, 256, 258,
 289, 297, 299.

- Кришна М. Н.—295.
 Кромвель О.—39.
 Кудрявцев А. Е.—39.
 Кут Э.—64, 65, 201, 202, 204, 207.
 Қхаиде Рао — 64, 173, 174.
 Кэмпбелл А. Д.—103, 254.
 Ла Каз—293.
 Лабурдоннэ Б. Ф.—56, 57, 62.
 Лалли (Рустам Джанг)—193, 194.
 Лалли-Толландаль Т. А.—62—65, 173, 279, 280.
 де Ланной Ю.—216.
 Лебедев Г. С.—304—306.
 Лейри Д.—64.
 Лении В. И.—166, 307.
 Лиидсей Дж.—106, 197.
 Лотниан, Лорд—291.
 Людовик XV—47, 62.
 Людовик XVI—214, 220.
 Люстерник Е. Я.—82.
 Лянгле—141.
 Мадхао Рао I—180—182, 190, 191.
 Мадхао Рао II—191.
 Майлс У.—212, 294, 295.
 Маколей Т. Б.—106, 290.
 Малик Амбар—21.
 Малькольм Дж.—26, 27, 276, 277.
 Манип Нарайн—126.
 Манро Г.—200, 201.
 Маишип—103.
 Маркс К.—11, 39, 52, 57, 62, 65, 66, 71, 73, 85, 89, 90, 94, 95, 97, 102, 103, 115, 133, 134, 144, 146, 158, 166, 189, 196—198, 227, 251—253, 255, 256, 260, 261, 274, 275, 283, 285, 290, 307.
 Мартин К.—110.
 Мартино А. А.—279.
 Матгюс—206, 207.
 Махададжи Синдхия—26, 28, 194, 195, 203, 208, 236, 245.
 Медоус У.—219, 220.
 Мерривейл—107, 112, 288.
 Милль Дж.—90, 92, 133, 290.
 Милль Дж. С.—290.
 Мишаев И.—26.
 Мир Джафар—82, 87—91, 93, 96, 105, 287.
 Мир Қасим—91—95, 97, 105, 185, 280, 282.
 Мир Садык—229, 239, 242, 243, 245.
 Митра Р. С.—67, 75.
 Мишо Ж.—235, 237, 239, 297.
 Монсон Г.—111, 112, 115, 116.
 Монтгомери-Мартин Р.—67, 69—71, 73, 285, 286, 292.
 Морарн Рао—29, 31, 55, 61, 193.
 Морелэнд У. Г.—291.
 Мохиббул Хасан Хан—213, 217, 219—221, 224, 226—228, 238, 244, 245, 296, 301, 302.
 Мрозек Б.—77.
 Музаффар Джанг—58, 59, 84.
 Мукерджи Р.—58, 89.
 Муршид Қули-хан—17, 18, 19, 80, 282.
 Мустафа-хан—128.
 Мухаммед Али, наваб Карнатика—59—61, 66, 170, 176, 184—187, 195—198, 298.
 Мухаммед Али, правитель Египта—226, 233.
 Мэтр де ла Тур—184, 295, 302.
 Мэхан А. Г.—281.
 Наджиб-уд-доула—16.
 Наджиб-хан—13.
 Надир-шах—12, 31.
 Наллапа—295, 302.
 Намбудрипад Е. М. С.—247, 250.
 Нана Фарнавис—191, 212, 245.
 Нанда Кумар (Нуикомар)—115, 116.
 Нанджарадж—31, 60, 170—172.
 Наполеон—207, 238, 243, 293.
 Насир Джаанг—58, 59, 171.
 Неру Дж.—48, 49, 264.
 Низам Али—179.
 Никитин Афанасий—26, 34.
 Норт Ф.—100, 101, 103, 112, 119, 120.

- Обер П.—290.
 Орд Р.—71, 188, 281.
 Оуэн С.—27, 31.
- Паевская Е. В.—124.
 Палиятх Ачан—248.
 Панганури Р Ч.—171, 183,
 294, 302.
 Панникар К. М.—281, 282.
 Паркс—107, 112, 288.
 Перрон П.—236, 237.
 Пигот Г.—197.
 Пиллан А. Р.—46, 53, 55, 278,
 279, 302.
 Питт У.—133, 198, 217, 253,
 283.
 Попем У.—203.
 Пурная—205, 239, 243.
- Рагунатх Рао (Рагоба)—182,
 191, 192, 195, 203.
 Раддинг Н. И.—47, 220, 280
 Разумовский Г.—304.
 Раймон М. Ж. М.—236, 237,
 239.
 Рамсботам Р.—99, 292.
 Ранджит Синг—19.
 Рассель Г. Е.—250.
 Рауз—120, 121.
 Рай Дурлаб Сингх—81, 95.
 Рейнхардт В.—94.
 Рейснер И. М.—3, 21, 23—25,
 307.
 Рид А.—222, 256.
 Рипо—237, 238.
 Робинсон—103.
 Робсон Ф.—177, 178, 295, 296.
 Рой А. Ч.—89.
 Румбольт Т.—107.
- Саадат-хан—15, 16, 170.
 Сайкс—107.
 Салабат Джанг—59, 60, 61,
 63, 172.
 Сативан Л.—100, 104, 106,
 107, 188.
 Сардар-хан—203.
 Сарафраз-хан—19.
 Сафдар Джанг—15.
 Селим III, султан Турции—
 226, 233.
 Семенова Н. И.—19.
- Сим А.—89.
 Синдхия—см. Махададжи
 Синдхия.
 Синха Н. К.—64, 65, 84, 85,
 171, 183, 227, 293, 298, 300.
 Сирадж-уд-доула—84, 85, 87,
 88, 105, 287.
 Скотт—284.
 Смит Дж.—185, 187, 188.
 Смит В. А.—65, 98, 281, 299.
 Солвис Ф. Б.—289.
 Соннера П.—235.
 Спер П.—13.
 Стахей—116, 120.
 Стюарт Ч.—293, 298, 299.
 Сурадж Мал—20.
 Сюффрэн—203, 204.
- Табатабаи, Сеид Гулам Ху-
 сейн-хан—282.
 Тайтлер А. Ф.—69, 76.
 Тернер С.—108.
 Тимур (Тамерлан)—5.
 Типу Султан—108, 137, 146,
 147, 150, 163, 164, 173, 184—
 186, 189, 190, 200, 202—204,
 206—208, 210—233, 235,
 237—245, 247—249, 293,
 294, 296, 302.
- Тирумала Рао—204, 211.
 Троттер Л.—124.
 Тукаджи Бхонсле—28.
 де Тюрен А.—9.
- Уэлсли А.—см. Веллингтон.
 Уэлсли Р.—198, 238, 239, 242,
 276, 277.
 Уилкс М.—140, 141, 146, 180,
 183, 188, 195, 199, 205, 225,
 292, 293.
 Уилсон Х.—290.
 Унни Матта Маппан—249.
 Уомвелл—113.
 Уорден—150.
 Уотсон Г.—87, 88.
- Фаррух-Сияр—43.
 Фатех Мухаммед—170.
 Фей Э.—288.
 Фейлинг К.—114.
 Фербер Х.—103, 288.
 Фокс Ч. Дж.—115, 133.

- Форд Ф.—63.
Форстер Г.—16, 114, 115.
Форрест Г. У.—288.
Франклин У.—277.
Фрэн — 235.
Фрэнсис Ф.—111, 112, 113, 115,
116, 117, 119, 120, 121, 134,
135, 251, 288.
- Хайдар Али — 64, 137, 146,
147, 150, 164, 170—174,
176—193, 195, 198, 207, 209,
210, 212, 216, 218, 220, 226,
227, 229, 240, 242—244,
293—295, 297—300.
- Хамильтон А.—37, 40.
Хамильтон У.—43.
Хамильтон Ч.—16.
Ханней — 127, 128.
Хансард Л.—102, 115, 135,
283, 284.
Хантер У.—100, 122.
Харипант Рао — 213, 244.
Харт Г.—33.
Хартли Дж.—240.
Хафиз Рахмат — 16, 114, 115.
Хаявадана Рао Ч.—177, 178,
182—184, 187, 188, 199, 202,
227, 297, 298, 300.
- Хейстингс У. (Гастингс) — 14,
16, 68, 70, 78, 91, 93, 91,
99—101, 104, 108, 110, 113,
115—131, 133—135, 192,
194, 197, 199, 201, 203, 250,
282—284, 286, 288—291.
- Ходжес У.—13, 126, 288, 289.
Хом Р.—297.
Холуэлл Дж. З.—85, 287, 288.
Хуммерих Ф.—34.
Хусейн Хан Ю.—61
Хусру — 11
- Хьюз Э.—201, 203.
- Цоффани И.—289.
- Чампион А.—114, 115.
Чанда Сахиб — 55, 58, 59, 60.
Чаттерджи А. Ч.—291.
Чаттерджи Б. У.—см. Чотто-
падхайя.
Чейт Сингх — 124—126.
Честерфильд — 132.
Чии Килич-хан — см. Асаф
Джах.
Чоттопадхайя Б. Ч.—124.
- Шапюи — 241.
Шарпантье Ж.—56.
Шаукаг Джаи — 84.
Шах Алам II — см. Али Гоу-
хар.
Шах Наваз-хан — 61.
Шахбаз — 170.
Шейбанн-хан — 5.
Шейх Аяз — 206.
Шеридан Р. Б.—134, 135, 283.
Шиваджи — 10, 21, 22, 28, 43,
146.
Шпренгер Б.—34.
Штейнберг Е.—220, 224, 235,
307.
Шуджа-уд-дин — 16, 18, 19.
Шуджа-уд-доула — 15, 95, 125,
127, 280.
- Эйчисон У. Ч.—88, 125, 130,
189, 205.
Элфинстон М.—276.
Энгельс Ф.—275, 276, 307
Эптон — 192.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Агра — 13, 15, 19, 20.
Адоин — 193, 213.
Азия — 48.
Айякотта — 216, 217.
Акола — 232.
Александрия — 108.
Алигарх — 70.
Али-Нагар — 232.
Аллахабад — 15, 98, 113.
Амбойна — 38.
Америка — 48.
Анегуиди — 203, 213.
Англия — 35, 36, 38—40, 47, 48, 51, 52, 57, 61, 62, 90, 95, 98—102, 105, 107, 111, 112, 115—117, 120, 132—135, 178, 197, 202, 207, 210, 214, 219, 236, 239, 243, 251, 253, 262—265, 267, 268, 270, 281—283, 285, 287, 288, 290, 291, 293, 299, 301, 304, 307.
Анджеиго — 247.
Анекаль — 173, 174.
Аравия — 231.
Арат (Аркот) — 17, 59, 60, 106, 185, 196, 200, 201.
Арни — 204.
Ауд — 14—16, 20, 90, 95, 113 — 115, 124—131, 134, 170, 185, 205, 280.
Афганистан — 6, 11—13, 114, 202, 233—235, 275.
Африка — 33, 35, 36.
Ахмаднагар — 6, 10, 60.
Ахмат — 192.
Бадаон — 16.
Бадами — 212, 213.
Бадахшан — 8.
Балам — 182, 202, 211.
Балх — 8, 11.
Бангалур — 140, 159, 162, 163, 167, 172—174, 179, 187, 221—223.
Барамахал — 173, 174, 185, 186, 188, 190, 219—221, 223, 225, 240, 256, 259.
Барейли — 16.
Барода — 20.
Баррач — 128.
Бассейн — 191.
Бахадур-Бенда — 213.
Бедиур (Хайдарнагар) — 164, 179, 182, 183, 186, 187, 199, 206, 207, 224.
Бенарес — 124—127, 129, 134.
Бейгалля — 6, 14, 17—19, 38, 41, 43, 45, 46, 53, 62—68, 70, 71, 73—84, 87, 89, 91—93, 95—101, 104, 106, 107, 111—113, 116, 119, 121—124, 131, 137, 152, 159, 185, 188, 192, 195, 199, 201, 202, 209, 220, 236, 250, 254, 256, 264, 265, 278, 282, 284, 286, 287, 291, 301, 303, 306, 307.
Берар — 6, 20, 194.

- Бидар — 6, 34.
 Биджапур (султанат) — 6, 10.
 Бихар — 17—19, 81, 90, 99, 286.
 Бомбей — 41, 43, 104, 186,
 191, 194, 195, 202, 209, 240,
 269, 277.
 Буксар — 95, 96, 98, 126, 280.
 Бунделкханд — 194.
 Бурдван — 77, 91, 254.
 Бутан — 108.
 Бхагалпур — 70.
 Бхилан — 272.
 Бхованикудал — 142.
 Бхопал — 31.

 Вакулерей — 162.
 Валленкоду — 162.
 Валур — 55, 162.
 Вандераш — 64.
 Варада — 180.
 Варгаон — 194, 195.
 Ватерлоо — 238, 242.
 Велатер — 167.
 Великобритания — см. Англия.
 Веллур — 244, 294.
 Вена — 304.
 Версаль — 214.
 Версаул — 192.
 Вест-Индия — 220.
 Виджаянагар — 6, 29, 30, 32
 Винаад — 232, 248, 249.
 Восточные Гхаты — 30, 142.

 Ганг — 53, 67, 75, 114, 268,
 289.
 Гвалнур — 13, 20, 26, 194, 203,
 208, 236.
 Германия — 106.
 Гоа — 34, 35, 36, 37, 307.
 Годавари — 6.
 Голландия — см. Нидерланды.
 Голконда — 6.
 Горакхпур — 128, 129.
 Гуджарат — 20, 24, 81.
 Гуджендрагарх — 212
 Гудибанда — 179.
 Гуитур — 194, 201.
 Гуррамконда — 224, 243.
 Гутн — 29, 31, 163, 193.

 Дакка — 18, 44, 74, 75, 83, 111,
 301.

 Даман — 36.
 Декан — 6, 10, 11, 13, 16, 17,
 28, 31, 59, 62, 63, 158, 169,
 234, 235.
 Деварайядурга — 157, 158.
 Левикотта — 196.
 Дели — 5, 9, 12, 13, 15, 17,
 19, 27, 31, 74, 75, 90, 95,
 174, 203, 235.
 Джинджи — 64.
 Джодхпур — 18, 81
 Диг — 20.
 Динадхпур — 70, 77, 122, 123,
 286.
 Диндигал — 171, 172, 174, 183,
 225, 259.
 Диу — 36.
 Под-Баллапур — 164, 179, 191,
 232.
 Дорейгуда — 153, 157, 158.
 Дхарвар — 213.
 Дхобигарх — 204.

 Европа — 33, 35, 48, 50, 52,
 57, 86, 91, 136, 160, 205,
 284, 287, 304.
 Египет — 226, 233, 238.
 Ереван — 84.

 Западные Гхаты — 10, 29, 30,
 179, 182, 191, 215, 216, 225.

 Икери — 179, 180.
 Иль-де-Франс — см. Св. Мав-
 рикия о.
 Инд — 268.
 Индостан — 13, 32, 65, 69, 95,
 102, 169
 Индур — 20, 27, 28, 194, 218.
 Ирак — 170.
 Иран — 202, 303.
 Испания — 36, 49, 304.

 Кабул — 5, 6, 12, 16.
 Кавери — 30, 174, 224, 241, 289.
 Каликат — 33, 38, 148, 182—
 184, 201, 215, 225, 232, 248.
 Калькутта — 18, 43, 44, 46,
 61, 62, 69, 71, 73, 82—86,
 88—90, 94, 96, 98, 105, 110,
 115, 116, 124, 194, 219, 251,
 281, 282, 286—289, 294,
 301, 304—307.

- Канада — 48, 195.
 Канагагири — 213.
 Каннанур — 38, 182, 183, 215, 225.
 Каннара — 152, 179, 180, 186.
 Кандагар — 8, 16.
 Карнатик — 17, 29, 31, 53, 55, 57—60, 62, 66, 86, 88, 95, 163, 170, 184—186, 188, 195—198, 200, 201, 205, 208, 212, 219, 220, 223—225, 256, 298.
 Касимбазар — 18, 44, 83, 85, 105.
 Каттак — 45.
 Кашмир — 6, 12, 15.
 Келламнгалам — 140.
 Кериба — 127.
 Китай — 35, 97, 108.
 Киттур — 213.
 Кодиконда — 179.
 Коимбатур — 160, 162, 165, 184, 186, 190, 204, 208, 215, 219, 220, 221, 222, 223, 240, 256.
 Колар — 140, 187.
 Колатгири — 183, 206.
 Колхалур — 20.
 Коморин — 216.
 Кондживерам — 200, 201.
 Кора — 98, 113.
 Коромандельский берег — 38, 41, 46, 58, 59, 188.
 Котгаям — 248.
 Кочни — 38, 183, 216, 218, 226, 247, 248.
 Кранганур — 148, 216, 217, 226.
 Красное море — 33.
 Кришна — 193, 212, 225.
 Куддалур — 201, 204, 207, 208.
 Куддана — 193.
 Кург — 182, 191, 200, 202, 211, 215, 216, 218, 225, 240, 246, 248.
 Кутте-Малвадди — 174.
 Куттипурам — 215.
 Лакхнау — 110, 305.
 Лиссабон — 36, 278.
 Лондон — 78, 90, 96, 99, 100, 102, 103, 106—108, 113, 115—119, 137, 197, 218, 278, 284, 287, 290, 292, 304, 305.
 Лориан — 238.
 Лунзиана — 49.
 Маастрихт — 287.
 Магади — 232.
 Мадаксира — 179.
 Мадрас — 41, 53, 56—58, 62—65, 86, 87, 105, 106, 148, 165, 185—189, 194, 197, 201, 202, 204, 209, 211, 221, 223, 225, 250, 276, 279, 288, 289, 293, 304.
 Мадур — 6, 17, 29, 31, 32, 55.
 Мацхугири — 140, 157, 158, 162, 164, 180, 191.
 Майлапур — 58.
 Майсур — 17, 29—32, 59, 60, 64, 117, 122, 137, 138, 140—148, 152, 153, 156, 158, 159, 161—166, 168, 169, 170, 172—174, 176, 179, 181, 182, 184—191, 193—195, 199, 201—205, 207—221, 224—228, 231—233, 238—241, 243—246, 249, 250, 256, 263, 277, 289, 292—294, 296—298, 300—302.
 Малабар (Малабарское побережье) — 10, 29, 33, 34, 36, 38, 40, 56, 138, 148—152, 164, 165, 179, 180, 182—184, 186, 189—191, 200, 202—204, 206—208, 211, 215—219, 221, 225, 232, 240, 275, 295.
 Малакка. п-ов. — 33.
 Малвалли — 41.
 Мальва — 12, 20, 27, 31, 81.
 Мангалур — 164, 180, 186, 201, 207, 208, 237.
 Маюли — 212.
 Махараштра — 10, 12, 20—24, 26, 27, 180, 194, 276.
 Маэ — 56, 201.
 Мекхри — 22.
 Мелькот — 189.
 Меркара — 216.
 Миндлапур — 90, 91.
 Могольская империя — 6—19,

27, 31, 32, 40, 75—80,
146, 212, 233, 254, 262, 277.
Молуккские о-ва (Молукки) —
33, 36, 38.
Москва — 9, 84, 306.
Мурадабад — 16.
Муршидабад — 17, 18, 91, 105.
Мутеоду — 158.
Нагар — см. Беднур.
Нагпур — 20.
Надия — 77.
Нандидурга — 179, 223, 232.
Нарбада — 31.
Наргунд — 212, 213.
Негепатам — 202.
Неллур — 196.
Неллура — 232.
Непал — 108.
Нидерланды — 35, 36, 38.
Нургар — 127.
Орисса — 17—19, 45, 99, 286.
Ормуз — 34.
Острова Пряностей — 38.
Османская империя — 214,
233.
Палгхат — 183, 204, 216.
Пакистан — 301.
Панамарам — 249.
Паниаин — 206.
Панипат — 5, 12, 13, 16, 20,
32, 65, 95, 174, 263.
Париж — 302, 304.
Патна — 19, 94, 95.
Пеиджаб — 11—13, 16, 19, 69,
235, 264.
Пенуконда — 6, 30, 179.
Перамбакум (Полилур) — 200,
202.
Периалатам — 240.
Персидский залив — 33, 34, 67.
Персия — 15, 84, 276, 277.
Петербург — 218, 220.
Плесси — 88, 89, 90.
Пондишери — 52, 53, 56, 60,
64, 65, 173, 174, 176, 185,
201, 208, 214, 220, 235, 278,
279, 280, 282, 288, 295, 303.
Порто-Ново — 53, 178, 200,
201, 202, 278.

Португалия — 33, 35—38, 41.
Прия-паттана — 140.
Пудьянгади — 184.
Пуна — 20, 29, 55, 190, 191,
194, 208, 212, 218.
Пурандхар — 192.
Пурнеа — 78, 90.
Раджпутана — 81.
Рамдург — 212.
Райдург — 214.
Рангпур — 123.
Россия — 214, 305, 306.
Рохилкханд — 15, 16, 95, 114.
Саванур — 180, 182, 193, 213.
Савандург — 223.
Садрас — 55, 203.
Сальбай — 203.
Сальсетта — 191, 192.
Самбхал — 16.
Сан-Доминго — 220.
Сатара — 20.
Св. Елены, о. — 293.
Св. Маврикия, о. — 56, 201,
236—237.
Северные Сиркары — 59, 62,
186.
Серингпатам — 30, 144, 145,
158, 163, 164, 172—174,
190, 204—206, 208, 211,
213, 214, 219, 221—225,
228, 230—232, 237—243,
245, 276, 289, 294, 296, 297,
301.
Сикри — 5.
Силагутта — 159, 232.
Синд — 12.
Сира — 140, 144, 158, 164, 179,
184, 191, 224, 232, 241.
Советский Союз — 272.
Сонде — 180.
Средняя Азия — 5, 84.
Стамбул — 214.
Суматра — 33.
Сурат — 41, 43, 191, 303.
Суэцкий перешеек — 108, 238.
Таликота — 30.
Танджур — 17, 28, 29, 165, 197.
Телличерри — 203.
Тибет — 108, 110.

Гобол — 5.
Траванкур — 150, 184, 216,
217, 219, 225, 246, 247.
Триколура — 204.
Триниомали — 185, 186.
Триталей — 232.
Тричинополи — 29, 31, 55, 59,
60, 61, 170, 171, 176, 185,
201, 220, 225, 298.
Тулон — 238.
Тумкур — 162.
Тунгабхадра — 193, 213, 225.
Турция — 214, 275.

Утгар Прадеш — 70.
Уэллс — 307.

Файзабад — 129.
Фальга, о-в — 85, 105.
Фаррухабад — 215.
Фергана — 5.
Фландрия — 9.
Флорида — 49.
Форт-Вилльям — см Каль-
кутта.
Форт Св. Георга — см. Мад-
рас.
Форт Св. Давида — 57, 63.
Франция — 46—49, 51, 52, 56—
59, 61, 62, 66, 195, 203, 204,
207, 208, 214, 220, 236—
238, 280, 297, 304

Хайдарабад — 14, 16, 17, 29,
31, 55, 58—63, 84, 118, 137,
163, 165, 170, 172, 179, 181,
184—186, 193—195, 201,
210, 212—214, 218, 225,
236, 237.

Хайдарнагар — см. Беднур.
Хансут — 192.
Харпанахалли — 214.
Хейлсбурн — 299.
Хонавар (Онор) — 40, 164,
180, 186.
Хоскот — 179, 191.
Хугли — 43, 46, 82, 85, 91.

Цейлон — 35, 38.

Чамбал — 31.
Чангам — 185.
Чараккал — 215.
Чаул — 36.
Ченапатан — 158, 173.
Чера — 143.
Чехия — 289
Чидамбарам — 201
Чикабайликаррей — 157.
Чик-Баллапур — 179.
Чинкурли — 189, 190.
Читтагонг — 91.
Читталдрог — 193.
Читтур — 205.

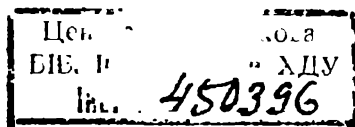
Шандернагор (Чандранагар) —
46, 53, 87, 236, 303.
Шахабад — 16.
Шахр-Ганджам — 232.
Швеция — 207.
Шолаингхур — 202.
Шотландия — 276.

Эриад — 248.

Ява — 33.
Ядгир — 212.
Янаон — 235.
Ярославль — 280, 304.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
<i>Глава I.</i> Политическое положение в Индии в середине XVIII в.	5
<i>Глава II.</i> Европейские торговые компании в Индии	33
<i>Глава III.</i> Англо-французская борьба за Индию (1746—1763)	52
<i>Глава IV.</i> Бенгалия накануне английского завоевания	67
<i>Глава V.</i> Завоевание Бенгалии (1757—1764)	84
<i>Глава VI.</i> Хозяйничанье англичан в Бенгалии в 1765—1784 гг.	96
<i>Глава VII.</i> Майсур накануне английского завоевания	137
<i>Глава VIII.</i> Англо-майсурская борьба (1767—1784)	170
<i>Глава IX.</i> Завоевание Майсура (1784—1799)	211
<i>Глава X.</i> Колониальная политика английских завоевателей в конце XVIII — начале XIX века	246
Заключение	262
Обзор источников и литературы	274
Список использованных источников и литературы	309
Указатель имен	316
Указатель географических названий	321

✶

Кока Александровна Антонова
АНГЛИЙСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ ИНДИИ В XVIII ВЕКЕ

*

Утверждено к печати
ученым советом Института востоковедения

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
59 109	7 св. Подпись под рисунком	западный Ремни	восточный Ромни
125 162 302	2 св. 7 . 11 .	Е. умкуру Амбраам	Е. Burke Тумкуру Абраам

К. А. Антонова

10
12

16

12

● Столица Майсура

- Территория Майсура в 1760 г.
- Присоединения 1761-1789 гг. (с указанием дат)
- Земли, уступленные маратхвы в 1787 г.
- Граница Майсура в 1789 г.

50 0 50 100 150 км